

S.A. Ivanyuk

**SMALL WAR OF THE RUSSIAN
ARMY DURING THE PREPARATION
OF THE POLTAVA BATTLE**

St Petersburg
"ISTORICHESKAYA ILLIISTRATSIYA"
2019

С.А. Иванюк

**МАЛАЯ ВОЙНА РУССКОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ
ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ**

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ»

Санкт-Петербург

2019

Издание осуществлено при поддержке
фонда «История Отечества»

Иванюк С.А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения / С.А. Иванюк ; ответственный редактор П.А. Кротов. — СПб. : Историческая иллюстрация, 2019. — 352 с., [24] л. : ил.

ISBN 978-5-89566-205-2

Малая война долгое время являлась одним из основных способов ведения боевых действий вооруженными силами сначала Московского, а затем и Российского государства. Использование стратегических и тактических приемов малой войны русской армией на первом этапе Северной войны (осень 1700 — лето 1709 г.) как главного военного конфликта начала XVIII в., привело к успешному результату на поле Полтавской битвы, а победа 27 июня 1709 г. стала переломным моментом во всем противостоянии с королевскими войсками Швеции. Сыграв важную роль в развитии практики ведения боя в начале XVIII в., малая война оказала существенное влияние на формирование военного искусства в целом. Ее тактические приемы и сейчас используются в войсковой разведке российской армии и других стран мира.

Будучи востребованной как специалистами в области военной истории, так и широким кругом читателей, монография значительно обогатит представление о тактике и стратегии русской армии начала XVIII в.

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ П.А. Кротов

Редактор А.Ю. Николаева
Художник А.В. Спирионов
Верстка А.В. Слободина

© С.А. Иванюк, 2019
© А.В. Спирионов: макет, оформление, 2019
© «Историческая иллюстрация», 2019

ВВЕДЕНИЕ

Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть нечто положительное — не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях.

Вл. Соловьев

Военный историк XIX в. Н.С. Голицын утверждал, что грамотный военачальник всегда должен беречь свой тыл и стараться нанести как можно больший урон тылу противника¹. Поэтому исторически сложилось так, что для успешных оборонительных или наступательных действий любой армии необходимо было выполнение трех условий:

1) прикрытие и обеспечение фронта, флангов, а особенно путей сообщения своей армии;

2) постоянное приобретение всеми возможными способами точных и достоверных сведений о неприятеле (его составе, расположении, передвижениях и планах);

3) частые силовые воздействия на неприятеля с фронта, флангов и особенно с тыла (на его коммуникации, базы обеспечения и пути сообщения)².

Все три условия могли быть выполнены посредством ведения малой войны (англ. «guerrilla warfare»; нем. «Kleinkrieg» или «kleiner Krieg»; франц. «la petite guerre»; исп. «guerrilla»). В военном искусстве она использовалась как один из способов ведения боевых действий небольшими силами с целью измотать противника, избегая крупных столкновений при подготовке к решающему сражению.

Основной особенностью малой войны являлось отсутствие линии соприкосновения с противником как рубежа противоборства армий. Главные силы

армии маневрировали и уклонялись от генерального сражения, а отдельные мелкие отряды наносили удары по линиям сообщения противника, действовали против следовавших по ним обозов и находившихся на них важных населенных пунктов, нарушая тем самым систему военной логистики неприятеля. В результате такого силового воздействия вражеские войска теряли инициативу и возможность использовать в полной мере ресурсы занимаемой ими территории. Измотанные и ослабленные еще до начала решающего сражения, они либо отступали, либо терпели поражение в битве. Вынудить противника отступить, методично нарушая пути его сообщения с главными базами обеспечения, при этом успешно маневрируя, считалось верхом полководческого мастерства. Военные операции, совмещавшие фронтальные удары основных сил с решительным воздействием малых диверсионных отрядов на тыл противника, давали наиболее серьезные результаты в достижении успеха в целом.

Малая война долгое время являлась одним из основных способов ведения боевых действий вооруженными силами Московского государства, но в начале XVIII в. использование методов малой войны вступило в новую эпоху, когда в правление Петра Великого отработанные в прежних военных столкновениях навыки и тактические приемы военного искусства приобрели новые формы и способы применения. Новшества стали применяться не только при ведении масштабных сражений, но и при стратегическом планировании кампаний. Одним из таких способов ведения боевых действий явилось систематизированное использование разведывательно-диверсионной деятельности, или малой войны, в операциях русской армии.

Монография посвящена именно этому этапу российской военной истории. В годы Северной войны (1700—1721), когда петровская армия вела боевые действия против войск Карла XII, впервые в отечественной военной истории малая война была включена в общую стратегию военных действий и успешно применена на практике.

Стратегическое и тактическое использование приемов малой войны в Полтавский период Северной войны (осень 1708 г. — лето 1709 г.) привело к успеху на поле генеральной битвы, а победа 27 июня 1709 г. стала переломным моментом во всем противостоянии с войсками Карла XII³.

Следует определить временные рамки событий, которые происходили на территории нынешних Брянской (Россия), Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской и Сумской (Украина) областей. Началом Полтавского периода является принятие в январе 1707 г. основных пунктов так называемого «жолкевского» стратегического плана русской армии, а окончанием — 27 июня 1709 г., день Полтавского сражения⁴.

Малую войну, которую вела русская армия в 1707—1709 гг. можно разделить на три этапа:

— подготовительные мероприятия к малой войне во время осеннего наступления армии Карла XII на Северскую Украину (ныне Брянская область, Россия): от вступления шведских войск в Гетманщину до их размещения на зимних квартирах (конец сентября — 18 ноября 1708);

— ведение малой войны в период расположения враждующих армий на зимних квартирах в Левобережной Украине и во время активизации боевых действий армией Карла XII (конец ноября 1708 г. — март 1709 г.);

— малая война на этапе подготовки к генеральному сражению под Полтавой (апрель — 27 июня 1709).

Перед тем, как перейти непосредственно к изложению событий, представляется целесообразным прояснить некоторые вопросы, полнота понимания которых позволит глубже разобраться в предмете исследования.

Эта работа выполнена благодаря поддержке моей большой и любящей семьи, содружеству с коллегами и руководством родного Музея-заповедника «Сталинградская битва», безмерной помощи со стороны ярких представителей российской исторической науки — Рыбалко Наталии Владимировны и Базаровой Татьяны Анатольевны, Артамонова Владимира Алексеевича и Кротова Павла Александровича, а также консультационной помощи со стороны многочисленных друзей-исследователей и историков-энтузиастов из России, Швеции, Украины, Белоруссии и Польши, которые безотказно помогали мне в процессе подготовки монографии. Всем принимавшим участие в создании этой работы я выражаю глубочайшую признательность.

¹ Голицын Н.С. Всеобщая военная история Новых времен. СПб., 1873. Ч. 2. С. 29–30.

² Вуич И.В. Малая война. СПб., 1850. С. VII.

³ Впервые понятие «Полтавский период» было применено в конце XIX в. и в настоящее время прочно закрепилось в военно-исторической науке (Сухотин Н.Н. Место Петра Великого в ряду великих полководцев // Разведчик. 18 апреля 1895 г. № 236. С. 372; Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 105; Труды императорского русского военно-исторического общества (далее: ТИРВИО). СПб., 1909. Т. I. Документы Северной войны. Полтавский период (июль — октябрь 1708 г.). С. I–III; Бескровный Л.Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 1959. С. 21–62; Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация: дисс... канд. ист. наук. Харьков, 2002. С. 4.).

⁴ Включение самого сражения в состав «малой войны» является нецелесообразным, поскольку по своим характеристикам это полномасштабная генеральная битва, в которой участвовали почти все силы двух противоборствующих армий, сосредоточенных на театре военных действий, а разведывательно-диверсионная деятельность в том виде, в каком она характерна для малой войны, не проводилась.

ПОНЯТИЕ «МАЛАЯ ВОЙНА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Понятие «малая война» появилось в Новое время, ориентировочно в годы Тридцатилетней войны (1618–1648), и с XVIII в. стало применяться военными теоретиками сначала в немецкоязычных, а затем и в других странах для обозначения различных способов ведения разведывательно-диверсионной деятельности небольшими отрядами на линиях вражеских коммуникаций¹. О правилах ведения малой войны писали такие известные военачальники XVII в., как имперский генералиссимус Р. Монтекукколи и французский военный инженер А. де Вилль².

В русской военной лексике XI–XVII вв. при описании способов ведения боевых действий, имевших характеристики малой войны, применялись свои, самобытные термины. Например: воин, отправляемый в засаду, назывался *засадник*, а сама засадная операция — *подсада*³; сторожевые или авангардные отряды назывались *строжей*, группа разведчиков — *загонными людьми* или *загоном*⁴. Некоторые войсковые подразделения иногда имели специальное название, например: *ертаульный полк* — разведывательный отряд; *сторожевой полк* — отряд боевого охранения в авангарде или арьергарде; *потаенный полк* — войска, находящиеся в засаде; *посылочный полк* — отряд, направляемый от основных сил со специальным заданием⁵.

В документах Петровской эпохи при упоминании о методах малой войны так же, как правило, использовались специальные термины: диверсионные действия назывались *разорением*, а ведение малой войны — *промыслом* и *томлением* неприятеля. Отправляемые (*командированные*) для проведения разведывательных операций отряды назывались *партиями*, а их действия *акциями* или *оказиями*⁶.

С середины XVIII в. термин «малая война» появляется в отечественной литературе, а начиная с XIX в. неоднократно используется исследователями военного искусства⁷. Дело в том, что в начале XIX в. в Европе изменилось

понятие «малая война». Это было связано с полномасштабным участием в военных конфликтах вооруженного населения, широко использовавшего в своих действиях тактику малой войны⁸. Ввиду того, что это не стыковалось со сложившимися к тому времени теоретическими представлениями о военном искусстве, возникла модернизация и в терминах, определявших малую войну.

Испанское слово «герилья» (*guerrilla*)⁹, которое переводится как партизанская (народная) война, с течением времени стало самостоятельным термином, определяющим способ ведения боевых действий. Так, в статье, раскрывающей понятие термина «*guerrilla*» в англоязычном энциклопедическом словаре «Британника», пояснялось, что он используется для обозначения войны, осуществляемой отрядами нерегулярных войск и неорганизованным образом, то есть речь шла о партизанской (народной) войне¹⁰.

В Германии, которая является родоначальницей понятия «малая война», в первой половине XIX в. так же произошли изменения в его значении. Прусский военный теоретик К. Клаузевиц ввел в научный оборот новое слово «*Volkskrieg*», «народная война», для обозначения партизанства¹¹. Но при этом, несмотря на модернизацию, упоминание «малой войны» не ушло из немецких изданий и по сегодняшний день. Немецкий политолог К. Шмитт (1963) широко использует термин «малая война» для обозначения партизанских действий и утверждает, что партизанство — это переплетающиеся народная и малая война¹².

В России военные теоретики долгое время не могли определиться с новыми понятиями, вводимыми в военное искусство, и спорили по поводу изменившегося содержания термина «малая война». Во второй половине XVIII в. в отечественных изданиях при описании разведывательно-диверсионных действий небольших отрядов этот термин использовался¹³, но после окончания Наполеоновских войн (1799—1815) появилось новое понятие — партизанская война. Широкому его распространению во многом способствовали сочинения Д.В. Давыдова и Н.С. Голицына¹⁴. В отечественных исследованиях эти термины употреблялись в различных, а иногда и взаимоисключающих значениях, а авторы путались и задействовали оба термина — «малая война» и «партизанская война». Например, Н.С. Голицын, автор статьи о теории партизанской войны, в труде по военной истории Нового времени использует словосочетание «малая война» для обозначения вооруженного воздействия на вражеские коммуникации¹⁵.

В годы Наполеоновских войн (1799—1815) и в течение всей первой половины XIX в. в отечественной историографии сохранялась тенденция замены термина «малая война» на «война партизанская». Однако сами участники Отечественной войны 1812 г. — М.И. Кутузов, Ф.Н. Глинка, П.Х. Витген-

штейн, Р. Вильсон, М.А. Милорадович и др., получившие военное образование, а некоторые и боевой опыт еще в XVIII в., в официальных письмах и мемуарах применяли термин «малая», а не «партизанская война»¹⁶. Кроме этого, в исследованиях по истории Отечественной войны 1812 г., изданных во второй половине XIX в., при описании разведывательно-диверсионной деятельности небольших отрядов русской армии часто использовался термин «малая война»¹⁷. Такая же терминология встречается, когда речь идет о боевых действиях в Закавказье (1821—1825) и Польше (1831), несмотря на их явный народно-партизанский характер¹⁸.

В отечественной военной историографии XVIII—XIX вв. при описании событий малой войны нередко применялся термин «партия», который обозначал небольшой отряд, направляемый для выполнения разведывательно-диверсионных операций. В этом термине прослеживается прямая связь между словами партия, партизан и партизанская война. Слово «партизан» (Parteigänger, Partisan) происходит от французского слова «partie» — часть, отряд¹⁹. В.И. Даль также указывает, что от слова партия происходят слова партизан (командир летучего отряда) и партизанская война, а партизанить — вести малую войну²⁰. То есть использование термина «партия» только в отношении партизанских действий и тем более народной войны было бы некорректно. Смысл этого понятия более широк и тесно связан именно с малой войной, которую вели летучие отряды регулярной армии, называемые в документах XVIII—XIX вв. партиями.

В 1830 г. была опубликована книга «О службе передовых постов», в которой подробно описывались особенности разведывательно-диверсионной деятельности. Кроме прочего, в ней же содержалась попытка объяснения понятия «партизан» и разъяснялось различие между партизанскими и «обыкновенными» отрядами. В частности, говорилось, что «последние, находясь всегда в непрерывном сношении с Армиею, должны соображаться с движениями и действиями оной», партизанские же, «удаляющиеся совершенно от Армии, в продолжение своих поисков, нисколько не зависят от оной»²¹.

Слово «Армия» дано здесь с прописной буквы неслучайно: оно обозначало главные силы войск, объединенные под началом главнокомандующего, который для решения тех или иных разведывательно-диверсионных задач высылал в тыл противника партизанские или «обыкновенные» отряды. Автор книги, скрывавшийся за инициалами Г.А.Г.Т., сформировал свое мнение о понятии «партизан» на основании общих тенденций, возникших у отечественных военных теоретиков после Отечественной войны 1812 г., когда партизанские отряды уходили в тыл противника и, рейдируя там долгое время, создавали впечатление полной автономии от действий главной армии. Следует не согласиться с утверждением о полной независимости партизан-

ских отрядов, ведь отсутствие взаимодействия противоречит самому смыслу существования таких воинских соединений, которые должны были оперативно доставлять разведывательные сведения в ставку главнокомандующего, из резервов которого, в свою очередь, они пополняли свои людские и материальные ресурсы. Те же партизанские отряды героев войны 1812 г. действовали в неразрывном взаимодействии со ставкой главнокомандующего М.И. Кутузова²².

Таким образом, в большинстве источников XVIII–XIX вв. партизанами назывались не столько участники народной войны, сколько личный состав разведывательно-диверсионных отрядов. Примечательно, что в энциклопедии «Военный лексикон» при характеристике понятия «партизан» поясняется, что «душа всех действий партизанского отряда есть деятельность и способность к ведению малой войны»²³. Под этой деятельностью подразумевалось наблюдение за неприятелем, нарушение связи между его отдельными частями, уничтожение объектов обеспечения, нападение на некрупные вражеские отряды. То есть, согласно «Военному лексикону», партизану была присуща деятельность, соответствующая тактике ведения малой войны²⁴. В статье о партизанской войне прямо указывалось, что в главных своих основах она имеет прямое сходство с малой войной²⁵. Следовательно, теоретики военного искусства того времени, разделяя понятия «малая» и «партизанская война», тем не менее не могли найти между ними существенных различий.

Во второй половине XIX в. продолжались попытки проанализировать и объяснить особенности понятий «малая» и «партизанская война», их различия и формы. Были изданы несколько специализированных военно-энциклопедических словарей, в которых раскрывались теоретические основы понятия «малая война». Так, «Военный энциклопедический лексикон» (1855) определил малую войну как часть тактики, заключающую в себе второстепенные военные действия небольших отрядов, которые не имели связи с мероприятиями, проводимыми главными силами армии (аванпосты, разъезды, конвоирование своих и атака вражеских обозов, фуражировка)²⁶.

Более полное объяснение понятия «малая война» содержит «Энциклопедия военных и морских наук» (1885). По мнению ее авторов, малой войной назывались действия небольших отрядов, направленных на причинение вреда противнику, но не имевшие непосредственной целью решение участи всей войны или крупной войсковой операции (охрана своей системы логистики и нарушение или уничтожение вражеской)²⁷.

В одном из самых содержательных и авторитетных российских энциклопедических изданий конца XIX в., «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1896), есть статья о малой войне. При этом, сделана отсылка к статье об общем понятии «война», где разъяснялось и понятие о такой ее

разновидности, как малая²⁸. Приведенные в словаре сведения основывались на данных, взятых из двух вышеупомянутых энциклопедий. Общим же для определения «малой войны» в энциклопедических изданиях второй половины XIX в. стало то, что ею назывались все второстепенные военные действия, проводимые силами небольших отрядов и направленные на уничтожение вражеского тыла.

Кроме этого, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» статья о партизанской войне как о способе ведения боевых действий содержит все характеристики, соответствующие и понятию «малая война»: самостоятельные действия небольших отрядов на флангах и в тылу, нарушение коммуникаций противника²⁹.

Отличительной чертой данной статьи является четкое разграничение между партизанскими действиями регулярных войск и народной войной. Сходного мнения придерживался военный теоретик В.Н. Клембовский, который считал невозможным слияние понятий «партизанская» и «народная война», так как последняя не подчинялась никаким правилам, тогда как партизанские действия руководствовались указаниями армейских начальников³⁰.

В конце XIX в. автор фундаментального труда о партизанской войне Ф.К. Гершельман попытался разобраться в различиях между малой войной и партизанскими действиями. Он утверждал, что малая война имеет только тактическую связь с операциями главных сил, а партизанские действия имеют прямую стратегическую связь с основной частью армии³¹. То есть воинские соединения, участвовавшие в малой войне, задействовались непосредственно для решения оперативных вопросов в местах соприкосновения с противником. В соответствии с этим В.Н. Клембовский определил, что партизанами называются легкие отряды, разорвавшие связь с армией на более или менее продолжительное время и направленные на фланги и в тыл противника с целью нанесения ему на этих участках как можно большего материального и нравственного ущерба³².

В начале XX в. вновь произошли изменения в использовании термина «малая война». В энциклопедических словарях «Гранат» (1910–1948) и «Военная энциклопедия» (1914) есть статьи о малой войне, однако в последнем труде малая война названа «ненужным наследием XVIII века». Деление войны на «большую» и «малую» трактуется как искусственное, излишнее и нецелесообразное, так как разведывательно-диверсионные рейды в начале XX в. «стали проводиться не малыми отрядами, а крупными соединениями, при этом нападения на обозы противника были уже несущественны»³³.

Здесь прослеживается связь с наступившей в начале XX в. эпохой позиционных войн. В военном энциклопедическом словаре, при определении общих черт партизанской войны, появилось четкое разграничение между войнами

(партизанской, малой и народной)³⁴. Такое утверждение соответствовало уже устоявшимся представлениям о том, что у партизанской и малой войны есть общие характеристики, заключающиеся в действиях самостоятельных отрядов, выделенных из основных частей армии для воздействия на тыловые базы противника. Однако в «Военной энциклопедии» говорилось, что при малой войне небольшие отряды не теряют связи с основной армией, тогда как как партизанские отряды уходят в тыл противника на длительное время и действуют полностью автономно. Народная же война должна была вестись силами местного населения, привязанного к своему региону проживания³⁵.

Общие тенденции развития понятия «малая война» в середине XIX — начале XX в. отразились и на историографии Полтавского периода Северной войны (1708—1709). Энциклопедические издания того времени, несмотря на неоднозначность в трактовках понятиям «малая» и «партизанская война», отмечали, что впервые русская армия применила партизанские действия именно в Полтавский период Северной войны³⁶.

Военные историки, освещавшие события Северной войны, чаще всего приводили одну и ту же аксиому: петровская армия имела достаточные навыки и была хорошо подготовлена к ведению разведывательно-диверсионной деятельности³⁷. Так, В.И. Баскаков считал, что полтавский театр боевых действий был вполне удобен для ведения малой войны, а Ф.К. Гершельман утверждал, что на начальном этапе Полтавского периода русские войска развернули партизанскую войну, которая велась совместно с действиями регулярной армии³⁸. В то же время, исследуя способы ведения боевых действий русской армии в XVIII в., Д.Ф. Масловский употреблял термин «партизанство» не применительно к способу боевых действий, а к обозначению одной из возможностей поступления продовольствия и фуража в армию, в том числе и в войска Карла XII³⁹.

Кроме понятий «малая» или «партизанская война» некоторые исследователи разведывательно-диверсионной деятельности использовали сразу несколько терминов для ее описания. Например, П. Гудим-Левкович в книге по истории Северной войны вел речь о малой войне регулярных войск, а события 1702, 1703, 1704 гг. в Прибалтике называл партизанской войной⁴⁰. Н.П. Волынский в работе о роли русской кавалерии на первом этапе Северной войны и на Прибалтийском театре военных действий использовал для описания разведывательно-диверсионных операций понятие «малая война»⁴¹.

В историческом очерке «Русская военная сила», составленном коллективом авторов, написано о мерах, необходимых для развития малой войны и о партизанских действиях русской кавалерии⁴². С. Михеев называл партизанскими действия русской армии, которые велись силами армейских подразделений в ходе малой войны⁴³. Однако ни один из перечисленных авторов не

разъяснил различие между малой и партизанской войнами как способами ведения боевых действий.

Большинство советских исследователей истории военного искусства почти исключили понятие «малая война», а партизанское движение все чаще стало ассоциироваться с войной народной. Это было связано с общими тенденциями изменения политического вектора, установившегося после окончания Гражданской войны в России (1917–1922/23), когда классовый порыв и восстановление народных масс, по мнению идеологов, являлись основой ведения партизанской (малой) войны⁴⁴. Иногда для утверждения установленных в советском обществе постулатов желаемая информация выдавалась за действительную. Например, шайки разбойников, орудовавшие в районе военных действий, превращались в партизан и борцов за независимость народных масс.

Так, в 1708 г., во время военных действий в Польше, помещик Г. Пашенко, собравший группу разбойников из четырех казаков и присоединившихся к ним «москалей» и калмыков (вероятнее всего, дезертиров из рядов русской армии), грабил поместья в окрестностях Межерича⁴⁵. Данный факт подтверждался жалобой от 17 октября 1708 г., составленной шляхтичем К. Гурским и содержащей подробности нападения на его фольварк⁴⁶. Но в 70-х гг. XX в., при составлении краеведческого очерка о Ровенской области, советскими историками эти факты были подменены и речь стала идти о самоотверженной борьбе повстанческого отряда Г. Пашенко, который стоял во главе «крестьянского восстания против феодалов»⁴⁷.

В целом же, советские утверждения о малой (партизанской) войне формировались на базе ленинской теории: «Об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов, а не по настроениям отдельных лиц и группировок»⁴⁸. В одной из статей сборника «Гражданская война и Красная армия» содержались разъяснения понятий «партизанская» и «гражданская война», которые, по мнению автора статьи С.И. Гусева, являлись разновидностями малой войны. Партизанская война, утверждал С.И. Гусев, ведется против иноземного вторжения, а гражданская — это война классов. Основной силой таких военных конфликтов являлись собранные наскоро, плохо обученные и разнообразные по своему составу отряды⁴⁹. В свою очередь В. Воронков и С. Морозов в работе по теории партизанства утверждали, что в Гражданской войне партизанское движение вырастало стихийно, без всякого военного руководства⁵⁰.

На фоне общего забвения «малой войны» как термина выделяется исследование П.А. Каратыгина, сблизившего принципы малой войны и партизанские действия. Он начал разделять партизанство на армейское и народное и, в отличие от В.Н. Клембовского, отмечал, что народная партизанская война в военных конфликтах XVIII–XX вв. всегда выступала в виде единства двух начал — народного и регулярной армии⁵¹. П.А. Каратыгин подтвердил посту-

латы, выработанные еще в XIX в. К. Клаузецом: народная партизанская война могла достичь положительных результатов только при использовании ее в сочетании с малой войной, ведущейся регулярной армией. Ведь обе эти войны должны были вестись в соответствии с планом на проведение операций главных сил армии⁵².

Похожего мнения придерживался советский военный теоретик А.А. Свечин, утверждавший, что без правильной организации партизанское движение на определенных этапах боевых действий могло принести не пользу, а вред. Исходя из этого, во время войны это движение необходимо было как можно скорее охватить регулярной организацией⁵³.

Определенные тенденции в переосмыслении значения «малой (партизанской) войны» происходили в среде русских военных историков и исследователей, находящихся после поражения Белого движения в вынужденной эмиграции за рубежом. В 1930 г. в сборнике «Вестник военных знаний» (г. Сараево) вышла статья генерала К.А. Адариди, который отмечал важность партизанской войны, несмотря на то, что в наступившую эпоху позиционных войн многие считали действия регулярных войск в тылу противника анахронизмом. В частности, он писал: «Позиц. война не может не носить затяжного характера, неизбежно влекущего за собою эконом. истощение борющихся сторон, со всеми его роковыми последствиями <...> Вся обстановка существующая в тылу <...> армий, как бы приглашает прибегнуть к парт. действиям»⁵⁴.

В 1931 г. М.А. Дробов в работе «Малая война: партизанство и диверсии» использовал понятие «малая война» для обозначения диверсионных действий вооруженных народных масс против противника или правительственных войск. Он же утверждал, что в войнах нового типа повстанческое партизанство полностью изживет партизанство войскового типа⁵⁵. Постепенно партизанская война стала представляться советским историкам как деятельность гражданского населения, направленная на вооруженную борьбу с неприятелем. Инициатором и основной движущей силой, способствовавшей возникновению этого сопротивления, являлись народные (гражданские) массы, которые стихийно поднимались на защиту Отечества. Считалось, что в период Гражданской войны (1917–1922/1923) партизанство полностью поглотило малую войну, преобразовавшись в партизанское повстанчество.

Развернувшиеся в тылу гитлеровских войск в годы Великой Отечественной войны партизанские действия стали толчком к очередному переосмыслению партизанства и его движущей силы. Перелом в терминологии понятия «малая война» с заменой его на «народное партизанство» заметен в работах историков, накануне и после Великой Отечественной войны изучавших эпоху царствования Петра Великого. В частности, в работе В.А. Панова (1940) упоминается малая война как способ ведения боевых действий регулярной русской армией и не

используется термин партизанство. Но уже в 1946 г. Б.С. Тельпуховский при описании тех же самых событий наряду с применением понятия «малая война» вел речь о крестьянских партизанских отрядах⁵⁶. Авторы фундаментального издания «Очерки истории СССР» (1954) пошли гораздо дальше и, в соответствии с требованием господствовавшей методологии, к «партизанской борьбе в тылу врага» (партизанские отряды из армейских соединений и местного населения) присовокупили еще и «классовую борьбу против угнетателей»⁵⁷.

Постепенно советские исследователи, такие как академик Е.В. Тарле и историк Северной войны Б.С. Тельпуховский, стали характеризовать события Полтавского периода в Белоруссии и на Украине (1708–1709) исключительно как народную войну⁵⁸. Л.Г. Бескровный называл этот период партизанской войной народа (русского, украинского, белорусского), а советский разведчик П.П. Вершигора считал развернувшуюся в Полтавский период народную партизанскую борьбу началом войскового партизанства⁵⁹. А.П. Игнатенко писал, что, отправляясь в «русский поход» в 1707 г., «шведский король рассчитывал, что ему придется вести борьбу только с армией Петра I. Однако на помощь русским войскам выступили народные массы Украины и Белоруссии, оказавшие шведским войскам мужественное сопротивление»⁶⁰.

Из общей канвы можно выделить исследование А.А. Строкова по истории военного искусства, который отмечал значение ведения малой войны (малых форм войны) силами подвижных летучих отрядов по тылам, коммуникациям и отдельным пунктам шведской армии в ходе Северной войны. Кроме этого, он подтверждал выводы А.А. Свечина об организационном контроле над народным партизанством со стороны командования. В частности, А.А. Строков утверждал, что развернувшемуся в борьбе против шведов партизанскому движению Петр I придал организованный характер⁶¹. Этому же мнению придерживался и главный советский популяризатор народной партизанской войны на Украине в 1708–1709 гг. В.Е. Шутой, который употреблял термин «партизанское движение», но при этом отмечал, что народные партизаны координировали свои выступления с отрядами регулярных войск⁶².

Доминировавшая тенденция в толковании понятия нашла отражение в советских энциклопедиях, составленных после Великой Отечественной войны. То, что раньше называлось партизанской войной, стало называться партизанским движением, которое характеризовалось как один из видов борьбы народных масс за свободу и независимость своего государства не только против внешнего, но и внутреннего врага⁶³. К тому же, кроме населения оккупированных территорий, принимать участие в этом сопротивлении могли регулярные войска, но уже как второстепенная сила.

В.И. Боярский утверждал, что партизанское движение как вид боевых действий в советское время стало преподноситься в форме социального

явления, которое включало не только вооруженную борьбу, но и действия лиц, оказывавших помощь регулярным войскам. Эти лица действовали партизанскими методами, в том числе не только вооруженным путем (доставка сведений, обеспечение припасами, укрытие от противника и др.)⁶⁴. Именно поэтому знаковая для партизанского движения личность второй половины XX в. кубинский революционер Э. Че Гевара, говоря о партизанской войне, делил ее на два типа партизанской борьбы. Первая являлась дополнением к операциям регулярных армий, вторая — революционным движением народных масс против существующих режимов и власти⁶⁵.

Можно сказать, что с этого времени в советской историографии термин «партизан» стал синонимом «народного героя» и почти перестал ассоциироваться со специальными отрядами регулярных войск, использующих те же тактические приемы, что и партизанские отряды. Основными формами партизанской борьбы считались налеты, диверсии, уничтожение коммуникаций врага и тщательная разведка его расположения, то есть все тактические приемы, характерные для малой войны.

Неудивительно, что такой подход в изучении и освещении событий, связанных с использованием элементов малой (партизанской) войны в период Северной войны сохранялся вплоть до 90-х гг. XX в. Так, автор работ по истории международных отношений России начала XVIII в. Н.Н. Молчанов считал боевые действия Полтавского периода народной войной⁶⁶. Исследователь Петровской эпохи Е.В. Анисимов также писал о народном партизанском движении⁶⁷. Биограф Петра I и его сподвижников Н.И. Павленко использовал слово «партии» только в контексте народного сопротивления⁶⁸.

Казалось бы, название «малая война» уже не будет использоваться в новейшей военной историографии, но во второй половине XX в. этот термин приобрел новое звучание с приходом таких понятий, как «локальная война», «конфликт низкой интенсивности», «неконвенциональная и асимметричная война»⁶⁹. Такие тенденции были связаны с тем, что военную историю после Второй мировой войны часто называли временем локальных конфликтов. И.Н. Воробьев подсчитал, что с 1945 по 1975 г. произошло около 450 локальных столкновений, в которых в большей степени использовались способы ведения боевых действий, характерных для малой войны⁷⁰.

В «Советской военной энциклопедии» (1978) о малой войне говорится, что она представляет собой боевые действия, которые велись в XVII—XVIII вв. в промежутках между кампаниями. Войска должны были небольшими силами и средствами измотать противника, обеспечив благоприятные условия для решающего сражения⁷¹. Таковые утверждения были связаны с тем, что в советское время термин «малая война» иногда употреблялся применительно к локальной войне, которая стала актуальна для данного исторического

периода. Таким образом начиналось постепенное возвращение понятия «малая война» с теми характеристиками, которые были присущи ей в XIX в.

С конца XX — начала XXI в. наблюдается более явное возвращение понятия «малая война» в отечественную историографию. Все чаще историки при описании разведывательно-диверсионной деятельности армейских соединений XVII—XX вв. употребляют именно этот термин, а не «партизанские действия»⁷². В вышедшей в 1999 г. «Военной энциклопедии» уже дается точная характеристика малой войны как одного из способов ведения боевых действий небольшими отрядами для изматывания противника и обеспечения благоприятных условий для решающего сражения. То есть речь идет о действиях отдельных частей в интересах главных сил. При этом, авторы энциклопедии причисляют к малой войне партизанские действия войск и народных масс против оккупантов, а также подавление народных восстаний (напр.: бунт С. Разина 1670—1671 гг., крестьянская война Е. Пугачева 1773—1775 гг.) и национально-освободительных движений (Польское восстание 1830—1831 гг., Кавказская война 1829—1864 гг.)⁷³.

Существенную роль в процессе возвращения в отечественную историографию понятия «малая война» сыграл А.И. Попов, который в работах по истории войны 1812 г. подверг критике исследования отечественных историков в отношении партизанской войны этого периода⁷⁴. Опираясь на свидетельства современников и участников событий, он определил разницу между понятиями «народная» и «партизанская война». С учетом того, что в 1812 г. велись как партизанская война регулярных войск, так и народная война местного населения, А.И. Попов посчитал необходимым вернуть понятие «малая война» для описания боевых действий, ведущихся в сочетании партизанской и народной войны⁷⁵. Эта же концепция присутствует и в работах В.А. Бессонова, посвященных Отечественной войне 1812 г. Исследователь широко использовал термин «малая война», характеризуя разведывательно-диверсионную деятельность, независимо от того, кто принимал в ней участие — регулярные войска или местное население⁷⁶.

Несмотря на новые тенденции в развитии понятия «малая война» для обозначения тактики русской армии в Полтавский период, в наши дни исследователи этого временного отрезка российской истории продолжают называть ее различными терминами. Шведский автор книги о Полтавской битве П. Энглунд называет русскую тактику в Полтавский период партизанскими набегами⁷⁷ (в английском переводе этой книги — *guerrilla tactics*⁷⁸). Е.В. Анисимов в работе, изданной в 2009 г., описывая малую войну, которую вела русская армия в Прибалтике на начальном этапе Северной войны, называет ее «промысловой», позаимствовав это название из обозначения малой войны в документах XVIII века⁷⁹.

Примечательно, что современные нам шведские, польские и украинские историки при обозначении тактики русской армии в Северной войне часто используют термин «малая война». Например, шведский историк М. Перлестам провел глубокое исследование о проведении небольших военных акций шведской армией в масштабах больших военных кампаний в Речи Посполитой и России⁸⁰. Польские исследователи П. Крокош и Л. Пабич подробно останавливались на анализе малой войны (*польск.*: *mała wojna*) как одного из элементов военного искусства петровской армии⁸¹. Украинцы Т.В. Чухлиб, Л.К. Шендрик и А.М. Корниенко пишут, что казачья конница широко использовалась русской армией в малой войне⁸².

В новом тысячелетии появился еще один новый термин для обозначения малой войны — «скифская война». Это связано с тем, что именно скифские племена первыми, насколько позволяют судить работы по военной истории Древнего мира, успешно применили на практике тактические и стратегические приемы разведывательно-диверсионной деятельности (уклонение от решающего сражения, засады, налеты, изматывание противника и др.)⁸³. Именно они были переняты славянскими племенами, а еще позже стали использоваться русской армией уже под названием «малая война»⁸⁴. Курляндский дипломат Я. Рейтенфельс, путешествовавший по территории Московского государства во второй половине XVII в., в своих воспоминаниях отмечал, что русские отряды в бою действовали «горячо, как большинство народов скифского происхождения»⁸⁵. Понятие «стратегия и тактика скифской войны» для обозначения ведения малой войны русской армией в начале XVIII в. можно встретить в работах В.А. Артамонова, Б.Н. Григорьева, О. Сокирко, В.А. Молтусова и других⁸⁶.

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что понятие «малая война», сформированное в середине XVII в., несмотря на неоднократные изменения в характере его использования, широко применяется историками и политологами и в настоящее время. В частности, это понятие можно встретить при описании разведывательно-диверсионной деятельности в период военных конфликтов XVIII–XX вв. наряду с такими, как «партизанская война», «локальная война» и «асимметричная война».

¹ *Grandmaison le Roy de, Th.-A.* La petite guerre, ou Traité du service des troupes légères en campagne. Paris, 1756. S. 1–15; *Ewald J.* Abhandlung über den kleinen Krieg. Cassel, 1785. S. 1–15; *Valentini G.-W.* Abhandlung über den kleinen Krieg und über den Gebrauch der leichten Truppen mit Rücksicht auf den französischen Krieg. Berlin, 1810. S. III–XII.

² Записки Монтекукколи Генералиссимуса императорских войск или Общие принципы военного искусства. Montreal, 2012. С. 76–77; *Вилль А. де.* Обязанности губернатора крепости / Перев. с франц. Я.С. Семченкова. М., 2016. С. 347–366.

- ³ *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М., 2009. С. 116, 122.
- ⁴ Там же. С. 123, 127.
- ⁵ Ертаул — название разведывательных (авангардных) отрядов в русской армии, сформированное еще до начала XVIII в.; от тюрк. «jortağul» — «конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи и для грабежа» (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2 (Е–Муж). С. 26; *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики... С. 147, 194–195).
- ⁶ Напр.: *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. М., 2004. Вып. 1. С. 129, 222, 270, 286; *Журнал, или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира*. СПб., 1770. Ч. 1. С. 44, 93, 157, 161.
- ⁷ *Вуич И.В.* Малая война. СПб., 1850. 274 с.; *Липранди И.П.* Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под заглавием «Малая война». СПб., 1851. 75 с.; *Новицкий Н.Д.* Малая война: Лекции. Одесса, 1865. 319 с.
- ⁸ Напр.: *Война за независимость в США (1775–1783), Отечественная война (1812), Война против наполеоновской армии в Испании (1808–1814)*.
- ⁹ Несмотря на то, что «guerrilla» ассоциируется в первую очередь с кампанией Наполеона Бонапарта в Испании (1808–1811), когда местным населением была развернута партизанская война, как «малая война» этот термин впервые был истолкован в испанском словаре, изданном еще в 1611 г. (*Heuser B.* Small Wars in the Age of Clausewitz: The Watershed Between Partisan War and People's War // *Journal of Strategic Studies*. 2010. V. 33. № 1. P. 143).
- ¹⁰ В такой трактовке термин «guerrilla» встречается в англоязычных изданиях и в наши дни (*Encyclopaedia Britannica: A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information*. New York: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1910. V. XII. P. 672).
- ¹¹ *Клаузевиц К. ф.* О войне. М., 1934. С. 420–425.
- ¹² *Шмитт К.* Теория партизана. М., 2007. С. 31.
- ¹³ Напр.: *Малая война, описанная майором в службе короля прусского*. СПб., 1766. 342 с.; *Прозоровский А.А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского: 1756–1776. М., 2004. С. 37–176.
- ¹⁴ *Давыдов Д.В.* Опыт теории партизанских действий для русских войск // *Сочинения Дениса Васильевича Давыдова*. М., 1860. Ч. I. С. 5–116; *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Сочинения...* С. 3–140; *Голицын Н.С.* О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности // *Военный сборник*. 1859. № 7. С. 41–74.
- ¹⁵ *Голицын Н.С.* Всеобщая военная история... С. 30.
- ¹⁶ Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем от разных особ: Из записок Ф. Глинки. М., 1814. С. 92–93; *Письма русского офицера: Описание войны 1813 года по изгнании неприятеля за границу // Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1815 гг., писаны Федором Глинкою: В 5-ти частях*. М., 1870. Ч. II. С. 164; *Отечественная война в письмах современников (1812–1815) // Записки Императорской академии наук*. СПб., 1882. Т. 43. С. 169; *П.Х. Витгенштейн М.И.* Кутузову 11.09.1812 г. // *М.И. Кутузов. Сборник документов*. М., 1954. Ч. 1. Т. 4. № 357. С. 290; *М.И. Кутузов П.Х. Витгенштейну 20.09.1812 г.* // Там же. № 425. С. 327.
- ¹⁷ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: Составлена по высочайшему повелению. СПб., 1859. С. 457; *Ефимов Д.И.* Отношения императоров Александра I и Наполеона I перед началом Отечественной войны 1812 года: (1810–1812). СПб., 1878. С. 23–24.
- ¹⁸ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. VI. С. 344; *Неелов Н.Д.* Воспоминания о Польской войне 1831 года: Из записок покойного Н.Д. Неелова. СПб., 1878. С. 119, 206.

¹⁹ Русские издания начала XVIII в. использовали слово «партизан» и «партизант» для обозначения командиров вражеских диверсионных отрядов (Гистория Свейской войны... С. 131, 281; Журнал, или Поденная записка... С. 157).

²⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1865. Ч. 3. С. 14.

²¹ *Г.А.Г.Т.* О службе передовых постов и отрядов. СПб., 1830. С. 171.

²² *Борщ А.А.* Партизаны в Отечественной войне 1812 года // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 9 (272). С. 121–124.

²³ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб., 1856. Т. X. С. 184.

²⁴ Там же. С. 185.

²⁵ Там же. С. 186.

²⁶ Военный энциклопедический лексикон... Т. VIII. С. 427–428.

²⁷ Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1885. Т. II. С. 270–271.

²⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. VI A (12). С. 937–938.

²⁹ Там же. СПб., 1897. Т. XXII A (44). С. 886.

³⁰ *Клембовский В.Н.* Партизанские действия: (Исследование). СПб., 1894. С. 3.

³¹ *Гершельман Ф.К.* Партизанская война... С. 16.

³² *Клембовский В.Н.* Партизанские действия... С. 1.

³³ Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранатъ и К°». М., 1917. Т. 11. Стб. 33; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 136–137.

³⁴ Военная энциклопедия... Т. XVII. С. 303.

³⁵ Там же.

³⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона... Т. XXII A (44). С. 886; Военная энциклопедия... Т. XVII. С. 303.

³⁷ *Карцов А.П.* Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851. С. 79; *Леер Г.А.* Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1893. Ч. I. С. 29; *Марков М.И.* История конницы. Тверь, 1887. Ч. III. С. 193; *Волынский Н.П.* История Лейб-гвардии кирасирского его величества полка: 1701–1901. СПб., 1902. Т. I. Кн. I. С. 54.

³⁸ *Баскаков В.И.* Северная война 1700–1721 гг.: Кампания от Гродна до Полтавы 1706–1709 гг.: Критико-историческое исследование: Краткий очерк. СПб., 1890. Вып. 1. С. 259; *Гершельман Ф.К.* Партизанская война... С. 30–37.

³⁹ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 2. С. 120.

⁴⁰ *Гудим-Левкович П.К.* Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года: Критический разбор кампании 1708 года. СПб., 1875. С. 90, 97.

⁴¹ Напр.: *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 1. С. 54.

⁴² Русская военная сила: Очерк развития выдающихся событий от начала Руси до наших дней: Период царствования Петра Великого. М., 1890. Вып. 6. С. 50, 64.

⁴³ *Михеев С.И.* История Русской армии: Эпоха Петра Великого. М., 1910. Вып. 1. С. 42.

⁴⁴ *Павлов Я.С.* В.И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975. С. 111–119.

⁴⁵ Архив Юго-Западной России. Киев, 1876. Ч. 3. Т. III. № IV. С. 5–8; Регесты и надписи: Свод материалов для истории евреев в России (80–1800). СПб., 1910. Т. II. № 1428. С. 154–155.

⁴⁶ *Фольварк* (польск. folwark, от нем. диалект. Vorwerk – хутор) – усадьба или обособленное поселение, которое принадлежало зажиточному магнату или шляхтичу.

⁴⁷ *Історія міст і сіл Української РСР: Ровенська область.* Київ, 1973. С. 17, 355.

⁴⁸ Еще один поход на демократию // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1968. Т. 22. С. 85.

⁴⁹ *Гусев С.И.* Война гражданская и война партизанская // Гражданская война и Красная армия: Сборник военно-теоретических и военно-политических статей. М.; Л., 1925. С. 21.

⁵⁰ *Воронков В., Морозов С.* Как действуют партизаны. М.; Л., 1927. С. 6.

- ⁵¹ *Каратыгин П.А.* Партизанство: Начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924. С. 2–3.
- ⁵² *Клаузевиц К. ф.* Принципы ведения войны. М., 2009. С. 110.
- ⁵³ *Свечин А.А.* Стратегия. М., 1927. С. 118.
- ⁵⁴ *Адариди К.А.* Партизаны и будущая война // Вестник военных знаний. Сараево, 1930. № 6. С. 19–20.
- ⁵⁵ *Дробов М.А.* Малая война: Партизанство и диверсии // Альманах «Вымпел». 1998. № 1 (7). С. 198–199.
- ⁵⁶ *Панов В.А.* Петр I как полководец. М., 1940. С. 62; *Тельпуховский Б.С.* Северная война: 1700–1721: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 63, 80.
- ⁵⁷ Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. Т. VII. С. 491–492, 499.
- ⁵⁸ *Тельпуховский Б.С.* Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне // Исторический журнал. 1942 г. № 7. С. 92–101; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. С. 233–290.
- ⁵⁹ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке: (Очерки). М., 1958. С. 203; *Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 287.
- ⁶⁰ *Игнатенко А.П.* Участие белорусского народа в борьбе против шведских захватчиков в годы Северной войны // Вопросы истории БССР: Ученые записки. Минск, 1957. Вып. 36. С. 44.
- ⁶¹ *Строков А.А.* История военного искусства: Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955. Т. I. С. 483–484.
- ⁶² *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII: 1700–1709. М., 1958. С. 327.
- ⁶³ Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. 1040 стб.
- ⁶⁴ *Боярский В.И.* Партизанская война: История утерянных возможностей. Минск, М., 2001. С. 15.
- ⁶⁵ *Гевара Э.* Партизанская война. М., 1961. С. 5.
- ⁶⁶ *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 236.
- ⁶⁷ *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 194.
- ⁶⁸ *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 288.
- ⁶⁹ Напр.: Локальные войны: История и современность. М., 1981. 304 с.; *Дериглазова Л.В.* Историография изучения асимметричных конфликтов // Вестник Томского гос. университета. 2008. № 308 (март). С. 66–72.
- ⁷⁰ *Воробьев И.* Тактика в локальных войнах и вооруженных конфликтах // Военная мысль. 1995. № 1. С. 39–45.
- ⁷¹ Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978. С. 96–97.
- ⁷² Напр.: Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе: Мировой опыт и современность. М., 1997. С. 8–9; *Пенской В.В.* Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 63; *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года: Автореф. дисс... докт. истор. наук. СПб., 2013. 52 с.; *Малов А.В.* Конница нового строя в Русской армии в 1630 – 1680-е годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=34904> (Дата обращения: 28.05.2014).
- ⁷³ Военная энциклопедия... Т. 4. С. 536.
- ⁷⁴ Напр.: *Попов А.И.* Малая война // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 435.
- ⁷⁵ *Попов А.И.* Великая армия в России: Автореф. дисс... докт. истор. наук. Самара, 2003. С. 40–42.
- ⁷⁶ Напр.: *Бессонов В.А.* Потери Великой армии в период малой войны // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VI Всероссийской науч. конф. Бородино, 1998. С. 11–23.
- ⁷⁷ *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 46.
- ⁷⁸ *Englund P.* The Battle That Shook Europe: Poltava and the Birth of the Russian Empire. I.B. Tauris, 2013. P. 50.

⁷⁹ *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. С. 133.

⁸⁰ *Perlestam M.* Det lilla kriget: Skärmytslingar och kommenderingar under stora nordiska kriget åren 1702–1709. Lund, 2018. 184 s.

⁸¹ *Krokosz P.* «Mała wojna»: Działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz Ingermanlandii w latach 1700–1704 // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej: Inflanty Polskie / Pod red. W. Walczaka i K. Lopateckiego. Białystok, 2012. T. 3. S. 139–226; *Pabich L.* Bitwy Wielkiej Wojny Północnej (1700–1721) na medalach rosyjskich z kolekcji Muzeum Częstochowskiego: Część I: «Mała wojna» 1700–1704 // Rocznik Muzeum Częstochowskiego / Pod red. E. Miszczyńskiej. Częstochowa, 2014. T. 13. S. 79–106.

⁸² *Чухліб Т.В.* Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. Київ, 2008. С. 152; *Корнієнко О.М.* Сумський полк та події Сіверсько-Слобожанського походу Карла XII // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха: Зб. наук. праць. Київ, 2008. С. 95; *Шендрік Л.К.* Участь козацтва Полтавщини у Північній війні та Полтавській битві // Матеріали міжнар. наук. конф. «Іван Мазепа і його доба: історія, культура, національна пам'ять» (15–17 жовтня 2008 р., Київ–Полтава). С. 214.

⁸³ *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972. С. 217–222; *Куклина И.В.* Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 137; *Перевалов С.М.* Секреты скифской непобедимости: Ab ovo // Скифия: Образ и историко-культурное наследие: Материалы конференции 26–28 октября 2015 г. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 73–77.

⁸⁴ *Мишулин А.В.* О военном искусстве скифов // Исторический журнал. М., 1943. № 8–9 (120–121). С. 69.

⁸⁵ *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 334.

⁸⁶ *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М. 2006. С. 294; *Сокирко О.* Полтавська битва 27 червня 1709 р.: Український рубікон. Київ, 2008. Ч. I. С. 43; *Молтусов В.А.* Полтавская битва: Уроки военной истории: 1709–2009. М., 2009. С. 105; *Артамонов В.А.* Стратегия и тактика Карла XII и Петра I в 1700–1709 годы: К 300-летию Полтавской битвы // Полтавская битва и ее международное значение: Тезисы докладов юбилейной междунар. науч. конф. 17–19 ноября 2009 года М., 2009. С. 9–11.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МАЛОЙ ВОЙНЫ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В XVII—XVIII вв. боевые действия не велись одновременно на всей территории страны, охваченной военным конфликтом. Войска находились в одном из трех положений: в движении («на марше»), на отдыхе («на квартирах», «в лагере») или сражались («на баталии»). Поэтому весьма логично, что до эпохи позиционных войн начала XX в. при противоборстве воюющих армий не было четко обозначенных ни фронта, ни тыла, а были только территории, занятые тем или иным противником. Как Н.П. Михневич, тогда было время малых войн, веденных большими армиями¹.

Противники, будучи в состоянии войны, находились в непосредственном соприкосновении только при благоприятных обстоятельствах (наличие нужного количества войск на определенном участке, погодные условия, обеспеченность материальными средствами и т. д.), в остальное время армии маневрировали по театру военных действий. Исходя из этого, несмотря на масштабность территорий, охватываемых военными конфликтами, столкновения армий можно считать локальными, в том числе и в годы Северной войны².

При таких условиях система обеспечения армий становилась наиболее уязвимой сферой. Зависимость от тылового обеспечения приводила к тому, что блестящие военные операции могли потерпеть крах из-за неудовлетворительно организованных служб тыла. Уязвимость армии усугублялась отсутствием качественных дорог и средств связи, таким образом пути сообщения становились слабым местом любой европейской армии. Для ослабления сил противника без вступления с ним в бой стали применяться такие тонкости военного искусства, как неожиданные нападения, скрытые обходы, распространение слухов, засады и шпионство.

С целью нанесения ударов по противнику использовались не масштабные операции крупных армейских соединений, а напротив, широко применялись обособленные действия небольших отрядов в интересах главных сил.

Разведывательно-диверсионные отряды (партии) конницы скрытно заходили в расположение противника, обходя его по одному из флангов. Пройдя в глубокий тыл и заняв удобный район, находясь там дни, недели, а то и месяцы, они методично уничтожали все на своем пути, нарушая инфраструктуру обеспечения врага³.

Атаке летучих отрядов подвергались как одиночные военнослужащие, так и целые воинские соединения противника: его обозы, фуражиры, склады, небольшие квартирные районы и другие объекты обеспечивающей инфраструктуры. Тот, кто оказывался более искусен в уничтожении запасов противника, одерживал над ним победу, не вступая в генеральное сражение. В результате диверсионных операций войска противной стороны непрерывно несли потери. Несмотря на то, что непосредственного боевого столкновения с основными силами армий не было, враг находился в постоянной боевой готовности и жил в атмосфере тревоги. С каждой успешной диверсионной атакой силы противника таяли, войска дезорганизовывались, а у военнослужащих нападавшей армии поднимался боевой дух.

Военные операции малой войны в начале XVIII в. преследовали стратегическую и тактическую цели: не добиваясь тотального уничтожения противника, способствовать его поражению изматыванием мелкими стычками, уничтожением тыла и морально-психологическим воздействием на его армию.

Основной смысл малой войны был не в одиночных действиях на одном направлении, а в масштабных операциях на многих участках. Предусматривался такой результат боевого применения сил и средств, который привел бы к сбою в планах противника (сдерживание наступления или отступления, сковывание или рассеивание сил врага и т. д.) и способствовал благоприятным условиям для использования главных сил армии.

При этом, несмотря на видимую хаотичность, малая война развивалась по строго определенному плану и проходила несколько фаз, которых, по мнению авторов сборника «Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе», было три: оборона, равновесие и наступление⁴.

1. *Оборона.* На этом этапе небольшие разведывательные отряды занимали район в местах тесного соприкосновения с противником или у него в тылу и начинали изучение (вели разведку) этого района для предстоящих диверсионных операций, налаживая контакт с местным населением.

2. *Равновесие.* Диверсионные отряды начинали действовать на разведанной территории, нанося точечные удары по войскам и объектам тыла противника с постепенным расширением контролируемого района, параллельно проводя психологическое воздействие на настроения местного населения, которое могло оказать поддержку регулярным войскам.

3. *Наступление*. Основные силы армии переходили к активным маневренным действиям на большой территории в поисках возможности сразиться в решающем открытом сражении.

То есть, согласно этим теоретическим постулатам, в военном искусстве полный цикл развития малой войны при активной обороне состоял из трех фаз (этапов), таких как: наступление противника, равновесие и наступление обороняющегося. Полагаем, что необходимо расширить это утверждение и определить процесс развития малой войны в начале XVIII в. следующими этапами:

1) Наступление противника и, как следствие, оборонительные действия стороны, подвергшейся нападению;

2) Динамическое равновесие противоборствующих сторон в период так называемого зимнего затишья в боевых действиях;

3) Наступление обороняющейся стороны (переход к более активным действиям) одновременно с подготовкой к решающему сражению.

Заметим, что переходы от одного этапа к другому должны быть строго последовательными.

На начальном этапе Северной войны, в Прибалтике (1700—1704) были пройдены такие же три фазы малой войны: наступление отрядов шведских войск, когда русская армия разведывательно-диверсионными действиями предотвратила продвижение противника в российские пределы; равновесие, когда методами малой войны русское командование готовило плацдарм для перехода в наступление; и непосредственно само наступление, которое привело к укреплению позиций петровских войск в Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии.

Все вышеперечисленные фазы развития мы можем наблюдать и в Полтавский период Северной войны:

— подготовительные мероприятия к малой войне во время осеннего наступления армии Карла XII на Северскую Украину, от вступления шведских войск в Гетманщину до их размещения на зимних квартирах (конец сентября — 18 ноября 1708);

— ведение малой войны во время расположения враждующих армий на зимних квартирах в Левобережной Украине и во время активизации боевых действий армией Карла XII (конец ноября 1708 — март 1709);

— ведение малой войны в период подготовки к генеральному сражению под Полтавой (апрель — 27 июня 1709).

То есть малая война, будучи сама по себе второстепенным средством стратегии, могла дать решительные результаты в ходе военного противостояния, но только при условии согласования операций небольших разведывательно-диверсионных отрядов (партий) с главными силами армии.

Для достижения стратегической цели малой войны необходимо было выполнение следующих *задач*:

- 1) получение достоверных сведений о противнике: численном составе его войск и вооружения, а также организации системы обеспечения и коммуникаций;
- 2) выяснение, пользуется ли противник поддержкой у населения и перехват инициативы на данном направлении;
- 3) определение готовности вражеского командования к ведению боевых действий.

Эти задачи выполнялись поэтапно: во-первых, необходимо было не дать себя уничтожить (скрываться, сбивать со следа, отрываться от преследования); во-вторых, занять для действий определенный район, откуда атаками и налетами изматывать противника, добиваясь ослабления его сил; в-третьих, укрепившись в районе действий, проникать все глубже на оккупированную врагом территорию, повсеместно совершая налеты на его коммуникации.

Одной из главных задач в ведении малой войны было воздействие на морально-психологическое состояние противника, так как в любом военном столкновении победу одерживал тот, кто мог морально подавить способность врага к сопротивлению. На полях сражений начала XVIII в. воинский дух влиял на результат боевых действий гораздо больше, чем численность и материальное обеспечение.

Н.Н. Головин употреблял специальный термин — «предел моральной упругости войск» — для определения того морального состояния, при котором войска в XVIII в. могли продолжать боевые действия, несмотря на потери⁵. Когда этот «предел» был сломлен, психологически подавленные отряды начинали беспорядочно отступать, заражая своим страхом остальные воинские части. Страх быстро распространялся между солдатами, и даже более мощные по численному составу армии покидали поле боя.

В свою очередь, короткие столкновения малой войны и легкие победы над противником могли поднять морально-психологическое состояние войск. Исследователь разведывательной службы первой половины XIX в. генерал-майор от кавалерии П.Х. Граббе цитировал: «Должно с начала кампании доставлять войскам, для возбуждения в них воинского духа, случаи к успехам в малой войне»⁶.

Именно поэтому русской армии, деморализованной после поражения под Нарвой (1700), в первый год Северной войны требовались духовный подъем и боевой опыт, с этой целью была выбрана тактика малой войны. Небольшие разведывательно-диверсионные операции должны были повышать в русских солдатах воинский дух, который столь существен во время боевых столкновений. Как подметил исследователь военной психологии А. Зыков: «Все, что понижает храбрость одних, повышает храбрость других»⁷. Стоило только морально победить врага, и его командование сразу же, как правило, теряло над ним управление.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что ключевым моментом в тактике малой войны начала XVIII в. являлась неожиданность удара, а также непрерывность операций, в результате которых противник не только физически, но и морально уничтожался. То есть он не должен был «прийти в себя», накопить силы и сориентироваться для ответного удара или маневра. Тактическая цель малой войны предусматривала такой результат боевого применения сил и средств, который приводил бы к резкому изменению обстановки в местах непосредственного соприкосновения с противником и способствовал выполнению боевых задач основными подразделениями войск, задействованных в данной военной кампании. Строго соблюдаемый тактический план ведения боевых действий был чаще всего противопоказан малой войне, а инициативность и непредсказуемость только приветствовались.

Содержание и тактика малой войны

Тактика малой войны всегда вызывала споры при определении ее содержания. В научных работах в перечень тактических приемов, используемых при ведении малой войны, как правило, включались элементы разведывательно-диверсионной деятельности: сторожевая служба (аванпосты, разъезды), сбор сведений о неприятеле (разведка), контрразведка, рейды конницы, засады, конвоирование обозов, фуражировка, нападения на вражеские обозы и другие действия небольших отрядов регулярных войск в тылу противника⁸. Для того чтобы правильно оценить степень воздействия тактики малой войны на исход военного конфликта в целом, полагаем целесообразным более подробно разобраться в содержании основных форм и структурных элементов малой войны.

Основные формы тактики ведения малой войны в начале XVIII в. можно разделить на две группы. Во-первых, это разведывательные действия на тактическом уровне; во-вторых, диверсионные действия. Разведывательные и диверсионные действия, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп.

1. Действия тактической (войсковой) разведки:

1.1. Рекогносцировка местности (с целью оценить обстановку для проведения разведывательно-диверсионных операций).

1.2. Сторожевая служба (разъезды (аванпосты), пикеты, авангарды и арьергарды, фланговые отряды на марше, сформированные для защиты от внезапного нападения противника и для сбора сведений об организации его сторожевой службы).

1.3. Поиск (захват и последующий допрос военнопленного, гражданского лица, дезертира).

1.4. Наблюдение или шпионство (на тактическом уровне).

1.5. Разведка боем (усиленная рекогносцировка)⁹.

1.6. Контрразведка¹⁰.

2. Диверсионные действия:

2.1. Рейд (набег) на территорию противника для нарушения или уничтожения его системы коммуникаций.

2.2. Налеты.

2.3. Засады.

2.4. Операции одиночных диверсантов (шпионов, местных жителей).

Кроме вышеперечисленных действий отдельным пунктом следует выделить партизанское движение местного населения. Несмотря на то, что партизанское движение не имело в XVIII в. массового характера, приобретая широкое распространение в более позднее время (Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война 1941–1945), однако факты его использования, как вооруженного, так и пассивного, в Полтавский период Северной войны неоднократно фиксируются в источниках. Однако включение партизанского движения в разведывательную или в диверсионную группу будет некорректным, так как этот способ ведения боевых действий может содержать в себе как разведывательные элементы (шпионство, поиск), так и диверсионные (засады, налеты, действия одиночных диверсантов). Поэтому представляется целесообразным выделить партизанское движение в отдельный самостоятельный способ ведения боевых действий.

Для обозначения партизанских действий в ходе малой войны 1708–1709 гг. умышленно выбран термин «партизанское движение», а не «война», так как помощь местного населения русской армии чаще всего заключалась в пассивном содействии (шпионаж, доставка припасов, участие в рекогносцировках). Тем не менее, хотя и редко, мирное население все-таки участвовало в вооруженном сопротивлении (вооруженные нападения, одиночные диверсанты). При этом, понятие «партизанское движение» не следует применять к действиям гетманских малороссийских казацких отрядов, действовавших в координации с русскими регулярными войсками. Учитываться должно только мирное население, оказывавшее помощь в борьбе с противником.

Для полноты и более детального анализа основных форм малой войны необходимо разобрать каждую группу и подгруппу в отдельности.

Разведывательные действия

Согласно теории военного искусства, заложенной еще в древние времена и с которой были хорошо знакомы полководцы начала XVIII в., любая войсковая операция должна начинаться с разведки местности и вражеских позиций¹¹. Кавалерийский генерал, составитель «Карманной книжки для службы

легкой кавалерии» П.Х. Граббе выделял три способа получения разведывательных сведений:

1. Показания дезертиров, военнопленных и местных жителей;
2. Сообщения лазутчиков (шпионов);
3. Обзорение посредством сторожевых разъездов или летучих отрядов¹².

В период ведения боевых действий разведывательная информация о противнике, поступающая из разных источников (войсковые разведчики, шпионы, военнопленные («языки»), дезертиры, местное население, слухи и т. д.), стекалась к командованию, а затем сопоставлялась и оценивалась. Здесь же выявлялась ее достоверность¹³.

Полученные в результате разведывательных операций сведения о противнике и о территории, на которой велись боевые действия, давали возможность оценить обстановку и сделать соответствующие распоряжения. Чем полнее и точнее были вовремя полученные сведения, тем большей была вероятность успешного окончания войсковой операции. Основными требованиями, предъявляемыми командованием к войсковой разведке, считались своевременность и оперативность, непрерывность, активность, скрытность, достоверность и точность данных о разведываемых объектах (целях).

По установленным правилам, войсковая (тактическая) разведка всегда обеспечивает боевые действия войск в тактическом звене, в пределах соединений, частей и подразделений, находящихся в непосредственном соприкосновении с противником. То есть целью такого типа разведки, которая велась малыми разведывательными отрядами, всегда являлось: войти в соприкосновение с противником; пронаблюдать за его действиями; при необходимости захватить пленных и оперативно сообщить командованию полученную информацию. Установившееся однажды соприкосновение с противником должно было поддерживаться постоянно, а сбор информации не должен прерываться ни на минуту. К боевым столкновениям разведывательные отряды прибегали только в крайних случаях.

Несмотря на то, что вступление в бой с противником для разведывательного отряда считалось крайней мерой, для получения информации делать это иногда приходилось. Для достижения цели необходимо было приложить максимум стараний: силовым методом захватить пленных; занять или уничтожить стратегически важные пункты, где можно было добыть необходимые сведения, а иногда с применением давления на пленного уточнить уже имеющиеся сведения¹⁴.

Основными же способами ведения войсковой (тактической) разведки являлись: рекогносцировка, сторожевая служба (разъезды, аванпосты, пикеты), поиск, наблюдение (шпионаж) и разведка боем.

Рекогносцировка

Древнеримский военный теоретик Вегетий, на работах которого воспитывались полководцы начала XVIII в., утверждал, что, собираясь вступить в рукопашный бой, опытный военачальник должен прежде всего «получить помощь от выбранного им благоприятного места»¹⁵, то есть разведать местность, на которой планировалось вступить в сражение с противником. В связи с этим рекогносцировка местности являлась неотъемлемой частью войсковой (тактической) разведки в общей схеме мероприятий малой войны.

Незнание местности, на которой планировалось проведение разведывательно-диверсионных операций, могло привести к плачевным последствиям. Поэтому любые активные действия разведывательно-диверсионного отряда начинались с изучения местности и местных объектов (дорог, мостов, переправ, домов, садов и т. д.) в районе предстоявшей операции. Знание местности расширяло контролируемый летучим отрядом район и обеспечивало его свободой действий.

Чтобы оценить сложившуюся обстановку на местности, в рекогносцировочных операциях нередко принимали участие представители генералитета и сам верховный главнокомандующий русской армии Петр I. Такие разведывательные действия практиковали еще видные полководцы в Древнем Риме¹⁶. Ведь лично изучив местность предстоящего театра военных действий, можно более результативно принимать оперативные решения. Именно поэтому царь и его генералы неоднократно выезжали для изучения обстановки в районы соприкосновения с противником¹⁷. Так, в ноябре 1708 г. Петр I лично провел масштабную рекогносцировку предстоявшего зимнего театра военных действий. Оценив результаты и проанализировав полученные из других источников разведывательные сведения, он провел военный совет, на котором были приняты важные решения по организации малой войны в зимнюю кампанию.

Для подготовки тех или иных мероприятий малой войны необходимо было не только тактически грамотно изучить и оценить обстановку, в которой предстояло действовать отряду, но и умело использовать территорию, местные объекты и их свойства. Каждому такому объекту необходимо было уделить внимание, чтобы, оценив разведывательные сведения, сделать соответствующие выводы.

Например, полученные вовремя от рекогносцировочных групп сведения об удобно расположенных лесных массивах, оврагах и высокой траве давали возможность осуществления засады в этих районах. Труднопроходимые болота и леса, запутанная сеть оврагов и ложбин представляли серьезные препятствия для контрдействий противника, тогда как для разведывательно-диверсионных отрядов они обеспечивали дополнительную поддержку своими

скрытыми подступами к цели, кратчайшими путями и надежными убежищами. При рекогносцировке населенных пунктов необходимо было определить внешние признаки присутствия врага (движение больших групп людей, лай собак, большое скопление лошадей и др.), при разведке дороги и болотистых участков — степень их проходимости.

Особого внимания требовала рекогносцировка лесного массива, во время которой устанавливались имевшиеся в нем дороги, просеки, канавы, реки и мосты, болотистые места, густота леса, высота деревьев. При правильной организации рекогносцировки эти знания можно было использовать для того, чтобы в густой чаще и на тесном участке дороги устроить засаду или подручными средствами скрыть удобную просеку, которая могла бы сократить маршрут движения противника.

В зимнее время разведчикам необходимо было обратить внимание на толщину снежного покрова, чтобы определить степень его проходимости для людей и животных; разведать занесенные снегом овраги, замерзшие реки, озера и болота, изучить толщину и надежность льда. Получив эти сведения, разведывательный отряд мог быстро, без задержек, перемещаться по нужной территории и в то же время у него появлялась возможность при отступлении хитростью завлечь преследовавшего его противника на тонкий лед водоема или в непроходимые сугробы.

Разведывательные отряды, направленные на рекогносцировку впереди двигавшихся на марше основных сил армии, использовались не только для сбора сведений о местных объектах, но и для разведки путей следования на наличие подножного корма, источников питьевой воды и населенных пунктов с запасом дров. По результатам таких разведок определялся более выгодный путь для марширующих войск, вносились коррективы в ландкарты военачальников.

Кроме прочего, одним из способов рекогносцировки являлся опрос местных жителей, который проводился как силами разведывательно-диверсионных отрядов, так и специально назначенными лицами или тайными агентами (шпионами). Например, в июне 1702 г., в преддверии строительства так называемой «Осударевой дороги» — сухопутной трассы для переброски войск от Белого моря до Онежского озера, руководителю предстоящих работ сержанту Преображенского полка М.И. Щепотеву была поставлена задача разведать пути движения от Архангельска до Олонца. «И, едучи <...> выпрашивая везде всяких чинов у людей, описать именно: по урочищам, которыми реками и озерами, также и сухим путем, чрез которые места дорожной путь до тех вышеписанных городов явитца ближе, и свободнее, и безопаснее»¹⁸. Но в данном случае заметим, что такой способ получения информации требовал дополнительной проверки, так как мог быть ложным из-за неосведом-

ленности о полной картине событий или умышленного подлога рекогносцировочных сведений в пользу врага.

Сторожевая служба

Сторожевая служба являлась одной из самых важных составляющих разведывательной деятельности армии. Хорошо организованное подвижное сторожевое охранение войск лишало противника главного преимущества — внезапности нападения. Защищая от неожиданных действий вражеских войск, оно обеспечивало в период ведения боевых действий стабильность в положении армии как на марше, так и на отдыхе, а также в бою, то есть являлось, как говорил К. Клаузевиц, глазами своей армии¹⁹.

Командиры воинских соединений отправляли вперед в разных направлениях небольшие скрытные отряды (разъезды) с целью занятия важных пунктов для дальнейшей разведки о неприятеле и для защиты себя от обходов противника, которые могли оторвать их от основных сил. Отряды кавалерии, которые несли сторожевую службу, выдвигались на значительное расстояние от основных сил и располагались или на возвышенности, или на большой равнине, что позволяло осуществлять круговой обзор территории.

Методика несения сторожевой службы в русской армии отработывалась начиная с XVI в. на так называемой «Береговой службе» — ежегодного выдвижения отрядов конницы в район вероятных путей вторжения татарских войск в земли Московского государства²⁰. Процитируем слова О.А. Курбатова о значении «Береговой службы» для развития русского военного искусства: «„Береговая служба“ являлась основной обязанностью ратных людей <...> она же стала ратной школой <...> Без учета этой реальности не понять особенности военного устройства, слабые и сильные стороны вооружения и тактики русского войска на иных театрах военных действий»²¹.

Автор работ о борьбе Русского государства с кочевниками В.В. Каргалов утверждал, что первая «ропись» полков, направляемых для несения сторожевой службы к «крымской украине» датирована 1512 годом²². «Разрядная книга» 1475–1598 гг., на которую он ссылался, кроме прочего содержит одно из первых (1512) правил организации сторожевой службы в приграничном районе, а также указания на проведение разведок и налетов силами «легких воевод» на сопредельных вражеских территориях²³.

Общие правила сторожевой службы в русской армии были упорядочены и обоснованы задолго до правления Петра I в 1571 г. в «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе»²⁴. Австрийский дипломат С. Герберштейн, описывая южные приграничные территории Московского государства в XVI в., сообщал, что там находились русские сторожевые отряды. В частности, он писал: «Ежегодно (царь. — С. И.) по обычаю ставит караулы [в мест-

ностях около Танаиса²⁵ и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей»²⁶.

Но сторожевая служба не ограничивалась только выставлением дозоров и высыланием пикетов в приграничье. По правилам военного искусства в армиях XVI–XVIII вв. на марше для сторожевого охранения назначались авангард (двигался впереди основных сил), арьергард (двигался в тылу основных сил) и боковые отряды. В русской военной традиции такие авангардные отряды назывались *наворон*, *сторожа* или *ертаул*²⁷. Размеры подразделений сторожевого охранения и расстояние между ними зависели от близости неприятеля и от вида местности: чем ближе были враг и пересеченная местность, тем больше были отряды и плотнее расположение их друг к другу²⁸.

Во время стоянки основных сил армии лагерем или на квартирах для осмотра местности, проведения разведки на ближних подступах к месту дислокации своих войск и предотвращения неожиданных нападений противника вперед высылались сторожевые разъезды — небольшие кавалерийские отряды по два-три человека. Кроме этого, они использовались для осуществления сообщения между отдельными подразделениями пеших передовых постов, а также, в случае необходимости, в проведении налетов на неприятельские разведывательные дозоры.

Сторожевые разъезды должны были двигаться, будучи готовыми действовать согласно обстоятельствам, сосредоточено, охраняя себя на таком расстоянии, чтобы неожиданно не быть атакованными отрядами противника. Во время движения разъезды шли кратчайшим, но скрытным от посторонних глаз окружным путем. Ведь общее назначение разъездов — наблюдение, а не бой, поэтому встречи с неприятелем разъезд всячески избегал, не давал себя заметить и маскировался, а миновав вражеских разведчиков, достигал намеченной цели. В пути разъезды проходили мимо больших дорог, открытых мест и населенных пунктов и, как правило, передвигались от урочища к урочищу, быстро преодолевая открытые участки местности. Темп движения отрядов была средним.

Как сообщалось выше, движение разведывательного отряда осуществлялось максимально скрытно, и не только от посторонних глаз, но и от ушей. Для этого разведчики старались не производить лишнего шума, а для передачи команд использовались специальные знаки и жесты. Так, казаки, перенимавшие методику скрытых сигналов у кочевников, для обозначения нужного направления движения применяли полные повороты лошади головного наездника направо или налево, а также указания на необходимый объект внимания оружием (пика, сабля и др.). В ночное время это могли быть хлопки ладонями или высекание искры из кремня²⁹.

Как уже отмечалось, для сторожевой службы использовались разъезды, которые могли быть не только ближними (сторожевыми), но и дальними

(летучими). Ближние разъезды действовали неподалеку от расположения основных сил, а дальние разъезды посылались на значительное расстояние (от 5 до 15 км) с тем, чтобы напасть (налет, засада) на объекты вражеской сторожевой службы или захватить «языка» (поиск). Дальние разъезды также можно назвать рейдами по занятым противником территориям («промысел») с целью разрушить тыл неприятеля путем проведения многочисленных диверсий. Логичным будет утверждать, что самые важные сведения о противнике, которые могли оказать влияние на ход операции, чаще всего получали от дальних кавалерийских разъездов.

Поиск

К началу XVIII в. сформировалась одна из главных форм ведения разведывательной деятельности — поиск, то есть действия небольшого летучего отряда в тылу, на флангах или в районах расквартирования войск противника с целью захвата пленного и последующим его допросом. Примечательно, что теоретик и практик малой войны Д.В. Давыдов свои действия в тылах французской армии называл поиском³⁰.

По достоверности и качеству информации захваченный пленный («язык») был, как правило, более ценен для разведки, чем шпион. Неслучайно в Московском государстве XVII в. одним из основных поощрений за боевые заслуги были награды за разведку с «проведыванием вестей» и «взятием языков»³¹. Например, драгун выборной Ингерманландской роты П.Ф. Косецкий в 1704 г., находясь под Нарвой, «посылан был многожды под город для взятия языков, и под городом шведского языка взял». За проявленную ловкость и смелость он получил от светлейшего князя А.Д. Меншикова пять червонцев³².

По мнению Д.В. Давыдова, для правильной организации поиска необходимо было соблюдение следующих условий:

- создание сети мобильных отрядов, с помощью которых противник охватывался по кругу (фронт, весь тыл и фланги);
- ведение непрерывного поиска в местах соприкосновения с противником;
- назначение участков для поиска как одиночным отрядам, так и небольшим действующим сообща соединениям;
- поддержание находящихся в поиске отрядов специально для них выделенным резервом;
- присутствие в организации поисков системы, а не хаотичности.

В случаях, когда главнокомандующий не мог оперативно принимать решения по действиям отрядов, находящихся в поиске, для объединенного руководства ими мог назначаться грамотный командир (начальник) с правом самостоятельного принятия решений³³.

Для успешного проведения операции по захвату пленного отряда была необходима тщательная подготовка. В частности, требовалось заранее узнать порядок несения сторожевой службы у противника (где расставляются дозоры и караулы, в какие часы происходит их смена, по каким дорогам движутся посыльные, где живут офицеры и т. д.), чтобы найти уязвимое место и атаковать.

Русской армии в годы Северной войны найти такое место в отлаженной военной машине шведской армии было непросто. Хорошо организованные войска противника редко допускали ошибки и захватить из его рядов «языка» часто не представлялось возможным. Как сообщал весной 1706 г. генерал-лейтенант К.Э. Ренне А.Д. Меншикову: «От швецкого войска языка достат трудно, понеже бо ходят завсегда купую (вместе. — *С. И.*), толко волоши³⁴ — что зайцы бегают»³⁵. По этим причинам для достижения своей цели отряд, ведущий поиск, действовал очень скрытно. Не вступая в открытый бой, не давая себя заметить, он пропускал неприятельский разъезд и атаковал его только при неизбежности окружения или для предотвращения отступления неприятеля, который мог вызвать поддержку.

В некоторых случаях для выманивания потенциального «языка» из укрытия разведчики прибегали к различным хитростям. Например, в документах Преображенского полка сохранилось сообщение, что сержант М.И. Щепотев, который с небольшим отрядом драгун действовал в 1702 г. у Ниеншанца, подобрался к городу почти вплотную (на 200 м), где разведчики захватили около 50 пленных, 60 лошадей и более 100 голов скота, при этом уничтожив заготовленное для шведских драгун сено («сено сожгли для того, чтоб шведские драгуны увиди большой огонь к нашим выехали»)³⁶. О еще одном примере военной хитрости сообщал эстонский исследователь М. Лайдре, цитировавший работу прибалтийского историка XVIII в. Ф.К. Гадебуша. В частности, он описал, как русские драгуны из отряда полковника В.А. Вадбольского, высланные к Нарве и Иван-городу, сняв шведские аванпосты, подожгли несколько усадеб и хуторов, а для создания дополнительной суматохи выкрикивали на финском: «Вставайте! Русские идут!» Выбегавших из домов жителей драгуны захватывали в плен или убивали³⁷. После шести часов хаоса отряд, предав огню городской посад, так же стремительно как атаковал, покинул место нападения и отступил³⁸.

Как правило, захват пленных предполагал немедленную их передачу непосредственному начальнику разведывательного отряда, который ввиду важности и оперативности получения информации должен был их допросить с составлением расспросных речей, прикладываемым к донесениям, направляемым в ставку командования. Тексты расспросных речей и донесения неоднократно используются в данной книге.

Опыт, приобретенный русской армией на начальных этапах Северной войны, позднее сформировал пункты в воинском уставе («Артикуле воинском») 1715 г., в том числе и касающиеся поведения военнослужащих при захвате пленных: «Генералу или командиру зело потребно есть, чтоб он тотчас пленных получил, и от иных о состоянии неприятеля и его намерении уведомится возмог. Ибо в малом умедлении времени великой интерес пренебрежен быти может»³⁹.

На важность пленных, как источник разведывательной информации, указывал исследователь военно-полевых судебных учреждений начала XVIII в. М.П. Розенгейм⁴⁰. В частности, он писал, что независимо от того, кем был произведен захват пленного, от военнослужащих русской армии требовалось, под страхом лишения «живота и чести», не бить их и не убивать. Все пленные должны были немедленно представляться генерал-аудитору⁴¹, который составлял список «языков» и допрашивал каждого из них, а затем передавал для содержания генерал-гевалдигеру⁴².

После удачного пленения «языка» и доставки его в безопасное место проводился обязательный допрос, зачастую с применением пытки, с целью избежать дезинформации. К таким кардинальным мерам подталкивало то обстоятельство, что вовремя не доставленная или не обработанная оперативная информация могла повлиять не только на исход частного эпизода, но и на исход всей операции в целом. В этом легко можно убедиться, изучая военные кампании петровских войск.

Как правило, на допросе военнопленного задавались типичные для начала XVIII в. вопросы:

- название его полка и сколько в нем личного состава;
- из какого он подразделения, имя его командира;
- расположение полка и всего соединения в целом, нахождение главной квартиры;
- как располагается подразделение (на квартирах или лагерем), сильны ли передовые посты и места их расположения, укреплены ли позиции;
- какие подразделения расположены рядом с его полком;
- нет ли приказаний на марш или приготовлений к нему;
- последние приказы по армии и слухи в войсках;
- наличие продовольствия, маршруты фуражиров, нахождение магазинов;
- число больных⁴³.

По результатам допроса командованию становились известны подробности жизни вражеской армии: ее численный и офицерский состав, расположение, морально-психологическое состояние, инфраструктура обеспечения.

Кроме этого, в зависимости от боевой обстановки или рода войск, в котором проходил службу взятый в плен военнослужащий, задавались дополнительные вопросы:

- а) для находившихся на марше:
 - какое направление у колонны;
 - сколько корпусов находится на марше;
 - конечная точка маршрута колонны;
- б) для кавалеристов:
 - состояние конского состава, количество больных лошадей;
 - наличие фуража и как он доставляется в подразделение;
- в) для артиллеристов:
 - где главный артиллерийский парк и осадные орудия;
 - где основные артиллерийские запасы;
 - сколько всего орудий в наличии;
 - наличие в армии понтонных мостов;
 - состояние упряжных лошадей;
- г) для инженеров:
 - наличие шанцевого инструмента и его количество⁴⁴.

Получив необходимые сведения, можно было правильно оценить обстановку и организовать предстоящую атаку на противника, то есть перейти к диверсионной деятельности и провести налет или засаду.

Кроме этого, захваченные разведывательными отрядами «языки» могли использоваться и для психологического воздействия на вражеских военнослужащих. М.Х. Лайдре цитировал документы о том, как захваченные во время вылазки под Дерптом 28 июня 1704 г. офицеры из шведского гарнизона — Швенгельн, Цвайберг и пастор Бернхард Олдекоп — написали к находившимся в осаде горожанам письма, которые были переданы в крепость. В этих письмах задержанные рассказывали о благородстве русских офицеров к пленным и безнадёжности сопротивления гарнизона⁴⁵. Такие информационные атаки на сознание людей, находившихся в осаде, вносили в их ряды смятение и подталкивали к пораженческим настроениям, которые приближали капитуляцию.

Наблюдение (шпионство)

Как уже упоминалось, для получения разведывательных сведений во время боевых действий начала XVIII в. использовались все способы и средства, а общая оценка сведений проводилась на основании всех собранных сообщений из всех источников разведывательной информации (специальных отрядов, шпионов, местного населения, дезертиров из лагеря противника и сбежавших из плена военнослужащих).

Первоочередной задачей разведывательно-диверсионного отряда был сбор по возможности достоверных сведений о планах противника, его расположении и силах. Но даже самые опытные отряды не могли разгадать всех намере-

ний врага и выяснить подробности о его силах и расположении. Видеть было недостаточно, надо было еще и слышать, а такая возможность предоставлялась лишь посредством шпионов. Если сторожевая служба была глазами армии, то шпионов можно назвать ее ушами.

В XVI–XVII вв. на Руси для сбора разведывательных сведений («вестей») в распоряжении царских воевод находились специальные лица — вестовщики (лазутчики⁴⁶), которые вели шпионскую деятельность в приграничных районах. В русском языке слово шпион появилось вначале XVIII в. и обозначало как своих, так и чужих представителей этой профессии. В документах петровского времени слово «шпион» упоминается в вариантах написания *спег*, *спиг*, *шпег*, *шпек*, *шпиг*, *шпик*.

Шпионом (лазутчиком) был чаще всего наемник, то есть человек, выполнявший эту опасную работу за деньги. Из данных, приведенных в исследовательской работе В.Н. Клембовского, можно заключить, что в Западной Европе долгое время (примерно до середины XIX в.) шпионство считалось чем-то постыдным, занятием недостойным для благородного сословия⁴⁷. Однако в Российском государстве, напротив, к разведывательной деятельности привлекались различные слои населения и даже дворянство. Так, еще до начала масштабных боевых действий Северной войны, в отписке для Посольского приказа Новгородского воеводы И.Ю. Трубецкого от 3 мая 1700 г. говорилось: «Указал ты, великий государь, послать из Великого Новгорода за свейский рубеж в Ругодив, и в иные порубежные города, и к Риге новгородцов дворян и детей боярских знатных <...> для проведыванья <...> послал я <...> нарочных посыльщиков из дворян, знатных людей, а под Ригу в саксонское войско для подлинного уведания (проведывания. — С. И.) ж знатного ж дворянина Петра Васильева, сына Чертова»⁴⁸.

В целом можно сказать, что у каждого лица, привлекаемого к шпионству, были свои причины, побуждавшие его на то согласиться. Исходя из этого, можно заключить, что шпионы были добровольные (личности, заинтересованные в материальном обогащении; авантюристы; лица, оскорбленные несправедливым к себе отношением со стороны представителей власти) и по принуждению (под угрозой смерти, в том числе и членов семьи⁴⁹).

Они могли быть простыми (служившими одной стороне) и двойными (служившими обеим конфликтующим сторонам ради двойного вознаграждения), а также временными (выполнявшими единичные разведывательные действия) и постоянными (неоднократно выполнявшие разведывательные поручения).

В контексте данного исследования рассматриваются шпионы, задействованные не в дипломатической разведке, а только те, которые вели свою разведывательную работу на линии непосредственного соприкосновения с против-

ником. По способу действий такие шпионы делились на подвижных, перемещавшихся из одного района в другой для сбора сведений (торговцы, нищие, пастухи и др.), и неподвижных (местных), проживавших в одной местности.

В состав разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших на занятых противником территориях, могли входить проводники-шпионы, так как командиры посылавшихся для операций малой войны воинских формирований нуждались в информации о ближайшем к ним, на расстоянии одного перехода, районе. Именно на такую дальность отправлялись действовавшие с партией шпионы. При этом, расстояние не должно было превышать 18–20 км, иначе полученные ими сведения не успевали бы доходить до адресата и теряли свою актуальность. Кроме этого, шпионы, которые участвовали в операциях совместно с разведывательно-диверсионными отрядами, являлись еще и посредниками между оторванными от основных сил мобильными отрядами и ставкой командования для доставки полученных разведывательных сведений.

В некоторых случаях (глубокие районы вражеской территории, укрепления и населенные пункты) разведка силами регулярных войск была просто невозможна, поэтому русской армии для сбора более точных сведений о расположении, составе и силе вражеских войск крайне необходимы были шпионы, от которых требовалось изучить территорию предстоящих боевых операций малой войны. Поэтому весьма логичным звучало утверждение Петра I о том, что необходимо привлекать к разведывательной деятельности как можно больше лиц способных к шпионажу: «Что более, то лутче <...> ибо оными более, нежели подъездами, уведать возможно, и тако конницу не надлежит толь часто утомлять будет»⁵⁰.

Иногда для незаметного пересечения занятой врагом территории и попутного сбора разведывательной информации под видом гражданских лиц отправлялись военнотруженики. Так, в Гродно, с письмами от Петра I, был направлен «тайным образом, нарядясь в польское мужичье платье» поручик Семеновского полка П.И. Яковлев⁵¹. Отметим, что это был не единичный случай. М.Д. Рабинович писал о полковнике А.А. Мякингине, который в офицерской «сказке» среди прочих сведений сообщал, что в 1706 г. под Гродно он переодевался в гражданское платье и проникал во вражеский лагерь для разведки⁵². Сам же А.А. Мякингин писал, что в 1705 г. выполнял специальные поручения по передаче корреспонденции «промеж армий Царского Величества и польского и саксонского Королевского Величества». Также он сообщал подробности своего шпионского рейда по тылам противника: «Взяты от князь Михаила Григорьевича Ромодановского и посланы тайным обычаем шпионом с жидом для верности, как возможно пройти промеж неприятельских людей до господина Рена с писмами, понеже с другими рангами таких

писем послать не можно <...> И как пошел я пеш из Гродни с жидом, убран был в мужицкое платье, за пашпортом жидовским, и дошел до местечка Еснегов, и на третий день в местечке Еснегах первая партия от шведской армии нам повстречалась, из того местечка [идя], лесами многую нужду и трудность имели. И не доходя за пять миль до Тикотина, господин генерал Рен, собрався, с своею командою стоял, и получив от меня письма, тотчас и пошел с командою в Гродню»⁵³.

На успешную вербовку шпионов влияло дружественное или хотя бы сочувствовавшее правительству и войскам местное население территории, на которой велись боевые действия. С вступлением войск в незнакомую землю командование старалось завязать отношения с влиятельными людьми занятого района, приобретая их доверие, а также тщательно изучало характер населения и намечало лиц, которые могли быть полезны в качестве проводников или шпионов.

Условия для шпионской деятельности не всегда складывались для петровской армии благоприятно. По замечанию Т.А. Базаровой, во время малой войны в Прибалтике при организации разведывательной деятельности русскому командованию пришлось столкнуться с кадровой проблемой, так как в Ингерманландии начала XVIII в. русскоязычным было чуть больше 20% населения, а основную его часть составляли финны-лютеране⁵⁴. Подданные шведской короны («чухна») не скрывали своих антироссийских настроений и вместо помощи армии Петра I с большей охотой содействовали шведскому командованию, снабжая его подробными сведениями о действиях царских войск, что подтверждается рядом документов⁵⁵.

Как отмечается в военно-походном журнале Б.П. Шереметева, в сложившейся обстановке и за неимением возможности вербовки агентов из числа местного населения царская разведка на вражеской территории в полной мере использовала представителей немногочисленного русского населения «зарубежных» (приграничных) городов⁵⁶. М.В. Пулькин, изучавший документы событий Северной войны в Карелии, писал, что в ноябре 1700 г. православные карелы из подконтрольного шведской короне прихода Салми сообщили русскому командованию ценные сведения о системе пограничных укреплений противника, в результате чего удалось успешно провести диверсионный налет на эти позиции⁵⁷.

Двигаясь по занятой армией врага территории, разведывательно-диверсионные отряды допрашивали попадавшихся им на пути людей из числа местного населения. В частности, уточнялось: откуда они; не встречали ли войск противника в движении или на стоянке и, если видели, в каком количестве; что слышали и видели о количестве войск в городах (деревнях), о сторожевых постах (если видели, то сколько и какой силы); какие в районе

мосты и дороги, стоит ли на них враг и не занимается ли их укреплением. Кроме этого, разведчиков интересовал и ряд бытовых вопросов: количество съестных припасов в районе расположения противника, собирает ли он их; какие ходят слухи; в каком состоянии войска, нет ли среди них больных.

Не менее важными сведениями обладали шпионы, которые под видом торговцев свободно проникали в лагерь противника. В этом нет ничего удивительного, так как торговля всегда сопутствовала войне. Еще в начале XVII в. голландский купец Я.П. Коэн утверждал: «Мы не можем ни торговать без войны, ни воевать без торговли»⁵⁸. К тому же лица, профессионально занимавшиеся торговлей, имели схожие качества со шпионами — смелость, скрытность, находчивость, наблюдательность, склонность к авантюризму.

Военачальники армии Петра I неоднократно использовали в разведывательных целях еврейских предпринимателей («жидов»), диаспора которых в Польше, Литве и Гетманщине была обширной⁵⁹. Выясняя вопросы, связанные с торговыми отношениями в местах расположения противника, они вызнавали подробности о состоянии и степени обеспечения вражеской армии. Например, в сентябре 1708 г. генерал-лейтенант К.Э. Ренне сообщил в письме к князю А.Д. Меншикову, что через одного из таких еврейских торговцев он получил сведения о планах противника на движение в Гетманщину. В прилагаемых к письму расспросных речах содержались подробные данные: «Сентября 20 дня присланной от господина полковника Яковлева жид допрашиван. А в допросе сказал, зовут ево Мойша Левин житель мстиславский. И назад <...> с неделю мстиславские жида Хаим с товарищи 8 человек поехали из Мстислава х Крычиву для покупки соли. А ево наняли в проводники. И приехав в Крычев, оные жида купили соли у украинских казаков, которая привезена была рекою Сожею на судах. И в прошлую субботу, как пришли в Крычев шведы, тое соль у жидов и казаков соль же и горилку, и что у них ни было, все побрали. И вчерашняго дня под Крычов сам король шведский и все его войско и обоз чрез реку Сожу все перебрались чрез два сделанные моста, а другие в брод. И слышал, что пошли на Украину в черкасские города»⁶⁰.

Русское командование считало еврейских торговцев ценным людским ресурсом для шпионской деятельности. Именно эти обстоятельства послужили причиной тому, что Петр I был крайне возмущен сообщением А.И. Ушакова в октябре 1708 г. о том, что в Стародубе местные жители «жидов (предназначенных. — С. И.) для шп(игов) побили»⁶¹. Но при всем вышеизложенном отметим, что местные жители или торговцы, попадавшие на пути разведывательно диверсионного отряда, были весьма сомнительным источником информации о войсках противника. На местности они еще могли сориентироваться и быть направленными в качестве разведчиков в нужном направ-

лении, а вот подробности о состоянии вражеских войск (его численности, вооружении, конском составе и т. д.) им давались с трудом, так как людям, совершенно незнакомым с военным бытом, это было просто не под силу. Поэтому и «расспросные речи» таких шпионов содержали массу неточностей и условностей.

Ценными источниками разведывательной информации были дезертиры — выходцы из вражеского войска. Причины для побега из своего лагеря могли быть следующие: преступление и страх наказания за него, стремление получить вознаграждение за измену, ослабление моральных и физических сил, а также другие частные случаи. Люди, находившиеся непосредственно в воинских подразделениях армии противника и имевшие доступ к информации, скрытой даже от глаз шпионов, могли дополнить ту картину, которую составляло командование, оценивая поступавшую разведывательную информацию.

Очень важными были сведения об общем «климате» внутри вражеского лагеря: настроения в среде военнослужащих, число больных и раненых, состояние конного парка. Анализ полученных сообщений мог указывать на перебои в снабжении продовольствием, которые в свою очередь сказывались на здоровье шведских военнослужащих, а недостаток фуража приводил к падежу лошадей из кавалерийских полков и подразделений обеспечения. Получив такую ценную информацию, русское командование могло планировать свои действия и усиливать давление на противника на том или ином участке с максимально положительным результатом.

Дополнить общую картину получаемой разведывательной информации могли также бежавшие из вражеского плена военнослужащие. Видя в той или иной форме обстановку во вражеском лагере изнутри, они могли сообщить командованию ценные сведения для дополнительного подтверждения данных разведки, получаемых из других источников.

Инженерная разведка

В начале XVIII в. театр военных действий состоял из системы крепостей, которая была неотъемлемой частью защиты городов и опорных пунктов противоборствующих армий. Разведывательная деятельность, проводимая в ходе подготовки операций малой войны, должна была выявлять данные о боевых возможностях противника, включая уязвимые места в системе его оборонительных сооружений, а кроме того, и удобные условия для их атаки.

Когда действия разведывательных отрядов в силу тех или иных причин не могли использоваться для инженерной разведки, командование возлагало эти задачи на одиночных разведчиков-шпионов. Именно поэтому еще до объявления войны Швеции, во время подготовки к военным действиям на ее территориях в Карелии и Ингрии, так как отправить разведывательные

отряды не представлялось возможным, возникла необходимость организации разведки этих укреплений закрытым способом, то есть посредством шпионов. С этой целью в марте 1700 г. Петр I приказал отправить в Нарву, которая была выбрана основным объектом для начала боевых действий, осведомленного в вопросах фортификации сержанта Преображенского полка В.Д. Корчмина. Ему была поставлена задача, под видом покупки пушек для русской армии, провести разведку инженерных сооружений шведских крепостей Нарва и Нотебург, а если «в него нельзя, хоть возле его», потому как «место тут зело нужно»⁶².

Тщательное изучение фортификационных укреплений позволило бы вычислить наиболее уязвимые места в защитных сооружениях крепости и выбрать участок для инженерной атаки, а знание сил и средств гарнизона давало возможность определить степень его готовности к сопротивлению. Но эта разведка не была осуществлена из-за того, что шведская администрация и коменданты крепостей весьма подозрительно относились к выходцам из России, не позволяя им задерживаться в населенных пунктах⁶³.

Не имея возможности отправлять шпионов из России, русское командование использовало помощь союзников (Саксонии, Дании) и рядовых иностранцев, которые могли беспрепятственно проникать в шведские крепости и города. Самой дерзкой из разведок Нарвской крепости, по мнению эстонского историка М.Х. Лайдре, считаются шпионские действия Р.Х. Боура летом — осенью 1700 г., когда он, будучи еще саксонским офицером, попав в город под видом перебежчика, тщательно изучил его укрепления. Пробыв в крепости целых четыре недели, он выбрал удобный момент и сбежал в русский лагерь, где передал командованию весьма ценные оперативные сведения⁶⁴.

При осаде крепостей, когда войска переходили к непосредственной атаке фортификационных сооружений противника, для инженерной разведки укреплений использовались уже не только шпионы, но и разведчики из армейских подразделений. Например, после занятия позиций для атаки Дерпта в 1704 г. русскому командованию понадобились точные сведения об укреплениях города, чтобы выбрать правильное направление для подвода осадных траншей к его стенам. Для инженерной разведки к городу, под прикрытием драгунского полка Г.С. Волконского, были направлены гвардейский капитан П.С. Глебовский и инженер Геймс, с целью составления плана фортификационных сооружений⁶⁵. Драгунский поручик Я.Г. Сытин сообщал о своем участии в этой разведке: «По прибытии к Дерпту послан с ротою к самым палисадам для охранения лейб-гвардии капитана Глебовского и инженера, кои [о]смотривали круг крепости, откуда способнее весть апроши»⁶⁶. Разведывательные действия такого характера, как правило, были связаны с особым риском и требовали определенной смелости от ее исполнителей, которым

приходилось для получения достоверных сведений подбираться вплотную к вражеским укреплениям, где они могли стать легкой добычей сторожевых постов гарнизона крепости.

Кроме визуальной разведки укреплений противника и составления планов фортификационных сооружений требовались сведения о внутреннем устройстве гарнизона крепости. В таких случаях необходим был захват «языка» непосредственно из состава гарнизонных войск. Так, когда в июле 1709 г. требовалась инженерная разведка Выборгских укреплений, уже упоминаемый выше Я.Г. Сытин был «послан в партию к Выборгу, и велено быть о самую стену, чтоб достать языка, в которой взял прапорщика и 12 человек рейтар»⁶⁷.

Переписка и донесения командованию не раз отмечали разведывательные действия в отношении вражеских укреплений, когда офицеры-инженеры выезжали во вражеское расположение, осматривали фортификационные объекты и затем составляли графические планы, дававшие возможность командованию спланировать предстоящие осадные операции⁶⁸.

Разведка боем

Разведка боем в начале XVIII в. являлась крайней, но действенной мерой для получения данных о расположении, численности и вооружении противника, когда другими средствами и способами разведчикам не удавалось добыть необходимые сведения⁶⁹. Чаще всего разведка боем применялась в тех случаях, когда оперативная обстановка требовала быстрых решений и скорейшего перемещения войск по театру военных действий.

Неожиданный разведывательный налет или набег на объекты неприятеля и следовавшее за этим быстрое отступление нередко сопровождалось преследованием разведывательного отряда силами врага, которое могло перерасти в общее наступление.

Разведка боем проводилась путем быстрого наступления на район предполагаемого расположения противника с целью завязать бой на каком-либо участке и этим поднять тревогу в лагере врага, чем заставить его показать свои скрытые силы⁷⁰. В июле 1705 г. отряд под командованием полковника Р.Х. Боура (13 драгунских рот) применил такой способ разведки во время рейда к Митаве. В походном журнале Б.П. Шереметева сообщается, как под прикрытием ночи отряд подошел к воротам Митавской крепости, а стоявшая у ворот на карауле рота шведских солдат была так поражена неожиданным появлением русских, что, бросив свой пост, побежала за городские стены. Драгуны, преследуя их, ворвались на улицы Митавы, поражая убежавших врагов. Атака продолжалась до городской площади, где несколько подразделений шведов, укрывшись за рогатками, попытались остановить атакующих.

Перескочив через рогатки, русские кавалеристы продолжали поражать противника, который, не выдержав отчаянного налета, отступил в замок. Захватив пленных и ценные трофеи (девять знамен, две пушки и четыре мортиры), мобильный отряд организованно отступил и вернулся в свой лагерь⁷¹.

Похожая операция была осуществлена русской армией в октябре 1705 г. в окрестностях Варшавы, где российско-польско-литовско-саксонскому отряду удалось провести разведку боем, уничтожить большие силы противника и организованно отступить. В частности, в начале октября 1705 г. А.Д. Меншиков поручил отряду полковника И.С. Горбова (500 русских драгун, 200 саксонцев, польско-литовский отряд К. Синицкого) провести разведку варшавских окрестностей, занятых войсками С. Лещинского. Получив разведывательную информацию от пленных о том, что в предместье Прага, у моста через Вислу, в рогатках стоит небольшой отряд гвардии нового польского короля, было принято решение о проведении налета на эти укрепления. Основной целью перехода от сбора разведывательных сведений к непосредственному силовому воздействию на противника было уничтожение моста как важного вражеского коммуникационного объекта. 13 октября авангардный отряд русских драгун спешил на линии непосредственного соприкосновения с противником и атаковал врага. Несмотря на шквальный огонь, им удалось отрезать от моста оборонявшихся, а подоспевшие дополнительные силы кавалерии «Лещинского гвардию <...> розбили, что ни единая душа не спаслась»⁷².

Пытаясь удержаться на этом участке, спешенные кавалеристы ружейным огнем сдерживали атаки конницы противника, которая намеревалась прорваться через мост, в то время как другая часть драгун старалась разрушить мостовые перекрытия и нарушить переправу. И.М. Бордуков, который участвовал в акции у варшавского моста, в 1721 г. в автобиографической «сказке» сообщал: «Пришед под Аршаву, караул швецкой отбили, мост подрубили»⁷³.

Сдерживать долго натиск врага не представлялось возможным. Ввиду того, что запас пороха был на исходе, отряды И.С. Горбова и К. Синицкого организованно отступили от Варшавы. Проехав несколько верст, сводный отряд встретил спешащих им на помощь саксонских кавалеристов Я.Х. Генскина. Пополнив силы боеприпасами и личным составом, русско-литовско-польско-саксонский отряд был готов напасть на противника вновь, но фактор внезапности уже был потерян и союзные войска отступили к основным силам армии⁷⁴.

В некоторых случаях разведка боем была не преднамеренной операцией, а становилась следствием разведки, короткого налета, скрытой засады или акции по захвату «языков». Они не должны были перерасти в активную фазу, но обстоятельства складывались непредсказуемым образом. Так, действовав-

ший в районе Нотебурга в 1702 г. И.И. Епанчин сообщал, что «посыланы мы были для подлинных языков под Канцы (Ниеншанц. — С. И.), где и взяли чрез бой»⁷⁵. Более развернутые подробности одной из таких разведок, переросших в боевое столкновение, сообщал в письме царю А.Д. Меншиков в 1708 г.: «Послан был к Гродне капитан Нижегородского полку с 60 челове- ки, и велено ему токмо проведать ест(ь) ли в Гродне шведы, и как он к самой приблизился Гродне и прислушал по голосу, что совершенно есть шведы, то тотчас, отважась, спешил своих людей и, разорвав рогатки, вошел в место и шел до самого доминиканского клиштора, где стоял князь Даромштатцкой; и когда увидел, что при оном кляшторе стоит кавалерия швецкая, а именно 300 человек керасиров лейб-регимента, тотчас на них ударил и с 50 человек на месте положил да дву живых взял, и того ж часу назад возвратился, понеже вскоре, тое тревогу услышав, другие стали секундовать (сопротивляться. — С. И.) <...> тот наш капитан из Гродни слава Богу, без великого с своей сто- роны урону вышел»⁷⁶.

Контрразведка

При организации разведывательной службы командование прилагало максимум усилий для получения сведений о противнике, в то же время не меньше внимания уделялось тому, чтобы скрыть от врага информацию о своих войсках (расположение, состав и планы). Способом воспрепятствования разведывательным действиям противника являлась контрразведка.

Для малой войны начала XVIII в. речь не шла о глобальной борьбе со шпионской и диверсионной деятельностью других стран (в том числе и враждебно настроенных) на всей территории своего государства. Основным направлением контрразведки периода малой войны становилась борьба со шпионами и диверсантами непосредственно в местах соприкосновения с противником. Например, драгун Юренев из полка А. Морелия сообщал, что его произвели в капралы за следующие действия: «Был я в командировке в партии с поручиком И.Л. Лаптевым, и взяли мы шведскаго капитана, ходившего в Нарву шпионом, и за то дано нам царскаго величества жалованья по рублю»⁷⁷.

Иногда офицерам драгунских полков приходилось проводить целые расследования по выявлению разведывательных действий противника на том или ином участке. Так, 25 августа 1705 г. прапорщик И.Б. Бардин из драгунского полка И.С. Горбова докладывал К.Э. Ренне, что он «ездил за реку Болшу в деревню Шкиря для взятъя тое деревни жителей, которые ходили до шведов шпегами, и в той деревни жители ему <...> сказали, что-де ушли за реку; и он <...> спрашивал на реке перевозщика, и он сказал, что-де такие люди чрез реку шли на закате солнца вчерашнего дня, только-де он про то не ведал, что они шпеги»⁷⁸.

Задачи на контрразведывательную деятельность для разведывательно-диверсионных отрядов, задействованных в операциях малой войны, ставились параллельно с другими (поиск, сторожевая служба, рекогносцировка и др.), в ходе выполнения которых они могли столкнуться с вражескими шпионами и диверсантами. Поручик И.Л. Лаптев сообщал, что во время Нарвской операции 1704 г. для обеспечения блокирования крепости и контрразведки «посылан был во многие партии под город Нарву под стену, и на Колывановской дороге брали многих языков» и все лето «до взятия Нарвы стояли на отъезжих караулах»⁷⁹.

Завершая обзор разведывательных действий, следует сказать, что все вышеперечисленные способы ведения разведки в той или иной степени использовались не только в войнах начала XVIII в., но и в последующие века, вплоть до современности. Неслучайно все основные способы ведения разведывательной деятельности (сторожевое охранение, наблюдение и подслушивание, поиск, разведка боем) можно встретить и сейчас в учебных пособиях для подразделений войсковой разведки российской армии⁸⁰.

Диверсионные действия

Основной боевой формой ведения малой войны в начале XVIII в. являлась диверсия (*от лат. diversio* — отклонение, отвлечение). Под этим подразумевались действия специальных групп (подразделений, отрядов) или отдельных лиц в тылу противника: нарушение управления войсками, разрушение коммуникаций, уничтожение живой силы и воздействие на морально-психологическое состояние врага.

Знаменитый полководец XVII в. Р. Монтекукколи, на книгах которого воспитывались военачальники XVIII в., считал диверсионные действия одним из принципов военного искусства. Своим последователям он советовал во время войны «препятствовать подвозу провианта на неприятельские позиции; разорять магазины врага тайно или открытой силой; подступать к нему в плотную, стесняя его действия; перерезать коммуникации <...> по-немногу истреблять его силы, нападая на отдельные отряды, фуражиров, конвои; поджигать его лагерь и снаряжение; пускать чумной дым; разорять окрестности его городов; разрушать мельницы; отравлять воду; распространять заразные болезни; сеять рознь между его людьми»⁸¹.

Диверсии, как правило, не преследовали масштабной стратегической цели, а действовали тактически, отвлекая противника от важных задач, районов и объектов, а также мест решающего удара. Для достижения цели диверсий, задействованные в малой войне воинские подразделения, при необходимости и наличии достаточных сил, вступали в открытый бой, который в теории

малой войны назывался нападением. Это был стандартный вид боя, однако в нем выделялся ряд характерных особенностей: полная самостоятельность действий отряда, возможность немедленного прекращения нападения на противника в случае угрозы поражения и, как следствие, выход из боя.

Один из кавалерийских уставов конца XVIII в., обобщивший опыт малой войны этого столетия, устанавливал, что по итогам подготовки к диверсионной операции командиру летучего отряда ставились следующие задачи:

- разведать все дороги и просеки в районе предполагаемых действий, для чего постараться найти проводника;

- передвигаться по ночам и скрытно, а возвращаться в свое расположение по другому пути;

- избегать прохождения через населенные пункты, а если придется, то по возможности делать это ночью и двигаться не в боевом порядке, а малыми группами, чтобы враг не мог узнать количества военнослужащих в отряде;

- для отдыха останавливаться в поле, а не в населенных пунктах;

- к местным жителям относиться вежливо, чтобы не допустить сообщений об отряде неприятелю;

- впереди отряда, на небольшом расстоянии, направлять авангард, чтобы вовремя обнаружить врага и принять решение на атаку (при слабости его сил) или отступление;

- не увлекаться преследованием при отступлении атакованного неприятеля⁸².

Знаменитый партизан Д.В. Давыдов отмечал, что командир разведывательно-диверсионного отряда перед проведением операции определял место сбора для военнослужащих в случае неудачного исхода атаки на неприятеля (на удалении около 5 км от места проведения нападения). Бойцам предписывалось в случае поражения двигаться в пункт сбора как можно быстрее, по одному или мелкими группами, по окружным и скрытным дорогам⁸³.

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь уставными положениями конца XVIII в. по ведению разведки, можно сделать заключение, что при осуществлении диверсионных операций и контакта с противником кавалерийские отряды должны были следовать следующей тактике:

- столкнувшись с вражескими силами, находящимися на марше, необходимо собрать все силы отряда и ударить по неприятелю, не давая ему опомниться;

- нападая на сторожевые посты, охранявшие квартирный район противника, необходимо стремительно атаковать врага, захватить «языков» и, не дожидаясь подхода свежих неприятельских сил, немедленно отступить;

- нападая на небольшой квартирный район (деревня, село), командиру необходимо быть уверенным в своих людях, которые в ночное время не должны увлечься грабежом или преследованием убегающего неприятеля;

— нападая на отряд противника, необходимо держать врага на незначительном расстоянии, оценить его боевой и численный состав, при небольших атакующих силах вступить в бой, а в случае превосходящих сил противника организованно отступить⁸⁴.

Основными же диверсионными видами боя в XVIII в. при выполнении задач малой войны являлись налет и засада.

Засады

Наиболее известным в истории военного искусства стал такой способ ведения диверсионных действий как засадная операция. Еще византийский военный теоретик Маврикий отмечал, что организованные должным образом засады приносят большую пользу в сражениях⁸⁵. Такие диверсионные операции могли проводиться как крупными подразделениями, так и небольшими отрядами.

Масштабные засады проводились при отступлении. В горячности преследования враг терял бдительность, и появлялась возможность дать отпор с неожиданной стороны. Также можно было атаковать, получив сведения о месте расположения противника на отдых после долгого и утомительного перехода. Небольшие отряды использовали засады для захвата ценных «языков» или обозов, если было известно место их перехода, а также для атаки вражеских разведывательных разъездов.

Состав отряда для проведения засады мог быть кавалерийским, пехотным или комбинированным и варьировался в зависимости от тех условий, при которых проводилась данная диверсионная операция. Как правило, на больших открытых территориях использовалась кавалерия. При этом, отметим преимущество петровской кавалерии, в которой преобладали драгунские отряды, имеющие возможность в нужной ситуации спешиться и занять удобную позицию для засады. К тому же при атаке на крупные силы противника засадные отряды могли усиливаться артиллерией. В случае засады в лесистых и труднопроходимых районах для внезапного нападения отправлялась пехота⁸⁶.

Итак, для успеха засады необходимы были следующие условия:

- благоприятная местность для скрытного расположения войск и быстрого выдвижения их из укрытия;
- ошибки, допущенные неприятелем при движении или остановке (оплошность и невнимательность, горячность преследования, ошибки разведки и т. д.).

Чтобы устроить засаду, мало выбрать удобное место, требовалось еще добраться до него как можно более скрытно, чтобы противник не заметил и не заподозрил присутствие разведывательно-диверсионного отряда. Поэтому

заяние места засады (складки местности, лощина, обильная растительность, удачная возвышенность и др.) производилось, как правило, ночью или рано утром. Удачной засаде предшествовала тщательная разведка сил противника посредством шпионов или разъездов, а успех зависел от того, насколько скрытно занималась позиция. Для этого предотвращалась любая возможность ее обнаружения отрядами противника или посторонними лицами, которые могли сообщить об этом врагу.

Засады в зависимости от места, способа действий и применяемого боевого порядка подразделялись на односторонние или двухсторонние, которые в свою очередь могли быть встречные, параллельные или круговые.

Встречные засады, как правило, были неподвижными. Они устраивались на пути следования значительных сил противника с целью их сдерживания и нападения на авангардные подразделения. Параллельные засады проводились разведывательно-диверсионными отрядами, которые следовали за противником вдоль оси его движения и действовали против боевого охранения, тыловых и боковых походных застав, а также разведывательных отрядов врага. Круговая засада проводилась по определенной схеме, при которой разведывательно-диверсионный отряд состоял из нескольких (двух-трех) небольших отрядов и в ожидании противника располагался по периметру заранее выбранной территории. Один из отрядов проводил фланговую атаку, завязывал бой и отступал, увлекая за собой противника. При преследовании отступающего отряда противник выходил на позиции второго и третьего засадного отряда, попадая под кинжальный огонь со всех направлений⁸⁷.

Одним из самых распространенных тактических приемов при проведении засады был следующий: передовой отряд, вступивший в соприкосновение с противником, обращался в притворное бегство; когда враги начинали преследование, отступающий отряд увлекал за собой преследователей на заранее подготовленную засаду; когда позади врага оказывались позиции засады, войска, укрытые в ней, должны были выступить и ударить врагам в тыл, а бегущий отряд должен был повернуть назад, приняв такой боевой порядок, чтобы враги оказались посередине⁸⁸. Таким образом, слабая группа обманным маневром заманивала противника, чтобы подставить его под удар скрытых в засаде главных сил.

У донского казачества такой тактический прием, когда враг вовлекался в наиболее удобное положение для удара в его фланг и тыл, назывался «вентерь»⁸⁹. О.А. Курбатов утверждал, что первые упоминания о применении в армии Московского государства такого тактического приема, когда противник, увлекшийся преследованием выводился отступающим отрядом на огненную засаду, относятся к XVI в., к военной операции по взятию Казани (1552)⁹⁰.

Сообщения о проведении таких засадных операций содержат документы Северной войны и исследования историков на данную тему. В частности, в первых числах июля 1703 г. сводный кавалерийский отряд полковников М.Е. Мурзенкова и Г.С. Волконского был направлен к Нарве для проведения «паники» (диверсии), в ходе которой они осуществили засадную операцию, так называемый «вентер», в лучших традициях русского военного искусства. Разделившись на подходе к вражеской крепости, один из полков (М.Е. Мурзенкова) напал на сторожевой пост шведов и ложным отступлением выманил его под удар находящегося в засаде полка Г.С. Волконского. После этого, воспользовавшись вражеским замешательством, отряды обошли город и атаковали стоявшие на реке шведские суда, из которых одно было уничтожено, а два повреждены. Выполнив задачу, отряд русских кавалеристов быстро отступил на исходные позиции⁹¹.

Хотелось бы отметить, что запланированное бегство в русской армии XVI–XVIII вв., как и в большинстве других армий восточного типа, не ассоциировалось с трусостью, что часто вызывало удивление у западноевропейских военачальников, придерживавшихся рыцарских принципов. В.В. Пенской цитировал английского мореплавателя Р. Ченслера, который, побывав в XVI в. в Московском государстве, сообщал, что «московиты-де, в отличие от цивилизованных европейских воинов, не привыкли сражаться „правильным“ образом, и любят атаковать внезапно, из засады»⁹².

Аналогичным образом, когда в ходе общего отступления в начальный период Северной войны (1706), под угрозой голодной смерти русская армия организованно покинула блокированную город-крепость Гродно и отступила к Киеву, многие шведские военачальники охарактеризовали действия русского командования как трусость. Так, шведский дипломат Й. Цедергельм считал отступление русских войск от Гродно очередным трусливым бегством⁹³. Когда министру иностранных дел Франции Ж.-Б. де Торси сообщили, что петровская армия выросла до 80 тысяч человек, он назвал их 80-ю тысячами трусов, которых может обратить в бегство 8 тысяч шведских солдат⁹⁴. Даже педантичный в военном деле, ученик европейской школы военного искусства, командующий русскими войсками в Гродно шотландец Г.Б. Огильви с трудом мог понять русские методы ведения малой войны⁹⁵. Такие «варварские» способы войны как диверсионные рейды и налеты принимались фельдмаршалом Г.Б. Огильви за трусость и отсутствие дисциплины⁹⁶.

Налет

Налеты в начале XVIII в. представляли собой внезапное нападение на слабо охраняемые объекты противника с целью их захвата или уничтожения. Налет отличался от засады тем, что разведывательно-диверсионный отряд

сам выбирал себе цель, а не ждал, кто попадет в удачно расставленную «мышловку» (засаду). Налетчики заранее могли разведать объект нападения и знать, на какую добычу могут рассчитывать.

Как правило, основными объектами для диверсионных налетов становились: неприятельские сторожевые разъезды, один или несколько вражеских постов, вражеская курьерская служба, квартирные районы или походный лагерь, а также тыловые объекты противника, обозы и фуражные команды.

Главными составляющими налета были неожиданность и быстрота, поэтому проведению операции предшествовала тщательная разведка цели (с изучением сил и средств противника, системы его охраны и обороны, расположения резервных частей и маршрутов движения к объекту) на предмет возможных препятствий в проведении диверсионной операции. Источниками информации в этом случае становились разведывательные разъезды, шпионы, вражеские дезертиры, захваченные военнослужащие вражеской армии, бежавшие из плена свои военнослужащие и местные жители.

Соответственно, основными условиями для проведения налета были следующие:

- точные сведения о местоположении, боевых качествах и моральном состоянии неприятеля;
- скрытое приближение к объекту нападения (достигалось сохранением в тайне операции, выбором удачного времени атаки и скрытного направления движения);
- быстрота атаки;
- кучность передвижения, в том случае если атакующая группа состояла из нескольких небольших отрядов⁹⁷.

Как правило, разведывательно-диверсионный отряд во время проведения таких диверсионных акций делился на три части: первая отправлялась в тыл, чтобы отрезать противнику путь к отступлению; вторая атаквала; третья (резервная) собирала пленных и находилась в готовности поддержать две другие части отряда⁹⁸.

Самым удобным временем для налета считалось ночное или утреннее до рассвета (с двух часов ночи до шести утра), когда разведывательные патрули противника возвращались в свое расположение и докладывали, что окружающая обстановка спокойна. Необходимо было незаметно следовать за патрулями противника, так как аванпосты врага находились под ружьем только до прибытия разъездов. После доклада патрулям давалось время на отдых, и они, соответственно, не были готовы к неожиданной атаке. Именно в этот момент производилось нападение кавалерии.

Налеты на вражеские разъезды проводились для отвлечения внимания противника и давали возможность прикрыть этими действиями какие-либо

перемещения своих войск. *Налеты на сторожевые посты* неприятеля проводились для захвата важных наблюдательных пунктов.

Налет на квартирный район проводился для того, чтобы встревожить противника и захватить несколько важных позиций, затем воспользоваться разбросанностью расположения и атаковать. Таким образом, разъединив силы врага, можно было уничтожить их по частям. *Налеты на фуражиров* производились при работах по заготовке запасов (в селениях или в поле) или по их окончании, при возвращении вражеских заготовщиков в свое расположение⁹⁹. Стоило только зазеваться, отстать от основных сил или сбиться с маршрута, как обозная команда становилась жертвой нападения. Капитан Ингерманландского драгунского полка И.Г. Корин сообщал, как в 1705 г. «за реку Неву на оставших при обозе шведских солдат посылан был майор Дедют с полком нашим, и оный обоз разбили и языков побрали»¹⁰⁰.

Налеты на почтовых курьеров были одной из важных составляющих малой войны. Такие нападения успешно проводились еще в начальный период Северной войны, например, в 1704 г. во время блокирования русскими войсками дерптской крепости. Шведское командование часто сообщало в ставку короля о трудностях по доставке почтовой корреспонденции, так как русские диверсионные отряды, действовавшие на дорогах, являвшихся важными коммуникациями связи, атаковали курьеров. Из-за этих проблем Карлу XII пришлось даже издать специальное распоряжение, в котором говорилось, что все местные руководители и граждане, независимо от их официального статуса, обязаны обеспечивать защиту и оказывать помощь королевским почтовым курьерам. В случае же невыполнения этих требований виновные должны быть привлечены к ответственности¹⁰¹. Неслучайно в это время Б.П. Шереметев просил царя увеличить в составе своих войск количество легкой кавалерии, которая могла бы «почту от самого короля <...> перенять»¹⁰².

Из переписки врага можно было получить важные сведения, которые впоследствии использовались для планирования войсковых операций. Например, князь А.Д. Меншиков 29 февраля 1708 г. к своему письму к царю приложил письма, перехваченные разведчиками во время одной из таких диверсионных операций («При сем прилагаю копию с Полского писма, какво перенял на почте господин Рен»). В приложении к письму содержались сведения о перемещении шведов, отрядов С. Лещинского и «сапезинцев» по театру военных действий, местах их дислокации и численности войск¹⁰³. Также перекрытые пути доставки почты нарушали канал связи между разведывательными отрядами врага и ставкой его главной армии. Так, прапорщик Тобольского драгунского полка И.Ф. Селивачев сообщал, что в 1702 г. он, будучи в партии, «взял шведского почтаря с письмами в полон»¹⁰⁴.

Помимо мелких налетов в период Северной войны русской армией проводились и масштабные операции с атакой на значительные силы противника. Тактические условия и принципы, используемые во время нападения, не отличались от действий небольшого летучего отряда. В начале октября 1706 г., накануне Калишского сражения, авангардный разведывательный отряд русских войск, состоявший из 3 000 драгун К.-Э. Ренне и всей имевшейся в наличии калмыцкой и казацкой конницы, провел налет на расположение 13-тысячного шведско-польского войска. Подробности этой диверсионной акции А.Д. Меншиков сообщал 7 октября 1706 г. Петру I: «Калмыки бросились вперед, напали на правое крыло, всех привели в конфузию, несколько сот побили <...> Драгун же и рейтар, взятых в плен, калмыки всех прирубили, понеже такой о том указ им от нас дан»¹⁰⁵. Используя фактор неожиданности, русская кавалерия врубилась в нестройные ряды вражеских войск, быстро сломила небольшие очаги сопротивления и обратила врага в беспорядочное бегство. В результате действий авангарда удалось получить подробные сведения о том, что шведско-сандомирские войска концентрируются у Калиша, подготовиться и нанести по ним удар.

Методичные диверсионные атаки на позиции противника дестабилизировали его систему управления и оказывали разрушительное морально-психологическое воздействие. 8 июля 1708 г. шведская армия заняла Могилев, где сделала остановку на несколько недель для того, чтобы дожидаться подхода к ней направлявшегося из Риги обоза с материальными средствами. Отдохнуть вражеским войскам было трудно, так как они неоднократно были «тревожимы» русскими разведывательно-диверсионными отрядами. Хронист Карла XII Г. Адлерфельд писал, что ничего интересного в Могилеве не происходило, за исключением того, что калмыки из русского лагеря переплывали реку и воровали шведских коней¹⁰⁶. А вот шведский пастор Й. Нордберг уточнял, что калмыки не только воровали коней, но и убивали королевских солдат¹⁰⁷. В Могилевской же хронике рисуется более яркая картина этих событий: «Калмыки голыми с саблями переплывали реку и убивали шведов»¹⁰⁸.

Неожиданный налет на квартирный объект (небольшой городок, селенье, палаточный лагерь и т. д.) или тыловую базу (арсенал, продовольственный склад и т. д.) состоял из нескольких активных фаз: бой на подступах (окраинах) объекта, бой внутри объекта и боестолкновение при отступлении или добивании врага.

Во время налета необходимо было окружить объект атаки (по возможности), а ворвавшись внутрь максимально быстро, продвигаться по широким и прямым улицам (при их наличии). Атакующим необходимо было учитывать, что при начальной фазе налета в первую очередь требовалось подавить огневую мощь противника (артиллерию, при ее наличии). Вторая фаза должна

была проходить максимально быстро, так как затяжной бой становился губительным для диверсионной операции. Во время налета категорически запрещалось стремиться овладеть каждой постройкой в населенном пункте, а подразумевалось только занятие наиболее важных его частей (площадей, фланговых участков).

Скованность пространства внутри атакуемого населенного пункта позволяла диверсионным отрядам использовать дополнительную огневую поддержку: гранаты, состоявшие на вооружении grenadiers, и, при наличии мобильной конной артиллерии, заряженные картечью пушки.

В годы Северной войны стремительные налеты русских диверсионных отрядов приводили к подрыву воинского духа шведской армии, отличительной чертой которой были смелость и нордическая стойкость. Вместо передышки противнику приходилось находиться в боевой готовности, опасаясь внезапного нападения со стороны русских войск. В своих записках Г. Адлерфельд отмечал причины, по которым войска Карла XII покинули Могилев, не дождавшись подхода дополнительных сил и обоза шведского генерала А.Л. Левенгаупта: «Квартирное расположение шведов все время подвергалось нападениям со стороны нерегулярных войск и летучих отрядов»¹⁰⁹. Такие же причины отступления из Могилева шведской армии называл и прусский атташе при Карле XII обер-лейтенант Д.Н. Зильтман¹¹⁰.

При внезапных нападениях военной добычей становилось не только полковое имущество. Военнослужащие, в стремлении спасти жизнь, бросали личные вещи и покидали атакуемые объекты. Подполковник И. Стаммар в августе 1708 г. жаловался в письме своей жене Софии на возникшие у него «затраты», связанные с тем, что большая часть его полка попала в засаду и была убита¹¹¹. Потеря и так небогатого имущества отрицательно сказывалась на моральном духе солдат и офицеров.

Нападение на транспорты (обозы) противника

Одним из главных объектов для диверсионной атаки в период малой войны начала XVIII в. были обозы фуражиров — специальные группы, назначавшиеся для сбора провианта и фуража у местного населения и привозившие их в пункты сбора. Урон от таких диверсий для неприятеля был весьма существенным. Сосредоточенные, как правило, в одном месте, припасы находились под защитой фортификационных пунктов и сильных отрядов войск, выделенных для их охраны. Поэтому самым доступным объектом для нападения диверсионных отрядов являлись обозы, которые перевозили припасы из временных (подвижных) сборных пунктов на основную базу (магазин). При расположении на зимних квартирах, вдали от крупных баз обеспечения (магазинов), атакам подвергались обозы, осуществлявшие движение из места

изъятия припасов у населения в зоны дислокации тех или иных воинских подразделений.

Не менее важным объектом диверсий были тыловые обозы противника, перевозившие материальные средства, которые в той или иной степени представляли ценность для армии врага. Если диверсионному отряду не удавалось захватить или уничтожить обоз противника, достигалась основная цель — транспорт, направлявшийся в войска, к указанному сроку не пребывал в пункт назначения, а это почти всегда влекло за собой определенные проблемы, такие как голод или падеж лошадей. Поэтому даже при неудачном нападении на обоз и отступлении можно было через короткий промежуток времени снова атаковать в другом месте. Затем отряд вновь мог отступить, а через некоторое время все повторить еще раз. Волны атак задерживали движение обоза и изнуряли защищавшие его отряды, способствуя их уничтожению или капитуляции.

Описывая выгодные условия для проведения атаки на транспорты или обозы, теоретик малой войны И.В. Вуич утверждал, что нападать необходимо, когда оборона транспорта была наименее удобна, то есть во время движения¹¹². Налет проводился неожиданно и стремительно, чтобы обоз не успел сосредоточиться в вагенбург¹¹³. Для налета диверсионный отряд делился на три части: первая нападала на сопровождавший обоз отряд прикрытия; вторая налетала непосредственно на транспорт, чтобы увезти повозки или уничтожить груз (поджечь телеги, рассыпать порох, разметать продукты и прочее); третья часть составляла резерв для поддержки первых двух¹¹⁴.

Самым удачным положением для диверсионной атаки было движение транспорта по дефиле¹¹⁵, препятствовавшее построению в вагенбург, или когда обоз преодолевал трудный подъем, замедляющий движение, или двигался вдоль реки, что также не способствовало маневрированию. Драгун Ингерманландского полка А.Ф. Протасьев рассказывал, как в 1705 г. участвовал в составе отряда премьер-майора А.М. Дедюта в атаке на обоз противника: «Командирован я был с майором Дедютом в партию за Неву-реку на обоз шведский, и оный обоз разбили на реке Охте, и потом возвратились с оной партии в Санкт-Петербург»¹¹⁶.

Нападения на большие обозы часто не имели целью полное их уничтожение, а только тревожили противника и замедляли его движение. Опережая транспорт, разведывательно-диверсионные отряды портили дороги, уничтожали мосты и переправы, частыми, чаще всего ночными налетами, изнуряли вражеских солдат и лошадей. В результате задержка прибытия обоза к намеченной цели в определенный срок могла привести к непоправимым последствиям.

Такой трагедией стала задержка большого шведского обоза у деревни Лесной осенью 1708 г., которая в определенной степени привела армию

Карла XII к катастрофе под Полтавой 27 июня 1709 г. Бесспорно, военная операция по уничтожению корпуса генерала А.Л. Левенгаупта (ок. 13 050 чел.) стала самой масштабной и успешной атакой на вражеский транспорт за годы Северной войны. Атака завершилась победой русской армии в сражении у Лесной 28 сентября 1708 г. Объектом нападения в ходе этой операции стал транспортный обоз, укомплектованный собранными в шведских провинциях припасами для основных сил армии Карла XII, которая в это время продвигалась вглубь российских территорий.

Эта военная операция подробно разобрана в отечественной историографии¹¹⁷, но представляется целесообразным особо выделить те элементы разведывательно-диверсионной деятельности, которые были использованы русской армией в ходе ее выполнения. В частности, успеху русских войск способствовали: организация и успешное применение легкого разведывательного корпуса («корволанта»), диверсионные действия кавалерии на пути движения и в тылу неприятеля.

Фуражировка

В середине XIX в. полковник генерального штаба И.В. Вуич, автор фундаментального труда по теории малой войны, определил, что помимо разведывательно-диверсионных действий (рекогносцировка, поиск, засада, налет) данный способ ведения боевых действий включает еще и такой элемент как фуражировка — сбор продовольствия для войск специальными посылаемыми для этой цели отрядами¹¹⁸. Исследователь отмечал, что фуражировкой необходимо считать не только заготовку продовольствия, но и вообще «добывание» подобными командами всяких необходимых для войск запасов (соломы, дров и т. д.), а в некоторых случаях и сбор контрибуций — финансовых средств на содержание армии¹¹⁹.

Возникает вопрос, почему один из элементов тылового обеспечения армии был включен в такую активную форму ведения боевых действий как малая война? Возможно, это было связано с тем, что фуражировка, несмотря на ее главную цель — тыловое обеспечение, имела ряд характерных особенностей, схожих с разведывательно-диверсионной операцией.

Чтобы ориентироваться в видах фуражировки, обратимся к работе И.В. Вуича, который делил их на три вида:

- в зоне безопасной от нападения противника;
- в местах возможного нападения врага;
- на враждебно настроенной территории¹²⁰.

Применительно к малой войне интерес вызывает организация второго и третьего вида фуражировок. Именно в таких условиях приходилось действовать петровской армии на территории Польши и Литвы в 1706–1707 гг., так

как в этот период сбор провианта и фуража почти полностью осуществлялся с опорой на ресурсы того края, где находились войска («царского величества войску, егда в поход пойдут, провианту брать велено с тех мест, где стоят»¹²¹). При этом, в землях Речи Посполитой русским фуражным командам приходилось действовать в условиях малой войны, когда противник находился в достаточной близости, угрожая внезапным нападением. Кроме этого, конфликт интересов с представителями местного населения в любой момент мог перерасти в вооруженные столкновения.

Еще в 1705 г. магнаты Речи Посполитой, являвшиеся противниками шведского вторжения, просили Петра I направить его войска в Польшу, обещая содержать их за счет своих территорий. Поэтому после вступления русской армии на польско-литовские земли вполне понятны причины обращения царского правительства к представителям шляхты с требованием обеспечения продовольствием (порции для личного состава) и фуражом (нормы кормления животных — овес, сечка соломы, сено)¹²². В частности, 30 января 1707 г. Петр I писал из Жолквы литовскому великому гетману М. Вишневецкому, что для нужд русской армии он должен «в фураже, и в провианте, и в подводах <...> учинить удовольствие»¹²³.

Собранные продукты и фураж зачастую не поступали непосредственно в распоряжение воинских частей, а складировались в стационарных складах — так называемых магазинах. На территории Речи Посполитой их было несколько: в Полоцке, Борисове, Минске¹²⁴, Вильно и Орше¹²⁵. В свою очередь эти магазины «питались» реквизициями из следующих воеводств и поветов: Мозырского, Речицкого, Новгородского, Оршинского, Ошмянского, Пинского, Лидского, Слонимского, Волковицкого, Брестского, Минского, Гродненского, Полоцкого, Витебского и Мстиславского¹²⁶.

Сбором продуктов для складирования в магазины, а также взысканием контрибуций с населения занимались специальные фуражные команды (фуражиры), которые для поддержания дисциплины возглавлялись офицером или унтер-офицером¹²⁷. Как правило, фуражиры набирались из состава пехотных или драгунских полков («збирать (провиант. — С. И.) посылати с полков начальных людей з драгунами»¹²⁸). Военнослужащие пехотных подразделений для повышения мобильности получали лошадей¹²⁹. Для транспортировки собираемых припасов фуражным командам придавался гужевой или вычужный транспорт. Иногда фуражные команды набирались из иррегулярных войск (казаки или калмыки). Обязательным условием при этом было наличие в качестве старшего над ними офицера из регулярных полков «для воздержания их от разорения и для надзору над ними»¹³⁰. Но были и исключения из правил, когда казачьи отряды действовали автономно и помимо сбора провианта у населения еще и атаковали фуражные команды противника,

отбирая его запасы и доставляя их в русский лагерь. Так, лубенский полковой есаул А.С. Петровский с отрядом в 150 сабель напал на шведские обозы в 1706 г. в районе Гродно¹³¹.

Порядок фуражировок — сбора провианта и контрибуций подробно описан французским полководцем, участником осады Риги (1710) на стороне армии Петра I, Морицом Саксонским. В частности, в работе по теории военного искусства он писал: «Чтобы осуществить это (фуражировку. — С. И.), необходимо научиться собирать провизию и деньги в самых дальних уголках страны, не утомляя войска дальними походами, при которых крупным подразделениям угрожает опасность быть атакованными и отрезанными. Проку от таких походов немного, а люди выбиваются из сил. Чтобы избежать этого, лучше всего разослать циркуляры в магистраты тех областей, откуда вы хотите получить контрибуции, угрожая им в определенное время прислать отряды и поджечь дома тех, кто не выплатит возложенную на него дань. Дань должна быть умеренной. Для осуществления этой задачи нужно выбрать умных офицеров и послать их с отрядами численностью в 25–30 человек в определенное количество селений. Отряды должны передвигаться только ночью. Людям надо приказывать воздержаться от грабежей под страхом смерти. По прибытии на место к старосте села или деревни нужно направить сержанта с двумя солдатами, чтобы узнать, заплатила ли эта деревня дань. Если нет, к старосте подъезжает командир отряда с остальными солдатами и поджигает один дом, пригрозив вернуться и поджечь больше. Потом отряд, не грабя крестьян и не беря требуемую или большую сумму, просто уходит»¹³².

Количественный состав фуражных команд был весьма разнообразным и не являлся строго регламентированным. На основании обобщающего доклада русского командования за 1707 г. можно определить число военнотружущих петровской армии по родам войск, направленных командованием для выполнения различных видов фуражировки, а также сбора контрибуций. В частности, за прошедший 1707 г. он был следующим: пехота — 1 588 солдат и офицеров, регулярная кавалерия — 293 драгуна и офицера, иррегулярная кавалерия — 268 казаков и татар¹³³. Объем тыловых задач, выполняемых этими военнотружущими на театре военных действий в 1707 г., был широк. Они направлялись «из Минска ради высылки провианта и сбора контрибуции и лошадей и волов в разные воеводства и поветы княжества Литовского», «в Могилев и в Могилевскую экономию, ради сбора контрибуции, что надлежало Синицкому <...> да ради онаго же дела в Витебское, и в Полоцкое, и во Мстиславское воеводства»¹³⁴.

На заготовку провианта могли отправляться как небольшие группы фуражиров, так и более крупные команды. Полковник Преображенского полка М.Б. Кирхен докладывал 7 октября 1707 г. Петру I, что во время нахождения

войск в Гродно он направил майора С.Б. Глебова с четырьмя батальонами «до Мериць и велел провиант и фураж выбирать, чтобы довольство салдатом и лошадям было»¹³⁵. Численность группы фуражиров зависела от многих факторов, в первую очередь от близости или отдаленности сил противника от того участка, где планировалось провести фуражировку. Кроме этого было важно учитывать количественный и качественный состав вражеских отрядов на линии соприкосновения с этой территорией. Если фуражиры действовали вблизи от своих основных сил, то команда для сбора провианта могла быть небольшой, так как в случае нападения противника к ней могли быстро подойти войска поддержки. При удаленности и большом охвате территорий для фуражировки отряды формировались в более крупном составе, так как в этом случае враг, опасаясь ответного удара со стороны фуражиров, не рискнул бы атаковать превосходящие его силы¹³⁶.

При близости к месту дислокации противника, расстояние, на которое направлялись фуражиры, было относительно небольшим, позволяющим в случае необходимости оперативно, в течении суток, соединиться с основными силами русской армии («те б посланные люди для помянутых сборов могли соединиться, ежели время покажет, к назначенному месту в 24 часа»¹³⁷). Поэтому при расквартировании войск в первую очередь собирался провиант и фураж в районах, наиболее приближенных к местам расположения своих воинских частей. Со временем запасы населения занятого края истощались и фуражным командам в поисках припасов приходилось уходить все дальше от места дислокации своих войск. В таких условиях фуражировка проходила в местах, находящихся под угрозой атаки со стороны противника, а иногда и на подконтрольной ему территории.

В октябре 1707 г. о фуражировке в таких непростых условиях докладывал царю командир преображенцев М.Б. фон Кирхен. Он писал, что прожившимся на квартирах военным и лошадям его полка «корму ничего нет, для того что которыя ближняя кварталы были нам определены <...> ис тех квартал провиант и фураж вывозили весь, а з далних деревень ничего не везут, для того что неприятельския войска стоят от Кейдан в розных местах»¹³⁸. 22 ноября 1707 г. он же сообщал, что «по нынешнее число провианту и фуражу привозу нет <...> И от противного войска партии бывают непрестанно <...> и в привозе провианту и фуражу чинят всякую остановку; и мы против их партии посылали от себя партии»¹³⁹.

Перекрестные реквизиции шведской армии приводили к недостатку припасов, имевшихся в наличии у жителей районов, попадавших под реквизиции русских войск. Понимая те трудности, которые в данном случае могли возникнуть при заготовке провианта фуражирами, Петр I установил минимальный набор продуктов, собираемых для русских войск: соль, крупа и мука¹⁴⁰.

Согласно с этим положением в Пинском повете 8 апреля 1707 г. с 29 «дымов» было собрано муки — 43 «третинника»¹⁴¹, крупы — 62 «гарца»¹⁴², соли — 14 «гарцов»¹⁴³.

По понятным причинам фуражировка всегда должна была начинаться с разведки той местности, на которой предстояло действовать команде по заготовке провианта. Это делалось в первую очередь для того, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения врага, а также с целью определения приблизительного количества припасов, которые можно было получить с тех или иных участков. Зная количество запасов на участках территории, можно было равномерно распределить их между фуражными командами. Каждый участок привязывался к региональному названию (города, повета, деревни); сведения о нем, с количеством подпадавших под реквизиции или сбор контрибуции домов («дымов»), доводились до фуражиров. Границы участков должны были строго соблюдаться фуражирами для предотвращения столкновений и беспорядков¹⁴⁴. Кроме этих мер для обеспечения безопасности фуражиров проводился ряд дополнительных мероприятий — сохранение в тайне маршрутов движения и участков местности, подлежащей реквизициям, ложные атаки позиций противника на других направлениях с целью отвлечения внимания от мест фуражировки.

В условиях угрозы масштабного наступления вражеской армии и пребывания на условно дружественной территории в Польше и Литве фуражиры должны были находиться в постоянной боевой готовности. При срочном отступлении они должны были вывезти армейские запасы в безопасное место, а в случае невозможности этого — уничтожить, чтобы они не достались врагу.

В целом фуражировка была опасным занятием, ведь в любой момент напряженный для этой цели отряд мог быть атакован войсками противника. Так, 7 февраля 1706 г. А.Д. Меншикову докладывали, что противник находится от позиций русской армии в Гродно «недалеко <...> милях в семи и в восьми, и непристанно наши люди с ним спотыкаются (сталкиваются. — С. И.), езда на подезд и для конских кормов»¹⁴⁵. Нападения на фуражиров были частым явлением, поэтому эти команды требовали определенной защиты. Поручик Л.М. Философов сообщал, что «командирован был с пикету с капитаном Хоненевым и с драгуны и казаками на кивиков»¹⁴⁶, которые приходили тогда на фуражиров наших»¹⁴⁷. В некоторых случаях успех был на стороне противника. Бежавший из шведского плена в 1715 г. солдат Тверского пехотного полка И.К. Шнаев в ходе допроса сообщил обстоятельства своего пленения¹⁴⁸: «Шел в Гродню при обозе, и как на тот обоз <...> за полмили напали Швецкие полки и было у них с ними баталия, и тот обоз разбили и разграбили, а его <...> с товарищи, 8 человек, взяли в полон»¹⁴⁹.

Кроме налетов шведских войск фуражиры находились под угрозой нападения со стороны местного населения, представители которого отказывались добровольно передавать реквизиционные продукты и имущество. Многие из рядовых жителей страны воспринимали действия фуражирных команд как посягательство на личные права и имущество. Установившееся в европейских традициях еще в XVI в. право давало возможность оказывать вооруженное сопротивление мародерам на законных основаниях¹⁵⁰. Напасть на группы военнослужащих мирные жители не осмеливались, а одиночные солдаты и драгуны неоднократно становились их жертвами. Например, генерал-лейтенант К.Э. Ренне сообщал 8 апреля 1706 г. А.Д. Меншикову, что из команды капитана Рожнова, посланной им для сбора подвод, «драгуна здешния обитатели убили до смерти»¹⁵¹. В другом письме, от 6 мая 1706 г., К.Э. Ренне докладывал князю, что во время его ночевки в местечке Крупы на шляхетском дворе были обнаружены «две фузеи и две шпаги и один партупей в крови». В ходе расследования «с пристрастием» было выяснено, что один из солдат («Преображенского или Семеновского полку Гренадерской роты») был убит сыном хозяина дома¹⁵².

Чтобы избежать конфликтов с местными жителями, фуражировка проходила при участии представителя населения того края, с которого собирались те или иные виды довольствия¹⁵³. Так, по ведомости Преображенского полка от 4 марта 1707 г. среди отсутствующих лиц «в дальних посылках» были указаны «в Могилеве <...> для управления провианта у польского комиссара Василевского» два сержанта, один писарь и 29 солдат¹⁵⁴.

Для правильного распределения продовольственных ресурсов между располагавшимися на квартирах воинскими частями необходима была точная опись домов («дымов») территории того региона, на который накладывалась обязанность по обеспечению войск необходимыми тыловыми запасами. Работа, проводимая лицами, описывающими количество «дымов», была схожа с действиями тактического разведчика, осуществлявшего рекогносцировку. Б.П. Шереметев в письме к Я.В. Брюсу от 2 февраля 1708 г. излагал следующие инструкции по описыванию выделенной для расквартирования артиллерийского парка русской армии и его служителей территории в Литве: «Також изволишь посланному своему приказать около того места описать деревни милях в 2, и в 3, и в 4-х посполу (вместе. — *С. И.*), а не выбором»¹⁵⁵. На каждый полк русской армии выделялось определенное число «дымов» для сбора реквизиций или контрибуции. Так, капитан Ростовцов собрал сведения о распределении их по воинским частям в следующем порядке: на Шлиссельбургский полк «пана генерал маеора Сапеги в деревнях» выделено пять «дымов»¹⁵⁶, на Белгородский полк «в местечке Турове» три «дыма», а в деревнях два «дыма», на Тверской полк в деревнях четыре «дыма»¹⁵⁷.

Как уже отмечалось, в условиях реквизиций и контрибуций стояла острая необходимость упорядочить действия фуражиров, повысить оперативность,

избежать лишней волокиты и нарушений при непосредственной передаче припасов в местах их сборов у местных жителей. В Уставе воинском 1716 г. были учтены все нюансы фуражировок во время начального этапа Северной войны и в главе № LIV, «О фуражировании и что при том примечать», был четко прописан основной порядок ее организации в войсках¹⁵⁸.

Как правило, прибыв к населенному пункту, командир фуражной команды останавливался у входа в селение и приглашал к себе представителя местной администрации. По прибытии последнего он определял ему количество необходимого к выдаче провианта и требовал его вывоза непосредственно к расположению своего отряда¹⁵⁹. Такие меры применялись для предотвращения непредвиденных ситуаций (нападения врага из укрытий, грабежей со стороны фуражиров, атаки агрессивно настроенного населения). В случае невыполнения требований команда фуражиров должна была быть введена в населенный пункт для силового сбора заготавливаемых припасов, а в случае их укрытия — для розыска (в домах, погребах, ямах и т. д.)¹⁶⁰.

Полковник И.В. Вуич писал, что фуражировки всегда влекут за собой определенные негативные последствия, так как они отрицательно влияют на войсковую дисциплину¹⁶¹. Отправляемые для фуражировки команды по причине трудности надзора за ними могли быть склонны к беспорядкам и грабежам, что неоднократно подтверждается сохранившимися документами¹⁶². П.О. Бобровский отмечал, что военные учреждения начала XVIII в. еще не могли избавиться от влияния наемнических армий средневековья и раннего Нового времени¹⁶³, когда из-за беспорядочного способа довольствия войск совершались различные преступные действия по отношению к мирному населению¹⁶⁴.

В изданном первыми числами июня 1707 г. царском указе формировался определенный свод правил поведения во время взаимодействия с местным населением. В частности, в нем говорилось: «Некоторые из войск наших <...> дерзают жителем речи посполитой, нашему царскому величеству доброжелательным, також костелам, дворам духовным и шляхетным особам чинить многия озлобления, обиды, разорения, грабежи, наезжая на шляхетные дворы и забирая кони и волы под предлогом якобы в подводы, и удерживая оные, и вовсе отнимая лошадей у путешествующих <...> выбором без указу нашего контрибуций денежных и иными всякими неприятельскими поступки»¹⁶⁵.

Для того чтобы избежать определенного произвола по отношению к местному населению, командирами фуражных команд должен был соблюдаться ряд правил:

1. Распределение населенного пункта таким образом, чтобы каждому фуражиру для реквизиций было выделено определенное количество зданий;
2. Выделение из состава фуражной команды специального лица для наблюдения за порядком и дисциплиной во время сбора запасов у населения;

3. Требование, чтобы собираемые запасы сносились в определенное единое место, где бы они складировались на повозки или навьючивались на животных¹⁶⁶.

К силовому давлению со стороны фуражных команд на жителей территорий, попавших под реквизиции, нередко подталкивала неорганизованная деятельность польско-литовских комиссаров и их халатное отношение к своим обязанностям. Ввиду того, что установленный для поставок в русскую армию провиант и фураж, определенные нормами и закрепленные договорами, не поступали в должных количествах, фуражирам иногда приходилось при изъятии провианта у местного населения прибегать к силе. В 1712 г. А.Д. Меншиков в указе о поведении русских отрядов в данных обстоятельствах писал следующее: «Принуждены будут силою брать, где какое пропитание сыщут, и тогда удержать будет их невозможно, к тому ж и вину поставить им нельзя, понеже никто, видя способ к получению пропитания, з голоду уморить себя не захочет»¹⁶⁷.

16/17 февраля 1707 г. царь вынес ряд резолюций на жалобы польских послов, в том числе и по вопросам ослабления нагрузки на регионы Речи Посполитой, утвержденные для сбора провианта для русской армии. Здесь же отмечалось и положение дел в Пинском повете, который от военных действий был «весма» разорен¹⁶⁸ и поэтому представители польской шляхты просили освободить его «от становищ (квартир. — *С. И.*) и провианту»¹⁶⁹. Несмотря на ходатайства шляхты в начале июля 1707 г. Б.П. Шереметев докладывал царю, что он «в то староство (Пинское. — *С. И.*) послал драгун 40 человек <...> и что ис того староства <...> собрано будет (контрибуции. — *С. И.*), о том писати буду впредь»¹⁷⁰. Такие действия русского командования были связаны с тем, что Пинск с окрестностями принадлежал к «противничьи немалые места или городы»¹⁷¹, то есть находился в собственности у союзников Карла XII — семьи литовских магнатов Сапег («сапегинцев»). Такими же «противничьими» считались и другие города и местечки Литвы: Радивиллов, Мир, Несвиж, Песочный, Меречь, Волковича, Забураж и другие¹⁷².

В обстановке двоевластия, сложившегося в польском королевстве после коронации по протекции Карла XII познаньского воеводы С. Лещинского и выступления некоторой части польско-литовских вельмож против законного короля Августа II, появилась возможность для масштабных диверсионных действий на землях магнатов¹⁷³. В мае 1707 г. Петр I передал Р.Х. Боуру росписной список «противным» польским магнатам, «с которых брать контрибуцию». В нем перечислялись следующие фамилии:

«Подбереский, маршалок Купинский.

Сшичь, чашник Литовской

Кришпин, бискуп Жмуцкий, и два племянника ево»¹⁷⁴.

В апреле 1707 г. отрядом драгунов, калмыков и казаков был проведен рейд по территории Великой Польши — городам и селам, принадлежавшим С. Лещинскому. Большая часть населенных пунктов — Лешно, Равич, Рыдызна и многие другие, в результате была ограблена и сожжена, мосты разрушены, а колодцы заброшены падалью¹⁷⁵. В мае 1707 г. была получена информация о поддержке рядом семей («дом Огинских, Котлов, Заранков, Потеев, Воловичев, гетманов коронных») генерала литовской артиллерии К.К. Сеницкого, который перешел на вражескую сторону. В связи с этим 12 мая 1707 г. Петр I дал указание генерал-поручику Р.Х. Боуру «на них положить <...> побор — с трех дымов лошадь добрая с седлом или 30 ефимков <...> и с тем способом возможно не только на два, но на четыре полка лошадей сыскать»¹⁷⁶. Для выполнения порученного царем задания был назначен пехотный полк М.Б. Шереметева, который для увеличения подвижности был посажен на лошадей¹⁷⁷.

Реквизиции на «противничьих» территориях были больше похожи на набеги, продукты и имущество максимально изымались, а то, что невозможно было вывезти, уничтожалось. Соответственно и действия команд фуражиров на этих условно враждебных территориях были похожи на разведывательно-диверсионные рейды, а их личный состав должен был быть готов в любой момент к вооруженному сопротивлению или неожиданному нападению противника. Подпоручик Ингерманландского пехотного полка А.Д. Скородумов сообщал о своем участии в 1707 г. в фуражировке и столкновении с противником: «Был я послан с казаками в 50 человеках из Жолквы в Гроденский повет для высылки провианту, и во оном же повете в местечке Лунном была баталия с сапезинцами с польскими хоронгами, и при оном имел я команду»¹⁷⁸.

Тотальная реквизиция на территориях, принадлежавших польской шляхте, поддерживающей шведскую армию, не только не возбранялась, но всячески поощрялась. Это привело к тому, что некоторые офицеры петровской армии давали вышестоящему командованию взятки для отправки их в «подъезды» и «партии» на линии соприкосновения с противником. В частности, Август II через своего посланника Шпигеля в декабре 1707 г. сообщал царю: «Денги давали, дабы токмо упросить, чтоб их на подъезды посылать»¹⁷⁹.

В условиях, когда шляхта и магнаты метались между шведским и русским лагерем, фуражировка с разорением имений была одним из способов политического воздействия на оппонентов. Например, гетману И.С. Мазепе неоднократно ставилась задача напасть силами его казаков на имения «противных» российской короне польских и литовских магнатов. Глава Посольского приказа Ф.А. Головин писал гетману 21 мая 1705 г., чтобы во время марша к Бресту его отряды разорили имения магнатов Потоцких, которые покинули ряды сторонников Августа II и перешли в лагерь С. Лещинского. От иррегулярной

конницы требовалось «зацепить маетности Потоцких, и из них, всякой скот забрав, отослать в войско царского величества»¹⁸⁰. Таким образом не только наказывался противник, но и пополнялись запасы армии. При этом указывалось, чтобы казаки не имели жалости к «противной стороне» при изъятии ценностей: «Без пощады оные выбирать и к себе до войскового скарбу привозить, как и швед чинит, несмотря ни на чье заступления»¹⁸¹.

Действительно, шведские войска поступали на оккупированных территориях точно так же, что подтверждается многочисленными документами. Все перемещения по театру военных действий шведов сопровождалось грабежом имущества. Как сообщалось в белорусской летописи о шведском короле: «Всю Польскую державу грабил без всякого милосердия»¹⁸². Весной 1706 г. в Литве войска Карла XII разграбили и уничтожили около ста городков и сел, принадлежавших семьям Вишневецких и Радзивиллов — союзников России. При этом, из имений этих магнатов вывозилось все, включая домашнюю утварь. Шведы разграбили в Несвиже главную резиденцию семьи Радзивиллов, так называемых «некоронованных королей» Великого княжества Литовского: в Несвижском замке хранилась богатая коллекция произведений искусства европейских мастеров живописи и скульптуры¹⁸³. В местечке Олыка среди прочего имущества, принадлежавшего Радзивиллам, шведскими войсками был вывезен и их семейный архив. В результате такого полномасштабного силового давления глава семейства князь Кароль Станислав летом 1706 г. покинул Петра I и перешел в лагерь шведского короля¹⁸⁴.

Находясь на территории, охваченной так называемой «Домовой» гражданской войной, которая велась в Речи Посполитой (1704—1706), русским отрядам было очень трудно ориентироваться, кто из польско-литовской шляхты друг, а кто враг. Проходившие через населенные пункты отряды могли накладывать контрибуции и в частном порядке, которые чаще всего перерастали в банальный грабеж. Например, хроника Витебска сообщает, что летом 1708 г. войсками Карла XII с мещан города было взято на наемные шведские войска около 6 000 талеров. После этого взяв в заложники бургомистра и 16 зажиточных шляхтичей, им удалось получить с населения выкуп еще в 1 000 талеров «битых целковыми». Уже осенью прибывший в Витебск русский разведывательный отряд из 2 500 драгун и казаков во главе с капитан-поручиком А.К. Петрово-Соловово изъясил у населения города так называемого «одкупного» — 600 талеров битых¹⁸⁵. Впоследствии жители Витебска, обращаясь к городской администрации с жалобой о понесенных убытках от пребывания противоборствующих армий в 1708 г., сообщали, что 27 сентября на город «налетели <...> посланные из царского войска капитан Соловов <...> и майор Шишкин с 500 казаков и калмыков», которые дали жителям два часа на то, чтобы покинуть свои жилища. После этого Витебск был предан огню, в котором

погибли городской замок, предместья, костелы, церкви, монастыри и амбары, а «имущество у жителей <...> частью забрали, частью пожгли»¹⁸⁶.

Для того чтобы обезопасить своих союзников от несанкционированных реквизиций и контрибуций, русское командование выдавало им специальные письма, в которых указывалось, чтобы на их землях «шкоды ни какой не чинит». К примеру, 15 октября 1706 г. в письме подполковника Ф.Ф. Арсеньева¹⁸⁷ подчиненным драгунам запрещалось разорять владения панов В. Горновского, К. Шуйского и Д. Острожского¹⁸⁸. 3 марта 1707 г. в Торунь генерал-лейтенант К.Э. Ренне отдал письменный приказ, чтобы подчиненные ему офицеры и драгуны в имениях пани К. Черторыйской «нихто ничего себе и лошадям конского корму и подвод никуда самоволством и правиантов никаких без указа оприч извычайных» не брал¹⁸⁹.

Во время сборов припасов на территории Речи Посполитой петровскими войсками проводилось еще и частичное или полное изъятие вооружения и боеприпасов из местных цейхгаузов и арсеналов городов-крепостей¹⁹⁰. Дело в том, что большая часть артиллерийских орудий в Речи Посполитой находилась не в руках государства, а у частных лиц (магнатов). Как сообщал белорусский историк, специалист по фортификации и артиллерии Великого Княжества Литовского М.А. Волков, в конце XVII — начале XVIII вв. на вооружении частновладельческих крепостей находилось более 300 орудий. Поэтому любой магнат или шляхтич, перешедший на сторону противника, по умолчанию поступал на службу в армию Карла XII со всеми своими ресурсами. Соответственно, к врагу попадал и его артиллерийский парк. Да и условия маневренной войны — единая линия фронта отсутствовала и армии постоянно перемещались по театру военных действий, а населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки — заставляли противников не оставлять врагу «не единого патрона».

Именно по этим причинам артиллерийские орудия повсеместно изымались русской армией из крепостей на территории Речи Посполитой. В марте 1706 г. был составлен список «пушек, кои по повелению царя Петра Алексеевича российским фельдмаршалом Шереметевым взяты из Слуцка и перевезены в Смоленск»¹⁹¹. По сведениям М. Волкова, это были 17 орудий из случского гарнизона и несколько пушек, перевезенных в 1703 г. в крепость из Ляховичей. Такая же участь постигла артиллерийские орудия крепостей Глуска (1707), Могилева и Старого Быхова (1708).

Из материалов, собранных М. Волковым, видно, что в отличие от русской армии шведы чаще всего уничтожали захваченные в польско-литовских крепостях пушки (топили в крепостных рвах и болотах, расплавляли)¹⁹². В то же время некоторая их часть сохранялась и переправлялась в Швецию¹⁹³. Можно предположить, что, принимая такое решение, шведское командование

избавлялось от лишней нагрузки. В данном случае армия Карла XII не хотела терять своего главного преимущества — мобильности, на которую могли повлиять отягчающие войска дополнительные артиллерийские обозы¹⁹⁴.

Иногда представители русской армии обнаруживали и откапывали такие «клады» и отправляли затем в крепости на территории Российского государства. Так, оставив Дубно в июле 1706 г., шведская армия зарыла в его окрестностях 27 медных пушек, которые были успешно найдены русской партией, отправленной из Полонного. В сентябре 1706 г. «таким же образом, как и в Дубне» были найдены спрятанные шведами 11 медных пушек в местечке Сокаль, недалеко от Львова¹⁹⁵. Все изъятые из земли орудия были отправлены в Киевскую крепость, которая на тот момент стала одним из главных арсеналов для экспроприированной и трофейной артиллерии¹⁹⁶. Туда же были направлены и четыре пушки, изъятые в Жолкве¹⁹⁷.

Таким же образом, как в Дубне, и к тому же пункту назначения были направлены найденные в сентябре 1706 г. у местечка Сокол 11 медных пушек¹⁹⁸. После капитуляции Быховской крепости (1707) 15 гарнизонных пушек были отправлены на байдаках (речных судах) в Киев, где эта артиллерия «как завоеванная, пропала навеки»¹⁹⁹. Просьбы передать представителям польского сейма «артиллерию и все припасы воинские, в ней обретающиеся, аки надлежащие Речи Посполитой» сразу же после захвата Быховской крепости русскими войсками так и остались без ответа²⁰⁰.

Конечно же, в ситуации, когда из родовых замков шляхты тотально изымалось имущество и в особенности запасы артиллерийского вооружения, польско-литовские магнаты выказывали свое явное недовольство. Неслучайно в январе 1707 г. в пунктах, направленных царю польскими сенаторами, перечислялись пушки, взятые в Дубенском, Олыцком и Бродском замках, а также в «кляшторе (монастыре. — С. И.) Сакалском». Здесь же содержалась просьба о возвращении вывезенных орудий обратно в эти населенные пункты²⁰¹. По поводу этих пушек Петр I дал четкий ответ, в котором разъяснялись причины их изъятия и обстоятельства, согласно которым они не могли быть возвращены: «О пушках, которые из некоторых крепостей взяты: его царское величество к себе взяти изволил оные не для чего иного, токмо для того, дабы оные неприятель, взяв, против наших войск не употребил, как уже ис тех пушек больше тритцати из Дубны неприятель, изготоя, х Киеву вез, для добывания оногo <...> Також из Сакаля пять пушек против войск наших неприятели употребляли. К тому ж и под Калишем не Шведские пушки неприятель имел, но Польские <...> И того для за недобро разсуждаецца самим на себя орудие неприятелю оставлять». При этом царь обнадеживал, что «при получении доброго миру» все пушки будут возвращены на территорию Речи Посполитой²⁰².

Чтобы найти компромисс между собственными интересами и интересами польско-литовских магнатов в сложившейся сложной политической обстановке пушки приходилось перебрасывать из российских городов в подконтрольные царской армии населенные пункты Речи Посполитой. Так, вывезенные черниговским полковником П. Полуботком в марте 1706 г. в Киев из местечка Броды пушки, после нескольких от польских сенаторов просительных грамот об их возвращении, были отправлены в Могилев и Быхов — города, расположенные на приграничных с Российским государством территориях²⁰³.

Ко всему вышеизложенному хотелось бы добавить, что, помимо обеспечения армии необходимыми припасами, фуражировки и контрибуции, особенно проводимые на вражеской или враждебно настроенной территории, оказывали существенную помощь в достижении целей малой войны. Изымая в дружественных противнику населенных пунктах запасы, фуражные команды русских войск разрушали систему тылового обеспечения врага. Угроза потери имущества останавливала «шаткую» польско-литовскую шляхту от прямого перехода на сторону Карла XII. Тот же, кто оставался верен союзу со шведской армией после тотальной реквизиции и наложения жестких контрибуций со стороны русского командования, уже не мог поставлять необходимые припасы в лагерь врага. В итоге шведской армии приходилось принимать ряд кардинальных мер по обеспечению своих войск жизненно необходимыми средствами. В целом, все это не способствовало увеличению боеспособности армии шведского короля, а, напротив, доставляло дополнительные трудности в ведении боевых действий.

Диверсии против наземных коммуникаций (дорог, мостов и т. д.)

Немаловажным фактором в удержании и замедлении движения войск противника на марше являлась порча коммуникаций на пути его следования: дорог, мостов, бродов, переправ. А возведением искусственных препятствий, так называемых засек, можно было задержать движение на двое суток и более там, где расстояние можно было пройти за сутки. Если таких мест оказывалось несколько, то вражеская армия не только замедляла движение, но и утомлялась физически и морально. В январе 1708 г. царь писал князю А.Д. Меншикову, чтобы тот силами авангарда организовал засеки на дорогах по пути движения вражеских войск: «<...> которое дело великую препону неприятелю учинит»²⁰⁴.

Устройству засек должна была предшествовать разведка (рекогносцировка) для определения мест размещения завалов, максимально препятствующих движению противника («надлежит заранее осведомитца обо всех больших и малых дорогах, чтоб могли мы ведать, где засекать»²⁰⁵). О результатах проведения одной из таких рекогносцировок сообщал А.Д. Меншикову в

августе 1708 г. генерал-майор Н.Ю. Инфлант, который по «дорогам розездил и осмотрел, что леса можно зарубить и в иных местах есть по тем дорогам протоки и болотца, и в тех местах, как управлюсь, леса зарублю, то неприятелю с великою трудностью будет»²⁰⁶.

Лесные засеки, как правило, устраивались не на открытом пространстве (опушке), а в глубине леса. Это делалось для того, чтобы противник не мог обнаружить их заранее, а также чтобы стеснить его действия по разбору таких препятствий. В одной из лично составленных Петром I инструкций подробно разъяснялись принципы устройства лесных засек: «В узких лесных местах гораздо дорогу засекай, так чтобы менши не было 500 сажен засеки [а что больше, то лутче], например местах в петнатцати или в дватцати»²⁰⁷.

Деревья для засеки рубились выше человеческого роста, ствол их заваливался в сторону противника («в поле»), у основания оставаясь на пне. Высокие, в человеческий рост, надолбы с густо поваленными верхушками деревьев создавали непреодолимое препятствие²⁰⁸.

Кроме засек на суше аналогичные препятствия сооружались в тех местах, где противник мог преодолеть водную преграду в брод. На мелководье в дно водоема вбивались заточенные колья, острыми концами в сторону наступающего врага²⁰⁹.

Пересеченная местность театра военных действий Северной войны, пронизанная многочисленными глубоководными реками и небольшими водоемами, для их форсирования заставляла противоборствующие армии серьезно относиться к обеспечению своих войск мостовыми переправами. В свою очередь, чтобы помешать врагу максимально использовать средства переправы (мосты, броды, паромные сооружения и прочее), повсеместно применялись диверсионные методы по разрушению такого вида коммуникаций.

В сентябре 1708 г., во время операции по уничтожению корпуса А.Л. Левенгаупта, два русских драгунских полка (700 чел.) под руководством бригадира Ф.И. Фастмана были направлены левым берегом реки Сож к Пропойску, в тыл шведских войск, для уничтожения моста в этом пункте, с целью закрытия противнику пути к отступлению²¹⁰. Еще в августе 1708 г. при проведении рекогносцировки этого района генерал Н.Ю. Инфлант отмечал его важность, так как в этом пункте «<...> сошлись от Быхова две дороги и могилевская и чауская»²¹¹. В результате диверсионной акции русского отряда остатки разбитого при Лесной шведского корпуса, подойдя к мосту и увидев невозможность переправы через реку, вынуждены были бросить здесь оставшуюся часть спасаемого после битвы обоза, потеря которого катастрофически сказалась на состоянии армии Карла XII зимой 1708–1709 гг.

Действия русского разведывательно-диверсионного отряда в районе реки, как правило, носили пассивно оборонительный характер. Например, сержант

Д.Е. Елкин из полка А.В. Шарфа сообщал об одной из таких диверсий, проведенных в районе Могилева в 1708 г.: «Оставлен был наш Олонецкий полк в местечке Могилеве для сбора провианту на армию и разобрания мостов, чтоб не пустить неприятеля чрез Днепр-реку»²¹². То есть такие действия — уничтожение мостов, порча и маскировка бродов, атаки из засад с противоположного берега на пытающегося форсировать реку врага — сосредотачивались на предотвращении переправы войск противника. При этом, отряды располагались только на одном, удерживаемом, берегу. В некоторых же случаях русские войска использовали активную оборону водной преграды, когда отряды занимали позиции на обоих берегах реки, а мостовые переправы не только не уничтожались, но и усиливались инженерными укреплениями с некоторым количеством артиллерии и пехоты в них²¹³.

Хотелось бы отметить, что в годы Северной войны русской армии удавалось более успешно осуществлять пассивную оборону водных преград, чем активную²¹⁴. Летучие отряды русской армии, опережая противника, диверсионными действиями нарушали ритм движения его походных колонн. Например, драгунский капитан У.-Ф. Голянт докладывал 18 апреля 1706 г. А.Д. Меншикову из деревни Пеша, что «все мосты под Новым Двором в Шелсах, и во Брези, и где <...> по осмотру моему мосты непристойныя нам, и я их разорил и пожег все»²¹⁵.

Рейды (набеги)

Для масштабного разрушения тыла и коммуникаций противника применялись комплексные диверсионные операции — *рейды*. Несмотря на то, что слово рейд имеет морское происхождение²¹⁶, этим же термином в военном искусстве обозначается стремительное продвижение в тыл противника с целью ведения там боевых действий, направленных на уничтожение инфраструктуры обеспечения врага²¹⁷. Слово «рейд» происходит от англосаксонского выражения *to rayer* — «стереть с лица земли»²¹⁸.

Отметим, что участвующие в рейде войска выполняли вспомогательную роль, так как, уклоняясь от столкновений с главными силами противника, они не в состоянии были повлиять на общий ход фронтовой операции. Целью рейда никогда не было стремление захватить и контролировать охваченные им территории. Уничтожив тыловые объекты противника, разведывательно-диверсионные отряды покидали охваченное набегом пространство и уходили на дружественные территории или отступали к позициям своей армии.

Можно считать, что рейды как военные операции ведут свое начало от набегов, распространенных еще в древности в армиях кочевых народов²¹⁹. С развитием Московского государства население южных окраин познакомилось с этой тактикой своих беспокойных соседей — степных народов (в основ-

ном крымских татар), так как диверсионные рейды на этих территориях проводились почти каждый месяц. Только за XVI в. было проведено 12 крупных набегов степняков: в 1552, 1555, 1558, 1562, 1563, 1564, 1565, 1568, 1570, 1571, 1572, 1573 гг.²²⁰. Исходя из этого, основная военная доктрина Московского государства XVI—XVIII вв. выражалась в борьбе с такими набегами.

Традиционная тактика набега (рейда) степняков заключалась в скрытном пересечении границ соседнего государства с последующей неожиданной и стремительной атакой на участки компактного проживания населения, с целью грабежа и захвата пленных («ясыря»)²²¹.

В XVI—XVIII вв. тактика набегов татарской конницы на территории Московского государства в зимнее и летнее время имела несколько отличий. Отправляясь в зимний набег и приблизившись к границе, татарские отряды делали привал на два-три дня, затем, разделившись на три части, врываются на территорию Московского государства. Промчавшись вглубь страны на сотни километров и не производя единой атаки, они останавливались в заранее намеченной точке. Здесь, разбившись на несколько отрядов (примерно 500 чел.), степняки поворачивали обратно и двигались широким фронтом, опустошая все на своем пути. При летнем набеге отряд степняков (от 10 до 12 тысяч всадников) за 40—50 км от границ Московского государства разбивался на 10—12 отрядов, которые дальше по степи двигались на удалении в два-три км друг от друга. Это делалось для того, чтобы скрыть свои силы и направление удара от сторожевых пикетов приграничной русской рати. После пересечения пограничной полосы татарские отряды сливались в один и обрушивали всю свою мощь на выбранный для нападения район²²². Для мобильности татарские отряды двигались облегченно, без обоза, по хорошо изученным дорогам (шляхам), избегая переходов через глубокие и широкие реки.

В.О. Ключевский, описывая тактику набегов Крымской орды, сообщал, что «татары крались по лощинам и оврагам, ночью не разводили огней и во все стороны рассылали ловких разведчиков. Так им удавалось незаметно подкрадываться к русским границам и делать страшные опустошения. Углубившись густой массой в населенную страну верст на 100, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное»²²³.

Для того чтобы на равных тягаться с набегами степняков необходимы были соответствующие методы борьбы. Поэтому именно на южных рубежах Московского государства, в приграничье, оттачивались навыки военного искусства и создавалась русская самобытная тактика боевых действий, которую западноевропейцы считали неправильной и варварской²²⁴. Вполне логично,

что часть этих способов ведения войны была взята из опыта боевых действий с теми же кочевниками.

Очень быстро степняки, проводившие набеги на южные окраины Московского государства, столкнулись с сопротивлением защитников приграничных рубежей. Как правильно было подмечено современниками, победить степняков силой было почти невозможно, превосходство же над ними достичь можно было лишь хитростью²²⁵. Поэтому быстрая атака — налет, ложное отступление, засады и диверсионные рейды были вскоре позаимствованы русской армией из тактики врага. Русские мобильные отряды незаметно подходили к татарским поселениям, стремительно атаковали и, захватив добычу, так же быстро возвращались домой²²⁶.

Аналогичными были действия и разведывательно-диверсионных отрядов Московского государства и казачества при вступлении на враждебную территорию. В XVI—XVIII вв. для русской армии разорение территории противника стало обычной составляющей при ведении боевых действий. Такой способ воздействия на противника успешно применялся как регулярными войсками, так и иррегулярными отрядами. Историки А.А. Новосельский, В.В. Каргалов, О.Ю. Куц и Д.В. Сень часто упоминают об удачном проведении русскими отрядами рейдов на вражескую территорию с использованием приемов, позаимствованных у тех же степняков²²⁷. В.В. Каргалов писал, что в 1555 г. русские отряды были посланы «в поле» «под татарские улусы», чтобы «промыслить под стадами крымскими»²²⁸.

Уже в первый месяц Северной войны во время Нарвской операции 1700 г. русское командование использовало навыки проведения диверсионного рейда на вражеской территории. Так, 25 сентября 1700 г. в разведывательно-диверсионный рейд по Ревельской дороге был направлен отряд конницы новгородских и московских дворян со смоленской шляхтой (6 000 чел.) под руководством Б.П. Шереметева²²⁹. Как сообщалось в «Истории Петра Великого» Ф.И. Соймонова, для «раззорения уезду по ревельской дороге»²³⁰. Выбор Б.П. Шереметева на роль командира разведывательного отряда был неслучаен: к этому времени у него уже был накоплен достаточный опыт в ведении малой войны, так как с 1687 г. он являлся воеводой Белгородского полка — наиболее крупного воинского формирования, действовавшего на южных границах Российского государства против набегов кочевников²³¹.

Это большое кавалерийское формирование должно было пройти по тылам противника с целью сбора разведывательных данных о местах его дислокации, составе сил и средств, а также способов обеспечения его жизнедеятельности. В первых числах октября 1700 г. отряд Б.П. Шереметева занял городок Везенбург. Уже отсюда, как сообщал участник осады Нарвы Л.-Н. Алларт, были высланы разведывательные отряды (разъезды) к важным пунк-

там — городам-крепостям Ревелю, Дерпту и Пернау, для проведения диверсий с целью отвлечь силы противника²³².

Русские разведчики быстро продвинулись почти на сто километров к западу, разоряя по пути территорию и захватывая пленных («места между Вессембургом и осажденным городом Нарвою так опустошил, что идущему шведскому войску не токмо не можно было ничево достать фуража, но ниже деревенского какого мужика видеть, понеже забрал их всех собою Шереметев»²³³). Шведский лейтенант Сперлинг в своем дневнике сообщал, что 18 ноября 1700 г. разведчики Карла XII столкнулись с результатами диверсионной деятельности этих разъездов — выжженными деревнями. Шведский король с небольшим отрядом попытался атаковать разъезды, но они быстро отступили, так как их состав был не более пары десятков человек²³⁴.

К сожалению, не смотря на успешность разведывательного рейда отряда Б.П. Шереметева, командование петровской армии не сумело воспользоваться его результатами, а поражение 19 ноября 1700 г. показало все слабые стороны в организации разведывательной службы русских войск.

Основной задачей набегов, кроме разведки, был подрыв экономической составляющей тыла вражеской армии. Во время набега на вражескую территорию атаке подвергалось все, что в той или иной степени могло содействовать боевой мощи армии противника (здания, инфраструктура обеспечения, поля, склады, заводы, мануфактуры и т. д.). По возможности все, представляющее ценность, вывозилось (продовольственные запасы, вооружение и боеприпасы, скот, военное и личное имущество, мирные жители), а при невозможности вывезти безжалостно уничтожалось.

По воздействию на экономику и систему военной логистики наиболее яркими в дополтавский период Северной войны стали разведывательно-диверсионные рейды русских корпусов по территории Прибалтики, которые явились одним из основных способов ведения малой войны. Так как шведская провинция Лифляндия являлась житницей королевства и одним из основных поставщиков провианта для армии Карла XII, то разрушительные рейды русских отрядов на инфраструктуру противника приводили в хаос подконтрольные противнику земли и заставляли его испытывать трудности в тыловом обеспечении²³⁵.

Так как целью набегов русской армии было уничтожение коммуникаций обеспечения шведских войск, которые были разбросаны мелкими отрядами по территории Прибалтики, то основным объектом атак стали так называемые мызы (*эст.* mõis, *фин.* moisio, *латыш.* muiža) — обособленные помещичьи усадьбы с принадлежавшими им сельскохозяйственными постройками (*швед.* Häff). Ввиду того, что на мызы накладывалась воинская повинность (контрибуции) по сбору провианта для шведской армии, в этих пунктах сосредото-

вались большие запасы перед отправкой в войска. Они и становились наиболее уязвимым местом тыла вражеской армии. Понимая это, владельцы мыз вооружали крестьян и укрепляли свои вотчины, в результате чего некоторые из них представляли крепкие в фортификационном отношении объекты²³⁶.

Указываемые в русских реляциях и донесениях многочисленные названия прибалтийских населенных пунктов говорили о масштабах охваченной малой войной территории. По данным, приведенным шведским хронистом К. Кельхом, в ходе таких рейдов только в 1702 г. русскими диверсионными отрядами было разорено порядка 100 мыз²³⁷. Неоднократно получая сведения об успехах диверсионных отрядов в прибалтийских провинциях, Петр I давал дополнительные указания их командирам: «Еще довольное время там (в Лифляндии. — *С. И.*) побыть и как возможно земли разорить, или что иное знатное <...> учинить, дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим чередом подать было не возможно»²³⁸.

Согласно установленным правилам, впереди основных сил, задействованных в рейде, для разведки и устрашения двигался разведывательно-диверсионный авангард, который наносил точечные удары по населенным пунктам на пути своего следования. Таким образом прошупывались силы противника. Чаще всего, узнав о приближении русских отрядов, население в страхе покидало свои жилища и бежало вглубь шведского королевства, оставляя за собой огромные полосы безжизненной территории. Все это крайне негативно отражалось на обеспечении продовольствием шведских отрядов в регионе и горожан, укрывшихся за стенами укрепленных городов, которые не могли получить материальной поддержки из окрестных селений.

Заняв тот или иной крупный городок или мызу (усадьбу), Б.П. Шереметев, закрепившись на позиции, направлял в набеги по окрестностям небольшие диверсионные отряды кавалерии для уничтожения в окрестностях всей инфраструктуры, которая могла работать на обеспечение войск противника. Так, в сентябре 1703 г., находясь в Вильянди, фельдмаршал высылал отряды к Пыльцову и к Руину²³⁹, а бригадир Т.И. Трейден ходил в 1704 г. «в партию в Шведскую землю на железные заводы» с генералом К.Э. Ренне²⁴⁰.

В первые годы Северной войны в прибалтийских землях, по которым прокатились русские диверсионные отряды, противнику оставались выжженные поля и пепелища построек. Разоренные жители мыз не могли помочь своей армии ни продуктами, ни кровом, а из-за страха перед русскими диверсионными отрядами еще и отказывались везти продукты в шведскую полевую армию. Эстонский исследователь событий 1700—1704 гг. в Прибалтике Х.Э. Палли отмечал, что захваченные царскими войсками шведские военнослужащие жаловались на свое тяжелое положение в тыловом обеспечении: «В запасах малая скудость, для того, что из дальних мест привозили, а

в конских кормах была великая скудость, для того, что из дальних мест в привозе было мало что»²⁴¹. Как о стратегическом успехе диверсионных рейдов русской армии можно отметить сведения шведского историка Г. Артеуса, который писал, что позднее, в 1708 г., находившемуся в Риге корпусу генерала А.Л. Левенгаупта пришлось формировать свой обоз запасами для королевской армии не из местных ресурсов, а получать из-за моря, непосредственно из Шведского королевства²⁴².

Всего за 1701–1703 гг. было проведено три крупных рейда (набега) корпуса Б.П. Шереметева по территориям, контролируемым шведским правительством:

- в 1701 г., в ходе которого удалось одержать первую победу над шведскими войсками В.А. Шлиппенбаха у Эрестфера;

- в 1702 г. в Ливонию, итогом которого стала победа в сражении у Гумельсгофа;

- в 1703 г., самый крупный рейд, который охватил огромную территорию Лифляндии и часть Эстляндии.

Методика разведывательно-диверсионных рейдов в Прибалтике показала очень высокие результаты. В ходе проведения только рейдов 1703 г. были атакованы и разрушены: небольшие города Ракобор, Феллин, Руин, Пилцов, а уезды Вирумаа, Ярвамаа, северная часть Видземе, запад и юг Тартумаа, восток Пярнумаа были полностью разорены. О результатах своей диверсионной деятельности фельдмаршал докладывал царю: «Больше того неприятельской земли разорять нечего <...> Все разорили и запустошили без остатку <...> до самой границы Польской»²⁴³.

Основная цель рейдов по подготовке плацдармов для осады городов Нарва и Дерпт в 1704 г. к концу 1703 г. была выполнена: территория, прилегающая к крепостям, была опустошена, крупные силы противника в регионе отсутствовали, а третий набег совершенно обезопасил западный фронт.

Позднее, при смене основного театра военных действий с Прибалтики на Польшу и Литву, военные операции по проведению рейдов на вражеские территории придерживались уже отработанных тактических принципов. По-прежнему для выполнения такой задачи отправлялся небольшой, но мощный отряд, состоящий из регулярной и иррегулярной конницы. Пройдя вглубь зоны, контролируемой противником, он закреплялся на выгодном участке и оттуда высылал более мелкие отряды для разведки и «промысла». Так, в феврале 1708 г. А.Д. Меншиков направил в рейд из состава своего кавалерийского корпуса конный отряд драгунов, казаков и калмыков (1 500 чел.) во главе с генерал-майором Г.К. Пфлугом, «которому указ дан <...> такой, чтоб до самого неприятеля дошел и по случаю чинил промысл, где будет возможно»²⁴⁴.

Выполняя приказ князя, Г.К. Пфлут продвинулся на территорию вражеского квартирного района, занял там позицию и оттуда высылал летучие отряды в места концентрации войск противника, от которых в свою очередь высылались еще более мелкие авангардные разъезды для разведки. В частности, А.Д. Меншиков писал царю 27 февраля 1708 г., что «сего числа получил ведомость от Флюка, что отправлен был от него в партию брегадир Гешов к местечку Ракову, у которого был в авангарде маеор Яковлев, токмо с одними казаками, который на бывших в местечке Ракове волохов счастливое нападение учинил и оных всех розбил»²⁴⁵. Данный принцип дробления направленного в рейд крупного соединения на множество более мелких летучих отрядов, наполнявших территорию и наносящих точечные удары по противнику, был весьма созвучен с общей тактикой татарских набегов на южные рубежи Московского государства, о которой говорилось выше.

В целом, в ходе Северной войны русской армией были использованы три разновидности разведывательно-диверсионного рейда (набега), которые можно охарактеризовать следующим образом:

1. Действия на враждебной территории с тотальным уничтожением инфраструктуры противника, беспощадные по отношению к местному населению (Прибалтика 1701–1708 гг., шведское побережье 1719 г.);

2. Действия на территории с относительно лояльным населением, с проведением диверсий избирательно, только на объектах, принадлежавших лицам, поддерживающим противника (Речь Посполитая 1704–1708 гг., Финляндия 1712–1714 гг.);

3. Действия на своей, но оккупированной противником территории, где настроения среди местного населения были очень важны для дальнейшего развития боевых действий (Гетманщина 1708–1709 гг.).

Рейды первого типа наиболее часто проводились русской армией в первые годы Северной войны на территории Эстляндии и Лифляндии в 1701–1703 гг., а также десантные диверсионные операции русского галерного флота в 1719 г. на берегах Швеции. Уже в январе 1701 г. Петр I решил развивать рейды на вражеские территории как самостоятельные военные операции, независимые от пехоты. Первоначально эти рейды были очень схожи по своим характеристикам с набегам татарской конницы XVI–XVII вв. Возможно, именно поэтому Д.Ф. Масловский называл рейды корпусов фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1701–1703 гг. по вражеским территориям не иначе как набегам²⁴⁶.

Рейды второго типа организовывались русской армией на территориях Польши и Литвы (1705–1707), а также позднее в Финляндии в период так называемого «Великого лихолетья» (фин. Isoviha) в 1712–1714 гг. В Речи Посполитой (1705–1707) такая методика складывалась ввиду противостояния

между двумя враждующими группировками — Сандомирской, придерживающейся союза с Петром I, и Варшавской, поддерживающей Карла XII конфедерациями, и требовала избирательных диверсионных действий. Рейдирующие же на втором этапе Северной войны (после 1709) в Финляндии войска действовали «не для разорения, а чтобы овладеть» краем. То есть оккупированные территории воспринимались как будущие земли в составе России, а задействованные в рейдах войска руководствовались указаниями Петра I: «Не разорять, но хорошо мужиков содержать»²⁴⁷. Тем не менее, в случае возникновения трудностей (более сильный неприятель, «обыватели по выданным универсалам будут противны»), требовалось «не азардовать (рисковать. — С. И.) <...> разоряя перед неприятелем землю»²⁴⁸.

Проведения *рейдов третьего типа* в Полтавский период Северной войны (1708—1709) требовала от русского командования общая политическая обстановка, сложившаяся во время пребывания армии Карла XII на территориях Гетманщины, когда после перехода И.С. Мазепы для царского правительства была очень важна лояльность местного населения по отношению к петровской армии. Петр I сообщал в конце 1708 г. жителям Малороссии: «Мы войскам своим Великороссийским под смертную казнию запретили Малороссийскому народу никакого разорения и обид отнюд не чинить, за что уже некоторые самволные преступники при Почепе и смертию казнены»²⁴⁹.

В целом, можно заключить, что в результате таких диверсионных действий противник терял инициативу и возможности для оперативного маневра, а перебои в тыловом обеспечении подрывали армию врага изнутри. Используя достаточный опыт в военном искусстве по применению способов ведения малой войны и проведению рейдов, который был дополнительно отточен в дополтавский период, русской армии удалось выстроить стратегическую схему по защите своих земель от вторжения врага. Кроме этого посредством разведывательно-диверсионных рейдов русская армия добилась выполнения главной из поставленных для себя целей — уничтожение основных сил армии противника и предотвращение его дальнейшего наступления.

Одиночные диверсанты

Диверсионные задачи в период малой войны конкретизировались в зависимости от обстановки, а для достижения цели, как уже отмечалось, использовались любые доступные способы и средства. Ослабление противника достигалось не только открытыми силовыми методами, но и скрытными атаками, с целью воздействия на морально-психологическое состояние вражеских войск, которые деморализовали личный состав армии противника²⁵⁰.

В результате такого давления планы врага расстраивались, а работа его органов военного управления, снабжения и обслуживания дезорганизовыв-

валась. Для выполнения диверсионных актов в тылу противника не всегда могли привлекаться разведывательно-диверсионные отряды, так как их перемещения не оставались незамеченными для врага, поэтому в ход пускался «третий эшелон» русской армии — одиночные диверсанты. При выполнении поставленных задач они использовали далекие от современных нам нормы морали способы, то есть действовали посредством разрушения, порчи, уничтожения, поджога, убийства, кражи и дезинформации.

Ряд источников свидетельствует, что на начальном этапе Северной войны помимо подразделений действующей армии в расположении противника действовали шпионы-диверсанты русского командования. Например, в 1704 г., в период подготовки операции по захвату основных укрепленных пунктов шведской армии в регионе, внутри города Дерпта для разведки крепостных сооружений и проведения диверсий уже давно действовали шпионы-диверсанты русской армии. М. Лайдре установил, что еще в августе 1702 г. комендант Дерптской крепости К.Г. Шютте призывал горожан к бдительности, так как по слухам в городе действовали поджигатели, направленные туда русским командованием²⁵¹. Во время нахождения шведской армии в Могилеве русский безызвестный диверсант разбросал по городу и прибил к воротам агитационные письма на немецком языке в поддержку русской армии. В них содержалось воззвание к немецким солдатам-наемникам, находящимся в шведском войске, с призывом перехода на царскую службу и обещанием за это высокого жалования²⁵². Чтобы погасить волнения среди немецких военнослужащих, Карлу XII пришлось повышать жалование наемникам, а это, соответственно, увеличивало и расходы королевской казны, и поборы с населения занятых областей, что в свою очередь вызывало с его стороны сопротивление²⁵³.

Значительным отличием одиночных диверсантов от разведывательно-диверсионных отрядов была их способность скрытно приблизиться к объекту диверсии и незаметно уходить от преследования.

Партизанское движение местного населения

Одной из дополнительных задач малой войны начала XVIII в. являлось моральное воздействие на население занятой вражеской армией территории, с целью побуждения их к сопротивлению противнику, то есть к возникновению партизанского движения.

Поддержка местным населением действий регулярных войск приобретала различные формы. Это и активное участие в сопротивлении (вооруженная борьба), и косвенное содействие разведывательно-диверсионным отрядам (сбор сведений о противнике, укрытие отрядов от врага, поддержка связи с главной квартирой армии, поставка в армию проводников и шпионов,

помощь в снабжении припасами армейских подразделений). Косвенное участие было гораздо полезнее активного, так как позволяло, не обнаруживая себя, способствовать успешному развитию разведывательно-диверсионных действий регулярных войск на территориях, занятых противником.

Ощущение присутствия вооруженной силы, поощрение лазутчиков и шпионов, а также поставщиков продуктов, которые при этом игнорировали вражеских фуражиров, поднимало боевой дух и подталкивало местное население к сопротивлению захватчикам. При таких условиях малая война регулярных войск усиливалась еще и народной партизанской войной, оказывая на армию врага двойной разрушительный эффект.

Ярким примером разведывательно-диверсионной деятельности местного населения служат сведения о диверсионном отряде, сформированном в конце 1702 г. в Прибалтике олонеким священником Иваном Окуловым. В газете «Ведомости» за январь 1703 г. писалось о том, что он, собрав отряд добровольцев в 1 000 человек, «ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские ругозенскую, и гиппонскую, и сумерскую, и кернурскую, заставы. А на тех заставах шведов побил многое число <...> И соловскую мызу сжег, и около соловской многие мызы, и деревни дворов с тысячу пожег же»²⁵⁴. Уничтожением шведских застав отряд И. Окулова разрушил пограничную сторожевую систему шведов на стратегически важном участке в районе Олонца и Ладоги. За помощь в малой войне («открытию врат в шведскую область») Петр I щедро наградил священника²⁵⁵.

¹ *Михневич Н.П.* Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. С. 22.

² Как уже упоминалось, наиболее широко тактика малой войны стала применяться с середины XVII в. с началом периода маневренных войн, хотя в русской армии ее отдельные элементы использовались и в более раннее время. Как отметил О.А. Курбатов, это было связано с тем, что основной военной доктриной Московского государства на данном историческом этапе было противодействие набегам южных соседей, в борьбе с которыми наиболее результативным было применение стратегии и тактики именно малой войны (*Курбатов О.А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 — сер. 17 вв.) // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 53–82).

³ *Попов В.М.* Рейды конницы. М., 1927. С. 6.

⁴ Армия и внутренние войска... С. 62.

⁵ *Головин Н.Н.* Наука о войне: О социологическом изучении войны. Париж, 1938. С. 164.

⁶ *Габбе П.Х.* Карманная книжка о службе легкой кавалерии в поле. СПб., 1833. С. 60.

⁷ *Зыков А.С.* Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии. СПб., 1898. С. 177.

⁸ *Вуич Н.В.* Малая война. СПб., 1850. С. VII.; Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 428; Большая советская энциклопедия. Т. 26. М., 1954. С. 140; Советская военная энциклопедия... Т. 5. С. 96.

⁹ Несмотря на то что до XIX в. разведка боем, или «силовая разведка», не имела широкого применения, в годы Северной войны она неоднократно использовалась русским командованием при проведении операций малой войны.

¹⁰ Контрразведывательные мероприятия относятся к разведывательным действиям в период ведения малой войны, так как в начале XVIII в. в ходе своей деятельности разведывательные отряды вынуждены были сталкиваться с разведкой противника и принимать оперативные меры по ее пресечению.

¹¹ Краткое описание о войнах из книг цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах: С особливим о войне разговором, [или описанием]. М., 1711. С. 211.

¹² *Грabbе П.Х.* Карманная книжка... С. 5.

¹³ *Эрнрот К.Г.* Об охранении и разведывании на войне // Военный сборник. 1875. № 7. С. 44–45; *Клаузевиц К. ф.* Принципы... С. 24.

¹⁴ *Сухотин Н.Н.* Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1863 гг. СПб., 1887. С. XIV.

¹⁵ *Вегетий Ренат, Флавий.* Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. СПб., 1996. С. 241.

¹⁶ *Данилов Е.С.* Война и разведывательная деятельность в античном Риме: Приложение 1: Теория и практика участия римских полководцев в разведывательных операциях. Ярославль, 2011. С. 168–175.

¹⁷ Напр.: *Феофан Прокопович.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно. СПб., 1773. С. 167; *Юнаков Н.Л.* Северная война: Кампания 1708–1709 гг.: Военные действия на левом берегу Днепра: (Июль–Октябрь 1708) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. II. С. 55.

¹⁸ Наказная память *Ф.А. Головина М.И. Щепотеву* 8.06.1702 г. // *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. № 2. С. 208.

¹⁹ *Клаузевиц К. ф.* О войне... С. 362.

²⁰ *Снегирев В.Л.* Сторожевая служба: (Оборона границ государства в древней Руси). М., 1942. С. 34–37; *Курбатов О.А.* Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. // История военного дела: Исследования и источники. 2014. Т. V. [Электронный ресурс] URL: http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5 (Дата обращения: 11.06.2014). С. 17–83.

²¹ *Курбатов О.А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.). [Электронный ресурс] URL: <http://www.zimovaya.ru/statji/ocherki-razvitiya-taktiki-russkoy-konnitsy-sotennoy-sluzhby-ser.-16-ser.-17-vv.-versiya-dlya-pechati-1.html> (Дата обращения: 11.06.2014).

²² *Каргалов В.В.* На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 41.

²³ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 47; *Каргалов В.В.* На степной границе... С. 41.

²⁴ Акты Московского государства: Разрядный приказ: Московский стол: 1571–1634. Т. I. СПб., 1890. С. 2–5; *Новохатко О.В.* Береговая служба по записным разрядным книгам XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917): Сборник статей памяти В.И. Буганова. М., 2001. С. 188.

²⁵ Танаис – древнегреческое название р. Дон.

²⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 113.

²⁷ *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики... С. 117, 123, 193–194.

²⁸ Кавалерия: К учебнику для казака: Отд. полев. службы по уставу 1881 г. СПб., 1901. С. 4–6, 18–21.

²⁹ *Г.А.Г.Т.* О службе... С. 84–85.

³⁰ РГВИА. Ф. 194. (Д.В. Давыдов) Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³¹ *Малов А.В.* Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа (двора) конца Смуты: 1613–1619 гг. // Средневековые Тюркско-татарские государства. 2014. № 6. С. 225–226.

³² Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия // Сборник документов в 2-х томах / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 438.

- ³³ В Полтавский период Северной войны такими командирами являлись, например, генерал-лейтенант К.Э. Ренне, полковник П.А. Яковлев и генерал-майор Н. Инфлант.
- ³⁴ Иррегулярная волошская конница в составе войск Карла XII обеспечивала разведку при проведении военных операций шведской армии.
- ³⁵ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 20.04.1706 г. // *Волинский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. СПб., 1912. Приложение XXX. № 3. С. 73.
- ³⁶ А.Д. Меншиков Петру I 6.02.1702 г. // *Азанчевский М.П.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. М., 1859. Приложения. № 36. С. 43.
- ³⁷ Гистория Свейской войны... С. 228; *Лайдре М.Х.* Северная война и Эстония: Тарту в годину испытаний: (1700–1708). Таллин, 2010. С. 92–93.
- ³⁸ Офицерские сказки... Т. 1. М., 2015. С. 772.
- ³⁹ 1715, апреля 26 Артикул воинский // Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1986. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 348.
- ⁴⁰ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 287.
- ⁴¹ Армейские аудиторы являлись советниками командования по вопросам права, следили за соблюдением в военных судах законов и правил судопроизводства, а также руководили судебными заседаниями и движением дел. Впервые в петровской армии аудиторы упоминаются в так называемом «Уставе А. Вейде» 1698 г. (Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С. 66–67).
- ⁴² Гевалдигер в петровской армии, находящейся в военном походе, выполнял функции военно-полицейского характера: осуществлял контроль за выполнением приказов высшего командования, раз в неделю инспектировал войска во время их размещения на квартирах, а также наблюдал за профессиональной деятельностью маркитантов (торговцев), следовавших за войсками (Военная энциклопедия... Т. VII. С. 227).
- ⁴³ *Граббе П.Х.* Карманная книжка... С. 8–12.
- ⁴⁴ Там же. С. 10–12.
- ⁴⁵ *Лайдре М.Х.* Северная война и Эстония... С. 132.
- ⁴⁶ Слово «лазутчик» для обозначения разведчиков или шпионов стало использоваться в русском языке в XVII в. (*Сороколетов Ф.П.* История военной лексики... С. 216–217).
- ⁴⁷ *Клембовский В.Н.* Тайные разведки: (Военное шпионство). СПб., 1892. С. 1.
- ⁴⁸ Отписка в Посольский приказ И.Ю. Трубецкого 3.05.1700 г. // Северная война 1700–1721 гг.: К 300-летию Полтавской победы: Сборник документов (1700–1709). М., 2009. Т. I. № 23. С. 38.
- ⁴⁹ Напр.: в мае 1710 г. по указу Петра I воевода Ф.М. Апраксин отправил финских жителей шпионить за отрядом Г. Либекера, а в это время их жены были задержаны в русском лагере, «за караулом для того, чтоб они не солгали» (Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1829. Ч. 1. б/н. С. 64–65).
- ⁵⁰ Петр I А.Д. Меншикову 22.01.1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — П и Б). М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3000. С. 42.
- ⁵¹ Гистория Свейской войны... С. 261–262.
- ⁵² *Рабинович М.Д.* Офицерские «сказки» и послужные списки начала XVIII в. // Актовое источниковедение: Сборник статей. М., 1979. С. 116.
- ⁵³ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1995.
- ⁵⁴ *Базарова Т.А.* Местное население и военные действия в Приневье начала XVIII в. // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 70.
- ⁵⁵ *Базарова Т.А.* Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье: (Нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2005). СПб., 2006. С. 48–56.
- ⁵⁶ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. Ч. 3. Стб. 76.

- ⁵⁷ Пулькин М.В. Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 45.
- ⁵⁸ Беристайн У.Д. Великолепный обмен: История мировой торговли. М., 2014. С. 267–268.
- ⁵⁹ Напр.: К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 25.07.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 80. С. 71; Г.И. Головкин Петру I 23.08.1708 г. // ТИРВИО. Т. I. № 61. С. 54–55; Н.Ю. Инфлант А.Д. Меншикову 17.09.1708 г. // ТИРВИО. Т. I. № 92. С. 79–80.
- ⁶⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 2463. Л. 2–2 об.
- ⁶¹ Петр I Г.И. Головкину 13.10.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2722. С. 194.
- ⁶² Петр I Ф.А. Головину 2.03.1700 г. // П и Б. СПб., 1887. Т. I. № 297. С. 338.
- ⁶³ Для примера достаточно вспомнить причинные события вступления Петра I в Северный союз, когда его в 1697 г. вместе с посольством не пустили в шведскую Ригу под предлогом, что он может разведать городские укрепления (*Шафиров П.П.* Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карола XII Шведского, в 1700 году имел... СПб., 1717. С. 25–30).
- ⁶⁴ Лайдре М.Х. Северная война и Эстония... С. 136.
- ⁶⁵ Волынской Н.П. Постепенное развитие... С. 369–370.
- ⁶⁶ Офицерские сказки... Т. I. С. 518.
- ⁶⁷ Там же. С. 519.
- ⁶⁸ Напр., в декабре 1708 г. инженер петровских войск Штаф выезжал в окрестности занятого шведами местечка Гадяч и на основании собранных разведывательных сведений составил план его укрепления (*Мегорский Б.В.* Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2017. С. 453).
- ⁶⁹ Разведка боем считалась усиленной рекогносцировкой, так как иногда изучение местности могло перерасти в боевое столкновение.
- ⁷⁰ Драгомиров М.И. Учебник тактики. СПб., 1879. С. 334.
- ⁷¹ Военно-походный журнал... Т. I. Ч. 3. Стб. 179.
- ⁷² Журнал, или Поденная записка... С. 128.
- ⁷³ Волынский Н.П. Постепенное развитие... Кн. 4. Приложения (XLIII–XCI). Приложение XLIV. № 18. С. 69.
- ⁷⁴ Волынский Н.П. Постепенное развитие... Кн. 2. С. 170–171.
- ⁷⁵ Офицерские сказки... Т. I. С. 931.
- ⁷⁶ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 330.
- ⁷⁷ Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892. Т. I. С. 13.
- ⁷⁸ Волынский Н.П. Постепенное развитие... 1698–1706 гг. Кн. 4. Приложения (XLIII–XCI). Приложение LIII. № 3. С. 242.
- ⁷⁹ Офицерские сказки... Т. I. С. 359.
- ⁸⁰ Напр.: Пособие по войсковой разведке: Способы ведения разведки и тактика действий подразделений в разведке / Под набл. В.И. Давиденко. М., 1967. С. 8–74; *Симонян Р.Г., Гришин С.В.* Разведка в бою. М., 1980. С. 53–157; Подготовка войскового разведчика / П.Я. Поповских, А.В. Кукушкин и др. М., 1991. С. 3–17.
- ⁸¹ Записки Монтекуколи... С. 76–77.
- ⁸² Устав конного полка. СПб., 1797. С. 155–156.
- ⁸³ Давыдов Д.В. Опыт теории... С. 75.
- ⁸⁴ Разведывательная служба: Выдержки из устава полевой службы войск. Ломжа, 1882. С. 17.
- ⁸⁵ Маврикий. Стратегикон. СПб., 2004. С. 115.
- ⁸⁶ Напр.: во время движения шведской армии осенью 1708 г. через «места зело лесные» по Стародубшине Петр I указывал фельдмаршалу использовать пехотные отряды для разведки и диверсий против неприятеля (Петр I Б.П. Шереметеву 26.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2671. С. 163).

- ⁸⁷ Полковая инструкция для войска Донского // Положение об управлении Донского войска. СПб., 1835. Ч. 2. С. 289–291; Армия и внутренние войска... С. 76–77.
- ⁸⁸ *Лобов В.Н.* Военная хитрость. М., 2001. С. 73.
- ⁸⁹ Вентерь — использовавшаяся казачеством рыболовная сеть, натянутая на обручи и заканчивающаяся мешком. Рыба, обманутая широким пространством, заходила все глубже и глубже в мешок, из которого уже не могла выбраться (Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2008. С. 86).
- ⁹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью: (Окончание) // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 212; *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 20.
- ⁹¹ *Введенский Г.Э.* Драгуны: Кавалерия российской армии. СПб.; Калининград, 2004. С. 18.
- ⁹² *Пенской В.В.* От Нарвы до Феллина: Очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород, 2014. С. 43.
- ⁹³ *Sekreteraren vid Carl XII:s Fältkansli Josias Cederhielms bref till sin broder Germund 1707–1722* // *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter* (далее — KKD). Lund, 1912. V. 6. S. 211.
- ⁹⁴ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 202.
- ⁹⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Генераль-Фельдмаршалъ-Лейтенантъ баронъ Огилвй // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 1. С. 59–66.
- ⁹⁶ Г.Б. Огилви Петру I 26.03.1706 г. // *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Приложение. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. № 381. С. 406.
- ⁹⁷ Чем ближе отряды располагались друг к другу, тем меньшей была вероятность их обнаружения или потери связи между собой.
- ⁹⁸ *Вуич Н.В.* Малая война... С. 10.
- ⁹⁹ *Краснов И.И.* О донской казачьей службе. СПб., 1852. С. 1–2.
- ¹⁰⁰ Офицерские сказки... Т. 1. С. 257.
- ¹⁰¹ LVVA 7349. f. (Livländska Generalguvernmentet. Stora Nordiska Kriget 1700–1710). 2. apr., 36.1., 364., 365. lp.
- ¹⁰² Б.П. Шереметев А.Д. Меншикову 21.06.1704 г. // *Устрялов Н.Г.* История царствования... Т. IV. Ч. II. Приложение. № 252. С. 312.
- ¹⁰³ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 434.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 927.
- ¹⁰⁵ А.Д. Меншиков Петру I 7.10.1706 г. // П и Б. СПб., 1907. Т. V. № 434. С. 435.
- ¹⁰⁶ *Adlerfeld G.* The Military History of Charles XII, King of Sweden. V. III. London, 1740. P. 32.
- ¹⁰⁷ *Norsberg J.* Dagbok 1700–1710 // KKD. Lund, 1907. V. 3. S. 197.
- ¹⁰⁸ Могилевская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубницкого // Полное собрание русских летописей: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. Т. 35. Приложение I. С. 273.
- ¹⁰⁹ *Стилле А.* Операционные планы Карла XII в 1707–1709 гг. // Журнал Императорского военно-исторического общества. СПб., 1911. Кн. 2. С. 51.
- ¹¹⁰ Там же. С. 57.
- ¹¹¹ *Björkander T.* «I detta sibiriska Babel»: Coping och religiös föreställningsvärld hos svenska soldater i kriget mot Ryssland 1707–1721. Uppsala, 2014. S. 25.
- ¹¹² *Вуич И.В.* Малая война... С. 215.
- ¹¹³ Вагенбург (нем. Wagenburg, от Wagen — повозка и Burg — прибежище, защита) представлял собой укрепление, построенное из повозок военного обоза, применявшееся для отражения неприятельской атаки.
- ¹¹⁴ *Драгомиров М.И.* Учебник тактики... С. 419.
- ¹¹⁵ Дефиле — в военной науке: обозначающее движение по узкому проходу между возвышенностями или водными преградами.
- ¹¹⁶ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1475.
- ¹¹⁷ Напр.: *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... Вып. I. С. 125–129; *Тарле Е.В.* Северная

- война... С. 246–262; *Артамонов В.А.* 1708–2008: Мать Полтавской победы: К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008. 208 с.
- ¹¹⁸ *Вуич И.В.* Малая война... С. 221–235.
- ¹¹⁹ Известный полководец XVIII в. Мориц Саксонский считал, что «опытный полководец не содержит войско за счет своего правителя; напротив, он взимает с оккупированной страны контрибуции для содержания своей армии и для ведения кампаний» (Мориц Саксонский. Теория военного искусства; Кейрнс У. Военные принципы Наполеона / Перев. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2009. С. 97).
- ¹²⁰ Там же. С. 221.
- ¹²¹ П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь–июнь 1707). К № 1583. С. 503.
- ¹²² *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение русской армии при подготовке к Полтавскому сражению // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сборник статей / Отв. ред. О.Г. Агеева, В.А. Артамонов и др. М., 2009. С. 53.
- ¹²³ П и Б. СПб., 1907. № 1550. Т. V (январь–июнь 1707). С. 59.
- ¹²⁴ Из минского магазина осенью 1707 г. довольствовалась лишь небольшая часть русской армии, дислоцировавшаяся в его окрестностях, а основные части войск снабжались силами магазинов Копыси и Полоцка (П и Б. СПб., 1912. Т. VI (июль–декабрь 1707). № 2033. С. 132).
- ¹²⁵ *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: (Документы Государственного архива) // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. V. С. XXVIII; П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь–июнь 1707). № 1554. С. 62.
- ¹²⁶ Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. I. С. XXIX.
- ¹²⁷ Устав воинский, 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. V (1713–1719). № 3006. С. 272.
- ¹²⁸ Резолюция Петра I на пунктах, данных А.И. Репнину при направлении его с войсками в Польшу осенью 1704 г. (*Волинский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. Приложение XXXI. № 14. С. 308).
- ¹²⁹ 20 мая 1707 г. Петр I писал Б.П. Шереметеву о необходимости посадки на лошадей пехотинцев, «чтоб собирать с противных (враждебно настроенных шляхетских магнатов Речи Посполитой. — С. И.) контрибуцию» (Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник... № 239. С. 175).
- ¹³⁰ П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь–июнь 1707). № 1554. С. 62.
- ¹³¹ *Посухов В.* Осаду Лубенского полку // Комсомолец Полтавщины. 7 липня 1984 р. № 81 (4173). С. 2.
- ¹³² Мориц Саксонский. Теория военного искусства... М., 2009. С. 97–98.
- ¹³³ Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник... С. 213.
- ¹³⁴ Там же. С. 212.
- ¹³⁵ П и Б. СПб., 1912. Т. VI (июль–декабрь 1707). К № 2012. С. 389.
- ¹³⁶ *Perlestam M.* Fighting during logistics: The Swedish experience // Great Northern war Compendium. St. Louis, 2015. V. I. S. 88–89.
- ¹³⁷ Б.П. Шереметев Я.В. Брюсу 2.02.1708 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 25. № 107. С. 84.
- ¹³⁸ П и Б. Т. СПб., 1912. VI (июль–декабрь 1707). К № 2033. С. 404.
- ¹³⁹ Там же. К № 2103. С. 541.
- ¹⁴⁰ Петр I А.Д. Меншикову 4.08.1707 г. // П и Б. СПб., 1912. Т. VI (июль–декабрь 1707). № 1889. С. 38.
- ¹⁴¹ Третинник — польская мера веса для зерна.
- ¹⁴² Гарнец (польск. garniec) — русская единица измерения объема сыпучих тел.
- ¹⁴³ Archiwum Narodowe w Krakowie. Z. 678. (Zbiór Zygmunta Glogera). S. 6., S. 645. Ark. 23.
- ¹⁴⁴ *Вуич И.В.* Малая война... С. 224.
- ¹⁴⁵ *Волинский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. Приложение XXX. № 46. С. 272.

¹⁴⁶ Кивики — шведские партизаны, действовавшие в 1710 г. в районе Выборга; предположительно названы так по имени их первого командира, именуемого «Кивиком» (*Базарова Т.А.* «За Кивиковую станицею лесами и болотами...»: Первый русский комендант Выборга Г.П. Чернышов и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестнадцатой ежегодной научной конференции (2–3 апреля 2014) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2015. С. 12–19; *Мельнов А.В.* Действия русских войск на подступах к Выборгу в 1710 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: Исследования и источники. 2012. Т. I. С. 464–486. <<http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov>> (Дата обращения: 16.07.2012)).

¹⁴⁷ *Офицерские сказки...* Т. 1. С. 453.

¹⁴⁸ И.К. Шнаев был пленен во время Гродненской операции (зима 1705 — весна 1706).

¹⁴⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Год 1715-й. Т. V. Кн. II. (июль—декабрь). СПб., 1897. С. 619.

¹⁵⁰ В XVI в. в Западной Европе офицеров и солдат, которые силой изымали у населения какое-либо имущество (лошадей, волов, продукты и т.д.), гражданские власти, по набату созвав жителей, могли преследовать с оружием и отнимать награбленное, передавая виновных в гражданский суд для наказания (*Бобровский П.О.* Уклонение от военной службы: По законам древнеримским, французским, германским, шведским, а также русским с XVII века. СПб., 1886. С. 8).

¹⁵¹ *Вольнский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. Приложение XXX. № 64. С. 282.

¹⁵² Там же. № 88. С. 295.

¹⁵³ *Мышлаевский А.З.* Северная война... С. XXXI.

¹⁵⁴ Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник... № 169. С. 85.

¹⁵⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 25. № 107. С. 83.

¹⁵⁶ В конце декабря 1707 г. при расположении на зимние квартиры «на девять человек с лошадми дано по два дыма» (М.Б. фон Кирхен Петру I 20.12.1707 г. // П и Б. СПб., 1912. Т. VI (июль—декабрь 1707). К № 2084. С. 481).

¹⁵⁷ *Archiwum Narodowe w Krakowie.* Z. 678. S. 6., S. 645. Ark. 73.

¹⁵⁸ Устав воинский, 30 марта 1716 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. V (1713–1719). № 3006. С. 271–274.

¹⁵⁹ *Вуич И.В.* Малая война... С. 226.

¹⁶⁰ Напуганные приближением военных отрядов мирные жители спасали свои ценности, закапывая их в землю и вывозя их за пределы подворий. Но и эти меры не помогали спасти имущество от проводивших розыски солдат и офицеров. Так, хозяин маестности Понеча Оршанского повета П. Данилович весной 1708 г. под угрозой прибытия в регион русской армии вывез в лес и закопал несколько ящиков с ценными вещами. Тем не менее во время фуражировки в этом населенном пункте в сентябре 1708 г. тайник в лесу был найден солдатами, а имущество из него изъято (НГАБ. Ф. 1731. (Оршанский гродский суд). Оп. 1. Д. 5. Л. 268; *Пашкевич У.І.* Адлюстраванне падзей Паўночнай вайны ў актавых кнігах Аршанскага гродскага суда // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: (К 300-летию со дня битвы при д. Лесная): Материалы Междунар. науч.-практ. конф.: (4 октября 2008). Могилев, 2008. С. 210).

¹⁶¹ *Вуич И.В.* Малая война... С. 222.

¹⁶² *Иванюк С.А.* Военная добыча на территории Речи Посполитой в 1705–1708 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 222–262. <http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyuk_3> (Дата обращения: 22.10.2017).

¹⁶³ А.К. Пузыревский отмечал, что «распутство, буйство, грабежи» были обычным явлением для противоборствующих европейских армий в середине XVII в., при этом сравнивая их действия с саранчой (*Пузыревский А.К.* Записки по истории военного искусства в эпоху 30-летней войны: (С планами и чертежами). СПб., 1882. С. 32; *Пузыревский А.К.* История военного искусства в Средние века: (V–XVI стол.). СПб., 1884. Ч. II. С. 146).

¹⁶⁴ *Бобровский П.О.* Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С. 55.

¹⁶⁵ П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь—июнь 1707). № 1786. С. 297.

- ¹⁶⁶ Вуич И.В. Малая война... С. 227.
- ¹⁶⁷ Карпущенко С.В. У солдат в провианте нужды не было // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 85.
- ¹⁶⁸ Еще до прибытия русской армии Карл XII в этом районе «со всем войском 2 месяца резидовал и весьма разорил и напоследок едва не все спалил» (П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь—июнь 1707). К № 1583. С. 486—487).
- ¹⁶⁹ Там же. С. 83—84.
- ¹⁷⁰ Там же. К № 1832. С. 747.
- ¹⁷¹ Петр I М.М. Голицыну 17.08.1707 г. // П и Б. СПб., 1912. Т. VI (июль—декабрь 1707). № 1909. С. 51.
- ¹⁷² Северная война: Документы 1705—1708 гг. // Сборник... № 239. С. 175.
- ¹⁷³ По сведениям белорусского исследователя А. Котлярчука, на стороне шведов в Северной войне выступали представители таких шляхетских семей, как Сапеги, Сеницкие, Мацкевичи, Аледзки, Вовк-Ланецкие и др. (Котлярчук А. Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў. Мн., 2002. С. 91—92).
- ¹⁷⁴ Петр I Р.Х. Боуру 16.05.1707 г. // П и Б. СПб., 1907. Т. V (январь—июнь 1707). № 1744. С. 255.
- ¹⁷⁵ Otwinowski E. Pamiętniki do panowania Augusta II. Poznan, 1838. S. 124; Молтусов В.А. Полтавская битва ... С. 106.
- ¹⁷⁶ Северная война: Документы 1705—1708 гг. // Сборник... № 237. С. 174.
- ¹⁷⁷ Петр I Р.Х. Боуру 19.07.1707 г. // Северная война: Документы 1705—1708 гг. // Сборник... № 244. С. 177.
- ¹⁷⁸ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1614.
- ¹⁷⁹ П и Б. СПб., 1912. Т. VI. С. 464.
- ¹⁸⁰ Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690—1709 гг. СПб., 2014. № 236. С. 133.
- ¹⁸¹ Там же. С. 134.
- ¹⁸² Таранеўскі В.У. Гарадское летапісанне Беларусі XVII—XVIII ст.: «Віцебскі летапіс» М. Панцырнага і С. Аверкі: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей універсітэта. Віцебск, 2012. С. 29.
- ¹⁸³ Высоцкая Н.Ф. Радзивиллы: Несвиж. Замок. Минск, 2014. Кн. II. Ч. 1. С. 18—20.
- ¹⁸⁴ Масленицына И.А., Богодзяж Н.К. Радзивиллы в эпоху интриг и авантюры: (Исторические миниатюры). Минск, 2003. С. 142—143.
- ¹⁸⁵ Беларуская летапісы і хронікі: Пер. са старажытна рускай, старабеларус. і польск. / Уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. Мінск, 1997. С. 270; Таранеўскі В.У. Гарадское летапісанне Беларусі... С. 31.
- ¹⁸⁶ Вережкин М.Л. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1888. Вып. 18. № 21. С. 190—191.
- ¹⁸⁷ Ф.Ф. Арсеньев с августа 1706 г. являлся подполковником в драгунском полку М.А. Зыбина, впоследствии Санкт-Петербургский драгунский полк (Волинский Н.П. Постепенное развитие... 1698—1706 г.г. Кн. 4. Приложения (XLIII—XCI). Приложение LXIX. № 1. Б. С. 441).
- ¹⁸⁸ Archiwum Narodowe w Krakowie. Z. 678. S. 6., S. 645. Ark. 121.
- ¹⁸⁹ List C. E. Rönne do Augusta II // PAN Biblioteka Kórnicka (Akta do panowania Augusta II. Vol. 1). Ark. 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=343016&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI= (Дата обращения: 16.07.2016).
- ¹⁹⁰ В Полтавский период Северной войны на территории Гетманщины велась схожая политика по сбору вооружения и боеприпасов из арсеналов казацких полков и концентрации их в наиболее сильных в фортификационном отношении пунктах. Так, в 1709 г. из слабо укрепленных сотенных городков Полтавского полка петровским командованием были собраны артиллерийские орудия (ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1162. Л. 4—4 об.).
- ¹⁹¹ Высоцкая Н.Ф. Радзивиллы... С. 190.
- ¹⁹² Волкаў М.А. Нясвіжскі замак у Вялікай Паўночнай вайне // Вялікае Княства Літоўскае: Права. Вайна. Дыпламатыя. / Пад рэд. С.Ф. Сокала, А.М. Янушкевіча. Мінск, 2012. С. 231—232.

¹⁹³ Напр.: после победного для шведов сражения при Клишове (1702) в Швецию были отправлены 34 пушки и мортиры из краковского цейхгауза (*Czołowski A. Zabytki krakowskie w Szwecyi. Krakow, 1902. S. 5*).

¹⁹⁴ Сохранились сведения о том, что в Полтавский период Северной войны (февраль 1709), чтобы уменьшить нагрузку на лошадей, шведы топили пушки в водоемах по пути следования (Шоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів в Україні / Переклад з англійської О. Герасимчука // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігов, 2016. № 2 (128). Березень—квітень. С. 105).

¹⁹⁵ А.Д. Меншиков П.П. Шафирову 12.09.1706 г. // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого / Изд. подг. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. 1706—1713 годы. СПб., 2011. Ч. I. № 8. С. 132.

¹⁹⁶ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг. С. 333.

¹⁹⁷ Вывезенные из Жолквы в Киев пушки по указу царя планировалось отправить в Москву (1 шт.) и в Петербург (3 шт.) (П и Б. СПб., 1912. Т. VI. № 1900, № 2083. С. 169).

¹⁹⁸ Ведомости времени Петра Великого... С. 339.

¹⁹⁹ Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. С. XLIX.

²⁰⁰ Люблинский сейм Петру I 21.06.1707 г. // Там же. Т. 3. № 82. С. 204.

²⁰¹ П и Б. СПб., 1900. Т. IV. Примечания. С. 359.

²⁰² Там же. С. 361—362.

²⁰³ П.Л. Полуботок И.С. Мазепе 26.03.1706 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1706 г. Д. 1482. Л. 1—2; Петр I Г.И. Головкину 28.04.1706 г. // П и Б. СПб., 1900. Т. IV. № 1208. С. 228—229.

²⁰⁴ Петр I А.Д. Меншикову 27.01.1708 г. // П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. № 2197. С. 40.

²⁰⁵ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. К № 2209. С. 333.

²⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 24. Л. 1.

²⁰⁷ Петр I П.И. Яковлеву 27.01.1708 г. // П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. № 2199. С. 41.

²⁰⁸ *Каргалов В.В.*: На степной границе... С. 160.

²⁰⁹ Перечисляя свои походы в годы Северной войны капитан Луцкого драгунского полка В.В. Оголин описывал эпизод из кампании 1713 г. в Финляндии, когда он был командирован в спешном строю «в реку под самую батарею для разрубания рогаток, которые были опущены в реке, чтоб очистить путь и возможно было идти чрез реку конницы и пехоты» (Офицерские сказки... Т. 1. С. 442).

²¹⁰ Журнал, или Поденная записка... С. 166.

²¹¹ Н.Ю. Инфлант А.Д. Меншикову 14.08.1708 г. // НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 24. Л. 1.

²¹² Офицерские сказки... Т. 2. С. 1917.

²¹³ *Леер Г.А.* О позициях // Военный сборник. СПб., 1866. Т. I. С. 53—54.

²¹⁴ Напр.: события при переправе шведской армии через Десну в ноябре 1708 г., которые закончились для петровских войск неудачей (*Лясковронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708—9 г. в пределы России (со схемой) // Военно-исторический вестник. Киев, 1909. № 1—2. Май—июнь. С. 52—53; Гистория Свейской войны... С. 151).

²¹⁵ *Волынский Н.П.* Постепенное развитие... 1698—1706 г.г. Кн. 3. Приложения (I—XLII). Приложение XV. № 2. С. 73.

²¹⁶ Военный энциклопедический лексикон... Т. XI. С. 164.

²¹⁷ Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 95; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 674.

²¹⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под ред. И.Е. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1899. Т. XVIII (54). С. 502.

²¹⁹ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 67.

- ²²⁰ Каргалов В.В. На степной границе... С. 149.
- ²²¹ Левассер де Боплан Г. Описание Украины / Перев. с франц. З.П. Борисюк. М., 2004. С. 231–239.
- ²²² Снегирев В.Л. Сторожевая служба... С. 30.
- ²²³ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. М., 2002. Кн. 1. С. 460–461.
- ²²⁴ Примечательно, что и в начале XVIII в. европейская общественность продолжала считать Россию «нехристианской варварской страной», населенной агрессивными полудикими людьми, а их неудачи в войне с армией Карла XII сравнивали с поражениями ненавистной христианам турецкой армии (Письмо 22-е: О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены Турками и что победа Шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною // Отзывы иностранцев-современников о великой Северной войне / Сост. Ф. Витберг // Русский архив. М., 1896. Вып. 1. С. 8–10).
- ²²⁵ Пенской В.В. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 708.
- ²²⁶ Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 75.
- ²²⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII. М.; Л., 1948. С. 373; Каргалов В.В. На степной границе... С. 163; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина: (1637–1667). СПб., 2009. С. 269–291; Сень Д.В. Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии: (Конец XVII в.): Новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2013. Вып. V. С. 357–362.
- ²²⁸ Каргалов В.В. На степной границе... С. 133.
- ²²⁹ Журнал, или Поденная записка... С. 12, 14; Разборный список Смоленской шляхте и рейтарам и осылке их Великого Государя на службу. 1700 г. // Смоленская шляхта. Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2006. С. 179–209; Великанов В.С. Смоленские полки в Великой Северной войне // Родина. 2013. № 9. С. 53–57.
- ²³⁰ Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб., 2012. С. 91.
- ²³¹ Памяти малороссийского приказа и грамота Разрядного приказа воеводе Белгородского полка Б.П. Шереметеву о мерах предосторожности против нападения крымских татар на «украинные города». Май–июнь 1692 г. // РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Оп. 19. Стб. 196 а. Л. 1–12; Отчет боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева о Кизыкерменском походе 1695 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1853. Т. 3. С. 269–272; Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 52.
- ²³² Галларт Л.Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году: (Отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом: Рукопись) // Северный архив, 1822. Ч. 1. № 1. С. 16.
- ²³³ Соймонов Ф.И. История Петра... С. 92.
- ²³⁴ *Löjtmanten Grefve C.H.P. Sperlings dagbok 1700–1710* // KKD. Lund, 1907. V. 3. S. 8–9.
- ²³⁵ Напр.: Балашова Ю.П. Из истории Великой Северной войны: (Начало Малой войны – зима 1700–1701 года) // Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской. М., 1958. Т. 74. Вып. 5. С. 179–224; Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны: 1701–1704 гг. Таллин, 1966. 344 с.; Лайд-ре М.Х. Северная война и Эстония... 273 с.; и др.
- ²³⁶ Х.Э. Палли посвятил целую главу военному хозяйству в шведских провинциях (*Палли Х.Э. Между двумя боями...* С. 35–110).
- ²³⁷ *Kelch C. Liefländische Historia: Continuation 1690 bis 1707*. Dorpat, 1875. S. 297.
- ²³⁸ Петр I Б.П. Шереметеву 17.08.1702 г. // П и Б. СПб., 1889. Т. II. № 445. С. 79.
- ²³⁹ Документы о крещении в церковном приходе Полтсамаа за август 1703 г. // EAA F. 1168. (EELK Põltsamaa kogudus 1663–1940). Vrs. 2. 3. S. 88; Военно-походный журнал... Стб. 140.
- ²⁴⁰ Офицерские сказки... Т. 1. С. 57.
- ²⁴¹ Палли Х.Э. Между двумя боями... С. 96.

²⁴² *Артеус Г.* Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы: Сб. ст. М., 1999. С. 159.

²⁴³ *Устрялов Н.Г.* История царствования... Т. IV. Ч. 2. С. 249.

²⁴⁴ А.Д. Меншиков Петру I 16.02.1708 г. // П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 395.

²⁴⁵ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. К № 2284. С. 395.

²⁴⁶ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... С. 81–82.

²⁴⁷ *Мышлаевский А.З.* Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 120.

²⁴⁸ Материалы для истории русского флота / подг. С.И. Елагин. СПб., 1865. Ч. I. С. 382.

²⁴⁹ П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII (июль–декабрь 1708). Вып. 1. С. 282–284.

²⁵⁰ *Грabbе П.Х.* Карманная книжка... С. 59–60.

²⁵¹ *Лайдре М.Х.* Северная война и Эстония... С. 91.

²⁵² Г.С. Волконский Г. Гольцу 25.07.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 79. С. 70.

²⁵³ Такие народные волнения происходили в районе Могилева (Могилевская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубницкого // Полное собрание русских летописей: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. Т. 35. Приложение I. С. 273–274).

²⁵⁴ Ведомости времени Петра Великого: В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1903. Вып. 1. 1700–1707 гг. С. 3–4.

²⁵⁵ Журнал, или Поденная записка... СПб., 1783. Ч. 1. С. 61.

КАВАЛЕРИЯ КАК ОСНОВНОЙ РОД ВОЙСК ДЛЯ ВЕДЕНИЯ МАЛОЙ ВОЙНЫ

Ввиду того, что основным родом войск, задействованным в начале XVIII в. в разведывательно-диверсионных операциях, была кавалерия, представляется целесообразным остановиться на этом более подробно. Особенность кавалерии заключалась в том, что она являлась, как утверждал Мориц Саксонский, «оружием момента» и поэтому успех ее всегда заключался в подвижности, быстроте действий и самостоятельности в принятии решений командиров кавалерийских отрядов¹. Еще одним ценным свойством конницы считалась ее способность действовать почти при любой погоде и в любое время суток. Несмотря на то, что с ухудшением погодных условий несколько понижалась эффективность боевых действий из-за уменьшения скорости движения (ночью, при тумане, по лесным дорогам и пр.), даже при таких обстоятельствах кавалерия могла успешно выполнить поставленные перед ней задачи.

Генерал от кавалерии, участник пятнадцати военных кампаний Д.Е. Остен-Сакен, наблюдавший и изучавший действия почти всех типов конницы (европейский, восточный, кавказских горцев и казачества), метко охарактеризовал тактические особенности и преимущество кавалерии, которые успешно использовались в разведывательно-диверсионной деятельности: «Усиленные переходы для нее нестрашны, она в короткое время переносится чрез большое пространство, появляется на фланге и в тылу неприятеля, пересекает операционные его линии, поражает, истребляет и, совершив свое предназначение, возвращается без особенной потери»².

Развитие военного искусства русской кавалерии долгое время было тесно связано с умением сопротивляться набегам кочевых народов на южных рубежах Московского государства. Тактически она использовала в основном навыки ведения боя в условиях малой войны. В адрес русской конницы неоднократно поступали упреки в нестройности ее рядов при столкновениях с хорошо организованными отрядами регулярных армий. Тем не менее, несмотря

на ряд недостатков, русская кавалерия XVII—начала XVIII вв. представляла собой мощную вооруженную силу. О.А. Курбатов, изучая развитие конницы Московского государства, справедливо подметил, что этот род войск, не обладавший устойчивостью строя, тем не менее своей тактикой, легкостью и подвижностью мог изнурить противника до уничтожения³. Именно по этим причинам с самого начала военного конфликта со Швецией (1700) тактика малой войны и использование в ней кавалерии прочно заняла одну из ключевых позиций в способах ведения боевых действий. Без использования этого рода войск во всех элементах малой войны, будь то разведка, сторожевая служба или диверсия, не проходила ни одна войсковая операция⁴.

В то время, как большинство европейских полководцев XVII—XVIII вв. старались использовать в основном атакующую кавалерию, причем не только в наступательных операциях, но и в обороне, русская армия была в более выгодном положении. Петровская регулярная кавалерия в начале XVIII в. состояла из драгун, которые могли сражаться как в конном, так и в пешем строю.

В случае необходимости проведения засады или атаки населенного пункта драгуны выдвигались к месту выполнения задач на лошадях, при необходимости спешивались и атаковали противника, иногда действуя в свободном строю с использованием рельефа местности. Например, бригадир М.И. Леонтьев сообщал в своей «сказке», составленной в 1721 г., что, находясь в 1705 г. в Курляндии, был «командирован с господином генерал-майором Боуром в партию под Митаву; в которой партии был спешен на штурме»⁵. Выполнив задачу и оседлав коней, они возвращались на исходную позицию. Как писал кавалерийский генерал Шмидт, «всякое предписание должно быть исполнено (кавалерией). Если это возможно на коне — то вперед с холодным оружием в руках, если нет — то с коней и, не смотря на препятствие, проложим себе путь огнем»⁶.

Такие действия соответствовали основной боевой задаче конницы по защите флангов и отражению огнем из укрытий кавалерийских атак противника⁷. Для усиления огневой мощи в каждом драгунском полку могла присутствовать конная артиллерия. Быстрота выдвижения на позицию, стремительная атака пешим или конным строем, укрытие при необходимости среди местных объектов или в складках местности, нападение оттуда и стремительное отступление в случае опасности — все это было осуществимо силами драгунских отрядов. Таким образом, именно петровская конница была наиболее удобна для ведения малой войны.

Отметим, что, помимо драгунов в разведывательно-диверсионных операциях использовались и конно-гренадерские полки, которые были сформированы в русской армии в 1708 г. и не имели аналогов в шведских войсках.

Кроме огневого пистолетного, фузейного и рубящего палашного удара на врага, конные гренадеры атаковали и гранатами. Во время засады конные гренадеры могли спешиваться, а во время налета, помимо силового воздействия, разбрасывали гранаты, чем сеяли панику в лагере противника и оказывали давление на его морально-психологическое состояние. Кроме ручных гранат у конных гренадеров находились ручные мортирки — прообраз современных гранатометов.

Одним из прогрессивных нововведений в петровской кавалерии стала организация в составе действующей армии специальных разведывательно-диверсионных корпусов — *корволантов* (*франц. corps volant* — летучий корпус). Такие специальные соединения должны были использоваться для самостоятельных действий в тылу и на флангах противника. Например «отнимание паса» (перекрытие проходов и путей. — *С. И.*), а также вступление на контролируемую врагом территорию с целью «чинить диверсию»⁸. Состав корволантов мог меняться в зависимости от ситуации. Как правило, они были двух видов: большой (6 000—7 000 чел., иногда усиленный пехотой, посаженной на лошадей, и легкими пушками) и малый (кавалерийский отряд небольшого состава)⁹.

Предпосылки для создания таких специальных воинских формирований появились еще в начальные годы Северной войны. В частности, в феврале 1702 г. Петр I указывал Т.Н. Стрешневу подготовить на зиму лошадей, чтобы «сверх драгунских полков возможно б 10 или 8 полков солдатских посадить верхами, и искать бы неприятеля к полевому бою, так же и земли разорения»¹⁰. Н.П. Волынский в одной из своих работ, на основании обнаруженных им документов сообщал, что во время операции по захвату Нарвы (1704) для предотвращения подхода дополнительных шведских сил к крепости русское командование выделило из состава войск, занятых в осаде города, специальный корпус (шесть драгунских полков, два пехотных полка и 60 гвардейских гренадеров, посаженных на лошадей, и телеги для повышения мобильности)¹¹.

Необходимость применения корволантов упоминалась и на военном консилиуме (совете) 12—13 июня 1708 г. в Чашниках¹². При обсуждении планов по организации боевых действий на летнюю кампанию 1708 г. кроме прочего было утверждено создание при пехоте специального мобильного отряда для ведения разведывательной деятельности. В частности, было решено «выбрать из солдатских полков командированных 1 000 человек <...> и оной употреблять пехотою в партии для доставления языков и всяких ведомостей»¹³.

Позднее, осенью 1708 г., корволант успешно показал себя в операции по уничтожению шведского обоза и корпуса А.Л. Левенгаупта у деревни Лесной. После этого сражения Петр I окончательно признал стратегическое значение в малой войне небольших мобильных отрядов. Следствием этого стало вклю-

чение в изданный в 1716 г. «Устав воинский» статьи о действиях легких разведывательно-диверсионных корпусов-корволантов¹⁴. В одной из статей этого «Устава» отмечалось: «Может оный (корволант. — С. И.) всюду поворачиваться без тягости и на неприятельские дела примечать добрым поведением»¹⁵.

Иррегулярная конница русской армии в операциях малой войны

Традиционно считается, что в мировой военной истории отряды иррегулярной конницы стали играть заметную роль начиная с Тридцатилетней войны (1618—1648) в Европе. Но для русской армии использование таких войск стало традиционным задолго до начала XVII в. и получило в последующие столетия широкое развитие для вооруженных сил страны в целом¹⁶. Герой Отечественной войны 1812 г. Д.В. Давыдов особо отмечал преимущество, которым обладала русская армия перед противником, имея такую силу как казачество для ведения малой войны. В частности, он считал, что для ведения разведывательно-диверсионной деятельности врагу необходимо было отрывать отдельные подразделения от основных сил армии, в то время как у российской армии для осуществления той же цели были специальные казачьи отряды.

Многие зарубежные историки считают, что первенство во введении иррегулярной конницы в правильную организацию и использование ее в полномасштабных военных кампаниях принадлежит прусскому королю Фридриху Великому¹⁷. Однако в прусской армии первый легкоконный гусарский эскадрон был сформирован лишь в 1721 г. из наемников — уроженцев Венгрии и Валахии¹⁸. И это в то время, как русская армия, успешно завершившая в том же году Ништадским миром Северную войну, уже на постоянной основе закрепила стратегическое и тактическое участие иррегулярных полков и соединений в крупномасштабных военных операциях.

Несмотря на то, что в войнах Нового времени применение иррегулярной конницы в крупных открытых сражениях становилось нецелесообразным, навыки ведения малой войны такими отрядами в начале Северной войны стали востребованы с новой силой. Подразделения русской иррегулярной кавалерии, которые позаимствовали у кочевников способность сражаться как в конном, так и в пешем строю, могли успешно действовать на широких пространствах Прибалтики, Речи Посполитой и Гетманщины. Набравшись опыта в проведении опустошительных набегов на южных рубежах Российского государства, они научились разорять занятые противником территории и уничтожать его небольшие отряды, быстро перемещаясь с одного важного участка на другой. Поэтому для ведения разведки и выполнения диверсионных действий на театре войны иррегулярная кавалерия становилась просто незаменимой.

В первые месяцы Северной войны, когда зимой 1700 г. после поражения петровской армии под Нарвой русскому командованию крайне необходимы были перегруппировка и доукомплектование войск, а главный акцент был сделан на ведении малой войны, неплохим подспорьем для решения проблем стала иррегулярная конница. Историк казачества Е.А. Альбовской утверждал, что на начальном этапе Северной войны казачество применило «свою опытность и умение, выработанные в непрерывной войне с татарами, роль которых они превосходно исполнили, внося страшные опустошения в землю неприятельскую, предавая все огню и мечу и забирая пленных»¹⁹.

В состав иррегулярных войск русской армии на разных этапах отечественной истории входили воинские отряды казачества (донского, терского, уральского, малороссийского и др.), а также этнические группы воинственных народов, состоящие на службе у российского правительства (калмыки, башкиры, татары, кавказские горцы). Для правильного понимания событий Полтавского периода Северной войны более подробно остановимся на основных представителях иррегулярных войск в составе петровской армии — казачестве (донском, малороссийском и др.), калмыках и волохах, без которых не проходило не одной разведывательно-диверсионной операции петровских войск против шведов и их союзников.

Среди многочисленной иррегулярной кавалерии русской армии особое место занимало *донское казачество*, в котором было успешно осуществлено соединение характера ведения боевых действий войск европейского и азиатского типа. Население, жившее в южных приграничных областях Российского государства, постоянно находилось в состоянии малой войны с кочевыми народами²⁰.

Ощущая непрерывное давление со стороны враждебных соседей, казачество оттачивало воинское мастерство, перенимая тактические приемы ведения войны у противника. Исследователь Е.В. Кусаинова выделяла три основных способа ведения боевых действий, характерных для казачества XVI—XVIII вв. в борьбе с кочевниками:

- диверсионные рейды и налеты на враждебно настроенные селенья;
- засады на степных путях движения и в местах переправ направлявшихся в набег отрядов;
- преследование двигавшихся после набега кочевников с целью их атаки (уничтожение противника или возвращение награбленного)²¹.

Главной особенностью казачьих подразделений была возможность действовать индивидуально или небольшими отрядами («полевыми ватагами»), которые могли использоваться как самостоятельно, так и в составе крупных соединений регулярной кавалерии, направляемых для проведения разведки или диверсионных операций. При нападении на противника, в случае не-

удачи первого натиска, казаки атакующего отряда рассыпались в стороны, а отскакав на безопасное расстояние, соединялись вновь.

Таким образом, характер силы казачьей кавалерии был прямо противоположен силе регулярных кавалерийских войск, действовавших в открытых сражениях. Если последние достигали в бою большего результата сплоченностью своих рядов и подразделений, действовавших как одно целое, то казачьи войска, наоборот, в случае необходимости могли разделяться на небольшие отряды, способные функционировать автономно, при этом их результативность не падала, а наоборот, повышалась²².

Теме участия донского казачества в Северной войне были посвящены несколько работ А.Г. Шкварова, в которых автор попытался разобраться в перипетиях этого непростого для истории Войска Донского периода. Но к вопросам тактических особенностей казачьего боя исследователь обращался лишь эпизодически²³.

Начиная с конца XVII в. привлечение донцов к военным походам в составе основных частей русской армии стало воинской повинностью. Царь-реформатор хотел видеть иррегулярное войско своей армии более организованным и дисциплинированным. В историческом очерке о Войске Донском В.Б. Броневской сообщает, что с началом войны со Швецией «казаки употреблялись при регулярной армии <...> приучаясь таким образом к большей подчиненности, порядку и устройству». Он же пишет о том, что казачьи отряды продолжали вести боевые действия «в своей сфере, и необычную для них правильною войною, скучать не могли»²⁴. То есть продолжали проводить, уже в составе регулярных войск, а часто и совместно с ними, разорительные разведывательно-диверсионные рейды по вражеской территории, сопровождавшиеся грабежом и разрушениями.

В самом начале Северной войны в Лифляндию был направлен большой отряд казаков во главе с атаманом Максимом Фроловым для участия в диверсионных рейдах на вражескую территорию. О положительных результатах таких рейдов фельдмаршал Б.П. Шереметев докладывал царю в августе 1702 г.: «Желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего <...> Все разорили и запустошили без остатку <...> до самой границы Польской <...> Пошлю в разные стороны калмыков и казаков для конфузии (устрашения. — С. И.) неприятеля»²⁵.

27 октября 1703 г. перед отправкой донских казаков во главе с атаманом М. Фроловым была составлена их списочная ведомость и подробно расписано их участие в военных операциях 1702—1703 гг. Приведем длинную цитату из этого документа относительно участия донцов в боевых действиях, так как в ней содержатся сведения о том, на каком направлении использовались иррегулярные войска в Прибалтике:

«В прошлом 702-м году <...> были они в походе в <...> Низовом полку (стольника и воеводы И.Е. Бахметева. — *С. И.*) под Канды (Ниеншанц. — *С. И.*) <...> где сторожевая рота под обозом генерала Краниорта побиты, и взяты шведы, афицер и восемь ч[е]л[о]в[е]к рейтелей (рейтар. — *С. И.*) и генерал Краниот побегал к Выбору (Выборгу. — *С. И.*) <...> В н[ы]нешнем 703-м году в феврале и в марте <...> были з губернатором Александром Даниловичем Меншиковым, где были поиски над неприятельскими людьми, и посланы <...> где стоял швецкой маеор <...> в мае <...> в походе на шведскую заставу на реке Сестре, где шведы побиты и взято в плен несколько живых и крепость их при реке Сестре взята ж <...> в ыюне <...> как приходили шведы Низового полку на сторожевые их казачьи роты, и их, шведов, они многих побили и начальнова их ч[е]л[о]в[е]ка убили, и иных взяли живых <...> в ыюле <...> послан за генералом Краниортом воевать и жечь жилища швецкие, где подъезд швецкой, побиты и несколько шведов взято, живых и начальной ч[е]л[о]в[е]к, и много жилищ швецких пожжено, и полону, и скота в том походе и в посылках, в розных числах взято много ж <...> И сентября в 8 де[нь] были <...> в походе <...> за генералом Шлипинбалком (В.А. Шлиппенбах. — *С. И.*) х Колывани, где многие мызы и д[е]р[е]вни пожжены <...> сентября в 11 де[нь] <...> посылан х Колывани, где съехали швецкой караул, и побили, и взят прапорщик и несколько рейтерей, и мызы и д[е]р[е]вни пожжены <...> сентября в 29 де[нь] <...> под городом Юрьевым Литовским (Дерпт. — *С. И.*), где взяты начальной ч[е]л[о]в[е]к, и рейтери, и многие мызы и д[е]р[е]вни пожжены»²⁶.

Из указанного документа видно, сколь широк спектр участия отрядов донских казаков в операциях малой войны. Это и несение сторожевой службы, и поиск для взятия «языков», и разорительные набеги на вражескую территорию, и налеты на обозы и сторожевые посты противника. Примечательно, что 5 декабря 1703 г., отпуская на зимовку в родные станицы этот отряд донских казаков (445 чел.) во главе с атаманами М. Фроловым и Е. Петровым²⁷, а также полковником Л. Поздеевым, Петр I хвалил их грамотой за службу «в лифляндском походе». Царь особо отмечал заслуги донцов именно в том разорительном рейде по вражеским территориям и даже награждал их денежным жалованием «против их братья, которые были на <...> службе в прошлом в 1702 году, со мною прибавкою»²⁸.

Не меньших успехов добились донцы и в боевых действиях на территории Речи Посполитой (1704—1708). А.П. Пронштейн цитировал документ из фондов РГАДА, где сообщалось, что в 1706 г. царское правительство указало Войску Донскому выслать в действующую в Польше русскую армию 3 000 казаков. Выполняя приказ царя, Войсковая канцелярия разослала во все донские городки распоряжение о мобилизации «из всякого городка от десятка»²⁹. В июле 1706 г. в составе кавалерийского корпуса главной армии, находяще-

гося под управлением князя А.Д. Меншикова, помимо 20 000 человек регулярной конницы находилось до 4 000 донских казаков³⁰.

Огромный потенциал для ведения разведывательно-диверсионной деятельности русская армия получала от *малороссийского (гетманского) казачества*, военное искусство и тактика ведения боевых действий которого долгое время формировались под воздействием армий Речи Посполитой и восточных народов, в особенности турецких и татарских традиций («татарский промысел за обычай»³¹). В конце XVI в. Р.Э. Ляссота, посол немецкого цесаря, отмечал, что эти казаки «храбрые и предприимчивые люди, которые с детских лет совершенствуются в военном деле и прекрасно изучили врага — турок и татар»³².

В разведывательно-диверсионных операциях малороссийское казачество использовало не только силу сабельного и оружейного удара, но и натиск легкой мобильной артиллерии. В.А. Дядиченко приводит цитату из книг Малороссийского приказа 1701 г. о том, что, кроме прочего вооружения, малороссийское казачество снабжалось в поход подвижной артиллерией: «Из домов наших и пушки воинские и з иным наряд належащий и запасы съесные на санях везем»³³.

Уже в первый год Северной войны с 28 ноября 1700 г. отряды гетманских казаков находились в Прибалтике³⁴. В составе корпуса Б.П. Шереметева в декабре 1700 г. действовали отряды гетманских казаков во главе с наказным гетманом И.П. Обидовским, под началом которого находилось около 7 200 казаков из Нежинского (3 000 чел.), Киевского (около 1 000 чел.), Черниговского (4 000 чел.), Полтавского (2 000 чел.), Стародубского (более 1 000 чел.), Миргородского (1 000 чел.) и Прилукского (500 чел.) казацких полков³⁵, а также два полка сердюков³⁶ Д.В. Чечели и Л. Шульги (1 000 чел.), два полка компанейцев³⁷ Г. Пашковского и Ф. Степановича (1 000 чел.)³⁸.

По указу Петра I разведывательные отряды гетманского казачества несли сторожевую службу, курсируя вдоль линии соприкосновения с противником. В приказе от 5 декабря 1700 г. Петр I требовал от командующего русскими войсками Б.П. Шереметева максимально использовать их боевой опыт: «Поставить ис конных, а наипаче из черкас, конные полки с начальными людьми при границе, где в пристойных местах, и велеть им для проведыванья ходить за рубеж непрестанно и чинить для прокормления себе загоны (набеги. — С. И.) и воинский промысл над неприятельскими жилищи»³⁹. Крупные соединения казачьих войск находились в Пскове, Гдове и Печерском монастыре, откуда ими проводились разведывательные рейды на ближайшие занятые шведскими войсками территории. В так называемой «Лизогубовской летописи» сообщается, что отряды гетманских казаков «подъездами частыми шведские поветы огнем и мечем пустошили и в полон великое множество позабирали»⁴⁰.

Оценить результативность действий казачества в ходе малой войны конца 1700 г. позволяет тот факт, что шведским войскам удалось предпринять наступление на Печоры, где находились основные силы армии Б.П. Шереметева, только в феврале 1701 г., когда основная часть казаков, отпущенная в Гетманщину, покинула театр боевых действий⁴¹. Зная тот ценный вклад, который вносило казачество в ведение малой войны, Петр I неоднократно отмечал успехи их подразделений в проведении разведывательно-диверсионных рейдов. В письме от 5 сентября 1701 г. Б.П. Шереметеву он с благодарностью писал: «Посылал ты для промыслу и взятъя языков за рубеж <...> гетманского регимента (полка. — *С. И.*) малороссийских войск казаков-черкас. И те ратные люди над неприятельскими людьми промысл чинили, мызы и деревни раззорили и их побили, и взяли розных чинов языков <...> И мы, великий государь, тебя, генерала-фельтморшалка нашего военного ковалера, за тое твою к нам, великому государю, службу жалем (жалуем. — *С. И.*), милостиво похваляем»⁴².

Отряды малороссийского казачества активно действовали не только на Прибалтийском театре военных действий, но и на территории Речи Посполитой. В июне 1704 г. русское командование направило в земли Польши и Литвы дополнительные силы — малороссийских казаков. Как сообщалось в универсале И.С. Мазепы от 12 июля 1704 г. к польской шляхте, казачьи войска вступили на территорию союзников с целью защиты их от «неприятеля, Шведа, и его коллегатов (сторонников. — *С. И.*) <...> от явной короля Шведского неприяной оппресии (стеснения. — *С. И.*), драпежства (грабежа. — *С. И.*) и депопуляции (сокращения населения. — *С. И.*)»⁴³.

В обстановке двоевластия, сложившегося в польском королевстве после коронации, по протекции Карла XII, Познаньского воеводы С. Лещинского и выступления некоторой части польско-литовской шляхты против законного короля Августа II, появилась возможность для масштабных диверсионных действий на землях магнатов, поддерживавших шведов. Русское командование поставило казакам уже привычную для них задачу: продвигаясь по территории Польши, проводить диверсионные налеты на панские владения шляхты, поддерживавшей вновь избранного короля С. Лещинского, предавая их недвижимость и припасы опустошительному уничтожению⁴⁴. Последующие же события военной кампании в Польше (1706—1708) показали, что в результате этих масштабных диверсионных действий иррегулярных войск русской армии удалось предотвратить массовый переход польской шляхты на сторону союзной Карлу XII партии С. Лещинского, а также лишить противника на лояльных к нему территориях тыловых ресурсов обеспечения.

Малороссийские казаки проводили не только опустошительные набеги на резиденции польских магнатов. Ими успешно осуществлялись разведывательно-диверсионные операции в тылу у шведских войск. В частности, в

сентябре 1704 г., уже после оккупации шведской армией Львова, объединенный отряд казаков под командованием переяславского полковника И. Мировича регулярно атаковал королевские обозы в окрестностях города. Шведский гарнизон Львова сообщал командованию, что «козацкие подъезды везде здесь нападения чинят и в лесах пребывают»⁴⁵.

Во время блокады русской армии, запертой в укреплениях города Гродно (1705–1706), отряды малороссийских казаков проводили рейды через тылы позиции противника, целью которых была доставка припасов для голодающих русских солдат и офицеров. Так, с юга от Гродно — у Слуцка, Несвижа, Ляховичей и Бреста приказано было встать гетманским казакам И.С. Мазепы, откуда ими производились рейды к Гродно по доставке провианта находящимся в блокаде русским войскам⁴⁶. Позже казаки участвовали в успешной операции по отводу основных сил русской армии из Гродно к Киеву. Лубенский есаул А.С. Петровский в конце XVIII в., сообщая императрице Елизавете Петровне о своей службе в годы Северной войны, кроме прочего сообщал, что во время Гродненской операции «велено нашему войску лубенскому ити <...> до Угродна <...> (Гродно. — С. И.) высвобождаючи войска великороссийские, и мене ординовали туда, давши мне 150 человек. И пошли передом до Угродна с князми (А.Д. Меншиков и Г.Ф. Долгорукий. — С. И.) и висвободивши войска з Угродна (у Гродно. — С. И.) и запасы великие побравши, пришли до Киева вцелости»⁴⁷.

Кроме активных разведывательно-диверсионных действий отряды гетманских казаков использовались командованием русской армии для доставки корреспонденции в отдельные корпуса, разбросанные по театру военных действий. Так, отряд Прилукского казацкого полковника Д.Л. Горленко цепью разъездов обеспечивал почтовую связь и быструю передачу распоряжений между разрозненными подразделениями.

Хорошо показала себя в проведении разведывательных и диверсионных операций *калмыцкая конница*. Она сражалась против шведов с самого начала ведения боевых действий Северной войны⁴⁸. Еще до открытого противостояния со шведами в мае 1700 г. в Москву приезжал калмыцкий посланец Лузан Череня с сообщением об отправке ханом Аюкой 1 000 калмыцких всадников на военную службу в русскую армию⁴⁹.

И.И. Голиков писал, что Петр I в конце зимы 1701 г. «смотрел экзерциции»⁵⁰ прибывших в Москву калмыцкого и татарского войска, в 30 000 состоящего, и все сие войско отправил к границам шведским, предписав <...> как им поступать в разсуждении неприятельских действий»⁵¹. Гораздо позднее, осенью 1756 г., когда в Коллегию Иностранных дел составлялась выписка о боевом прошлом калмыцкого войска, в ней кроме прочего сообщалось, что «когда Его Императорское величество Государь Петр Великий изволил ходить

против шведского короля <...> тогда калмыцкого войска взято было в тот поход <...> 5 000 человек»⁵².

К началу XVIII в. калмыки уже считались мастерами малой войны и хорошо показали себя в совместных походах в Крым в составе московских войск, а также отрядов донского и запорожского казачества⁵³. Как отмечал исследователь Е. Ч. Чонов, «калмыки, сами вскормленные и вспоенные степями, прекрасно знающие психологию и привычки врага, такие же отважные и неутомимые, были незаменимы» для ведения малой войны⁵⁴. В документах XVII—XVIII вв. неоднократно отмечалось, что калмыцких всадников боялись даже такие мастера диверсионной деятельности как крымские татары и ногайцы. В своих записках датский посланник при дворе Петра I Ю. Юль сообщал, что «калмыцкие татары гораздо воинственнее и сильнее прочих татар»⁵⁵. Даже шведский историк А. Стилле, скептически относившийся к боеспособности русской иррегулярной конницы, отмечал боевые качества калмыцких воинов⁵⁶. Знаменитый полководец XVIII в. П. А. Румянцев-Задунайский писал, что наибольшей результативности «по примерам прошедшим» калмыцкая конница может достигнуть не в рядах основных частей регулярной армии, а только в составе сводных отрядов с донскими казаками, с приданием небольшого числа регулярной конницы «для виду»⁵⁷.

За время военной кампании в Прибалтике (1701–1704) калмыцкая конница регулярно отправлялась с юга на северо-запад для совместных действий с русской армией в составе отрядов донского казачества. Так, в начале кампании 1702 г. (в феврале) к донскому войсковому атаману Л. Максиму, готовящемуся к походу в Прибалтику, обратились юртовые калмыки и татары с просьбой взять их в состав отряда донцов, а он в свою очередь ходатайствовал за них перед царским правительством: «Издавна живут и служат тебе, великому государю, с нами сообща юртовые калмыки <...> и татаре. А желают и они так же быть на той же <...> службе в Великом Новгороде»⁵⁸.

Польский король Август II и гетман польный литовский Г. А. Огинский часто просили у русского командования в помощь именно калмыцких всадников, которые оказывали деморализующее воздействие на шведских солдат и офицеров. В частности, саксонский курфюрст, обращаясь к Петру I с просьбой о дополнительных отрядах кавалерии, с самого начала войны настаивал на присылке к нему, помимо драгунских полков, еще и калмыков⁵⁹. И каждый раз царь старался идти навстречу своему союзнику в выполнении его просьбы. Именно поэтому в большом количестве источников содержатся упоминания об использовании калмыков в разведывательно-диверсионных операциях.

Например, в июне 1728 г. на имя императора Петра II поступило прошение от новокрещенного калмыка князя М. Алексева, в котором кроме прочего содержался рассказ о службе его сына Якима: «Сын мой, князь Яким, по указу

посылан с калмыками в армию в Польшу, а из Польши посылан же с господином полковником Шульцовым под шведскую армию, и оной Шульцов откомандировал <...> моего сына, да с ним 60 человек калмыков, да Чугуевских 50 человек для взятия шведских языков, которых они наехав близ Люблина 300 человек, да поляков 200 человек всех побили, из которых уметалось человек с 30, а для языков взято было 30 человек, а после того посыланы были с армиею и, не доходя города Варшавы, разбили шведов и поляков, из которых побито многое число, да взято польских прапорщиков с знаменами, один убит до смерти, а другой взят живой»⁶⁰. Сам же Яким в обстоятельном письме подтверждал все события, упоминаемые в прошении отца, и уточнял: «Был в Польше, а при мне было калмык 60 человек и по указу е. и. в. многократно был я посылан для поимки языков под шведские, от которых войск зело я много языков переловил и сверх того, оных войск два знамя отбив, тех пойманных языков и оные два знамя по указу е. и. в. отдал князю Меншикову»⁶¹.

Своим нетипичным для европейцев видом и «варварским» поведением калмыцкие воины наводили ужас на противника. Жуткие, чаще мифические истории об их диких нравах и отношении к пленникам заставляли врага бежать без сопротивления, даже не вступая в непосредственное соприкосновение с калмыцкой конницей. Воины степей пугали своей жестокостью не только войска противника, но и мирное население, отпугивая от шведского лагеря торговцев и тем деморализуя противника⁶².

Калмыки, действующие в составе русской армии, отличались не только экзотичным поведением, но и внешним видом, вооружением и средствами передвижения. С длинными косами за спиной, вооруженные пиками и луками, восседающие на боевых верблюдах, они производили пугающе-ошеломляющее впечатление на противника и приводили в смятение вражеских лошадей. В частности, об использовании калмыцкими всадниками верблюдов в бою сообщал английский инженер Д. Перри, который изучал этнографию и обычаи Российского государства. Он писал, что при одном из вооруженных столкновений со шведской конницей русские драгуны выпустили вперед калмыцкий авангард: «Калмыкам с несколькими дромадерами (верблюдами. — С. И.) впереди приказано было начать нападение: как только они приблизились к ним, шведские лошади так испугались, что подались и выбились из строя; тут русские напали на них и разбили их»⁶³.

Указом Петра I от 20 апреля 1707 г. в составе русской армии были сформированы три небольших отряда, общей численностью в 300 человек, *волошской конницы* («Понеже разсудили Мы иметь в войсках Наших для настоящия войны Волошскаго народа конницу»⁶⁴). Они состояли большей частью из сербов, венгров, мунтян, черногорцев и молдаван, объединенных названием «волошская хорунгвь». Командиром подразделения специальным патентом был назначен

полковник Ф.П. Апостол-Кигеч, уроженец Молдавского княжества и «во всем изрядный человек, особливо в рыцерском деле искусный»⁶⁵. Русское командование планировало использовать волошские отряды в разведывательно-диверсионных операциях. В конце мая 1707 г. Г.И. Головкин писал капитану гвардии П. Лодыженскому, который курировал вопросы найма на службу в волошские хорунгви, чтобы тот как можно скорее набирал новобранцев «понеже оные волохи потребны ныне ради розъездов и иных военных случаев»⁶⁶.

Князь А.Д. Меншиков, под общим руководством которого находились все принятые на русскую военную службу волохи, говорил о них, что эти «люди гораздо не плохи» и высоко оценивал их заслуги в несении разведывательной службы и ведении боевых действий методами малой войны⁶⁷. Так, в начале лета 1707 г. отряды русских волохов действовали в районе Полоцка для несения аванпостной службы и совершения «подъездов» на неприятеля. До середины осени того же года «волошская хорунгвь» несла ежедневную дозорную службу, а также охраняла границы от Полоцка до Торуня и далее, вступая в стычки с разведывательными отрядами шведской армии и враждебными поляками С. Лещинского.

Зарекомендовавшие себя как опытные воины в ведении малой войны, военнослужащие хорунгви требовали пополнения личного состава накануне вторжения шведской армии в пределы Российского государства. В связи с этим летом 1708 г. царским правительством велись переговоры о прибытии на русскую службу новой группы сербских офицеров из Цесарии (Священной Римской империи) и Черногории⁶⁸.

Кроме подробно описанных выше представителей иррегулярной конницы, казачества и калмыков, стоит сказать несколько слов и о других представителях этнической легкой конницы. Так, в корпусе Б.П. Шереметева действовал отряд *астраханских (юртовских) татар* под командованием стрелецкого головы Б. Кереитова («Астраханских мурз, и табунских голов и татар 773 человека»)⁶⁹. С началом Северной войны активное участие в боях со шведской армией принимали *слободские казацкие полки* (Сумской, Харьковский, Ахтырский)⁷⁰. В 1705 г. со слободских казаков пяти полков за их добросовестную службу «в свейском походе» «сборов и откупов имать не велено»⁷¹. Даже с Урала в действующую русскую армию направлялись отряды *яицких казаков*. Начиная с 1701 г. в составе иррегулярных войск постоянно действовало около 600 уральцев, число которых к 1706 г. было увеличено до 2 100 человек, сражавшихся на театрах военных действий Северной войны вплоть до ее окончания, а полк атамана Матвея Рекунова находился в походе против шведской армии более 17 лет⁷².

Завершая обзор иррегулярной конницы армии Петра I, отметим, что представители этих войск часто сами проявляли инициативу и обращались к рус-

скому правительству с просьбой направить их в главную армию. Выше уже цитировалось обращение юртовых калмыков и татар к донскому войсковому атаману Л. Максиму с просьбой взять их в состав отряда донцов⁷³.

Хотелось бы отметить, что безжалостная иррегулярная конница русской армии, закаленная жестокостью в боях с кочевниками, оказывала мощное морально-психологическое воздействие на врага и поддерживающее его местное население. Так, сосредоточенная в начале 1701 г. на границах шведских провинций многочисленная иррегулярная конница внушала страх населению вражеских земель. Как сообщал иезуитский миссионер в Москве И. Берула себе на родину, «разного рода татары, преимущественно черкасы и калмыки <...> пройдут с огнем и мечем и превратят в пепел всю Швецию»⁷⁴. То есть страх двигался впереди армии и подрывал боеспособность противника еще до приближения русских отрядов.

Рейды русских войск разрушительно воздействовали на морально-психологическое состояние эстонцев и латышей, порождая массу слухов, один страшнее другого⁷⁵. К. Кельх писал, что один из очевидцев событий сообщал о жестоких русских солдатах, бросавших детей на телеги, как гусей, и увозивших с собой⁷⁶. Рассказывалось также, что еще в первых числах января 1702 г. русские кавалеристы, пройдя по льду Чудского озера, провели налет на мызу Алатскиви, разграбили ее, а местных жителей, заперев в домах, сожгли. Когда один из детей хотел спастись, его схватили за ноги и бросили обратно в огонь⁷⁷. Эстонский историк М. Лайдре процитировал рассказы «чухонцев» о том, как в мае 1704 г. после грабежа в одной из зажиточных мыз солдаты убили трех местных женщин, причем одну из них посадили на кол и сожгли⁷⁸.

Все эти рассказы приводили к тому, что жители, при приближении русских отрядов, покидали свои жилища и убегали. Все это крайне негативно отражалось на обеспечении продовольствием шведских отрядов в регионе и горожан, укрывшихся за стенами укрепленных городов.

В заключение отметим, что отличительной чертой иррегулярных войск было отсутствие правильной военной организации. Устроены они были по своим, особым положениям, резко отличающимся от правил, установленных для регулярных войск. Отличия между иррегулярными и регулярными войсками русской армии даны в следующей характеристике, составленной в конце XIX в.: «Русская армия состоит из войск регулярных и иррегулярных, из которых первые устраиваются сообразно с современным состоянием военного искусства и составляют главнейшую массу; вторые-же, хоть и уступают первым по своему строевому устройству, но для некоторых родов военной службы оказываются еще более полезными, чем регулярные»⁷⁹.

Приведенная характеристика иррегулярных войск позволяет понять общую специфику их способностей в ведении боевых действий. Во-первых,

иррегулярные войска успешно могут быть использованы «для некоторых родов военной службы» — это определяющий фактор применения этого рода войск при ведении масштабных военных действий. «Службу», в которой иррегулярные отряды были просто незаменимы на театре военных действий, можно определить одним термином — малая (партизанская) война со всеми сопутствующими ей элементами.

Во-вторых, регулярные войска «устраиваются сообразно с современным состоянием военного искусства», то есть для иррегулярных отрядов допускались отступления от общих правил в поведении на поле боя и войсковых операциях. Это и являлось одним из основных отличий от войск регулярных.

Правила ведения боя петровской регулярной и иррегулярной конницы

Внезапность нападения и большая подвижность — основа всех действий разведывательно-диверсионных отрядов. Длительный бой на одном месте был губительным для них, так как противник за это время мог подтянуть дополнительные силы. Если соотношение сил и общая обстановка не позволяли дерзкими и решительными действиями разгромить врага, необходимо было быстро выйти из боя и, отступая, оторваться от преследования.

Из всего этого следовало широкое применение элемента внезапности, свойственного именно коннице. Г.А. Леер говорит о внезапности кавалерийских атак: «Подвижность и быстрота, вызывая внезапность, могут уравновесить силы и в неравном бою слабой части против сильного неприятеля»⁸⁰. Изучив исторические примеры использования конных отрядов на полях сражений XVII—XIX вв., он сформировал порядок ведения кавалерийского боя, особенности которого характерны и для боя в малой войне:

1. завязка боя (разведка, рекогносцировка);
2. подготовка атаки или противодействие ей (прощупывание противника огнем, маневрирование);
3. атака или ее отражение (активная фаза);
4. последствия боя (преследование или отступление)⁸¹.

Как уже не раз отмечалось, русская регулярная кавалерия, наряду с иррегулярной, являлась основной силой в проведении разведывательно-диверсионных операций Северной войны. К началу Полтавского периода она уже выработала определенную методику ведения боя с противником.

Принципы ведения боя регулярными конными отрядами широко освещались в работах отечественных военных теоретиков. Тем не менее нельзя сказать однозначно о завершенности изучения данного вопроса относительно петровской регулярной конницы в Северной войне. Современный исследователь Б.В. Мегорский попытался раскрыть принципы тактики регулярных

кавалерийских подразделений петровской армии во время операций Северной войны, но при этом заметил, что более подробный разбор этого вопроса требует дополнительных исследований⁸².

Проанализировав работы исследователей об особенностях тактики боя русской кавалерии в XVIII в.⁸³, сформулируем ее основные принципы, сложившиеся за начальный период Северной войны, предшествующий Полтавскому. Именно эти основные элементы применялись и во время проведения разведывательно-диверсионных операций, таких как поиск, засада или налет.

Чаще всего при атаке давался залп из пистолетов или фузей, за которым следовала атака холодным оружием («удар в палаши»); кавалеристы не кололи врага, как было принято у конницы европейских государств, а рубили, что отрицательно сказывалось на плотности строя. Кроме этого были случаи использования, особенно при проведении засадных операций, спешенного строя, который к тому же был хорошо знаком и казачьим подразделениям. В работе А.З. Мышлаевского опубликовано сообщение драгунского капитана М. Чирикова о его участии в Головчинском сражении (3 июля 1708), где подробно описывался порядок действий русского кавалерийского отряда: «Съехався <...> прежде выпалили по их шведы; а по их пальбе приказал он палить своим драгунам, и палили, и с передним шкwadроном, вынув палаши, так съехались, что с ними смешались»⁸⁴.

Шведский историк П. Энглунд, подробно изучавший события на поле Полтавской битвы в июне 1709 г., рассказывал о медико-анатомическом исследовании привезенных в 50-х гг. XX в. с полтавского поля битвы останков (скелетов), которые предположительно принадлежали четырем неизвестным шведским солдатам. По следам от нанесенных им смертельных ран можно было определить и некоторые особенности, характерные для ведения боя в начале XVIII века. В частности, П. Энглунд сообщал: «Первому солдату <...> несколько раз рубанули по голове саблей или шпагой, сверху и сзади. Удары оказались несмертельными; покончить счеты с жизнью солдату помог человек, который нанес ему coup de grace в виде выстрела, насквозь пробившего череп. Вероятнее всего, обстоятельства его гибели были таковы: солдата настиг русский кавалерист и рубил его по голове, пока он не упал, после чего русский, вытащив пистолет, прострелил и без того сильно поврежденный череп. А возможно, на раненого солдата наткнулся потом кто-то другой и уже он прикончил его <...> Второму мужчине было лет 30–40 <...> Этого человека тоже сбил наземь верховой противник: солдат получил мощный рубленый удар по затылку с очень глубоким проникновением клинка, что должно было совершенно оглушить его. Однако сам удар не был смертельным; вероятно, человек погиб либо от потери крови, либо от других ран. Третий солдат <...> так же был сбит ударом сзади, нанесенным кавалеристом.

Могучий рубленый удар сверху и слева подкосил солдата, но не явился причиной смерти. Мужчина погиб, пораженный двумя-тремя ударами в левый висок. Возможно, эти раны были нанесены, когда он, раненый, беспомощно лежал на земле <...> четвертому <...> Острие пики вонзилось <...> в лоб и проникло до самого мозга. Солдат стоял лицом к своему противнику, возможно, пытаясь уклониться от удара или сдаться на милость победителя, когда тот всадил пику прямо ему в голову»⁸⁵.

Отдельного внимания заслуживает тактика боя иррегулярной конницы русской армии, так как при проведении операций малой войны она широко использовалась не только ею, но и конными отрядами регулярных войск.

В начале XVIII в., как и позднее, в начале XX в., для проведения атаки в ходе малой войны русская иррегулярная кавалерия использовала чаще всего следующие тактические приемы: *крыло* (противодействие сомкнутой атаке), *хоровод* или *карусель* (для окружения с целью уничтожения) и *лава* (для уничтожения малочисленного противника)⁸⁶.

При применении *крыла* правый или левый фланг атакующего отряда вытягивался вперед, пытаясь обогнуть противника с флангов и зайти в тыл.

Здесь стоит напомнить об использовании такого крыла в сентябре 1701 г., когда русским кавалерийским отрядом была успешно проведена одна из первых крупных разведывательно-диверсионных операций в малой войне того времени. Небольшой «деташмент» (три драгунских полка и иррегулярная конница) во главе с сыном Б.П. Шереметева М.Б. Шереметевым, отправленный «для промыслу и поиску над неприятельскими свейскими людьми за рубеж», разбил шведские силы у Ряпиной мызы⁸⁷. Организовав подготовку к форсированию водной преграды, отряд М.Б. Шереметева привлек к себе внимание основных сил противника, а в это время отряд калмыцкой конницы обошел врага с фланга и неожиданно ударил по слабо защищенной части его войск. Сломив незначительное сопротивление, русская кавалерия обратила шведские войска в бегство, при этом «начальных людей и рютерей, и драгун, и пешего строю салдат и чюхнов побили многое число, и не ушл[о] ис той мызы ничего»⁸⁸.

Петр I неоднократно отмечал мастерство иррегулярной конницы в действиях на флангах вражеских отрядов: «С левова крыла можем доволное число казаков получить, которые хотя в поле (в масштабном сражении. — С. И.) и плохи, но на пасах <...> добро держатися могут»⁸⁹. Поэтому при планировании тактических операций русское командование, как правило, размещало легкую конницу таким образом, чтобы она могла воздействовать на противника с флангов. Зимой 1708 г. А.Д. Меншиков давал указание гетману И.С. Мазепе, чтобы тот «несколько полков от себя к Быхову отправил, для того, ежели неприятель будет к нашим рубежам приближаться, чтоб оные готовы были збоку неприятеля вредить»⁹⁰.

Тактический прием *хоровод* или *карусель* был необходим главным образом для нанесения максимального урона противнику без непосредственного с ним соприкосновения, то есть в дистанционном бою⁹¹. Для этого кольцо конных стрелков (с луками⁹², дротиками или ружьями) вытягивалось вдоль строя противника и, постоянно двигаясь, вело огонь по врагу. Такой оригинальный строй позволял обеспечить непрерывный огонь, который приводил к большим потерям среди атакуемых войск. Находившийся в Московском государстве в XVI в. австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн стал свидетелем использования такого тактического приема и описал его общие характеристики: «На открытой равнине <...> вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага»⁹³.

Кроме массированного навесного огня хоровод мог использоваться и с целью вызвать врага на преследование, чтобы в итоге заманить в засаду. При неожиданной же контратаке вражеской конницы составлявшие хоровод наездники, пользуясь преимуществом в скорости, могли повернуть коней и уйти от противника, направляя при этом огонь на преследователей. М.В. Горелик утверждал, что хоровод являлся весьма эффективным построением, которое позволяло вести массированный огонь по противнику с максимально близкого расстояния: вбок — вперед и вбок — назад⁹⁴.

Еще одним способом атаки иррегулярных войск был обстрел позиций противника небольшими отрядами конницы. У кочевников такая атака называлась *воронья стая* за ее схожесть с клюющей жертву стаей птиц. Небольшие группы (четыре-пять чел.) приближались с разных сторон к противнику и вели обстрел его строя, попеременно накатываясь, как волны, и отступая⁹⁵. Тактический прием *воронья стая* особенно был успешен при давлении на воинские части противника на марше. Неожиданно напав на колонны вражеских военнослужащих, легкие отряды кавалерии после короткой атаки откатывались назад, чтобы через некоторое время налететь вновь. Такие атаки, вроде бы незначительные для больших скоплений вражеской армии, имели стратегическое значение. Под давлением иррегулярных войск противник терял время на марше, замедлялся, уставал и становился ослабленным морально, постоянно находясь в состоянии тревожности. В работе о действиях донского казачества в период Семилетней войны К.К. Абаза дал точное описание таких «вороньих» атак на марширующие колонны войск: «Донцы <...> окружили прусские колонны и провожали их на марше **степным обычаем** (выделено нами. — С. И.): наездничали, задирали; налетая в одиночку, стреляли из пистолетов или просто кружились перед фронтом»⁹⁶.

Иррегулярная конница могла сильно тревожить марширующие вражеские колонны, задерживать их движение и вынуждать совершать незапланированные маневры, которые являлись дополнительной нагрузкой и утомляли

войска. В работе о тактике войск в эпоху Наполеоновских войн А.Л. Жмодиков цитировал российского военачальника А.Ф. Ланжерона, который в свою очередь писал, что избавиться от казаков на марше почти невозможно, «то есть прогнать их так, чтобы они уже не вернулись»⁹⁷.

Встречаются упоминания об использовании тактического приема *воронья стая* и при описании боевых действий Полтавского периода Северной войны. Гетманский казак Т. Силевич в составленной в 1734 г. автобиографической «сказке» сообщал о своем участии в диверсионных налетах осенью 1708 г. в составе корпуса генерала Н.Ю. Инфланта, посланного с отрядом казаков «для уведомления, куда и яким путем меют маршировать оные шведи». О применении тактического приема *воронья стая* при налетах на врага Т. Силевич сообщал следующее: «В Поповой Горе на реце (реке. — С. И.) Беседе сподкался (сошелся. — С. И.) <...> возвратясь к полкам своим, повторе послано мене в сту коней против шведа, где з оними сподкался на реце Ипуть, и там чрез реку бой учинили ж». Кроме этого казак сообщил, что в отряде Н.Ю. Инфланта он «немало чрез колко дней и недел, ходячи денно и ношно подъездами, шведов били <...> з драгунами, компанею (компанейцами. — С. И.) и волохами»⁹⁸.

Несмотря на то, что в Европе уже отгремела так называемая «пороховая революция», а в России регулярными войсками уже с XVII в. повсеместно использовалось огнестрельное оружие, в этнических иррегулярных войсках русской армии в начале XVIII в. еще активно использовались копейный и лучный бой со всеми тактическими способами их применения⁹⁹. Например, явившиеся 19 сентября 1700 г. в Азов к воеводе Степану Салтыкову калмыки «мурза Черендундук з братом своим родным Черендашом» сообщали о своем личном вооружении и боевой амуниции: «пансыр», «мисюрка булатная» (полусферический шлем с кольчужной сеткой. — С. И.), пищаль и саадак со сбруей¹⁰⁰.

А.В. Мельнов цитировал шведских разведчиков, которые во время военной кампании в Прибалтике следили за действиями русских войск у деревни Рауту. Кроме прочего, они отмечали нахождение в этом районе противника с ярко выраженными внешними признаками, характеризующими русскую иррегулярную конницу, способную сражаться лучным боем, то есть калмыков, татар или башкир («у солдат лица плоские и смуглые, имеют стрелы и луки»)¹⁰¹.

Примечательно использование калмыцкой кавалерией длинных остроко-
нечных пик, мастерство владения которыми было доведено у степных воинов до совершенства¹⁰². Эффективность удара пикой в бою достигалась сочетанием жесткости захвата пики руками воина (неподвижности) и скорости лошади во время кавалерийской атаки. Описывая 12 сентября 1708 г. бой у Кадина, Петр I сообщал Ф.М. Апраксину, что «в пребывающем огне нападали казаки и калмыки на неприятельские фланги и многих копьями покололи»¹⁰³.

Отметим, что пики могли применяться не только в иррегулярных, но и в драгунских подразделениях русской армии. Б.П. Шереметев, рассматривая в конце 1702 г. списки драгунских полков, давал указание на дополнительное формирование в их составе копейных рот «для скорых посылок и конфузии над неприятели», то есть для вестовой и разведывательной службы¹⁰⁴. В работе К.В. Татарникова по истории русской полевой армии в 1700—1730 гг. содержатся сведения о нахождении пик среди имущества петровских драгунских полков. Например, в Тверском драгунском полку в 1703 г. находилось 100 пик, а в 1707 г. их число было доведено до 1 000¹⁰⁵. Документального подтверждения использования драгунами пик в боях против шведов не обнаружено, но указанные упоминания о пиках в драгунских подразделениях позволяют предположить их применение в кавалерийском бою.

Говоря о методах боя калмыцкой конницы, отметим ее характерные особенности. Исследователь тактики и вооружение калмыцкой конницы в XVII в. Л. Бобров сообщал, что она атаковала противника в рассыпном строю («нохой хэрэл»), клином («хошуун») или лавой («нуман жагсаал»). Излюбленным построением был «лук-ключ», когда центр конницы «отгибался» назад, а фланги выдвигались в сторону противника. В ходе сражения один или оба вытянутых вперед крыла наносили мощный удар по флангам, заходя таким образом в тыл противника. Альтернативой такого построения был «бычий рог» — нанесение мощных ударов, разрывавших боевой порядок врага¹⁰⁶.

У казачества одним из основных способов кавалерийской атаки была так называемая *лава*¹⁰⁷. Это построение применялось при проведении большинства операций малой войны — налета, разведки боем, заманивания врага под удары засад, предотвращения действий вражеских разведчиков, а также как завеса для прикрытия маневров своих войск и отвлечения противника от направления, выбранного для атаки.

В казачьей лаве отряд занимал позиции в длинном разомкнутом двухлинейном строю с уступами для охватывания флангов и захода в тыл атакуемым подразделениям. Прусский офицер фон Мюнних, действовавший в 1813 г. совместно с казачьими подразделениями, описывал лаву «как годну неплотную шеренгу, в которой храбрейшие люди, а также те, кто вооружен карабинами или ружьями, находились на флангах, при этом фланги были выдвинуты несколько вперед относительно центра, так что шеренга имела вогнутую форму»¹⁰⁸. В бою лава, как волны, накатывалась на противника, пока он, утомленный и потерявший дисциплину строя, не отступал¹⁰⁹.

Еще одним свойством казачьей конницы являлась способность быстрой смены боевого построения во время атаки, благодаря чему удавалось ввести войска противника в замешательство. Военный теоретик М. Драгомиров цитировал сведения об этой характерной особенности ведения боя казаче-

ством: «Не знаешь, как против них действовать; развернешь линию — они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонною — они быстро развертываются и охватывают ее со всех сторон»¹¹⁰.

Упомянутый выше тактический прием *вентерь* был весьма опасен для противника. Вражеские офицеры, которым пришлось столкнуться с этой казачьей хитростью, отмечали коварство ложного отступления русской иррегулярной конницы. Французский кавалерист Брак, участник похода Наполеона Бонапарта в Россию, сообщал: «Кзаки всегда рассеиваются при отступлении <...> не стоит думать, что это признак страха или упадка духа у казаков — на самом деле таков их обычный способ отступления, причем очень опасный для тех, кто их преследует, потому что казаки таким образом заманивают преследующих подальше, провоцируют их на рассыпание, а потом внезапно переходят от отступления к нападению»¹¹¹.

Несмотря на то, что русская легкая кавалерия в Северную войну была вооружена экзотическим для начала XVIII в. оружием (луки, дротики, пики и т. д.), степень ее эффективности от этого не страдала. Недаром О.А. Курбатов, изучавший русскую конницу XVII в., пришел к выводу, что нападая неорганизованными толпами, сражаясь варварским «лучным боем» и саблями наголо, русские кавалерийские отряды добивались успеха в бою¹¹².

В целом, можно сказать, что к началу Полтавского периода у русской кавалерии выработался свой характерный тип тактики боя во время проведения разведывательно-диверсионных операций, где были слиты воедино элементы старой русской тактики, методика ведения боевых действий иррегулярных войск и общие принципы боя кавалерийских подразделений в европейских армиях.

Задачи, выполняемые разведывательно-диверсионным отрядом

В начале XVIII в. главной боевой тактической единицей для ведения разведки и проведения диверсий считался разведывательно-диверсионный отряд (партия, малый отряд, «деташмент»¹¹³) — небольшое мобильное, автономно действующее подразделение. Состав такого воинского формирования был неоднороден и варьировался в зависимости от сложившейся обстановки и тех задач, которые были на него возложены, — как утверждал Д.Ф. Масловский, от «случая и положения земли»¹¹⁴.

Например, майор Преображенского полка М.Б. фон Кирхен сообщал 24 января А.Д. Меншикову из Минска, что отправил в разведывательный рейд «до самой Гродни» капитана У.-Ф. Голянта, «а с ним будет драгун сто семдесят человек»¹¹⁵. Находившийся 12 февраля 1706 г. в Митаве Р.Х. Боур докладывал в письме светлейшему князю, что отправил в разведку к Вильно

кавалерийский отряд, состоявший из 50 драгун во главе с капитаном¹¹⁶. Генерал-майор Н.Г. фон Верден сообщал 28 октября 1706 г. царю, что «для подлинного прове́дыванья про неприятеля» в разведке находится подполковник В. Зернов и 400 человек драгун¹¹⁷.

При тех или иных обстоятельствах командование формировало разведывательно-диверсионный отряд из одного (кавалерия или пехота), двух (пехота и кавалерия) или трех (пехота, кавалерия и артиллерия) родов войск. Согласно «Военному энциклопедическому лексикону», если предстояла малая война в горной или лесистой местности, для нападений на противника задеystвовались пехотные подразделения, на равнине — кавалерия, а в масштабных операциях и при атаке населенных пунктов — смешанные отряды с приданием артиллерийских орудий¹¹⁸.

На начальном этапе Северной войны успешность действий корпусов Б.П. Шереметева и П.М. Апраксина в ходе ведения малой войны в Прибалтике обеспечило в том числе соединение представителей старой поместной системы с их боевыми навыками с новыми регулярными полками и их тактикой. Оно достигалось смешиванием подразделений старой русской школы (стрельцы, смоленская шляхта¹¹⁹, поместная конница и т. д.) и вновь созданных в ходе петровской реформы регулярных войск (новые пехотные солдатские и драгунские полки). Если проанализировать данные о составе разведывательно-диверсионных корпусов («деташментов») русской армии в Прибалтике, становится ясно, что в каждом из них для ведения разведки, сторожевой и диверсионной службы действовали совместные отряды молодых драгунских полков и иррегулярной кавалерии. Так, например, в «деташменте» П.М. Апраксина, действовавшем на берегах Невы, для разведки использовался личный состав из трех драгунских полков и иррегулярной конницы И.Е. Бахметева (низовые казаки, казанские и астраханские татары¹²⁰, башкиры и др.), которые поддерживали действия пяти пехотных и одного стрелецкого полков¹²¹.

К началу Полтавского периода в царском окружении уже сформировался мощный костяк офицеров, профессионально занимавшихся разведывательно-диверсионной деятельностью. Это было связано с тем, что на протяжении всего царствования Петра I окружали в основном военные, из которых сформировалась так называемая *воинская свита*¹²². Кроме высокопоставленных офицеров и приближенных к нему «царских денщиков» в его распоряжении находилась служба *адъютантов Его Царского Величества*. Это были именно те люди, на которых возлагались поручения секретного и личного характера. Такие же должности были введены и в распоряжение полковых командиров. Воинский устав 1716 г. указывал качества лиц, набираемых в эту службу: «Умные, трудолюбивые и храбрые молодые люди, которые должны указы вышних своих принадлежащим образом объявлять»¹²³. Наиболее известными из

адъютантов царя были П.И. Ягужинский, Н.П. Вильбоа, А.И. Ушаков¹²⁴, Е.Ю. Маврин, А.И. Румянцев и Ф.О. Бартенев¹²⁵.

Кроме прочих поручений, ввиду того, что в начале XVIII в. средства связи еще не были совершенны, а в период Великой Северной войны Петр I должен был быть максимально информирован о происходящем на том или ином участке театра военных действий, адъютанты становились еще и глазами царя, чаще всего на линии соприкосновения с противником. Справочные сведения И.И. Голикова об одном из адъютантов, Ф.О. Бартеневе, содержали общую характеристику этой должности: «Словом, они (адъютанты. — *С. И.*) были в войске его (царя. — *С. И.*) оком»¹²⁶. Получив ценную разведывательную информацию, адъютанты доставляли ее быстро и без искажений в царскую ставку. То есть, в какой-то мере, они закладывали основы профессии войскового разведчика.

Профессиональная деятельность царских адъютантов, напрямую связанная с разведывательной деятельностью, прослеживается в эпистолярном наследии Петровской эпохи. В частности, в письме к И.А. Мусину-Пушкину по поводу сбора сведений о действиях корпуса шведского генерала А.Л. Левенгаупта в 1706 г., Петр I уточнял, что «для вернейшего же всего того исполнения послал адъютанта своего Бартенева»¹²⁷. В другом письме, к И.И. Чамберсу, сообщалось: «Ныне посылается отъютант Бартенев, чтоб мог он, возвратясь не мешкав, подлинную ведомость дать»¹²⁸. Годом позже царь писал Р.Х. Боуру: «А что вам и ныне чинить, о том посылаем пункты, так же и словесно объявит вам господин Бартенев»¹²⁹.

Если говорить об адъютантах, действовавших в полковом звене, то их деятельность существенно не отличалась от тех, кто находился в прямом подчинении у царя. Командующие по направлениям (пехоты или кавалерии), а также полковые командиры отправляли своих адъютантов на самые ответственные участки для проведения разведки или диверсионных операций. Так, 31 января 1708 г. командующий над кавалерией А.Д. Меншиков сообщал царю: «О жении и о засеках чиним против указу вашего неоплошно, для чего по бокам посланы от меня атьютанты Брукентал и Рамзай, которые миль по пяти и по шти в стороны ездят»¹³⁰.

Чаще всего для ведения разведывательно-диверсионной деятельности в ходе боевых действий Северной войны использовались совместные драгунско-иррегулярные формирования под руководством командиров регулярных войск, уже зарекомендовавших себя опытными разведчиками (например, Г.С. Волконский, А.И. Ушаков и Ф.О. Бартенев¹³¹). 19 августа 1708 г. в письме генерал-майора Г.С. Волконского к А.Д. Меншикову с сообщением о налете на шведский обоз говорилось, что «ездил я с полком своим, и с казаками, и калмыками, и с волохи под неприятельское войско»¹³².

А. Грушевский считал, что совместные регулярно-иррегулярные отряды формировались в русской армии не в связи с их большей мобильностью и способностью к ведению разведывательно-диверсионной деятельности, а ввиду политической неблагонадежности. «Шатости» казачьих подразделений, по его мнению, требовали контроля со стороны царского правительства¹³³. Ошибочность суждений А. Грушевского заключается в том, что контроля над иррегулярными отрядами требовала их низкая дисциплина и склонность к грабегам мирного населения, которая не всегда поощрялась русским командованием. Например, в письме Петра I к генерал-лейтенанту Р.Х. Боуру об отправке к нему на усиление отряда Г.С. Волконского с казаками, царь рекомендовал взять под жесткий контроль иррегулярные отряды, с дисциплиной которых генерал-майор справлялся очень слабо («оных полутче в руках держать и виноватых не щедить, понеже зело много тиранства казаки учинили»¹³⁴).

Число иррегулярных всадников в таких подразделениях значительно преобладало над драгунами¹³⁵. Это происходило потому, что последние не могли тягаться в навыках разведывательно-диверсионной деятельности с теми же казаками или калмыками¹³⁶. Кроме этого не будем забывать и об успешно используемым русским командованием психологическом факторе воздействия на врага иррегулярными войсками. Именно поэтому каждый командир летучего отряда старался, чтобы в его партии число иррегулярных войск преобладало над регулярными.

19 сентября 1708 г. Ф.О. Бартенев просил царя направить к нему в летучий отряд казаков и калмыков, аргументируя это тем, что с их помощью «мы б с ними из обозу швецкого никово не выпустили»¹³⁷. В свою очередь генерал-майор Г.С. Волконский сетовал на то, что в его разведывательном отряде находится всего 150 казаков, «и те худоконные». По этой причине он просил А.Д. Меншикова «прибавить <...> казаков и калмыков над неприятелем для лучшего поиска»¹³⁸. Когда светлейший князь распорядился выделить ему казаков и волохов из отряда К.Э. Ренне, последний всяческими отговорками старался избежать потери этого ценного людского ресурса, мотивируя это тем что «нам в том самом есть оскудование (недостаток. — С. И.)»¹³⁹.

При подготовке разведывательно-диверсионных отрядов и организации операций малой войны командованием проводилась определенная работа, которая включала в себя определение района действий, создание там материальной базы поддержки, отбор и подготовку кадров в составе подразделений.

Главным условием для положительного результата в действиях разведывательно-диверсионного отряда были его мобильность и независимость от основных сил. Именно поэтому В.Н. Клембовский считал, что отряд, не связанный заботами о своем тыле, пользующийся свободой в выборе направлений

удара и путей отступления, а также не имеющий при себе обоза, мог направиться в любую сторону и ускользнуть таким образом от всякого преследования¹⁴⁰. Вполне понятно, что результативность такого отряда зависела от тыловых ресурсов района боевых действий, активности войск противника, поддержки их местным населением и условий местности.

Тактика войск при ведении малой войны вытекала из совокупности тех задач, которые ставились именно перед небольшими разведывательно-диверсионными отрядами.

В частности, от них требовалось:

- уничтожение запасов неприятельской армии (магазинов, военных объектов обеспечения, пороховых и оружейных складов, арсеналов), сбор денежных контрибуций с вражеских городов и селений;

- перехват обозов; уничтожение, пленение и рассеивание вражеских колонн, находящихся на удалении от основных сил; освобождение своих пленных; атаки на сторожевое охранение противника;

- нарушение сообщений между частями вражеской армии и ее генеральным штабом (перехват корреспонденции, курьеров, важных лиц);

- налаживание каналов связи между частями своих войск через вражеское расположение¹⁴¹;

- поднятие и поддержка вооруженного сопротивления у лояльно настроенных гражданских лиц в тылу противника;

- получение разведывательных сведений в тылу и на флангах неприятеля;

- путем дезинформации введение неприятеля в заблуждение относительно истинного положения дел в своем лагере;

- налеты на расположение неприятеля (квартирный район или лагерь), чтобы лишить его необходимого отдыха.

Здесь необходимо разобрать типичные требования, предъявляемые к командирам таких подразделений, на примере изучения приказов, полученных ими в феврале 1707 г. от Петра I, так как определяемые ими пункты дают возможность выделить основное направление разведывательно-диверсионной деятельности того времени.

Отряду генерал-майора Р.Х. Боура, направляемому для ведения малой войны в Литву в феврале 1707 г., ставились следующие задачи¹⁴²:

1. Вести непрерывную разведку действий противника, чтобы была возможность вовремя проинформировать командование («От неприятеля быть в опасении и иметь всякую осторожность и посылать ради провеживания частыя партии, и проведав подлинно о неприятельском состоянии и о ево силе <...> чинить <...> промысл по возможности»).

2. Наблюдать за положением дел и настроениями среди местного населения, в данном случае в польском обществе на территориях Речи Посполитой,

чтобы вовремя сориентироваться, кто из них друг, а кто враг («Будучи в Литве, накрепко смотреть как на гетманов, так и на генерала Синицкого и на все Литовское войско»).

3. Следить за состоянием личного состава отряда и степенью его обеспеченности необходимыми средствами, особенно лошадьми как основным средством повышения мобильности отряда («Как людей, так и лошадей иметь в добром призрении (состоянии. — С. И.), а особливо над лошадми»).

4. Не допускать злоупотреблений военнослужащими отряда в отношении мирных жителей, то есть культивировать лояльность местного населения к русской армии, которое поддерживало бы их партии и не оказывало помощи противнику («Провиант и фураж збирать <...> против порцей, а сверх указу излишняго ничего никто б не брал <...> Так же заказать, чтоб никто нигде никому никакова раззорения и обид не чинил, под потерянием живота и чести»).

5. Держать постоянную связь со ставкой командования для принятия оперативных решений, для того наладить службу посыльных («Добрую иметь корреспонденцию с нами и на каждую неделю обо всяком состоянии писать; и ради той переписки поставить на почтах в пристойных местах казаков и к ним придать из драгун по человеку, умеющих писать, дабы почты порядочнее и безопаснее доходили»).

Добавим, что для результативности разведки связь между непосредственными исполнителями (разведывательными отрядами, шпионами и т. д.) и ставкой командования должна быть непрерывной и взаимной¹⁴³. Если проанализировать переписку между главнокомандующими и царской ставкой становится понятно, что в русской армии этому правилу следовали неукоснительно. Корреспонденция с разведывательными сведениями на участках непосредственного соприкосновения с противником поступала к военачальникам по направлениям (кавалерии — А.Д. Меншикову, пехоты — Б.П. Шереметеву, посольской канцелярии — Г.И. Головкину), а также царю почти ежедневно. Сразу же, без задержек, разведчики получали от главнокомандования обратные четкие указания для дальнейших действий.

Недостаток боевой силы малые отряды возмещали такими приемами как скрытность, внезапность и быстрота. Они атаковали врага в те моменты, когда тот мог оказать наименьшее сопротивление, так как при внезапном нападении противника небольшому отряду в отличие от развернутого подразделения было намного легче подготовиться к бою и отступить. Именно этими способностями, а не силой и был опасен небольшой мобильный отряд.

В заключении хотелось бы сказать, что все приемы, применяемые во время малой войны, группировались вокруг двух основных направлений деятель-

ности — разведка и диверсия. Если первая состояла из способов получения информации о противнике, территории или окружающей обстановке, то вторая представляла собой методы силового воздействия на врага. Благоприятные обстоятельства могли способствовать возникновению еще и партизанского движения среди местного населения на занятых врагом территориях. Общий принцип малой войны, заключающийся в разведке и диверсионном воздействии на силы противника без вступления в масштабные сражения, а только нанесением точечных ударов, стал основой тактических способов ведения боевых действий. Совокупность тактических методов и комплексное систематическое воздействие на неприятеля в период малой войны является ключевым моментом в подготовке основных частей армии к решающему сражению. Систематизация же разведывательно-диверсионных действий позволяет составить методологическую основу для анализа стратегии и тактики ведения малой войны в Полтавский период Северной войны, предшествовавший одному из главных сражений этого военного конфликта — Полтавской битве.

¹ *Терентьев М.* Осталась ли конница тем, чем была? // Военный сборник. СПб., 1865. Т. XLI. С. 273; *Леер Г.А.* О боевых порядках // Военный сборник. СПб., 1865. Т. XLV. С. 80.

² *Остен-Сакен Д.Е.* Мысли об устройстве легкой конницы и некоторые общие замечания: (Представлено в 1832 году) // Мысли о некоторых предметах военного дела и разные военно-исторические сведения. СПб., 1865. С. 7—8.

³ *Курбатов О.А.* Из истории военных реформ в России во 2-ой половине XVII века: Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х: дисс... канд. ист. наук. М., 2003. С. 29.

⁴ Еще в конце XIX в. военные теоретики Г.А. Леер и П.А. Плева отмечали возможности русской конницы в малой войне против шведов, этого же мнения придерживается В.А. Артамонов (*Леер Г.А.* Петр Великий как полководец // Военный сборник. 1865. № 4. С. 149—230; *Леер Г.А.* Обзор войн России... С. 30; *Плева П.А.* Очерки из истории конницы. СПб., 1889. С. 55; *Артамонов В.А.* А.Д. Меншиков как полководец // Меншиковские чтения—2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 133).

⁵ *Офицерские сказки...* Т. 1. С. 50.

⁶ *Пузыревский А.К.* История военного... С. 117.

⁷ *Йоргенсен, К., Павлович, М., Райс, Р. Шнайд, Ф., Скотт, К.* Войны и сражения Нового Времени 1500—1763 гг. М., 2006. С. 103.

⁸ *Масловский Д.Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 19.

⁹ По утверждению П.П. Шафирова, в операции против А.Л. Левенгаупта участвовал большой корволант в 12 000 человек, состоявший из кавалерийских подразделений, пехоты, посаженной на лошадей, и конной артиллерии (*Шафиров П.П.* Разсуждение: Какие законные причины... С. 42).

¹⁰ Петр I Т.Н. Стрешневу 1701 г. // П и Б. СПб., 1887. Т. I. № 356. С. 423.

¹¹ *Вольнский Н.П.* История Лейб-гвардии... С. 337—339.

¹² Решение военного совета, состоявшегося в Чашниках 12.06.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. № 2047. Л. 1.

¹³ Решение совета в Чашниках 12.06. 1708 г. // П и Б. М.; Л., 1946. Т. VII. Вып. 2. К № 2413. С. 846.

- ¹⁴ Устав воинский: 30 марта 1716 г. // Законодательство Петра I: Сборник ист. документов. М., 1997. С. 160–161.
- ¹⁵ Корволант // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. XIII. С. 179.
- ¹⁶ Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. СПб., 1888. Т. III. С. 380.
- ¹⁷ Напр.: Йоргенсон К., Павлович М., Райс Р., Шнайд Ф., Скотт К. Войны и сражения Нового Времени 1500–1763 гг. М., 2006. С. 120.
- ¹⁸ Люлин С.Ю. Прусские гусары: 1808–1814 // Старый Цейхгауз. 2012. № 3 (47). С. 52.
- ¹⁹ Альбовский Е.А. История Харьковского слободского казачьего полка (1651–1765). Харьков, 1895. С. 101.
- ²⁰ Кусаинова Е.В. Вольное и служилое казачество в Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: Коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 37.
- ²¹ Кусаинова Е.В. Сравнительный анализ военной тактики вольного казачества и ногайцев в XVI–XVII вв. // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья: Сборник научных статей по материалам научной конференции 2002 г. Волгоград, 2003. С. 57.
- ²² Леер Г.А. Прикладная тактика. СПб., 1877. Вып. 1. С. 299.
- ²³ Шкваров А.Г. «Христианская орда» против Швеции: Казаки: Религиозный аспект // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. СПб., 2009. № 2. С. 22–59; Шкваров А.Г. Северная война (1700–1721): Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки, 2009. 98 с.; Шкваров А.Г. О проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества на территории прибалтийских провинций Швеции в ходе русско-шведских войн XVIII–XIX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2009. С. 90–109; Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010. 456 с.
- ²⁴ Броневской В.Б. История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. СПб., 1834. Ч. 1. С. 230.
- ²⁵ Б.П. Шереметев Петру I 25.08.1702 г. // Устрялов Н.Г. История царствования... Т. IV. Ч. II. Приложение. № 147. С. 249.
- ²⁶ Списки донским казакам, калмыкам и татарам Низового полка Бориса Шереметева // Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / Сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. С. 39–40.
- ²⁷ Там же. С. 40–42.
- ²⁸ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Шишым. Т. I. Новочеркасск, 1891. № 147. С. 227.
- ²⁹ Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 71, 122.
- ³⁰ А.Д. Меншиков П.П. Шафирову 20.07.1706 г. // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова... № 3. С. 128.
- ³¹ Грамота царя Михаила Федоровича в Тулу 21.07.1625 г. // Акты Московского государства... Т. I. № 183. С. 198.
- ³² Хрестоматія з історії держави і права України: Навч. посіб. / А.С. Чайковський, О.Л. Копиленко, та інші. Київ, 2003. С. 94.
- ³³ Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 485.
- ³⁴ Каждый гетманский казак, отправлявшийся в поход, обеспечивал себя холодным и огнестрельным оружием, порохом, свинцом, провиантом, деньгами, одеждой, а главное, прибывал на службу как минимум с двумя лошадьми («о дву конь»). Для содержания их каждому казаку выдавался фураж на каждую конскую единицу по 0,5 «осмачки» овса, а также сена и соломы «с потребу» (РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. № 83. Л. 408–408 об.).
- ³⁵ Построение вооруженных сил Гетманской Украины в XVII–XVIII вв. проходило по полково-сотенному территориальному принципу, согласно которому Гетманщина делилась на отдельные военно-административные округа (полки), которые в свою очередь состояли из

меньших единиц (сотен) (*Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького. Дніпропетровськ, 2007. 380 с.).

³⁶ Сердюки — наемные пехотные части, которые составляли гвардию гетмана Войска Запорожского со второй половины XVII — первой половины XVIII вв.

³⁷ Компанейские (охочекомонные) полки набирались из охочих людей, способных к кавалерийской езде. Они получали от гетмана жалованье и находились только в его распоряжении. Компанейцы составляли легкую гетманскую кавалерию (*Ломиковский В.Я.* Словарь малороссийской старины. Киев, 1894. С. 23—24).

³⁸ *Бантыш-Каменский Д.И.* История Малой России. Примечания. М., 1830. Ч. I. С. 18; *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи: Соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 70; *Горобець С.М., Рябцев В.В.* До історії участі українських козаків у військових подіях початкового етапу Північної війни (1700—1702 рр.) // Сіверянський літопис. 2011. № 3. С. 25.

³⁹ Северная война 1700—1721 гг. ... Т. I. № 62. С. 81.

⁴⁰ Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал. Киев, 1888. С. 42.

⁴¹ *Adlerfeld G.* The Military History... P. 135.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. 1701 г. Стб. 795. Ч. II. Л. 4—5.

⁴³ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе: Акты о казаках (1679—1716). Киев, 1868. Ч. 3. Т. II. С. 633.

⁴⁴ Петр I И.С. Мазепе 19.06.1705 г. // П и Б. СПб., 1893. Т. III. № 839. С. 364—365.

⁴⁵ *Гербельский Г.Ю.* Петро Перший в Західній Україні: 1706—1707 рр. Львів, 1948. С. 21.

⁴⁶ И.С. Мазепа Ф.А. Головину 22.03.1706 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1481. Л. 1, 1 об.; *Гербельский Г.Ю.* Петро Перший... С. 38.

⁴⁷ *Лазаревский А.М.* Показание о службах лубенского полкового есаула Андрея Петровского // Киевская старина. Киев, 1899. Т. LXV. № 4. С. 11.

⁴⁸ Считаю ошибочным утверждение исследователя военного прошлого калмыцкого народа Е.Ч. Чонова, который писал, что калмыцкие воины принимали участие в Северной войне лишь в двух эпизодах: в 1707 г., когда 3 000 всадников направлены в действующую армию, но боевые действия были приостановлены, а всадники были отосланы из Москвы; в 1709 г., когда многотысячное калмыцкое войско опоздало к началу Полтавской битвы (*Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии: XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск, 1912. С. 15).

⁴⁹ Документ о приезде в Москву Л. Череня 6.05.1700 г. // РГАДА. Ф. 119. (Калмыцкие дела). Оп.1. Кн. 4. 1700 г. Л. 1—10.

⁵⁰ Речь идет об «экзерцициях» как о демонстрации воинского мастерства посредством показа различных трюков, которые позднее стали известны как «джигитовка» — подхватывание платка на скаку с земли, укрытие всадника за одним из боков лошади, поднятие брошенной шапки в движении на копье и многие другие. Именно такие приемы демонстрировали царю и генералитету русской армии калмыцкие всадники 29 июня 1709 г. на празднествах по случаю Полтавской виктории (Дневник военных действий Полтавской битвы // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. С. 295).

⁵¹ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. II. С. 390.

⁵² Выписка о калмыцких войсках, сочиненная в Коллегию Иностранных дел в сентябре 1756 года // Протоколы Конференции при Высочайшем дворе. 14 марта 1756 г. — 13 марта 1757 г. Т. I. № 31 // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1912. Т. 136. С. 103.

⁵³ *Тенкеев В.Т.* Участие калмыков в Русско-польской войне 1654—1667 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 91; *Тенкеев В.Т.* «От

него, крымского хана, правды и постоянства нет»: Набеги калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. // Новый исторический вестник. М., 2013. № 4 (38). С. 10.

⁵⁴ Чонов Е.Ч. Калмыки в русской армии... С. 11.

⁵⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711). М., 1899. С. 296; Артамонов В.А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. С. 18.

⁵⁶ Стилле А. Операционные планы Карла XII... Кн. 5. С. 21.

⁵⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: Поход Апраксина в Восточную Пруссию: (1756–1757). Приложения. М., 1886. Вып. 1. С. 179.

⁵⁸ Отписка атамана Л. Максимова 17.02.1702 г. // РГАДА. Ф. 111. (Донские дела). Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.

⁵⁹ Август II Петру I 5.06.1701 г. // РГАДА. Ф. 79. (Сношения России с Польшей). Оп. 4. Л. 1–2.

⁶⁰ Митуров А.Г. Истоки. Элиста, 2002. С. 226–227.

⁶¹ Там же. С. 227.

⁶² Otwinowski E. Pamiętniki do panowania Augusta II. Poznan, 1838. S. 114.

⁶³ Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧИОИДР). М., 1871. Кн. 2. С. 179.

⁶⁴ Указ о принятии на службу А. Кигеча 20.04.1707 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. (1700–1712). № 2148. С. 379.

⁶⁵ 1707 г. марта 4. Письмо молдавского полковника Константина Туркульца Г.И. Головкину о посылке Апостола Кигеча на русскую службу и с обещанием прислать других молдаван, желающих быть на русской военной службе // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. М., 1970. Т. III. № 79. С. 250.

⁶⁶ Суляк С.Г. Уроженцы Молдавии в армии Петра I // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 2: История. СПб., 2013. Вып. 1. С. 18.

⁶⁷ А.Д. Меншиков Петру I 12.04.1708 г. // П и Б. М., Л., 1946. Т. VII. Вып. 2. К № 2361. С. 663; Суляк С.Г. Уроженцы Молдавии... С. 18–19.

⁶⁸ Прибытие в Москву серба Х. Тутриновича с письмами к Петру I от сербских офицеров: 20.06.1708 г. // РГАДА. Ф. 86. (Сношения России с Сербией). Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 1–3.

⁶⁹ Военно-походный журнал... Стб. 60.

⁷⁰ Напр.: Голодилинский П.П. Краткий очерк истории 3-го драгунского Сумского Его королевского высочества наследного принца Датского полка. М., 1890. С. 9–12.

⁷¹ Именной указ А.Д. Меншикова 7.02.1705 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. (1700–1712). № 2027. С. 287.

⁷² Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...»: Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества: (Конец XVI – вторая половина XVIII в.). Самара, 2007. С. 101.

⁷³ Отписка атамана Л. Максимова 17.02.1702 г. // РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.

⁷⁴ И. Берула неизвестному адресату. 11.01.1701 г. // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. № V. С. 58.

⁷⁵ В.Е. Возгрин считает, что своим ведением малой войны в Прибалтике русская армия проводила геноцид коренного населения, однако мерками современной этики измерять поведение военнотружущих начала XVIII в. как минимум некорректно (Возгрин В.Е. Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 149–160).

⁷⁶ Kelch C. Liefändisbe Historia... S. 297.

⁷⁷ Там же. S. 263.

⁷⁸ Лайдре М.Х. Северная война и Эстония... С. 110.

⁷⁹ Зайцев И.М. Курс военной администрации. Вып. 1. М., 1867. С. 35.

⁸⁰ *Леер Г.А.* Прикладная тактика... С. 186.

⁸¹ Там же. С. 328.

⁸² *Мегорский Б.В.* О тактике русских драгун в период 1708—1709 гг.: Обучение и боевой опыт // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. 2009. С. 71—75.

⁸³ Напр.: *Плеве П.А.* Очерки из истории конницы... 251 с.; *Волынский Н.П.* История лейб-гвардии... 391 с.; *Мегорский Б.В.* О тактике русских драгун... С. 71—75.

⁸⁴ Показания о действиях конницы фельдм.-лейт. Гольца во время боя 3 июля // *Мышлаевский А.З.* Северная война, 1708 г.: От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. Приложение. № 37. С. 81.

⁸⁵ *Энглунд П.* Полтава... С. 191, 192.

⁸⁶ *Портнов А.М.* Основы тактики кавалерии начала 20-го века. Лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cavalerist.ru/download/books/leksiya.doc> (Дата обращения: 21.05.2014); *Иванюк С.А.* Тактика ведения боя иррегулярной конницы русской армии в XVII—XX веках // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы III междунар. науч. конф., посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853—1856 гг. Волгоград, 2016. Ч. 1. С. 61—70.

⁸⁷ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. II. С. 403; *Желябужский И.А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 289.

⁸⁸ Грамота М.Б. Шереметеву 22.09.1701 г. // Северная война 1700—1721 гг. ... Т. I. № 94. С. 111.

⁸⁹ Петр I А.Д. Меншикову 09.03.1708 г. // П и Б. Т. VII. Вып. 1. Петроград, 1918. № 2303. С. 97.

⁹⁰ А.Д. Меншиков Петру I 08.02.1708 г. // П и Б. Там же. С. 385.

⁹¹ *Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А.* Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья Нового времени: Сборник научных статей. Астана, 2013. С. 9.

⁹² Луки и стрелы в русской иррегулярной кавалерии активно применялись в течение всего XVIII в. (*Масловский Д.Ф.* Русская армия... С. 48; *Керсновский А.А.* История Русской армии: От Нарвы до Парижа 1700—1814 гг. М., 1992. Т. 1. С. 97).

⁹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии... С. 168.

⁹⁴ *Горелик М.В.* Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 157.

⁹⁵ *Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А.* Монгольская тактика... С. 10; *Пенской В.В.* Военное дело Крымского... С. 707.

⁹⁶ *Абаза К.К.* Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1899. С. 54.

⁹⁷ *Жмодиков А.Л.* «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху Наполеоновских войн. М.; СПб., 2015. С. 698.

⁹⁸ Послужная «сказка» казака Т.П. Силевича в 1734 г. // *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев., 1914. Т. 4. С. 613—614.

⁹⁹ Использование лучного боя этническими воинскими подразделениями русской армии было широко распространено даже в военных компаниях XIX века. Французский генерал Марбо сообщал, что среди пополнений русской армии, прибывших под Лейпциг в 1813 г., было много татар и башкир, вооруженных только луками со стрелами (*Рубин В.А., Фомина Е.А.* Участие Оренбургских воинских формирований в Отечественной войне 1812 г. и Русско-турецких кампаниях XIX в.: Вопросы историографии и сохранения исторической памяти // Аграрный вестник Урала. 2011. № 11 (90). С. 74).

¹⁰⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 235. Л. 9—10.

¹⁰¹ *Мельнов А.В.* Климат и военные действия на северо-западе в начале Северной войны: (1700—1710) // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. Петрозаводск, 2015. Т. 1. № 3 (148). Май. С. 30.

¹⁰² Л.А. Бобров, подробно исследовавший тактику копейного боя кочевников в XVII–XIX вв., определял два основных способа удержания пики – фиксированный и свободный. При фиксированном способе преимущество достигалось «таранным ударом», а при свободном – поражение противника осуществлялось индивидуальным мастерством воина в владении пикой и нанесением колющего удара (тычка) (*Бобров Л.А. Техника копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX в. // Вестник Томского гос. университета. 2013. № 3 (23). С. 217.*

¹⁰³ П и Б. М.; Л., 1948. Т. 8. № 2619. С. 126–127.

¹⁰⁴ *Волынский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. Приложение XXXIX. № 14. С. 357–358.

¹⁰⁵ *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 301–302.

¹⁰⁶ *Бобров Л.А.* Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 гг.: Вооружение и тактика // Бісенале зброї 2014–2015: Перша міжнародна зброєзнавча конференція: Київ 16–19 лютого 2014 р: Тези доповідей. Київ, 2014. С. 59.

¹⁰⁷ Тактика действий казачьих подразделений на протяжении нескольких веков не менялась. Даже в полевой инструкции для донских казачьих полков говорилось, чтобы в действиях против неприятеля построение полка не подчинялось новым правилам, а соблюдались старые принципы ведения боевых действий, которые свойственны только казачеству и «пользе своей опытами утвержденные» (*Пузанов В.В.* История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. Саратов, 1913. С. 570).

¹⁰⁸ *Жмодиков А.Л.* «Наука побеждать»... С. 700.

¹⁰⁹ *Драгомиров М.И.* Учебник тактики... С. 208–209; Наставление и устав для действий казачьих частей лавою. СПб., 1894. С. 13, 18.

¹¹⁰ *Драгомиров М.И.* Учебник тактики... С. 209.

¹¹¹ *Жмодиков А.Л.* «Наука побеждать»... С. 699.

¹¹² *Курбатов О.А.* Из истории военных реформ в России во 2-ой половине XVII века: Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х: дисс... канд. истор. наук. М., 2003. С. 29.

¹¹³ Деташемент (*франц. détachement*) – воинское соединение, выделяемое из состава более крупного подразделения для выполнения специальной задачи.

¹¹⁴ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... С. 151.

¹¹⁵ *Волынский Н.П.* Постепенное развитие... Кн. 3. Приложение XX. № 1. С. 81.

¹¹⁶ Там же. Приложение II. № 9. С. 40.

¹¹⁷ Там же. Приложение VII. С. 55.

¹¹⁸ Военный энциклопедический лексикон. Т. 8. СПб., 1855. С. 185.

¹¹⁹ Об участии смоленской шляхты в боевых действиях на первом этапе Северной войне говорится в «сказке» шляхтича И.К. Новошинского, который служил в полку Смоленской шляхты с 1700 г. и был «по первому наряду» в 1700 г. под Нарвой и за Нарвой на баталии, а в 1701 г. «по второму наряду» во Пскове, а из Пскова под Ряпиною и под Алястровой мызами (*Шпиленко Д.П.* Материалы к родословию смоленского дворянства. М., 2006. С. 148).

¹²⁰ Исследованию участия в Северной войне на стороне русской армии астраханских татар посвящена статья И.В. Торопицына (*Торопицын И.В.* «Без легкой и подвижной конницы... русской армии пришлось бы тяжело»: Участие астраханских (юртовских) татар в боевых действиях против шведов (1700–1721) // Военно-исторический журнал. 2014 г. № 1. С. 8–12).

¹²¹ *Великанов В.С.* Смотренный список полка П.М. Апраксина // Oderint Dum Probenet: A blog edicated to the Russian Military History 1650–1730s & related topics. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2013/08/1703.html> (Дата обращения: 22.10.2013); Офицерские сказки... Т. 1. С. 445.

¹²² *Квадри В.В.* Императорская главная квартира: История государевой свиты. Кн. 1. Восемнадцатый век // Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д.А. Скалон. СПб., 1912. С. 36.

¹²³ Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно: Напечатано повелением е. и. в. 1716 г. марта 30 дня. СПб., 1826. С. 50.

¹²⁴ Подробный очерк о деятельности А.И. Ушакова в качестве адъютанта Петра Великого см.: *Иванюк С.А.* Андрей Ушаков — командир партизанского отряда Петра Великого // *Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды 4-ой междунар. науч.-практ. конф.* СПб., 2013. Ч. II. С. 182–195.

¹²⁵ *Квадри В.В.* Императорская главная квартира... С. 59.

¹²⁶ *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1791. Т. 7. С. 312.

¹²⁷ Там же. С. 312.

¹²⁸ П и Б. СПб., 1900. Т. IV. № 1440. С. 457.

¹²⁹ П и Б. СПб., 1907. Т. V. № 1821. С. 325.

¹³⁰ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. С. 331.

¹³¹ *Иванюк С.А.* Андрей Ушаков... С. 182–195; *Иванюк С.А.* «Как мне в войне других жалеть, когда себя не жалею»: материалы к биографии Федора Бартенева — адъютанта Петра Великого // *Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 90: Петровское время в лицах—2017: Материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж.* СПб., 2017. С. 160–169.

¹³² ТИРВИО. СПб., 1909. № 74. Т. I. С. 67.

¹³³ *Грушевский А.* Розквартирование российских полків на Україні // *Записки Наукового товариства імени Шевченка.* Львов, 1907. Т. LXXVIII. С. 6–7.

¹³⁴ Петр I Р.Х. Боуру 27.08.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2589. С. 144.

¹³⁵ Напр.: во время похода под Або (ныне Турку, Финляндия) в 1713 г. князем М.М. Голицыным был направлен авангардный разведывательный отряд (100 драгун и 200 казаков) для сбора сведений о противнике и захвата «языков» (Офицерские сказки... Т. 1. С. 526).

¹³⁶ Военная служба калмыков // *Очерки истории Калмыцкой АССР.* Т. 1. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 151–162.

¹³⁷ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2645. С. 695.

¹³⁸ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 13.11.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 19. С. 17.

¹³⁹ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 14.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2825. Л. 2.

¹⁴⁰ *Клембовский В.Н.* Партизанские действия... С. 145.

¹⁴¹ Согласованность в действиях отдельных разведывательно-диверсионных отрядов являлась немаловажным аспектом в организации боевой деятельности русских войск в Полтавский период. К.Э. Ренне, командующий корпусом, состоявшим из летучих отрядов, писал А.Д. Меншикову в ноябре 1708 г. о необходимости прочного канала связи с действующим на соседнем участке корпусом генерал-майора Г.С. Волконского: «Писал я до Господина генерала маеора Волконского, что он нас уведомлял, где будет обретатца, и чтоб наши партии о своих были извесны и неведением чтоб межи себя неучинились какой тревоги» (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2642. Л. 1 об., 2).

¹⁴² П и Б. СПб., 1907. № 1554. Т. V. С. 61–62.

¹⁴³ *Бонч-Бруевич М.Д.* Разведывание. Охранение. Связь: (Тактическое исследование). Киев, 1909. С. 10.

«ЖОЛКЕВСКИЙ» СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ

«Жолкевское сидение» (декабрь 1706 — апрель 1708)

В «Гистории Свейской войны» о пребывании Петра I в польском городе Жолква (ныне Львовская обл., Украина) с 28 декабря 1706 г. по 30 апреля 1707 г.¹ было отмечено, что в это время «действия никакова не было»². Но данное утверждение является в корне неверным. Ведь даже один из первых биографов Петра I И.И. Голиков, который и так считал пребывание царя за пределами страны в течение четырех месяцев редким явлением, характеризовал этот период как весьма продуктивный: «Неусыпаемым о благе подданных Монархом все части обширныя России были лучем попечения его озарены, и все начальствующие, большие и малые, в делах звания их наставлены»³.

О стратегической важности принятых в то время решений Н.И. Павленко пишет: «1707 год в истории России ничем не примечателен <...> Этот год был годом <...> черновой работы <...> неброской по сиюминутным результатам, но крайне необходимой, ибо этой работой закладывался фундамент будущих побед»⁴. Здесь стоит полностью согласиться с мнением историка, ведь «неспокойное жолкиевское сидение» Петра I, как писал об этом времени Е.В. Тарле⁵, стало одной из важнейших вех в принятии стратегических решений, которые во многом повлияли на развитие всех дальнейших событий.

Путешествие царя в Польшу в конце 1706 г. было незапланированным и имело вынужденный характер. В это время наступило некоторое затишье на театре военных действий, а армии России и Швеции находились в легком «анабиозе» зимнего отдыха на квартирах: шведская армия в Саксонии, а русские войска на территории Польши — в районе Дубны, Жолквы и Яворова. На планы Петра I, находившегося в это время в районе Нарвы, повлиял ряд важных обстоятельств. После радостных известий о победной Калишской битвы (18/19 октября 1706), позволившей полностью выбить «наблюда-

тельный» шведский корпус из Польши, царем были получены тревожные известия. В частности, 10 декабря он узнал о том, что саксонский курфюрст и польский король Август II тайно заключил «партикулярный» мир с Карлом XII и признал польским королем С. Лещинского. Понимая серьезность складывавшегося положения, царь срочно выдвинулся в Польшу, «дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе»⁶. Выехав 15 декабря по маршруту Нарва — Великие Луки — Смоленск — Киев — Острог — Дубна, 28 декабря 1706 г. Петр I прибыл в конечный пункт своего путешествия — Жолкву. Здесь в городском замке его уже ожидали представители русского командования и ряд польских сенаторов⁷. Можно сказать, что с этого дня и до апреля 1707 г. небольшой городок Жолква был военным и дипломатическим центром, в котором решались стратегически важные вопросы не только военной кампании, но и частично восточно-европейской политики. Жолковский замок фактически стал резиденцией Петра I⁸.

С первых же дней, когда русскому командованию в Польше стало известно о сложении Августом II королевских полномочий, были приняты меры по удержанию Речи Посполитой в союзе с Россией. Еще до прибытия Петра I в Жолкву Б.П. Шереметевым, А.Д. Меншиковым и Г.И. Головкиным составлен специальный универсал с обращением к населению Польши. В нем говорилось, что шведский король принудил Августа II отказаться от короны, и в условиях полного молчания со стороны саксонского курфюрста царь принимает решение при любых обстоятельствах придерживаться заключенного ранее договора и поддерживать «вольную элекцию» (свободные выборы короля) согласно с польскими законами. Также в универсале содержался призыв «ко всем ясновельможным панам Короны и Великого княжества Литовского», чтобы они «не вмешивались в смуту» и оставались верными союзу с Россией, продолжая общими усилиями борьбу против Карла XII⁹.

Предстояла очень сложная дипломатическая работа. Дело в том, что в начале февраля 1707 г. во Львове должна была состояться «Вальная Рада» — собираемый в «междучарствие» или «бескорольеве» верховный орган конфедерации, целью которого в данном случае было избрание нового польского короля¹⁰. Петр I планировал контролировать процесс выборов в Польше нового правителя.

Сложности в решении этого вопроса складывались из внутривнутриполитических проблем польского общества начала XVIII в., когда в условиях гражданской войны не было четкости и постоянства в выстраивании вертикали власти. Так оценивал сам Петр I польские дела: «Здесь еще все дела как брага, и не знаем еще, что будет постоянно»¹¹. Именно поэтому царь внимательно следил за развитием событий и старался всеми способами повлиять на настроения польской шляхты. Как говорил английский посол Ч. Уитворт, это была «очень трудная игра»¹².

Неоднократно, в январе, феврале и марте, государь приезжал из Жолквы во Львов, где находился два-три дня, контролируя происходящее¹³. Благодаря комплексу мер, принятых царем и его министрами 7 февраля 1707 г., Рада в Львове почти единогласно решила «не признавать за своего Короля того, который бы чужестранною силою и неединодушным согласием всея республики избран был», подразумевая под этим отказ от признания польским королем ставленника шведов С. Лещинского¹⁴.

В середине февраля резиденцию царя в Жолкве посетили представители пророссийски настроенной Сандомирской конфедерации, которые были направлены из Львова для предъявления царю от имени Рады ряда требований¹⁵. В частности, во время переговоров ими были озвучены следующие проблемные вопросы:

1. немедленно вернуть все украинские крепости, захваченные бунтовщиком С. Палием;
2. выплачивать денежное содержание и выдавать снаряжение на войска Речи Посполитой;
3. царскую армию содержать за счет российских запасов;
4. вернуть изъятые из польских крепостей пушки;
5. освободить шляхтичей, взятых под стражу;
6. вывести за границы Польши иррегулярные войска (казаков и калмыков)¹⁶.

По всем затребованным пунктам Петр I постарался дать положительные ответы. Но в приоритете конечно были интересы Российского государства¹⁷. Относительно вывода с территории Речи Посполитой иррегулярных отрядов царь был весьма категоричен: «Лехкой конницы, ради непрестанных (постоянных. — *С. И.*) розсылок, невозможно вывести, ибо при них регулярное войско не такой труд имеет»¹⁸.

Для скорейшего, окончательного и нужного Петру I решения сейма использовались все возможные средства — где-то уговоры, где-то взятки и подкуп, где-то уступки, а в некоторых случаях даже угрозы и силовое воздействие. Размеры денежных субсидий из царской казны для поддержания «правильного выбора» среди участников «Вальной рады» были весьма внушительны. В.Л. Долгоруков информировал царя, что за свою поддержку бискуп и подканцлер просили вознаграждение в 10 000 рублей¹⁹. Всего же в феврале — апреле 1707 г. князь потратил на получение лояльности со стороны известных шляхетских семей 16 600 рублей²⁰.

Кроме денег на руках у В.Л. Долгорукова в это время находилось десять царских универсалов, которые освобождали магнатов от сборов провианта в пользу русской армии. Эти, выдаваемые нужным сенаторам документы, также становились предметом влияния²¹. Аппетиты шляхты росли, но денежные

выплаты, подарки и поощрения не приносили существенных результатов. Как сообщал Г.И. Головкину русский дипломат Е.И. Украинцев, который распределял денежные «поощрения» между польскими сенаторами и магнатами: «Повадили мы их такими дачами, и даем деньги, то все равно, что в огонь бросаем или в воду сыплем напрасно»²².

Видя несогласованность в действиях представителей сейма и их нерешительность в отстаивании позиций какой-либо кандидатуры на польский трон, Петр I начал самостоятельную кампанию по поиску претендентов на роль короля Польши и решил сделать ставку на какое-нибудь известное в Европе имя. Именно поэтому корона предлагалась последовательно то королевичу Я.Л. Собескому, то принцу Е. Савойскому и даже трансильванскому князю Ф. Ракоци. Но так же последовательно, в силу тех или иных причин, каждый из претендентов ответил на предложения русских дипломатов отказом²³.

Параллельно с затянувшимися заседаниями польского сейма, понимая, что в итоге Россия будет вынуждена столкнуться один на один со шведской военной мощью, царское правительство начинает искать пути мирного решения военного конфликта, предлагая Карлу XII заключить мир. Царь рассылал из Жолквы по европейским дворам посольства в поисках поддержки и посредничества для заключения мирных договоренностей²⁴. Но везде были получены отрицательные ответы. Англичанин Ч. Уитворт так характеризовал ситуацию, в которой оказался Петр I: «Ни одна держава не является ему на помощь с предложением о посредничестве, хотя он несомненно ухватился бы за первое сносное предложение, сделанное ему в этом смысле с какой бы то ни было стороны»²⁵.

Петр I был уже готов к крайним мерам, в том числе к отказу от завоеванных в Прибалтике территорий за исключением Петербурга²⁶. В это же время дипломатия Швеции добилась больших успехов на поприще признания в Европе С. Лещинского польским королем. Одна за другой его признали Франция, Англия, Голландские штаты, Ганновер, Пруссия и Священная Римская империя²⁷. Каждая из этих стран, вовлеченных в бушевавшую в то время войну за Испанское наследство, преследовала свои цели; интересы Российского государства никого не занимали. Как писал академик Е.В. Тарле, «дипломатическая изоляция России с каждым месяцем становилась все явственнее»²⁸. Ощущая свою значимость и политический успех, шведский король оставался непоколебимым и соглашался на мир с Россией лишь на унижительных для Петра I условиях: возвращение всех захваченных русской армией территорий в Прибалтике, выплата огромных контрибуций и признание польским королем С. Лещинского²⁹. Несмотря на критичность ситуации, Петр I считал неприемлемыми такие жесткие условия мира от своего оппонента. Тот же Ч. Уитворт отмечал, что царь «охотно склонится на разум-

ный мир, но еще не доведен до необходимости опутывать себя постыдными условиями, вроде тех, которые приняты курфюрстом саксонским»³⁰.

Все переговоры о мире велись в глубокой тайне от польских сенаторов. Но полностью скрывать эту информацию от них было бессмысленно, сведения о переговорах все равно просачивались в виде слухов о том, что Россия бросает Польшу на произвол судьбы. Российским дипломатам и самому царю приходилось искать слова оправдания и убеждать в ошибочности таких суждений. 27 января 1707 г. царь писал из Жолквы примасу С. Шембеку, что шведский король желает если не «действительно обмануть, то хотя ко сну привесть» и разобщить союз России и Речи Посполитой. С этой целью королевские дипломаты «везде при посторонних дворах чрез публичные почты разгласили ведомости» о том, что Карл XII заключает с царем мир в обход интересов Польши. Петр I не отрицал, что такие переговоры велись, так как он всегда был сторонником мирного решения затянувшегося военного конфликта, но если они перейдут в активную фазу, то лишь с «со известием и общим соизволением чинов Речи Посполитой Коронной и Великого княжества Литовского»³¹.

Тем временем, в конце марта 1707 г., во время третьего посещения царем львовского сейма, на нем, наконец, были приняты окончательные решения³². Петр I сообщил А.Д. Меншикову, что «с сеймом дело едва окончал, трактаты утверждены и заготовлены уже универсалы»³³. Согласно «ассексурации», подписанной коронными и литовскими гетманами, Речь Посполитая не отступала от русско-польского договора, заключенного в 1704 г. в Нарве и обещала не вступать в переговоры о мире со шведами, продолжая боевые действия совместно с российскими войсками³⁴. Но, несмотря на положительные результаты, по поводу кандидатуры на польский престол по-прежнему не было достигнуто единого мнения и определенности. Надеяться на существенную поддержку со стороны польских магнатов в такой обстановке не приходилось. Как сообщал А.Д. Меншикову Петр I: «Здесь с сими шалеными едва могли дело совершить, что все подписали и подтвердили»³⁵. «Шатости» и анархия, царившие в управлении Польши, не давали оптимистичных прогнозов на продолжение совместных боевых действий, и поэтому царю приходилось думать о том, как дать отпор шведской армии собственными силами. Именно при этих обстоятельствах и родился знаменитый «жолкевский» план, ставший стратегически верным решением русского командования³⁶.

Работая над жолкевским планом, его создатели опирались на принципы составления любого плана войны, который определяет все основные подготовительные мероприятия стратегической операции. Под планом войны в теории военного искусства подразумевается предварительная оценка полководцем характера предстоящей войны, определение сил и средств для дости-

жения своей цели, создание исходной точки, с которой войска должны начать свои действия³⁷.

Потому несколько странно звучали высказанные в письме к Г.И. Головкину дипломатом А.А. Матвеевым в сентябре 1708 г. предложения от ведущих политиков Нидерландов по организации осенью 1708 г. военной кампании против шведов: «С шведами в генеральную баталию отнюдь не входить и, какими хитростями будет возможно, уклоняться от того, малыми партиями <...> неприятеля беспокоивать, чем больше он в своих проходах обветшает в силе войск»³⁸. Ведь эти рекомендации поступили в русский лагерь, когда стратегический жолкевский план уже осуществлялся в полном масштабе петровской армией и приносил положительные результаты.

Первоначально предложенный фельдмаршалом Г.Б. Огильви план дать генеральное сражение на реке Висле или западном Буге на территории Польши был не утвержден, так как, по мнению царя, к решающему сражению русская армия была еще не готова. Несмотря на наработанный к этому времени неплохой опыт ведения малой войны, он не был показателем готовности армии к столкновению в открытом бою генерального сражения со шведскими силами.

После долгих совещаний было принято решение выбрать оборонительную позицию и перейти всей армией к активной обороне. Боевые действия должны были быть организованы по следующему плану, который кратко изложен в «Истории свейской войны»:

- не вступать со шведами в генеральное сражение в пределах Литвы или Польши, а отходить к своим границам, так как неблагонадежность местного населения в случае неудачного исхода битвы могла подвергнуть русскую армию опасности при отступлении («ежелиб какое несчастье учинилось, то б трудно иметь ретираду (отступление. — С. И.)»);

- перейти к непрерывным методичным атакам на врага небольшими отрядами конницы «на перевалах, и партиями», не давая ему таким образом отдыха и задерживая наступление;

- отступая, уничтожать в покидаемых районах продовольственные запасы, чтобы создать затруднения в поиске провианта для вражеских войск («так же оголожение провианта и фуража, томить неприятеля»);

- в случае неминувости генерального сражения давать его только на своей территории и на выгодных для себя условиях³⁹.

То есть, исходя из обстановки, было необходимо оттянуть противника как можно ближе к своим границам, двигаясь к которым ему необходимо преодолеть обширную пересеченную территорию, форсируя водные преграды, пересекая леса и заболоченные участки. В таких сложных условиях неприятель становился уязвим для коротких и частых нападений на его тыл и фланги.

Военный теоретик Г.А. Леер утверждал, что с точки зрения активной обороны признавалась наиболее выгодной та позиция, которая не только сдерживала и замедляла действия неприятеля, но и позволяла своим силам широко использовать ее потенциал⁴⁰.

Кроме этого, нужно было как можно дальше увести противника от благоприятной для него зоны тылового обеспечения, лишит средств к существованию, а в результате ослабить его не только материально, но и морально и коренным образом переломить ситуацию в свою пользу.

В целом, жолкевский план был весьма созвучен с общими принципами военного искусства, которых придерживался Петр Великий. Ряд исследователей полководческого искусства Петра I считали, что во время проведения масштабных военных операций с осени 1700 г. по лето 1709 г. царь чаще всего был сторонником активной обороны как в стратегическом, так и в тактическом плане. Ведь эти стратегия и тактика были типичны для военного искусства XVI–XVII вв. в Московском государстве⁴¹. По утверждению современника Петра I И.А. Желябужского, в своих действиях царь придерживался старой русской пословицы: «Осторожного коня и зверь не вредит»⁴². Сам же царь утверждал по этому поводу, что «искание генерального бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело спровержено быть»⁴³. Хотелось бы отметить, что Петр I стал использовать активную оборону задолго до прусского короля Фридриха II (Великого), которого большинство европейских историков считает военным гением и прародителем этого способа ведения военных действий⁴⁴.

В жолкевском плане прослеживались отголоски стратегии военных теоретиков древности, труды которых внимательно изучал Петр Алексеевич. В частности, он руководствовался в принятии решений правилами, изложенными еще Гаем Юлием Цезарем в книге о военном искусстве. С ее содержанием царь был хорошо знаком. В ней говорилось, что «ежели ж ты будешь атакован чрез державу весма своими силами сильнейшую твоих, тогда надобно поле оставить и сжечь все провианты, которые ты не можешь содержать в своих фортецах (крепостях. — *С. И.*). Також все городы, и веси, которые не можешь сберечь. Ибо лучше есть сохраниться в земле разоренной, нежели ея сберечь неприятелю»⁴⁵. Здесь прослеживается прямая ситуационная связь между условиями, при которых использовалась данная стратегия и тактика в античном мире, и тем положением, в котором находилась русская армия в начале 1707 года.

Петр I проявлял большой интерес к работам не только античных полководцев, но и византийских военачальников⁴⁶. Царь был хорошо знаком с основными постулатами древней военной стратегии. Как отмечал П.А. Кротов, «непреложным правилом для Петра I было систематическое изучение богатейшего военного опыта античного мира и Византии»⁴⁷.

О способах ведения малой войны писал византийский император и стратег Маврикий (539–602), подробно разъясняя принципы подготовки к защите своего государства. По его утверждению, не следовало стремиться к тому, чтобы сразиться с врагом в открытом бою, требующем построения и боевого порядка. В момент наступления, в особенности, если войска противника имели превосходство, лучше и надежнее днем и ночью устраивать ему засады, преграждать маршруты передвижений, опережать в захвате укреплений и уничтожать запасы продовольствия на пути⁴⁸.

Возможно, царь был знаком и с византийским военным трактатом «Тактика Льва», автор которого, по мнению исследователя В.В. Кучмы, изучал работу Маврикия⁴⁹. Целый раздел этого трактата «Установление XVII: О неожиданных нападениях» посвящен основам использования элементов разведывательно-диверсионной деятельности, которые позднее стали называться малой войной⁵⁰.

Здесь можно провести прямые параллели между этими древними трактатами и требованиями по организации отступления, уничтожению продовольствия и диверсионным нападениям на врага, которые предъявлял Петр I к своей армии в 1706 г. под угрозой нападения противника. Именно они подробно изложены в пунктах жолкевского плана, которого русская армия придерживалась в той или иной степени вплоть до Полтавского сражения. Царь справедливо считал, что правильное выполнение намеченных задач приведет к положительному результату и когда противник вступит в пределы России, «тогда сам не рад будет <...> своему начинанию»⁵¹.

Продовольствие и фураж противника как приоритетная цель атаки русской армии

Знаменитый полководец и прусский король Фридрих II Великий говорил: «Не я здесь командую, а хлеб и фураж»⁵². С этим нельзя не согласиться, ведь армии Нового времени не могли существовать без надежной продовольственной поддержки, без подготовленных заранее запасов продовольствия и фуража. А.П. Карцов, проводивший анализ способов тылового обеспечения войск в начале XVIII в., отмечал, что существовало четыре способа обеспечения войск продовольствием:

1. Из магазинов:

при таком способе запасы поступали в действующую армию со специальных складов (магазинов) по мере надобности. Запасы магазинов пополнялись из ближайших к зоне боевых действий территорий. Недостаток данного способа — при удалении армии от магазинов (наступлении или отступлении армии) доставка запасов становилась затруднительной.

2. За счет жителей края, где расквартировывались войска: этот способ был актуален только при удалении армии от неприятеля и размещении на квартирах.

3. За счет реквизиций: необходимые запасы собирались за счет населения занятого края силами местных властей.

4. Посредством фуражировок: тот же сбор запасов с населения оккупированных территорий, но силами специальных воинских отрядов, откомандированных от армии⁵³.

К XVIII в. в европейских армиях уже утвердилось использование так называемой пятитипереходной магазинной системы. Это было связано с тем, что войска питались на марше сухарями, а их приготовление требовало подготовки печеного хлеба на привалах в тех районах, где подготавливались магазины со специальными печами. Таким образом, войска не могли удалиться от магазинов более чем на пять маршевых переходов. При необходимости двигаться дальше, надо было закладывать новую линию магазинов, а это тормозило наступление. Постоянные остановки армии приводили к тому, что, делая переход в 22,5 км, войска двигались со скоростью не более 7,5 км в сутки⁵⁴. Неудивительно, что снабжение войск производилось медленно, за счет подвоза жизненно необходимых припасов из «магазиннов», широкое применение которых в русской армии началось именно со времени правления Петра Великого⁵⁵.

В это же время особенностью армии Карла XII было то, что в своих походах он не беспокоился о создании для нее баз обеспечения и устройстве коммуникационных линий для тылового сообщения. По данным, собранным шведским историком Г. Артеусом, в королевской армии запасы находились или непосредственно при воинских частях (в небольшом количестве), или взимались в виде реквизиций и контрибуций с населения той страны, на которой дислоцировались войска⁵⁶. Именно поэтому выбранный русским командованием в Жолкве способ ведения боевых действий методами малой войны был особенно выгоден в борьбе против такого полководца, каким являлся шведский король. Ведь, как характеризовал его прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц, он проходил по оккупированной стране, «как корабль по морю, не оставляя за собою никакого следа», то есть не оставлял ни баз тылового обеспечения, ни резервных фондов для комплектования своих войск дополнительными людскими ресурсами. Российский военный теоретик Г.А. Леер называл стратегию Карла XII «авантюристической»⁵⁷.

Шведский король и его генералы пренебрегали одним из главных постулатов военного искусства полководцев древности, в котором утверждалось, что «вторгаясь во вражескую землю <...> следует прежде всего позаботиться

о провианте для войска, и продумать, как с помощью общевойсковых транспортных средств <...> доставить провиант и для животных, и для людей, чтобы войско не оказалось стеснено в ресурсах, если враги, как это обычно бывает, в пределах своей страны вдруг уничтожат средства пропитания»⁵⁸. Ключевые слова здесь — «как это обычно бывает». То есть Карл XII как полководец должен был быть готов к «скифской» тактике противника, но поведение шведского короля в «русской кампании» говорит нам об обратном.

При осуществлении русскими войсками третьего пункта жолкевского плана получение продуктов у населения становилось для шведской армии затруднительным. Шведы уже не могли найти провиант у местных жителей и вынуждены были везти его с собой, что требовало огромных обозов, затруднявших движение армии. Но и этих запасов все равно было недостаточно для того, чтобы на длительный срок обеспечить войска продовольствием. Быстрые марш-броски, отличительная черта тактики Карла XII, в таких обстоятельствах становились почти невозможными. Исходя из этого, царь требовал от своих командующих на каждом участке театра военных действий придерживаться плана «скифского» отступления, который заключался в набегах и тотальной зачистке территорий от возможных средств обеспечения на линии предполагаемого движения противника вражеских войск.

Так как войска Карла XII жили за счет оккупированных территорий и собирали припасы у населения посредством контрибуций и фуражировок, они находились в весьма рискованном положении. Русские разведывательно-диверсионные партии нападали на небольшие группы вражеских сборщиков провианта (фуражиров) и препятствовали приближению к шведским стоянкам торговцев, перехватывая их обозы, угрожая расправой или грабежом, чем создавали для армии Карла XII своего рода продовольственное эмбарго. Кроме этого, подразделения шведских фуражиров, занимавшиеся заготовкой припасов, часто были склонны к неравномерным и беспорядочным сборам, а иногда и к разбою, что способствовало озлоблению местных жителей и истощению занятого края. В цитируемом В.А. Артамоновым письме Карла XII к К.Г. Реншильду еще в июне 1703 г. прямо говорилось, что сборщикам провианта у населения «брать и выбирать все, что только возможно, пусть край терпит сколько хочет»⁵⁹. Такое поведение шведских войск не могло вызвать положительные эмоции у местных жителей.

Данный фактор в тыловом обеспечении шведских войск играл на руку петровской армии. Для того чтобы увеличить мобильность своих войск, Карл XII старался обеспечивать их не из магазинов, а только методом контрибуций или, в крайнем случае, посредством жестких фуражировок, переходящих в реквизиции «всего и вся». Так, во время осадной операции под польским городом Торунь, после его капитуляции 14 октября 1703 г. шведский

генерал-кригскомиссар⁶⁰ М. Стенбок, назначенный губернатором региона, руководил сбором контрибуций с местного населения, масштабы которых были огромными⁶¹. В частности, он потребовал с магистрата выплатить в течение 24 часов 100 000 талеров. Ввиду того, что в наличии у города находилось лишь 30 000 талеров, делегация из мещан с бурмистром Симоном Шульцем просила у генерал-кригскомиссара об отсрочке в 14 дней, а на недостающую сумму запросила кредит в Гданьске. Но такой большой вклад не удовлетворил аппетитов шведов, и М. Стенбок потребовал от города: денежные компенсации за все военные объекты, построенные шведскими войсками во время осады, содержание пленных и раненых саксонских солдат, оставшихся в Торунь, и финансовое обеспечение штаб-квартиры Карла XII в городском замке⁶².

Сбор этих контрибуций сопровождался произволом («конфискациями») и грабежами со стороны шведских солдат и офицеров. Если рядовые военнослужащие отбирали у торуньских горожан мелкие ценности (часы, драгоценности и т. д.), то командование мыслило более масштабно. Из Торунь была вывезена в Швецию вся крепостная артиллерия, а также большой церковный колокол «Томан», который в настоящее время находится в одной из церквей города Уппсала. Было конфисковано и городское зернохранилище, зерно из которого мещанам предлагалось покупать⁶³. Сам генерал-кригскомиссар тоже не забывал о своей семье в далекой Швеции, отсылая кое-что из конфискованного имущества к себе в имение. В письме к жене Еве Оксеншерне 27 октября 1703 г. он писал: «Я сделал небольшую добычу в Торне (Торунь. — С. И.), которую я пошлю тебе. Хоть она и не очень ценная, но всегда приятна память о Польше»⁶⁴.

Кроме вражеской армии на простых жителей Речи Посполитой воздействовали установки со стороны правительства страны, с жесткими требованиями о неокказании материальной помощи противнику. В сентябре 1706 г. Август II требовал от своих подданных «королю шведскому отнюдь никаких контрибуций не давать, хотя бы от того и излишнее разорение» последует⁶⁵. Но, как показывает хронология событий, находясь под страхом потери последнего, что есть в наличии, а то и самой жизни, жители страны безропотно расставались со своим имуществом и припасами, передавая их в руки шведских солдат и офицеров. Неурожайный год или непогода создавали проблемы с пропитанием, и в таких случаях небольшое количество заготовленных запасов использовалось населением только для личного употребления. Но для вражеской армии это не имело существенного значения. В следствии чего могла произойти полная конфискация имевшихся у мирных жителей припасов, зачастую с применением силы к несогласным («Утеснение убогих людей не возможно довольно описать, ибо шведы никакого разсуждения,

ниже чести, не имеют <...> мучат, вешают и жгут мужиков, как прежде никогда не бывало, дабы ямы хлебные показали»⁶⁶).

В результате таких действий шведских войск на занятых армейскими подразделениями территориях появлялся повод для одиночных или групповых выступлений населения. Угроза голодной смерти из самых толерантных представителей населения делала непримиримых врагов оккупационного шведского режима. Как отмечал А. Грушевский, даже те, кто вначале относился к шведам положительно, начинали смотреть на них как на врагов⁶⁷. Очаги народного сопротивления в какой-то степени оказывали отрицательное влияние на общую схему логистики шведской армии в Речи Посполитой, но, как правило, не были существенными, так как моментально пресекались самым жестоким образом. То есть насилие, как всегда это бывало в истории человечества, порождало ответное насилие и превращалось в замкнутый круг взаимной ненависти. Так, например, 22 октября 1702 г. генерал М. Стенбок направил 20 драгун к польскому населенному пункту Ороновици, где священник со своей паствой остановил транспорт с продуктами для шведской армии. Шведский отряд разграбил и сжег деревню, а затем вернулся к основным рейдирующим силам с тем количеством скота, которое было определено для нужд войска⁶⁸.

Жестокое отношение шведского короля и его военачальников к ропоту и возмущениям среди населения только усугубляло негативные отношения к армии вторжения. Ведь в случае сопротивления конфискации Карл XII требовал принятия жесточайших мер от подчиненных: выжигать деревни, угонять скотину и опустошать поля в местах проявления недовольства. И каждый поднявший оружие подлежал уничтожению. В том же письме Карла XII к К.Г. Реншильду давались указания для карательных отрядов: «Кто окажет малейшее сопротивление или провинится хоть в малом — того без пощады как можно строже наказывать и жечь»⁶⁹. Эти действия можно было бы назвать «контрпартизанскими», если бы борьба велась с разведывательно-диверсионными армейскими подразделениями. Но в данной ситуации это были карательные меры против мирных жителей, которые защищали не страну в целом, а свои жизнь и имущество.

Зная слабые стороны противника, русское командование всегда старалось спровоцировать народное сопротивление на занятых шведской армией территориях, в том числе и за пределами Российских границ. В январе 1707 г. Петр I обратился к мещанам Русского воеводства (административно-территориальная единица Польского королевства. — *С. И.*) и панству Речи Посполитой с призывом бороться против шведской армии⁷⁰. Такие же требования содержались в указаниях царя о подготовке населения на российской территории, на случай вступления на нее войск противника. Еще в марте 1706 г.

Петр I указывал В.Д. Корчмину: «Чтоб у мужиков, у которых есть ружье, приказные их знали; також косы, насадя прямо, и рогатины имели, и готовы были для караулов и обороны»⁷¹.

В то же время, начиная с декабря 1706 г., то есть в то время, когда в Жолкве только планировалось обсуждение плана дальнейшей военной кампании, а польские коронные гетманы, сенаторы и «прочие чины княжества Литовского» присягали «в верности своей к его царскому величеству», те представители шляхты, которые оказывали помощь противнику и своими действиями препятствовали успешной деятельности русской армии, подвергались жесточайшему террору со стороны легких мобильных отрядов петровских войск. Еще с весны 1707 г. кавалерия под руководством К.Э. Ренне опустошала области на левом берегу Вислы. Драгуны и казаки жгли деревни польских магнатов — сторонников С. Лещинского, вывозили продовольствие и фураж, портили воду в колодцах и источниках⁷².

Такую же схему воздействия «на умы» польско-литовской знати использовало и шведское командование еще на начальном этапе кампании в Речи Посполитой. Пока магнаты на заседаниях сейма сомневались в выборе поддерживаемой стороны — Петра I или Карла XII, Августа II или С. Лещинского, шведские отряды разоряли имения шляхты, выступившей на стороне противника.

В письмах к генералитету шведский король прямо указывал, как поступать во время диверсионных рейдов по польским территориям, чтобы склонить магнатов на свою сторону. Отправляя М. Стенбока в земли князей Любомирских, воевавших в то время на стороне польского короля Августа II, в письме от 26 ноября 1702 г. Карл XII указывал: «Либо они (польская шляхта. — *С. И.*) следуют за нами, либо их территория подлежит разорению таким образом, чтобы они надолго запомнили вас»⁷³. По мнению шведского короля, методика систематического террора по отношению к населению должна была подтолкнуть колеблющихся в сторону «правильного» выбора.

Осуществление «жолкевского» плана русской армией до начала Полтавского периода

В наступившем 1708 г. русская армия начала более активное стягивание своих сил к границам Российского государства, при этом выполнялся стратегический план «скифского» отступления с использованием методов малой войны. Причина этого была в том, что еще в сентябре 1707 г. шведские войска покинули квартиры в Саксонии и выступили в так называемый «русский поход», которого целью для Карла XII стала Москва. Эти королевские планы известны по разговору шведского министра графа К. Пипера с австрийским

посланником Ф.Л. фон Цинцендорфом, который был процитирован в работе российского биографа шведского короля Б.Н. Григорьева. В частности, в ходе беседы говорилось, что «главнейшее и наиважнейшее для шведской короны — сломить и разрушить московитскую мощь»⁷⁴.

Под угрозой наступления грозного противника, в начале 1708 г. на совместном совещании представителей русского командования (Б.П. Шереметев, Г. Гольц, Л.-Н. Алларт) были выдвинуты предложения по организации действий в предстоящую кампанию. В целом были закреплены уже намеченные пункты, определенные жолкевским планом: ослабление шведской армии на марше, создание зоны голода на пути движения врага, затягивание его в свои границы, атаки небольшими отрядами, дробление сил противника на малые группы и уничтожение их превосходящими силами. Для выполнения поставленных жолкевским планом задач русским командованием были созданы специальные мобильные кавалерийские группы, командирам которых поручалась организация разведывательно-диверсионной деятельности. Эти отряды петровских войск, отступая из контролируемых районов, сдерживали движение неприятеля, короткими ударами атаковали врага с тыла и с флангов, продолжая набегами зачищать территорию на пути его движения.

О диверсионной «скифской» тактике, используемой русской армией, наглядно говорят указания Петра I, которые он давал своим военачальникам. Например, в конце января 1708 г. в указе на снятие с зимних квартир генерал-лейтенанту кавалерии ландграфу Филиппу Гессен-Дармштадтскому сообщалось, что он с подчиненными драгунами должен «как провиант и фураж, так и прочее, что к пропитанию приналежит, все огню предать, дабы ничего на ваших квартирах неприятель себе в доволство получить не мог»⁷⁵. В это же время для пехотных полков в приказе на отступление царь писал князю А.И. Репнину: «Когда вы получите указ о отступлении своем, тогда как провиант, так и фураж везде всем вели жечь, дабы неприятелю ничего не оставить»⁷⁶. В феврале 1708 г. похожие указания поступили из царской ставки майору Преображенского полка В.В. Долгорукому: «По бокам, как возможно, фураж брать, а достальной фураж и хлеб жечь <...> [разве хлеба малое что для жителей оставить, а фуражу отнюдь не оставливать]. Так же <...> велеть засекать леса <...> гораздо довольно <...> так же и мосты в конец разорять»⁷⁷.

В свою очередь командующие русских войск, каждый по своему направлению, докладывали Петру I об успешном выполнении его приказов, а большое число писем и донесений, составленных как представителями главного командования, так и командирами небольших разведывательных отрядов, говорят нам о масштабах развернутой русской армией «скифской» войны на пути движения войск противника. Разведывательно-диверсионные отряды строго соблюдали требования установленного плана действий, в результате

чего, как сообщал Петру I в марте 1708 г. о действиях летучих корпусов А.И. Ушакова и Н. Крюкова князь А.Д. Меншиков: «Наши партии зело счастливо гостили (разоряли территорию. — *С. И.*)»⁷⁸. Путешествующий по театру военных действий голландец К. де Бруин, имевший возможность наблюдать последствия этой «гостевой» малой войны, сделал записи в своем дневнике. Он описал свое прибытие в один из польских приграничных городков, где русские сожгли жилые постройки «так же, как делали они это и во многих других местах, чтобы лишить Шведов всяких средств держаться в селениях и находить там съестные припасы»⁷⁹.

Вполне понятно, что в зарубежной и некоторой отечественной историографии сложилось неоднозначное отношение к методике ведения диверсионных действий в период «скифского» отступления русской армии в 1707—1708 гг. В частности, В.Е. Возгрин осуждал выбранную Петром I стратегию и называл ее геноцидом по отношению к местному населению. В пример он приводил «гуманного» шведского короля, который не стал в 1713—1714 гг., когда его армия оставляла Финляндию, отдавать приказ о разорении имений своих баронов и крестьянских хуторов, в отличие от русского царя, уничтожавшего при отступлении свои и чужие земли до основания⁸⁰.

Но любая война, а тем более военный конфликт начала XVIII в., всегда связана с определенной жестокостью по отношению к мирному населению. Шведские войска в экстремальных ситуациях тоже использовали диверсионные методы по уничтожению своих и вражеских территорий, занятых гражданским населением. Еще в первый год войны шведские диверсионные отряды при отступлении из Сангасте уничтожили свои продовольственные склады, а в «Истории» Ф.И. Соймонова сообщается, как «партия шведов дерзнула вступить в границы псковския, и во отмщение россианом за минувшее их действо выжгли без остатку 14 деревень»⁸¹.

К тому же, положения первого пункта жолкевского плана были более чем справедливыми, потому что, несмотря на союзнические обязательства, население польско-литовских земель большей частью не питало особого сочувствия к русской армии. Нахождение на этой территории с каждым днем становилось все более сложным, а в преддверии грядущего генерального сражения еще и опасным. А.Д. Меншиков сообщал 10 февраля 1708 г. царю из местечка Молодечны в районе Минска о сложных взаимоотношениях с местным населением: «Во всех местечках, которые мы проходим, тутошние жители при вступлении неприятелском паки из лесов собираютца и всякое неприятелю довольство чинят (помогают. — *С. И.*) пасторы обыкновенною церемониею Шведа, яко союзника, чесно встречают. А когда мы здесь куда не приедем, такую нам чинят приязнь (ненависть. — *С. И.*), что не токмо в деревнях ни единого хлопа, но и в панских дворах никого нигде не получаем

и провожатого нигде сыскать не можем <...> И ис сего мочно признать, что все здешние обыватели болши к неприятельской стороне склонны и доброжелательны, нежели к нам»⁸².

Имея поддержку местного населения, шведское командование принимало ряд мер для противодействия разрушительной тактике русских войск. А. Стил-ле цитировал секретаря королевской канцелярии Й. Цедергельма, который писал из главной квартиры Карла XII 17 февраля 1708 г., что русская армия, отступая, оставляла в тылу свои небольшие арьергардные отряды. Они должны были лишать наступающих шведов провианта и фуража. Но король, лично руководивший шведским авангардом, всячески этому препятствовал, и поэтому русские разведчики и диверсанты вынуждены были опустошать лишь территории, непосредственно прилегавшие к дорогам, по которым отступали основные части русской армии⁸³. Но даже эти, стесненные контратаками противника, действия летучих отрядов наносили определенный урон его силам. Как сообщал царь 6 февраля 1708 г. своему союзнику польскому гетману великому коронному А.Н. Сенявскому: «Неприятель от Гродни рушился (шел. — *С. И.*) и наша кавалерия, перед ним идучи тремя тракты (дороги. — *С. И.*), все провианты и фуражи разоряет и подъездами обезпокаивает, от чего он в такое состояние приведен, что по скаске пленных великой урон лошадях и людях имеет»⁸⁴.

Русским войскам приходилось оставлять позиции и уходить от противника, но их отступление было в данном случае не беспорядочным бегством, а запланированной и хорошо организованной стратегической операцией, имевшей все характерные особенности активной обороны. Следует согласиться с мнением Г.А. Леера, который отмечал, что отступление русской армии в 1707–1708 гг. было гораздо более организованным, чем в 1812 г.⁸⁵ В.А. Артамонов добавлял к этому утверждению еще и сравнение с менее успешным отступлением советской армии в 1941 г.⁸⁶

Развернутая русским командованием малая война с локальными атаками и контрударами по противнику, диверсионная тактика «выжженной земли» на пути врага и постоянное «бегство» от генерального сражения привели к тому, что планы Карла XII по блицкригу на Москву были сорваны, а шведской армии в поиске ресурсов обеспечения пришлось все более удаляться от своих баз снабжения и бродить в поисках припасов по обескровленной враждебной территории. Как писал царю, сообщая о шведах, князь А.Д. Меншиков 6 февраля 1708 г. «В провианте и в фураже, сказывают, великая нужда: токмо, что где сыщут в ямах (продукты. — *С. И.*) да на кровлях соломы (фураж для лошадей. — *С. И.*), тем и довольствуются. Я ко всем своим задним (арьергарду. — *С. И.*) послал указ, чтоб и на кровлях соломы ничего не оставляли, для чего и хоромного строения не сцадили (щадил. — *С. И.*)»⁸⁷. Исходя из

всего изложенного, проанализировав мероприятия русского командования по обороне своих границ, можно согласиться В.А. Молтусовым, который утверждал, что, оценив последствия жолкевской стратегии, шведский король отказался от более короткого пути на Москву через Смоленск⁸⁸.

По итогам весенней кампании русской армии, 12–13 июня 1708 г. в местечке Чашниках, на реке Улла, недалеко от Витебска прошел координирующий военный совет по организации боевых действий на летнюю кампанию 1708 г.⁸⁹ Основным пунктом принятых решений стало продолжение намеченной в начале года стратегии активной обороны с использованием методов малой войны («иттит[ь] по тому ж ковалерии и инфантерии против выше писанного, перенимая оному (противнику. — *С. И.*) путь и чиня всякое приятие в походе»⁹⁰). Кроме этого, на консилиуме было утверждено создание при пехоте специального летучего корпуса для ведения разведывательной деятельности («выбрать из солдацских полков командированных 1 000 человек <...> и оной употреблять пехотою в партии для доставления языков и всяких ведомостей»⁹¹). Можно сказать, что это были первые предпосылки к созданию нового специального соединения, так называемого корволанта, который позднее, осенью 1708 г., успешно показал себя в операции по уничтожению шведского корпуса А.Л. Левенгаупта у деревни Лесной.

Находясь в конце лета 1708 г. у русских границ, Карл XII стоял перед трудным выбором: в каком направлении послать свои основные силы, чтобы ворваться в Москву — сердце России. Обстановка на главном театре военных действий Северной войны вырисовывалась для шведского короля следующим образом:

1. после последнего крупного сражения у Головчино 3 июля 1708 г. силы шведской армии уменьшились и восполнить их в ближайшее время не было возможности. Русская армия, напротив, восстановив силы, готовилась к предстоящему наступлению противника;

2. ландшафт предстоящего театра военных действий был наполнен многочисленными реками и речушками, форсирование которых требовало дополнительных сил и времени, что приводило к потере динамики наступления — характерной особенности в тактике Карла XII;

3. сохранение интенсивности марша привело бы к истощению сил и материальных средств и к тому же увеличивало разрыв между главной армией и спешащим на соединение с ней корпусом А.Л. Левенгаупта.

Из работы В.А. Молтусова, проанализировавшего мероприятия русского командования по обороне своих границ, можно заключить, что, оценивая последствия жолкевской стратегии, применяемой русской армией, и сложившуюся в связи с этим обстановку, шведский король понимал, что, выбе-
ри он более короткий путь на Москву через Смоленск, и армии предстояло

бы двигаться по обескровленной враждебной русской территории под угрозой постоянных налетов со стороны петровских разведывательно-диверсионных отрядов⁹². В этих условиях был вполне логичным поиск иных путей вторжения в пределы Российского государства. Вскоре такой путь был найден.

О причинах, которые повлияли на решение короля в выборе направления движения его войск, сообщал на допросе захваченный шведский шпион Я. Улашин: «Когда пришел (Карл XII. — *С. И.*) <...> и увидел, что поселение всякое московския зажигают, також уведомился сам король, что велено московским войскам, уступя к Смоленску, в лесах учинить засеку и протчее поселение, села и деревни, перед ним и около зажигать и что от того не мочно нигде получить провианту и фуражу. Для того к Украине и пошел»⁹³.

Существует мнение, что на выбор южного направления движения Карлом XII повлияло приглашение для совместных действий против «москалей» малороссийского гетмана И.С. Мазепы. Это утверждение является довольно спорным, и, как полагает Н. Сухолит, вопрос мотивации шведского короля относительно движения в Гетманщину и по сей день является дискуссионным в мировой историографии⁹⁴. В записках К. Пипера, составленных, когда он находился в русском плену, содержатся сведения о его разговоре с Петром I, который интересовался причиной направления шведской армии в Гетманщину в 1708 г. На этот вопрос граф ответил, что причина заключалась в том, что русская армия постоянно отступала и везде (до 12 км) оголяла территорию, что приводило к трудностям со сбором провианта и не оставалось другого выбора, как направить свои войска на юг. При этом, он говорил, что шведский король связей с И.С. Мазепой не имел до того момента, пока в октябре 1708 г. посланец последнего не прибыл в лагерь Карла XII⁹⁵.

Исходя из всего вышеизложенного, более вероятной видится версия, согласно которой в сложившейся ситуации внимание Карла XII привлекли еще не тронутые разрушительной тактикой малой войны богатые и плодородные земли Гетманщины (Левобережной Украины), а слабые укрепления малороссийских городков не должны были представлять проблем в быстрой оккупации этих территорий. Перезимовав на богатых запасами землях Малороссии, Карл XII планировал с наступлением тепла и при поддержке новых союзников в лице Гетманщины и Турции продолжить поход на Москву («с высоким сердцем и намерением, чтоб в самую Москву войти, разорить ее, також и обычаи и уставление гражданское в Руси по своему мнению и хотению переменить»⁹⁶).

С этого момента выбор шведского короля был сделан и колонны его войск потянулись к границам Слободской Украины и в сторону малороссийских городов.

Таким образом, решения как политического, так и военного характера, принятые русским командованием в Жолкве в 1706–1707 гг., стали тем фундаментом, на котором были выкованы будущие победы при Лесной и Полтаве. А.А. Строков писал, что «Жолковский план имел огромное значение для обороны государства, причем в связи с продвижением шведских войск оборона непрерывно усиливалась»⁹⁷. Польский историк Д. Фельдман утверждал, что, когда Карл XII перешел реку Березину, его экспедиция в Россию уже была обречена на крах, так как «кости были брошены» и все было решено еще в Жолкве⁹⁸. Стратегическое решение жолковского плана стало лейтмотивом для организации боевых действий русской армии и ввело в военное искусство новое понятие — «русское» или «скифское» отступление, с которым впоследствии пришлось столкнуться армии Наполеона Бонапарта и гитлеровской Германии. Немаловажным является и тот факт, что пребывание Петра I в течение такого длительного времени на одном месте было не напрасным. Царю удалось удержать Польшу в роли союзника, которая стала не просто пассивным участником продолжавшегося военного конфликта, но и внесла важный вклад в подготовительные мероприятия, предшествовавшие Полтавской битве⁹⁹. Когда в начале декабря 1708 г. Петр I на военном совете подводил итоги прошедшего года, он отметил результативность выбранной весной 1707 г. в Жолкве стратегии и тактики ведения боевых действий против армии Карла XII посредством малой войны: «Понеже всегда советовано удалятися от генеральной баталии, что и чинено чрез все лето, частвительно же великий урон неприятелю учинен»¹⁰⁰.

¹ Исследователь пребывания Петра Великого на территории Западной Украины в период Северной войны Г.Ю. Гербильский писал, что это было самое долгое пребывание царя на одном месте за все годы Северной войны (*Гербильский Г.Ю.* Петро Перший... С. 5).

² История Свейской войны... С. 133.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. II. С. 285.

⁴ Павленко Н.И. Петр Великий... С. 224.

⁵ Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. С. 484.

⁶ История Свейской войны... С. 133.

⁷ Там же. С. 133.

⁸ Barącz S. Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852. S. 67; Osinśki M. Zamek w Żółkwi. Lwów, 1933. S. 20–21.

⁹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. С. 165; Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог / Состав. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1958. Приложение III. № 4. С. 315.

¹⁰ Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907. С. 160–161; Молчанов Н.Н. Петр I. М., 2003. С. 221.

¹¹ П и Б. СПб., 1907. № 1499. С. 14.

¹² Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 г. по 1708 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1884. Т. 39. № 97. С. 354.

¹³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. III. С. 196; Львов: Справочник / Под ред. Б. Дудыкевича. Львов, 1949. С. 31; Історія Львова: Короткий нарис / Відповід. ред. В.К. Осечинський. Львів, 1956. С. 46; Гистория Свейской войны... С. 134.

¹⁴ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. II. С. 288.

¹⁵ Мончаловский О.А. Петр Великий в Галицкой Руси: Исторические записки и заметки. Львов, 1903. С. 23; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1911. Кн. 3, т. XI—XV. С. 1423.

¹⁶ Пункты публичные, каковы поданы при приезде великого государя в Жолкви от Польских министров 14.01.1707 г. // П и Б. СПб., 1907. Т. V. К № 1488. С. 367—372.

¹⁷ Резолюция Петра I на выписке из инструкции Польских послов 7.02.1707 г. // П и Б. СПб., 1907. Т. V. К № 1583. С. 82—83.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. III. С. 195.

²⁰ В частности, было выплачено: гетману великому коронному А.Д. Сенявскому — 4 000 руб., гетману полному литовскому Г.А. Огинскому — 4 000 руб., подканцлеру коронному Я.С. Шембеку — 1 200 руб., мечнику великому коронному С.Э. Денгофу — 2 000 руб., подскарбию великому литовскому Л.К. Поцею — 1 000 руб., воеводе мазовецкому С. Хоментовскому — 2 000 руб., епископу К.Ф. Шанявскому — 500 руб., маршалку великому литовскому М.Д. Воловичу — 1000 руб., маршалку надворному литовскому Ю.В. Мнишеку — 800 руб. и прочим (*Kamiński A. Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkiem 1706—1709. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969. S. 93*).

²¹ П и Б. СПб., 1907. К № 1603. Т. V. С. 526.

²² Соловьев С.М. История России... С. 1425—1426.

²³ Устрялов Н.Г. Петр Великий в Жолкве: 1707 г.: Глава из неизданного 5-го тома «Истории царствования Петра Великого» // Древняя и Новая Россия: Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. СПб., 1876. Т. I. С. 8—9; Гербильский Г.Ю. Русско-польский союз // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей / Л.Г. Бескровный и др. М., 1959. С. 73—75.

²⁴ Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения... С. 469.

²⁵ Донесения... Чарльза Витворта... С. 352.

²⁶ П и Б. СПб., 1907. Т. V. К № 1553. С. 61.

²⁷ Устрялов Н.Г. Петр Великий в Жолкве... С. 7; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения... С. 471; Павленко Н.И. Петр Великий... С. 221.

²⁸ Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения... С. 476.

²⁹ Анисимов Е.В. Время петровских... С. 181.

³⁰ Донесения... Чарльза Витворта... № 102. С. 370.

³¹ Pismo Piotr I car Rosji do prymasa [Stanisław Szembek] o wkroczeniu interwencyjnym wojsk rosyjskich z 27.01.1707 // PAN Biblioteka Kórnicka. Rękopisy staropolskie XVI—XVIII w. [Электронный ресурс] URL: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=343187&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI= (Дата обращения: 22.03.2017).

³² Гербильский Г.Ю. Петро Перший... С. 61.

³³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. III. С. 232.

³⁴ Донесения... Чарльза Витворта... № 108. С. 384; Гербильский Г.Ю. Русско-польский союз... С. 71; Молчанов Н.Н. Петр I... С. 222; Skworoda P. Wojny Rzeczypospolitej obojga narodów ze Szwecją Warszawa, 2007. S. 225.

³⁵ П и Б. СПб., 1907. Т. V. К № 1643. С. 152.

³⁶ П.К. Гудим-Левкович считал, что автором этого плана был Б.П. Шереметев, который высказал его основные тезисы на военном совете, организованном царем, и предложение фельдмаршала было единогласно поддержано всеми присутствующими. Пункты будущего

стратегического плана начали обсуждаться еще в декабре 1706 г., так как уже в январе 1707 г. стали поступать первые распоряжения царя по приготовлению русских границ к обороне, а окончательно он был принят лишь в апреле (П и Б. СПб., 1907. Т. V. № 1490. С. 5; *Соловьев С.М.* История России... С. 1443; *Молчанов Н.Н.* Петр I... С. 221).

³⁷ *Михневич Н.П.* Основы стратегии: Курс интендантской академии. СПб., 1913. С. 19.

³⁸ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны... С. 185.

³⁹ Журнал, или Поденная записка... СПб., 1783. С. 144.

⁴⁰ *Леер Г.А.* О позициях // Военный... С. 52.

⁴¹ Напр.: *Леер Г.А.* Петр Великий... С. 201–230; *Сухотин Н.Н.* Место Петра Великого... С. 374; *Верховский А.И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922. С. 33; *Панов В.А.* Петр I... 131 с.; *Артамонов В.А.* Стратегия и тактика Карла XII... С. 9.

⁴² *Желябужский И.А.* Записки... С. 319.

⁴³ Инструкция Петра I Паткулю и Г.Ф. Долгорукову 28.01.1704 г. // П и Б. СПб., 1893. Т. III. № 618. С. 3.

⁴⁴ *Сухотин Н.Н.* Место Петра Великого... С. 374.

⁴⁵ Краткое описание о войнах... С. 350.

⁴⁶ *Подсобляев Е.Ф.* Античные традиции в военном искусстве Петра Великого // Меншиковские чтения—2015: Научный альманах / Гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 154–159.

⁴⁷ *Кротов П.А.* Битва под Полтавой: Начало Великой России. СПб., 2014. С. 34.

⁴⁸ *Маврикий.* Стратегикон... С. 176–177.

⁴⁹ *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2012. С. 48.

⁵⁰ Там же. С. 250–268.

⁵¹ Петр I Ф.М. Апраксину 3.01.1707 г. // П и Б. СПб., 1907. Т. V. № 1490. С. 5.

⁵² *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 196.

⁵³ *Карцов А.П.* Военно-исторический обзор... С. 80–82; «Лекции о Тактике» прусского генерала Фон-Грисгейма: (Перевод). Окончание первой части и часть вторая: Прикладная тактика // Военный сборник. Октябрь 1860. № 10. Приложение. С. 24–28.

⁵⁴ *Газенкамф М.А.* Продовольствие войск в мирное и военное время в русской и иностранных армиях. СПб., 1876. С. 44; *Михневич Н.П.* Основы русского... С. 21.

⁵⁵ Территориально магазины русской армии в годы Северной войны распределялись таким образом: а) Магазины Ингерманландского театра: *перволинейные*: Ладога, Шлиссельбург, Петербург, Нарва, Ямбург, Дерпт, Псков и Печерский монастырь; *второлинейные*: Порхов и Новгород; б) Магазины западного (польско-литовского) театра, сформированные при участии польских властей: *перволинейные*: Себеж, Полоцк, Борисов, Минск, Вильно и Орша; *второлинейный*: Смоленск; в) Магазины южного (Украинского) театра: *перволинейные*: Киев, Ново-Богородицк, Каменный Затон, Коротояк; *второлинейные*: Путивль, Курск, Трубчевск, Брянск и Воронеж; г) Магазины внутри государства (резервные): Вышний Волочек, Тверь, Москва, Мценск и Орел (*Мышлаевский А.З.* Северная война... С. XXVIII).

⁵⁶ *Arteus G.* Krigsteori och historisk forklaring. II. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700–1712 // Meddelanden från Historiska Institutionen i Göteborg. Linköping, 1972. Nr. 5. S. 28–42.

⁵⁷ *Михневич Н.П.* Основы стратегии... С. 48.

⁵⁸ *Лев VI Мудрый*... С. 255.

⁵⁹ *Артамонов В.А.* 1708–2008: Мать Полтавской победы... С. 21–22.

⁶⁰ Генерал-кригскомиссар в начале XVIII в. отвечал за организацию системы логистики в шведской армии: финансирование войск, снабжение питанием, обмундированием и фуражом (*Dalin A.F.* Ordbok öfver svenska språket. Stockholm, 1850. Vol I. S. 867).

⁶¹ *Lewenhaupt A.* Karl XII:s officerare: Biografiska anteckningar. Stockholm, 1920. S. 660.

⁶² *Poraziński J.* Oblężenie Torunia w 1703 r.: Uwagi i refleksje w związku z 300 rocznicą // Rocznik Toruński. Torun, 2003. T. 30. S. 76.

⁶³ Там же. С. 77.

⁶⁴ Magnus Stenbock och Eva Oxenstierna: En brevväxling. Stockholm, 1914. V. 2. № 358. S. 34.

- ⁶⁵ Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима князя Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великого. М., 1809. Ч. I. С. 28.
- ⁶⁶ Мышлаевский А.З. Северная война, 1708 г. ... С. 53.
- ⁶⁷ Грушевский А. Глухів і Лебедин (1708–1709) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львов, 1909. Т. ХСІІ. С. 35.
- ⁶⁸ Journal öfver expeditionen 1702–1703 af generalmajoren, grefve Magnus Stenbock // KKD. Lund, 1912. V. XII. S. 60–61.
- ⁶⁹ Артамонов В.А. 1708–2008: Мать Полтавской победы... С. 22.
- ⁷⁰ Указ Петра I 27.01.1707 г. // Мицик Ю.А. З документів доби гетьмана Івана Мазепи: (За матеріалами польських архівів). // Україна в Центрально-Східній Європі / НАН України. Інститут історії України. Київ, 2011. Вип. 11. № 18. С. 298.
- ⁷¹ Петр I В.Д. Корчмину 10.03.1706 г. // П и Б. СПб., 1900. Т. IV. № 1150. С. 155–156.
- ⁷² Потто В.А. История 44-го драгунского... С. 29.
- ⁷³ Konung Karl XII:s egenhändiga bref / Utg. Af E. Carlson. Stockholm, 1893. № 195. S. 284.
- ⁷⁴ Григорьев Б.Н. Карл XII... С. 227.
- ⁷⁵ Петр I Филиппу Гессен-Дармштадтскому 22.01.1708 г. // П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. № 2175. С. 25.
- ⁷⁶ Петр I А.И. Репнину 20.01.1708 г. // П и Б. Там же. № 2167. С. 25.
- ⁷⁷ Петр I В.В. Долгорукову 6.02.1708 г. // Письма императора Петра I к гвардии майору князю Василию Владимировичу Долгорукову: (Сообщены князем П.Д. Волконским) // Бычков А.Ф. Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. № I. С. 29.
- ⁷⁸ Масловский Д.Ф. Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник... С. 54.
- ⁷⁹ Путешествие Корнелия де Бруина через Московию // ЧИОИДР. М., 1872. Кн. 4. С. 253–254.
- ⁸⁰ Возгрин В.Е. Проблема геноцида... С. 159.
- ⁸¹ LVVA 7349. f. (Livländska Generalguvernemetet. Stora Nordiska Kriget 1700–1710). 1. apr., 284. lr.; Соимонов Ф.И. История Петра... С. 96.
- ⁸² П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 386.
- ⁸³ Стилле А. Операционные планы Карла XII... С. 26.
- ⁸⁴ П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. № 2248. С. 64.
- ⁸⁵ Леер Г.А. Петр Великий... С. 424.
- ⁸⁶ Артамонов В.А. «Полтавское сражение»: К 300-летию Полтавской битвы. М., 2009. С. 207.
- ⁸⁷ П и Б. Вып. 1. Петроград, 1918. Т. VII. С. 385.
- ⁸⁸ Молтусов В.А. Полтавская битва... С. 94–102.
- ⁸⁹ Решение военного совета состоявшегося в Чашниках 12.06.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. № 2047. Л. 1.
- ⁹⁰ Решение совета в Чашниках 13.06.1708 г. // Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. № 1. С. 23.
- ⁹¹ Решение совета в Чашниках 12.06. 1708 г. // П и Б. М.; Л., 1946. Т. VII. Вып. 2. К № 2413. С. 846.
- ⁹² Молтусов В.А. Полтавская битва... С. 94–102.
- ⁹³ Расспросные речи Я. Улашина 1 и 7.10.1708 г. // Полтавская битва 27 июня... № 94. С. 130.
- ⁹⁴ Сухолит Н. «Гистория Свейской войны» Петра I про участь України у Північній війні 1700–1721 рр. // Український історичний збірник. 2012. Вип. 15. С. 243.
- ⁹⁵ Томашівський С.Т. Из записок Каролинців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. ХСІІ. Львов, 1909. С. 71.
- ⁹⁶ Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих, в печать изданное с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. М., 1770. С. 380.

⁹⁷ *Строков А.А.* История военного искусства... С. 492.

⁹⁸ *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925. S. 281.

⁹⁹ Главной заслугой сандомирских конфедератов стали их совместные активные действия с отрядами Заднепровского корпуса русского генерала Г. фон дер Гольца, в результате которых удалось предотвратить в ответственный Полтавский период соединение основных сил Карла XII с частями находившегося в Польше генерала Э.Д. фон Крассау и отрядов С. Лещинского (*Віцько Дз.В.* Кампанія 1709 г. на Захадзе України // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: (К 300-летию со дня битвы при д. Лесная): Материалы Международ. научно-практ. конф.: (4 октября 2008). Могилев, 2008. С. 69–84).

¹⁰⁰ Петр I на совете в Лебедине 3.12.1708 г. // Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 382. С. 424.

МАЛАЯ ВОЙНА ВО ВРЕМЯ ОСЕННЕГО НАСТУПЛЕНИЯ АРМИИ КАРЛА XII В СЕВЕРСКУЮ УКРАИНУ (КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ – 18 НОЯБРЯ 1708)

Подготовительные мероприятия русского командования на границах Российского государства (август – сентябрь 1708)

Как уже отмечалось, подготовка к каждой крупной войсковой операции включала в себя комплекс разведывательных мероприятий с целью определения стратегически важного участка и наиболее уязвимого места в обороноспособности противника. Отсутствие разведывательной информации ограничивало возможности подразделений армии и заставляло их действовать «вслепую». Приступая к исследованию начального этапа Полтавского периода, напомним, что у русского командования в августе – сентябре 1708 г. уже долгое время не было возможности узнать планы шведского короля по выбору направления движения его армии вглубь России.

Царским разведывательным отрядам очень трудно было захватить «языков», так как шведские войска «на походе идут вкуче, а не вразни <...> никого, из обозу в дальность не выпускают»¹. По понятным причинам отсутствие разведывательной информации ограничивало возможности подразделений армии. Еще в январе 1708 г. Петр I был возмущен отсутствием разведывательной информации и ставил задачу кавалерийскому генералу принцу Фридриху Гессен-Дармштадтскому: «Зело удивляемся, что ни единого человека от них (шведов. – С. И.) для подлинного известия не получите, что есть главнейшая вещь в войне <...> и по получении сего указу конечно надлежит вам достать языка, дабы мы подлинно могли о неприятеле ведать так же немедленно»². Даже решительные меры в виде разведки боем в данных обстоятельствах не приносили положительного результата. Решительная атака

шведского обоза для взятия «языка» разведывательным отрядом Н.Ю. Инфланта не увенчалась успехом, так как «отъезжие и бекетные (сторожевые посты. — С. И.) стоят перед самым фронтом и не можно ис строю отхватить»³.

Но наряду с неудачами были и случаи успешного исхода проведения разведывательных операций. Премьер-майор Ямбургского драгунского полка Г.Д. Есипов следил за шведскими войсками на марше. Он сообщал, что «как шведский король от Кадина пошел, послан я был за помянутыми шведскими войски, и велено было мне следить и разведать подлинно, которым трактом оные войски маршировать будут. И ходил я до местечка Шамова, и побрал языков шведских рейтар, и драгун, и солдат, и привез подлинную ведомость, что шведские войска разделились и пошли на два тракта, одни пошли на местечко Кричев, а другие на местечко Чаусы»⁴.

Для захвата языков иногда привлекались особо отчаянные добровольцы. Например, капитан Нижегородского полка И.Г. Бардекевич писал в автобиографической «сказке»: «От команды его превосходительства генерала-фельд-маршала и кавалера графа Шереметьева спрашиваны в полках, кто хочет идти в партию охотою, и во оную партию шел я охотою для взятъя языков шведских, и обошед лесами корпус шведский, были на обоз, переправляющиеся через реку Березу, и взяв языков шведских, возвратились к полкам»⁵.

Зачастую даже у тех пленных, которых все-таки удавалось захватить, узнать что-то о стратегических намерениях Карла XII было трудно. Сам Петр I не раз отмечал непредсказуемость планов противника: «Шведом, как д(i)явол, верить невозможно»⁶. Основная тому причина: шведский король был склонен к авантюре и никогда не делился своими планами даже с ближайшими помощниками⁷. Как сообщал на допросе пленный флигель-генерал-адъютант Г.О. фон Канифер: «О королевском намерении ничего он подлинно не ведает, для того что король ни с первыми генералами, ни с министрами о том не советует, а делает все собою <...> А консилиума он ни з генералами, ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один»⁸. В такой сложной обстановке повышалась нагрузка на разведывательные отряды, которые зорко следили за любыми действиями противника, чтобы при первой же возможности путем засады или налета осуществить захват «языка».

Несмотря на все трудности, в середине сентября 1708 г. русским разведчикам наконец-то удалось получить сведения о новом оперативном плане короля по вторжению в Россию. Согласно ему, противник, который к этому времени стал испытывать проблемы с продовольствием и уже окончательно потерял надежду на продвижение к Москве через Смоленск, планировал пройти туда через плодородные Стародубщину, Брянск и Калугу («Короля швецкаго намерение подлинное идти в казацкие страны, чтоб тут своему войску удовольствоватца, понеже до сего часу был голод»)⁹.

Эти разведывательные данные подтвердились, когда русское командование получило дополнительные сведения об активности армии противника у российской границы и готовности вторгнуться в Северскую Украину.

Отметим, что еще до получения информации о начале движения шведских войск к российским границам, русская армия приняла к исполнению классическую оборонительную схему. В соответствии с ней, войну выгоднее всего было вести несколькими армиями, из которых первая удерживала наступление неприятеля с фронта, а остальные в это время действовали против его тыла и флангов. То есть основным становился фактор сдерживания противника, чтобы максимально использовать его задержки на марше для подготовки территории предстоящей оккупации к ведению на ней малой (партизанской) войны.

Из этого следует, что в сложившейся обстановке русское командование распределило свои силы таким образом, чтобы крупные соединения армии действовали на следующих направлениях:

- генерал Н.Ю. Инфлант (восемь драгунских полков, казаки) удерживал неприятеля с фронта, для чего опережал противника и двигался впереди наступающих шведских войск, замедляя их марш диверсионными действиями: разрушением дорог и мостов, уничтожением источников продовольствия и фуража, точечными ударами (налеты и засады) по его разведывательным отрядам. При этом, он должен был стараться упредить шведский авангард во всех стратегически важных населенных пунктах на пути его движения¹⁰;

- фельдмаршал Б.П. Шереметев во главе главной армии (три пехотные дивизии, полевая артиллерия) удерживал армию Карла XII с фланга, двигаясь параллельно противнику (левее движения шведских войск) и прикрывая таким образом пределы Российского государства¹¹;

- генерал Р.Х. Боур с кавалерийским отрядом (четыре драгунских полка, казаки, калмыки и волохи) действовал в тылу противника. Двигаясь за неприятелем, он тревожил короткими атаками (налетами) вражеский арьергард, чем заставлял вражеские колонны растягиваться на марше и задерживаться в ожидании отставших войск¹²;

- иррегулярная конница во взаимодействии с регулярными войсками диверсионными действиями (налеты, засады) тревожила подразделения противника, пытавшиеся отделиться от основных сил для разведки или поиска продуктов и фуража («конница б всегда сзади на неприятеля была и все последующие люди и обозы разоряли, чем неприятелю великую диверсию <...> учинить»¹³).

При анализе задач, поставленных русским войскам, можно определить, что так было установлено фланговое соприкосновение с противником главной группировки петровской армии под руководством Б.П. Шереметева, которое на данном этапе было наиболее для нее выгодным. Прямой путь в

Россию для армии Карла XII оставался полностью контролируемым русскими войсками, а небольшие летучие отряды могли в кратчайшие сроки достигать коммуникационных линий противника и быстро развивать диверсионные операции в его тылу, оберегая в то же время свой тыл и сохраняя сообщение с главной армией.

Кроме того, сводные кавалерийские корпуса К.Э. Ренне, Н.Ю. Инфланта и Р.Х. Боура контролировали действия противника в тылу и с фронта, замедляя движение шведской армии вглубь российской территории («неприятеля б предваряли и при реках и прочих дефилях оного удерживали»¹⁴). В целом, сформированная русским командованием схема применения войск позволяла «конвоировать» вражеские войска и ограничивать их способность к неожиданному маневру.

Выполняя приказы командования, русские мобильные отряды кружили вокруг марширующих шведских войск, постоянно отслеживая пути их перемещения, что позволяло упреждать врага на важных участках и срывать его планы наступления. В этом им помогали основные качества разведчика — наблюдательность и умение увидеть главное в мелочах: помятая трава у дороги, брошенная телега из военного обоза, свежий навоз или павшая лошадь — такие приметы и знаки для опытного следопыта, умеющего правильно оценить обстановку, давали возможность определить путь движения вражеских войск и положение дел в его подразделениях.

Анализ опубликованных К.В. Татарниковым офицерских «сказок» (автобиографий), составленных в 20-е гг. XVIII в., дает возможность узнать подробности проведения небольших войсковых разведывательных операций (поисков), в которых принимали участие их авторы. Например, три прапорщика Ингерманландского пехотного полка В. Зуев, Е.И. Долгополов и И.А. Восков рассказывали подробности своих действий по разведке сторожевой службы противника, когда шведские войска расположились укрепленным походным лагерем в районе города Черикова на реке Сож. В частности, В. Зуев сообщал, что по приказу царя «под местечком Чериковым для взятъя языков ходил волею, и от Королевского Величества шведского взяли часового и привели к господину генералу Рену»¹⁵. Более подробно описывал эту акцию Е.И. Долгополов: «В команде генерала-лейтенанта Рена был под местечком Чериковым против шведской армии над рекой Сожей в шанцах, и с командированными был посылан чрез реку Сожу к шведской армии на конях и с пехотой для взятъя языка, и взяли шведского гранодера с часов»¹⁶. Прапорщик И.А. Восков добавлял: «Под местечком Чериковым с подпоручиком Кудеяровым в партии был для взятъя из шведской армии языков, и во оное время взят язык и приведен, который стоял на часах у Королевского Величества шведского при дворе»¹⁷.

Основным ресурсом для комплектования разведывательно-диверсионных корпусов в то время оставалась иррегулярная конница (казаки, калмыки, татары, волохи и др.), для которых разведка противника уже стала привычным ремеслом¹⁸. Такие отряды русских разведчиков периодически проводили целые рейды по изучению расположений противника, в ходе которых изучалась местность (рекогносцировка), захватывались «языки» (поиск), а в удобных случаях осуществлялись засады и налеты на оторвавшиеся от основных сил подразделения врага.

Для разведки расположения и действий противника использовались не только мобильные отряды, но и одиночные шпионы-диверсанты. При вербовке агентурных кадров для этой цели русское командование особое внимание уделяло православным священникам, для которых шведская армия представлялась толпой разъяренных еретиков. К тому же агитационную помощь русскому командованию оказывали такие яркие представители российского православного духовенства начала XVIII в., как митрополит Стефан (Яворский) и архиепископ Феофан (Прокопович), которые выступали с яркими антишведскими проповедями. В своих трудах и многочисленных проповедях Стефан (Яворский) прямо называл лютеранскую веру, приверженцами которой были шведы, еретической («зловерием помраченных»)¹⁹. В речах перед паствой он подробно объяснял, в чем выражалась ересь шведской армии: «Шведы <...> не веруют, яко в тайнах сам Христос есть, не кланяются пречистому Его образу»²⁰.

Неудивительно, что русское командование широко использовало в качестве шпионов православных священнослужителей²¹. Человек в рясе мог легко перемещаться из одного населенного пункта в другой, не привлекая к себе внимания и выведывая нужные сведения у любых слоев местного населения. На протяжении всего Полтавского периода Петр I в приказах прямо указывал: «Так же зело нужно чрез добрых шпигов (к чему лучше нет попов) проведать, намеряют ли неприятели маршировать куды ни есть»²².

Такие священники-шпионы вели разведывательную деятельность в тесном контакте с командирами летучих подразделений, передавая им оперативную информацию, которую они использовали в своих целях. Генерал-майор Н.Ю. Инфлант сообщил 18 сентября 1708 г. Петру I, что «получил <...> ведомость из Мелятичь от протопопа, которой взят был к шведом и был в неволе полтретьи недели и рассказывает про швецкого короля, что под местечком Кричевым, а с ним войска 9 полков. А иншие полки под местечком Чериковым перебираютца реку Сожу, а путь свой правят на Пропойск, на Гомель и на Чернигов»²³. Генерал-майор Г.С. Волконский сообщал в декабре 1708 г. о привлечении к разведывательной деятельности священника Федора Бесцальского, который «подводил наших людей под шведов». Отмечая добросовестность этого разведчика, князь утверждал: «Священник служит нам верно»²⁴.

Сетью разведчиков и шпионов русское командование опутало всю территорию, занимаемую противником. Агенты русской армии направлялись в шведский лагерь под видом местных жителей и торговцев, привозивших продукты на продажу, ведь такие люди менее всего привлекали внимание контрразведки противника. Командир летучего отряда царский адъютант А.И. Ушаков в письмах к Петру I часто делился информацией, полученной от своих шпионов. В частности, 22 сентября 1708 г. он писал, что «мужики посланные (под видом торговцев. — *С. И.*), 6 человек, которые повезли для продажи к шведу хлеб, сказывали, что у неприятеля шведов померло от голоду многое число и больных так же премного»²⁵.

Наличие шпионов, которые действовали не только автономно, но и непосредственно в составе русских разведывательно-диверсионных отрядов, позволяло их командирам максимально быстро сопоставлять получаемую информацию о противнике и принимать правильные решения согласно складывавшейся обстановке. Русское командование неоднократно отмечало, что шпион, действующий с разведывательным отрядом, гораздо надежнее случайно завербованного для этой цели дилетанта. В более поздний период (1723) по указу Петра I из состава Миргородского и Киевского казацких полков было отобрано 10 человек со знанием турецкого и татарского языков, которые были определены в компанейский полк Чеснокова. Находясь на южных рубежах государства, они получали жалование вместе с казаками этого воинского формирования и находились в готовности участвовать в его разведывательных операциях («до тих посилок в поготовности») ²⁶.

Кроме шпионской деятельности местное население, хорошо знакомое с территорией, на которой предстояло вести боевые действия, привлекалось к рекогносцировочным мероприятиям²⁷. Жители приграничных городов и деревень должны были стать надежными провожатыми при движении русской армии по малознакомым территориям²⁸. Это делалось для того, чтобы осветить театр будущей войсковой операции, выявить слабые и сильные стороны ландшафта и грамотно использовать полученные сведения в малой войне. С этой целью генерал-аудитор П.В. Кикин ездил по приграничным городам и собирал «вожей» (проводников. — *С. И.*), «которые болшие и проселочныя знали дороги»²⁹. Собрать провожатых и найти сторонников среди местного населения на российских территориях было гораздо проще, чем в предыдущее время на территории Польши и Литвы, что лишний раз подтверждает правильность первого пункта жолкевского плана и стратегии отступления в родные пределы.

Для того чтобы разведывательно-диверсионные отряды, действовавшие на коммуникациях противника, лучше ориентировались на местности, в их состав направлялись проводники из местного населения или казацких при-

граничных полков Малороссии. Такие проводники показывали русским отрядам известные только им дороги, о которых не знал противник, и давали возможность опережать врага на стратегически важных направлениях. Впрочем полученные от «вожей» точные рекогносцировочные сведения о дорогах, мостах, переправах и просеках давали возможность русским отрядам не только действовать на опережение вражеских войск, быстро и скрытно перемещаясь по театру военных действий, но и выбирать выгодные позиции для неожиданных нападений. Казак Т.П. Силевич рассказывал, как осенью 1708 г. полковник И.И. Скоропадский откомандировал его «до генерала Инфлента для конвойства, чтобы я <...> показывал добрые местца и переправы, где би можно з шведом баталею учинить»³⁰.

На данном этапе основной целью русского командования было любыми средствами задержать движение противника, чтобы дать своим войскам возможность подготовиться к малой войне на предстоящем театре боевых действий должным образом. Выиграв у противника во времени, русское командование имело бы возможность, в зависимости от складывавшейся обстановки, в любой момент перехватить инициативу и перегруппироваться.

Малая война в Северской Украине (сентябрь — октябрь 1708)

Чтобы опередить противника и осуществить все свои планы, русскому командованию в первую очередь необходимо было задержать движение вражеского авангарда, который мог обогнать подразделения петровских войск в ключевых населенных пунктах.

Но блицкриг шведского командования, направленный на захват стратегически важных городков в Гетманщине для создания плацдарма дальнейших действий, был сорван. Для этого были привлечены все ресурсы, имеющиеся в наличии разведывательной службы русской армии. Неоценимую помощь в задержке движения королевских войск оказали малороссийские крестьяне, вызвавшиеся быть проводниками в шведском авангардном отряде³¹. Это разведывательное подразделение во главе с генералом А. Лагеркруна было направлено еще 16 сентября 1708 г. впереди основных сил Карла XII с целью опередить русские войска в захвате наиболее важных ключевых точек Северщины — территории, куда должны были вступить войска противника после пересечения границ Российского государства³².

Участник «русского похода» Карла XII пастор Й. Нордберг подробно описывал эти события: «После того как первая река была пройдена, он (А. Лагеркруна. — *С. И.*) дал себя убедить крестьянину, который должен был служить ему проводником, что необходимо свернуть на другой путь и пройти несколько верст, несмотря на точно полученные заранее инструкции. Ему стоило

потом немало труда вернуться на правильный путь. Враг, предупрежденный о его приходе, догадался о планах короля и сделал все возможное, чтобы его опередить»³³.

Хронист похода Карла XII Г. Адлерфельд сокрушался по этому поводу, что А. Лагеркруна не проявил осторожности во время выполнения своего важного задания, а, обратившись за помощью к «изменнику-проводнику», потерял много времени при переходе через густые леса, и если бы не этот факт, шведы стали бы хозяевами главных городов Северской земли³⁴. В результате саботажа, осуществленного провожатыми, форсированный марш³⁵ шведского авангарда к Мглину, Почепу и Стародубу — местам, где шведские войска могли создать плацдарм для дальнейших действий, был провален. Русское командование выиграло время и получило возможность принять меры по занятию и укреплению населенных пунктов Северской Украины.

Административная территория Стародубского казачьего полка была самой большой среди других полков Гетманщины. Благоприятными были и ее природные условия — разветвленная сеть рек и обширные лесные массивы³⁶. В начале XVIII в. городки Северской Украины представляли собой не только экономические центры, но являлись еще и стратегически важными укрепленными объектами, находившимися на пересечении коммуникационных линий. Согласно с царскими требованиями, с 1706 по 1708 г., когда появилась явная угроза наступления шведских войск на южном направлении, в населенных пунктах Северской Украины развернулось обширное строительство и восстановление крепостных сооружений. Были отстроены земляные укрепления Почепа, усилены защитные сооружения Стародуба (вокруг крепости территория была зачищена почти на 100 м) и Погара (укреплена крепость и насыпан новый вал)³⁷. В крупных населенных пунктах разместились помимо малороссийских казачьих отрядов гарнизоны регулярных русских войск.

23–24 сентября 1708 г. после пересечения российской границы и форсирования реки Ипуть у деревни Старый Дроков шведская армия сделала длительный привал. Она расположилась лагерем у местечка Костеничи в 15 км от Мглина, 64 км от Почепа и 70 км от Стародуба. На Стародубовской и Почепской дорогах были выставлены авангардные посты³⁸. Это была вынужденная остановка, чтобы дожидаться пробиравшихся с трудом и отставших на марше обозов с войсками, а также чтобы получить сообщения от разведчиков авангарда³⁹. После выполнения организационных мероприятий противник планировал продолжить движение вглубь Северщины.

Русской армии крайне необходима была разведка позиций противника. Чтобы приблизиться к полевому лагерю врага, Ф.О. Бартенев с отрядом казаков направился в Почеп, откуда вел разведку расположения противника и

его планов⁴⁰. По его приказу на Стародубовской и Почепской дорогах были выставлены авангардные сторожевые посты, которые кроме прочего следили за тем, чтобы местные жители «хлеб и скотину неприятелю не оставляли»⁴¹.

Для того чтобы знать слабые и сильные стороны тех участков территории, на которых противоборствующим армиям предстояло маневрировать, а затем спланировать успешные разведывательно-диверсионные операции, русским командованием организовывались рекогносцировки с целью осмотра позиций противника и объектов на местности. Квартирмейстер Вологодского пехотного полка Д.К. Сухотин сообщал, как несколько раз был направлен командованием к местам дислокации шведского лагеря во время его марша к российским границам и на территории Северской Украины («послан я был от местечка Почепа к местечку Млынам под неприятельский лагерь для осмотра переправ и крепостей в команде господина генерала-фельдмаршала-лейтенанта Гольца») ⁴². Рекогносцировочные команды смешанного состава направлялись для составления планов дорожных сообщений между населенными пунктами с целью дальнейшего планирования командованием военных операций. Прапорщик Ф.И. Леонтьев, офицер Выборной роты Б.П. Шереметева, сообщал о своем участии в такой рекогносцировке: «Из-под местечка Горок послан с майором Брылем (инженер. — С. И.) по приказу его ж, господина генерала-фельдмаршала и кавалера граф Шереметева, в 30 человек — в 10 человек драгун и в 20 казаках — послан для описания трактов на Кричево, на Стародуб, и на Пропойск, и до Чернигова» ⁴³.

Растянувшиеся на километры обозы шведского войска при их отставании от основных частей, находящихся на марше, нередко становились объектом атаки со стороны курсирующих неподалеку и следящих за действиями противника сторожевых отрядов. Получив разведывательные сведения после форсирования вражескими войсками реки Прони, на отрезке движения к городку Чирикову, сводный отряд генерал-майора Г.С. Волконского, состоящий из драгунов, казаков и калмыков «учинил нападение на обоз». В результате успешной атаки было уничтожено несколько солдат противника, а двое взяты в плен ⁴⁴.

В сложившейся к тому времени обстановке основные части русской армии во главе с Б.П. Шереметевым выполняли указания царя от 20 сентября 1708 г.: «Надлежит вам <...> итить к Стародубу, и всегда брать у неприятеля левое крыло [или руку]» ⁴⁵. Ускоренным маршем петровские войска двигались к Рославлю и далее вглубь Левобережной Украины. 24–25 сентября 1708 г. Рославль был занят тремя пехотными дивизиями русской армии (Б.П. Шереметева, Л.-Н. Алларта и С. Ренцеля), а 26 сентября фельдмаршал лично сообщил царю о положении дел в городе и предпринимаемых действиях по организации разведывательно-диверсионной деятельности. «Застал я

здесь <...> Рена с двумя полками драгунскими, которого мы тогож часу отсюда отправили, придав ему 3 000 казаков гетманских, которые при нас были, приставя к оным адъютанта моего Вельяминова для лучшего управления. И велели ему <...> со всяким поспешением розведав, где неприятель обретается, и упредя его, и соединясь с Инфлантом, держать онаго в лесах, на реках и переправах всеми силами»⁴⁶. Примечательно, что на данном этапе в войсковой разведке особое место занимала служба адъютантов. Неслучайно фельдмаршал отправил именно своего адъютанта для проведения этой акции, так как он нужен был для «лучшего управления».

В дальнейшем совместно действующие отряды К.Э. Ренне и Н.Ю. Инфланта должны были предотвратить беспрепятственное продвижение подразделений противника к ближайшим малороссийским городкам. В это же время дивизионным пехотным подразделениям необходимо было во что бы то ни стало опередить врага и занять своими гарнизонами позиции в крепостях Северщины. С этой целью с 26 на 27 сентября 1708 г. пехота снялась со стоянки и двинулась на юг, все глубже в земли Гетманщины.

В результате оперативных действий царских войск шведская армия во время вступления в Северскую Украину встретила большое число затруднений для своего продвижения. В итоге ей пришлось сделать не временную, а длительную остановку на марше с 24 сентября по 10 октября 1708 г. и потерять динамику наступательного марша. В инициативах шведского командования стало наблюдаться запаздывание за действиями противника, так как русские войска начали обыгрывать противника на несколько шагов вперед. Одна из причин тому была опустошительная «скифская» тактика на пути движения врага. Еще 10 сентября 1708 г. пастор Й. Нордберг отмечал, что королю пришлось «оставить его (противника. — С. И.) и не следовать за ним дальше, прежде всего потому, что мы в течение нескольких дней марша ощущали сильный голод, тем более что враг перед нами опустошал и грабил города и села и практически ничего не оставил, что могло бы послужить для поддержания жизни»⁴⁷.

К этому времени дороги, идущие через густые болотистые леса, и так труднопроходимые, были испорчены, а мосты и переправы разрушены, малонаселенная территория была совершенно «опустошена»⁴⁸. Задержки в марше происходили под угрозой постоянных атак со стороны легких отрядов русских войск, которые методично беспокоили противника на флангах и в тылу. Добавлял трудностей шведам и избранный Карлом XII способ обеспечения армии продуктами и фуражом с помощью реквизиций, при полном отсутствии магазинной системы. Полагаем, что мнение исследователя методики ведения партизанской войны конца XIX в. Ф.К. Гершельмана ошибочно: он считал неблагоприятными условиями для ведения разведывательно-дивер-

сионной деятельности положение, когда партизанские действия могли быть направлены только на уничтожение запасов на территории, которую контролировал противник⁴⁹.

«Жолкевская» стратегия в Левобережной Украине

Для выполнения поставленной цели петровские войска использовали методы диверсионного воздействия на противника согласно плану, разработанному в Жолкве, но теперь уже на своих территориях. Русское командование высоко оценило стратегическое значение предстоящего театра военных действий в Левобережной Украине, который представлял собой обширное пространство. Территория Гетманщины в то время была большей частью пустынной и не густонаселенной (одно поселение на 38 кв. км и один город на 327 кв. км⁵⁰). Шведский солдат Х. Гассман вспоминал о движении войск Карла XII по Северной Украине: «На 40 миль пути все деревни были сожжены, все съестные припасы и фураж испорчены, так что мы не нашли там ничего, кроме голой пустыни и лесных пространств <...> Мы находились в опустошенной стране»⁵¹.

Жолкевская стратегия продолжились и после пересечения шведской армией границ Российского государства, так как в территориально выгодных условиях еще успешнее можно было использовать так называемую «тактику выжженной земли». На землях Северной Украины, которые первыми были заняты войсками Карла XII, русские кавалерийские отряды действовали по принципу «неприятеля предварять и оному поход запрещать сколько где будет возможно»⁵². Выполняя поставленные задачи, диверсионные отряды русских войск должны были масштабно и планомерно зачищать территорию на пути движения противника, чтобы искусственными препятствиями замедлить его марш. Ставя 18 сентября 1708 г. задачу командиру разведывательно-диверсионного отряда Ф.О. Бартеневу, который шел вдоль дороги к Стародубу, опережая авангард противника, Петр I требовал «взяв конечно у неприятеля перед <...> оному препятствуйте на всех пасах, тако ж засеканием лесов и пожиганием деревень»⁵³.

Не имея возможности удержать противника на переправах, русские войска пытались хотя бы задержать переброску его войск через реки приведением в негодность мостовых конструкций. Нельзя утверждать, что русское командование осуществляло тотальное разрушение «всего и вся» на линиях коммуникаций, не задумываясь о последствиях такого отношения к важным территориальным ресурсам. Там, где позволяла оперативная обстановка и условия местности, русские инженеры приводили стратегически важные объекты лишь во временную негодность, которая должна была доставлять проблемы

только противнику. Еще летом 1708 г., при отступлении, русское командование приказало разобрать и подтопить в скрытных местах мостовые переправы в Дубровне, Копысе, Шклове, Александровичах и Могилеве, а офицерам, руководившим этими работами, зафиксировать на картах места затопления⁵⁴.

На данном этапе Полтавского периода Петр I вновь сумел устроить для противника настоящую «скифскую войну» с хорошо организованным отступлением, поддерживаемым налетами и засадами на врага, которая в итоге разрушительно действовала на традиционный шведский способ тылового обеспечения. Выбранная русскими войсками оборонительная схема не позволяла шведам постоянно преследовать отступающую петровскую армию, которая к тому же, покидая районы на пути движения противника, уничтожала все запасы продовольствия и инфраструктуру обеспечения, что приводило к голоду в лагере Карла XII⁵⁵.

В реляции, составленной шведским рейтаром П. Шенстремом на основе воспоминаний о «русском походе» Карла XII, автор подробно рассказывал о тех лишениях, с которыми приходилось мириться солдатам короля во время марша по Северной Украине, когда они продвигались по территории опустошенной русской армией «жолкевскими» методами. В частности, П. Шенстрем вспоминал: «Невозможно передать то, какие страдания познала армия на этом пути. Большая часть полков ела хлеб, который она взяла с собой еще с зимних квартир, а после переправы короля через Борисфен (Днепр. — С. И.) у них уже не было никакой возможности найти что-то еще, поскольку вся местность здесь была полностью разграблена и опустошена»⁵⁶. Посол Франции Ж.-В. де Безенваль, находившийся в ставке шведского короля, сообщал французскому агенту в Швеции С. Коломбу о положении шведской армии в Северщине: «Недостаток продовольствия становится ощутительным главным образом потому, что не только ничего нельзя найти в квартирном районе, но и удалиться от него опасно, благодаря (неприятельским) разъездам»⁵⁷.

Драгуны и иррегулярная конница из отрядов генерал-лейтенанта К.Э. Ренне, генерал-майоров Н.Ю. Инфланта и Г.С. Волконского, царских адъютантов Ф.О. Бартенева и А.И. Ушакова применяли в своих действиях тактику «выжженной земли» и строго выполняли задачу командования — ни грамма продовольствия врагу. Для достижения цели они не жалели и своих ресурсов. В случаях, когда что-то невозможно было вывезти, оно сжигалось. Тот же Ж.-В. де Безенваль сообщал, что «калмыки сожгли и разорили все окрестности и даже свою собственную страну, поджигая хлеб на корню и ничего не щадя»⁵⁸.

Помимо тотального уничтожения, русское командование требовало от местного населения неукоснительного соблюдения требования о запрете поставок продуктов питания во вражеский лагерь. Приказы царского прави-

тельства прямо указывали на недопустимость сотрудничества с шведскими оккупационными войсками, а «ежели такие люди где явятся, и их прикажите ловить и вскоре вешать»⁵⁹. Контроль за соблюдением этих мер возлагался на представителей власти и командиров сторожевых отрядов и разъездов на линии соприкосновения с противником. 21 октября 1708 г. И.С. Мазепа сообщал в письме А.Д. Меншикову, что в борьбе с агитацией противника он имеет «бодрое око и люде здешние ничего в обозы неприятелские не возят»⁶⁰. Нарушавшие установленные правила задерживались и подвергались строгим наказаниям. Например, атаманом местечка Рашевка был захвачен мелкий торговец «жид-крамарь» (мелкий торговец, лавочник. — *С. И.*), который торговал в шведском лагере⁶¹.

Преследование лиц, сотрудничавших с противником, велось повсеместно и продолжалось не только после окончания Полтавского периода, но и после окончания Северной войны. Например, в 1726 г. в Генеральной войсковой канцелярии при Малороссийской коллегии велось расследование в отношении священника Афанасия Иванова из села Галки Красноколядинской сотни Прилукского казацкого полка, который «во время приходу шведского лубенского полку в город Рамен (Ромны. — *С. И.*) возил три воза солоду, меда две кадки, шесть пар кур <...>, и продал солод и кур шведом». Проводившим следствие лицам необходимо было выяснить, «подлинно во время шведского в Малою Росию приходу не был ли он поп в подозрении в причине измены или другие какия подозрения за ним попом имеетца или в числе добрых людей»⁶².

Кроме продовольствия для диверсионных атак русским командованием был выбран еще один ценный ресурс в обеспечении армии — жилые постройки, которые можно было использовать для размещения личного состава и лошадей. В преддверии наступающих осенне-зимних холодов, когда войскам становилось крайне необходимым обладание местами для укрытия, Петр I потребовал от подчиненных предотвратить получение противником не только продуктов, но и крыши над головой: «Не точию хлеб или фураж, но и строенье жгите, (дабы п)од сей холодной час неприя(тель не и)мел ничего себе выгодно»⁶³. Ведь расположение на зимних квартирах подразумевало не только питание, но и комфортное размещение военнослужащих в жилых постройках, а также и их лошадей в удобных укрытиях с достаточным количеством фуража.

Отсутствие зданий и помещений в первую очередь сказывалось на здоровье личного состава и животных, ведь лечение и уход за больными требовали дополнительных затрат времени и сил. Исходя из этого, диверсанты русских войск, выполняя указания командования, уничтожали все, что могло использоваться для жилья. Причем подлежали зачистке не только единичные здания,

но и целые районы, с тотальным уничтожением деревень и селений. Упреждая движение шведских войск, русская кавалерия тщательным образом опустошала территорию на пути движения врага и превращала ее в безжизненную пустыню. Перед приходом врага не просто разрушались здания, а уничтожались все источники жизненных ресурсов: источники питьевой воды приводились в негодность (разрушены, закопаны, забросаны падалью), угонялся скот, выжигались плодоносные сады и поля с неубранными посевами. Пленный шведский поручик Амбеуер Молин сообщал на допросе о больших потерях шведов осенью 1708 г.: «Как-де они шли от Смоленского рубежа к Украине, и у них-де из войска от голоду и от нужды померло с 4 000 человек»⁶⁴.

Рассредоточенные по региону диверсионные отряды быстро перемещались от одного населенного пункта к другому, выводили из него жителей и сжигали постройки. Адьютант А.И. Ушаков 29 сентября 1708 г. сообщал Петру I, что «генерал майор Инфлант к Стародубу пришел (28 сентября. — *С. И.*); под неприятелем ныне на переди дровни (деревни. — *С. И.*) жгут»⁶⁵. Сам же Н.Ю. Инфлант писал царю, что «против данных пунктов от Вашего Величества деревни жгу»⁶⁶, а действовавший с ним совместно капитан-поручик Ф.О. Бартенев докладывал А.Д. Меншикову о проведенных диверсиях своего отряда, что «деревни и мельницы кругом неприятеля все палили»⁶⁷.

Еще один источник сведений об этих событиях и тактике действий диверсионных отрядов находим в мемуарах шведского генерал-квартирмейстера А. Гилленкрока. Сохранилась его запись от начала октября 1708 г., в которой, кроме прочего, шведский генерал объяснял еще одну причину медлительности действий авангардного отряда А. Лагеркрона: «Король спросил еще: «Почему он (А. Лагеркрона. — *С. И.*) не восприпятствовал неприятелю жечь деревни?» Майор отвечал: «Генерал старался воспрепятствовать тому; но неприятель везде скрывался от шведов, и зажигал деревни, лишь только мы приближались к ним. Все это было произведено с такой скоростью, что генерал ничего не мог сделать, несмотря на все старания»»⁶⁸.

При отступлении русское командование осматривало и подготавливало к предстоящей малой войне не только деревни и села, но и небольшие городки (местечки⁶⁹) Северщины. Это делалось для того, чтобы правильно оценить их возможности к сопротивлению на случай атаки со стороны вражеских войск⁷⁰. Слабые в фортификационном отношении населенные пункты подлежали уничтожению. В своих указаниях Петр I конкретизировал эти требования: «Все <...> пред неприятелем жечь, не щедя отнять ничево [а именно знатных мест (городков. — *С. И.*)]»⁷¹.

Как уже говорилось, жолкевская стратегия была безжалостна не только к чужим, но и к своим. Те материально-финансовые потери, которые понесла Левобережная Украина в 1708–1709 гг. можно оценить после сопоставления

данных по сборам в Малороссийский приказ за 1701 и 1709 гг., приведенных в работе М.Е. Слабченко. Если в 1701 г. в казну из Гетманщины было получено 91 358 рубля, то в 1709 г. всего 3 762 рубля⁷². В работе Н.И. Костомарова при описании событий в Северщине осенью 1708 г. процитировано несколько документов, в которых содержались жалобы местного населения на тяжелое положение в охваченной подготовкой к малой войне территории: «А войска великорусские всюды в полку Стародубском палют, разоряют и рабуют, от чого многое в народе и в войске происходит роптание»⁷³, «Стародубские жители осведчили (сообщили. — С. И.) им (старшине Прилукского полка. — С. И.) и <...> сами с душою поуходили, дома и пашни все пожаром спалени, а иные розграблени»⁷⁴).

Нельзя сказать, что царское правительство не интересовала дальнейшая судьба населения тех районов страны, которые попадали под так называемую «зачистку». Жители подлежащих уничтожению городков, местечек и сел предупреждались об этом заранее. Петр I лично указывал Б.П. Шереметеву, чтобы он, перед тем как принимать меры к ликвидации того или иного населенного пункта, «в городе дал знать неперед жителем, чтоб убрались»⁷⁵. Каждый житель, попавший в такую сложную ситуацию, имел право на переселение в любой город или деревню Российского государства («Здесьние жители до прибытия нашего ни в чем не убирались, и я <...> им ныне предложил, дабы выходили вон ко Брянску или кто куда похочет х крепким местам»⁷⁶).

Выбор места жительства был личным правом каждого, а правительство гарантировало соблюдение этих правил для покинувших свой дом обывателей и «принятии их с их пожитками везде, где они пожелают»⁷⁷. За соблюдением этих мер («жить без возбранения») строго следили представители царского правительства на местах — воеводы и коменданты⁷⁸. Беспрепятственное размещение пожелавшим занять новое место жительства должны были обеспечивать и представители казачьего управления на территориях подчиненных им полков. Например, Г.И. Головкин писал 22 ноября 1708 г. в Слободскую Украину ахтырскому полковнику Ф. Осипову, что «которые малороссийских городов и сел жители <...> похотят <...> жить [в] вашем полку, и их прикажите принимать и двory отводить и утеснения им никакова не чинить»⁷⁹.

В поисках спасения жители Северщины покидали нажитые места, чем оказывали дополнительное содействие русским диверсионным отрядам⁸⁰. Входящие в разрушенные населенные пункты шведские войска не могли найти не только что можно было реквизиовать, но и у кого это сделать. Ф.О. Бартенев 24 сентября 1708 г. докладывал Петру I о выполнении населением Северщины указаний русского командования по эвакуации из мест соприкосновения с противником. В частности, он писал, что «черкасы сбираютца по городкам, и в леса вывозят жены и дети, и хлеб по ямам хоронят

<...>. А я сказывал по указу твоему черкасом, чтоб они хлеб и скотину неприятелю не оставляли, а которые оставят и то все будет позжено; и они биричем (глашатаем. — *С. И.*) кликали на рынке, чтоб все ведали»⁸¹.

Об общих настроениях среди населения Малороссии Ф.О. Бартенев писал Петру I 26 сентября 1708 г.: «Черкасы нам верно служат: неприятелю правиянту никакова продавать не возят и все бегут по городкам и по лесам»⁸². К тому же более сознательная и активная часть малороссийского населения принимала участие не только в проведении диверсий на пути следования противника, но и в налетах на отдельных военнослужащих армии врага. Тот же Ф.О. Бартенев в письме к А.Д. Меншикову сообщал: «А от черкаса худова ничево нет, служат верно, и шведам продавать ничево не возят, а по лесам, собрася компаниями, ходят, и шведов зело много быют, и в лесах дороги зарубают (делают засеки. — *С. И.*)»⁸³.

С первым появлением солдат Карла XII в Северной Украине в расположение русской армии стали прибывать жители населенных пунктов, лежащих на пути следования шведской армии, с сообщениями о движении вражеских войск через населяемую ими территорию. В сложившейся обстановке горожане и крестьяне выполняли роль внештатных шпионов русского командования. Их сознательность и наблюдательность позволяла петровским офицерам, командирам летучих отрядов, иметь дополнительный источник разведывательной информации. Документы подготовительного этапа Полтавского периода содержат многочисленные сведения об оказании помощи местными жителями русскому командованию в шпионской деятельности на занятой шведскими войсками территории. Приведем некоторые из них.

20 октября 1708 г. войт (управляющий. — *С. И.*) села Шептаки Алексей Опоченок на допросе в походной Посольской канцелярии рассказывал, что, когда этот населенный пункт заняли шведские солдаты, он ушел в Новгород-Северский, где сообщил об увиденном сотнику Журовченку, «и сотник ему сказал, что хател послать проведовать какие люди». Когда А. Опоченок вернулся в село, то там находился «мазепинец» Иван Быстрицкий, который выступал посредником при переговорах гетмана И.С. Мазепы и Карла XII. Он же «сказал швецкому генералу, что можно москвичь побить и велел ему, войте, отвесь швецких людей на дорогу, которою идут от Камня в Новгородок московские люди». Выполняя эти указания, А. Опоченок «привел и поставил их от Новгородка в миле на мельнице. А сам он, войт, поехал в Новгородок и приехал на отводной караул, сказал козакам, что швецкова войска тысячь с пятнаць стоят в Шептоках и на дороге у мельницы»⁸⁴.

24 октября 1708 г. в ставку русского командования поступили расспросные речи жителя того же села Шептаки Романа Якимова, в которых сообщалось, что в этот населенный пункт пришли «нечаяно о полудни шведы конницею

<...> И которые-де из них, шведов, стали на дворе ево, Романове, послали ево, Романа, покупать вина, которое о том же селе продают». Но Р. Якимов не спешил выполнять указания шведов, оседлав лошадь, он покинул село и «ушел ис того села в Новгородок, куда приехав, сказывал тамошним жителям о приходе шведов в Шептаки <...> то ево тамошние жители привели <...> к полковнику Григорию Чернышеву»⁸⁵.

Проанализировав доставленную жителями Шептаков информацию, русское командование направило к этому населенному пункту разведывательно-диверсионный отряд для налета, о проведении которого капитан-поручик Е.Ю. Маврин докладывал 30 октября 1708 г. Петру I: «Была партия послана <...> под неприятеля под веску Шаптахы, и неприятель из той деревни рушился, и оная партия нашли на отводной неприятельской караул и несколько неприятелей убили и взяли хлопца ротмистра швецкого»⁸⁶. Таким образом, получаемые вовремя от местных жителей разведывательные сведения позволяли русскому командованию упреждать действия неприятеля и разрабатывать оборонительные и наступательные операции в ходе подготовки к малой войне.

В работе о взаимоотношениях великороссийской военной администрации и населения Чернигова в 1708 г. К.А. Кочегаров отметил, что в период подготовки Гетманщины к наступлению шведской армии, те меры, которые предпринимала русская армия в малороссийских городах (инженерные работы по укреплению городов, сбор провианта для царских войск), должны были поднять волну возмущений среди населения края. Но этого не происходило в массовом порядке и источники не отмечают таких фактов. Например, разрушение для обороны крепости части построек в городской черте Чернигова осенью 1708 г., которые должны были вызвать протест среди мещанства, не стали поводом для выступлений против российских властей даже после перехода И.С. Мазепы на сторону шведского короля⁸⁷.

Царь и русское командование следили за соблюдением в рядах армии дисциплины и жестоко боролись с обыденными для войн XVII–XVIII вв. грабежами и насилием. Чтобы смягчить урон, наносимый диверсионной деятельностью жителям Северской Украины, Петр I требовал от личного состава летучих отрядов не делать лишних и необоснованных разорений. О выполнении этих требований Г.И. Головкин сообщал 5 октября 1708 г. царю: «Малороссийской <...> народ, как мочно, оберегаем и до озлобления не допускаем. И для того господин фельтмаршал <...> учредил по маеору, дав им инструкции с полною мочью, дабы смотрели, чтоб ни от кого из войск обид и разорения чинено не было, и кто в том злочинец сыщется, тех велено для постраху иным казнить смертью»⁸⁸. Аналогичные указания содержатся в приказе А.Д. Меншикова от ноября 1708 г., распространяемом среди войск, вступивших на территорию Гетманщины: «Кои афицеры за фуражем командированы

будут и тем под потеряннием живота приказывать, дабы над драгунами накрепко смотрели, чтоб <...> кроме фуражу, до иного ни до чего не касались»⁸⁹.

Но, несмотря на все принимаемые меры, для рядового русского солдата, донского казака или калмыка большой разницы между лифляндцем, поляком и малороссом не было⁹⁰. Такие злоупотребления на местах неоднократно имели место в годы Северной войны, о чем говорят многочисленные свидетельства и документы того времени⁹¹. Например, еще в мае 1708 г. Я.В. Брюсом велся розыск по факту произведенных разорений Друцкого князя пана Любецкого отрядом майора Болобанова (казаки и калмыки), который гнал драгунских лошадей через его имение. Я.В. Брюс писал 10 мая Б.П. Шереметеву: «Не легко кто поверит, какие пакости оный майор наделал, и <...> немалая мне противности чинил, и многих наших извощиков бил, и одного поляка проколол»⁹². Да и к тому же сами малороссыяне, находясь в Лифляндском походе на начальном этапе Северной войны, когда они слабо различали шведского подданного (чухонца) и россиянина (жителя приграничной полосы), занимались грабежами и разорениями на территориях Российского государства. В мае 1701 г. гетману И.С. Мазепе поступило указание о том, чтобы малороссийские разные люди не чинили «разорение и непристойные поступки» жителям Псковского уезда, а также о наказании тех лиц, которые были уличены в грабежах⁹³.

В оправдание позиции русского командования, которое было направлено на уничтожение инфраструктуры малороссийских поселений, можно сказать, что действия петровских войск, конечно же, были не жестокостью по отношению к местному населению, а вынужденной мерой, которая в случае мягкости приводила к печальным последствиям. В подтверждение этого приведем пример. Небольшой городок Мглин, находившийся на пути движения шведской армии, 24 сентября 1708 г. был атакован отрядом противника в 500 человек⁹⁴. Гарнизон крепости (300 драгун и 1 000 жителей) отбил штурм, но за невозможностью дальнейшего сопротивления, как говорится в летописи, «все з городка выступили в лесы»⁹⁵. Городок, ввиду невозможности удержания, решено было уничтожить. Граф Б.П. Шереметев сообщал царю 1 октября 1708 г., что «из местечка Мглина черкасы выбежали вон. И я указ к Рену послал, дабы, пушки и порох ис того местечка вывезчи, оное зжеч, понеже оное близко швецкого лагару и удержать его невозможно. Так же на будных заводах хлеба с 4 000 чети, посланой пехоты афицер зжег же, понеже ис тех мест невозможно ни по которой мере того хлеба к нам припровадить было»⁹⁶.

Несмотря на четкие указания, по невыясненным причинам Мглин не был вовремя уничтожен отступающими отрядами. То ли по нерасторопности командиров диверсионных отрядов, то ли в связи с быстрым приближением к городку превосходящих по силе вражеских войск. В итоге противнику удалось

закрепиться в этом населенном пункте и Мглин поступил в полное распоряжение шведских квартирмейстеров: «Неприятельское войско немалое себе довольство во всем от Мглина получило»⁹⁷.

Исходя из вышеизложенного, те трудности, которые создавались диверсионными действиями и которые испытывало местное население, не идут ни в какое сравнение с теми тяжелейшими условиями, в которых оказалась шведская армия в Северской Украине. Впечатлениями о русской тактике «выжженной земли» солдаты и офицеры Карла XII делились в письмах, дневниковых записях и мемуарах. Шведская исследовательница А. Ларсдоттер приводит выдержки из дневника прапорщика Далекарлийского пехотного полка Андерса Пилстрема, который в 1708 г. писал, что шведская армия ожидала получить в Украине изобилие ячменя, ржи, пшеницы, овса, смолы, зерна, льна, конопли и табака, но вместо этого получила «плави́льный котел наси́лия и огня»⁹⁸.

Полковой пастор Вестерман сообщал в своем дневнике, что, вступив в Северские земли, семь дней войска Карла XII шли через труднопроходимые болота и леса⁹⁹. В пути противнику приходилось разбирать завалы и убирать лежащие через дорогу деревья, срубленные русскими диверсионными отрядами¹⁰⁰. Шведский дезертир Гендрик Нейман на допросе в сентябре 1708 г. рассказал, что шведские войска «шли все по местам горелым, которые сожжены от росийского войска»¹⁰¹.

В 1708 г. после пересечения границ Российского государства для формирования новых планов шведскому командованию была необходима разведка театра военных действий, чтобы правильно оценить силы царской армии и выбрать направление удара. В свою очередь русскому командованию пришлось принимать ряд контрразведывательных мер. Например, предотвращались попытки прохода католических и униатских священников¹⁰², которые собирали сведения для шведской армии и войск С. Лещинского, с территории Речи Посполитой в места дислокации русских воинских частей. В записках драгунского капитана русской армии С. Куроша упоминалась инструкция царя дозорным отрядам русской кавалерии, в которой строго указывалось «всех иноземных немецких попов, аки окажетца не пускать через кордоны и гнать, а ежели будут лукавством проходить, то бить и поступать с ими жестко»¹⁰³.

Все перемещения по театру военных действий проходили под строгим контролем со стороны русского командования и командиров на местах. Для свободного и безопасного прохода лояльным к русской армии лицам необходимо было получать у ответственных на том или ином участке представителей царского командования специальное разрешение на перемещения по театру военных действий — «паспорт», «подорожную» или «охранный лист». Например, подобный «паспорт» за подписью князя А.Д. Меншикова был

выдан 16 марта 1705 г. двум торговцам С. Гарабурде и Г. Рудскому, которые следовали по указу К.С. Радзивилла через Смоленск к Москве. В нем указывалось «господам генералом, полковником и прочим вышним и нижним афицером, и ныне в Великом Княжестве Литовском с войсками его царского величества на станции обретающимся», не чинить предъявителям сего документа никаких препятствий в проезде¹⁰⁴. Похожий «охранный лист» для свободного прохода ксендза Я. Храновского (ректора Несвижского монастыря) к Несвижу через зону, контролируемую русскими войсками, был составлен 15 января 1708 г. генералом Г. Гольцом¹⁰⁵.

Контрразведывательная деятельность русской армии приносила свои результаты. 1 октября 1708 г. недалеко от Стародуба был задержан шведский шпион волынец Якуб Улашин, при котором находилось письмо от сопровождавшего в походе Карла XII польского генерала С. Понятовского к гетману И.С. Мазепе¹⁰⁶. Письмо не указывало на прямую связь между адресатами, поэтому для гетмана оно не стало роковым, но тем не менее Г.И. Головкин, как цитировал Н.И. Костомаров, требовал от малороссийского населения усиления бдительности в сложившейся обстановке («Зело надобно смотреть, дабы каких факций не учинил король шведский в народе малороссийском»¹⁰⁷). Тем более что контрразведывательных мер требовала и внутривнутриполитическая обстановка в Гетманщине, сложившаяся после перехода И.С. Мазепы на шведскую сторону. Особенно же она обострилась во время так называемой «информационной войны» — универсалов и манифестов, распространяемых противоборствующими сторонами среди местного населения на театре военных действий и смежных территориях. Агенты И.С. Мазепы, направленные в Заднепровские городки (Чигирин, Корсунь, Богослав и другие) с призывами поддержать антиправительственный мятеж, в большинстве своем были задержаны и направлены в Киев к губернатору Д.М. Голицыну для допросов¹⁰⁸.

Кроме разведки и контрразведки, с таким непредсказуемым противником, каким являлись Карл XII и его армия, от русского командования требовались высокая бдительность и организованность в несении сторожевой службы, особенно в местах близкого соприкосновения с противником.

Сделав определенные выводы из неудач первого года Северной войны¹⁰⁹, к началу Полтавского периода русское командование стало уделять гораздо больше внимания сторожевой службе, наблюдавшей за перемещениями шведских войск в Гетманщине. Так, в письме Б.П. Шереметева, Г.И. Головкина и Г.Ф. Долгорукого к Петру I от 15 октября 1708 г. говорилось, что из состава основных сил армии послали «отсюды (из Погара. — *С. И.*) две дивизии для удержания пасов на реке Вабле, отсюды до трех миль. А от самого Стародуба велел стоять и розьезды иметь з драганиею (драгунами. — *С. И.*)

<...> Инфлянту. А <...> Голцу с шестью драгунскими полками разсудили мы за благо иттить позад неприятелской ариергардии, которая еще в малых милях от Почепа обретається, для опасения, дабы неприятель не поворотился паки к Почепу»¹¹⁰. Здесь же сообщалось, что, помимо наблюдения за противником, силами разездов захватывались «языки». «А подъезды наши непрестанно <...> с неприятели видятся сшастливо и приводят офицеров и рядовых в полон»¹¹¹ для получения дополнительных разведывательных сведений.

Чтобы усилить воздействие на неприятеля, к сторожевой службе были привлечены дополнительные силы гетманских казачьих отрядов, которые находились в непосредственной близости от противника и кроме наблюдения иногда производили налеты из засад. 16 октября 1708 г. граф Г.И. Головкин ставил задачу И.С. Мазепе на организацию сторожевой службы казачьими подразделениями: «Легкому войску <...> стать между Стародуба и Чернигова, от неприятеля милях во шти (шести. — *С. И.*), или как прилично, и онаго подъездами обезпокоивать и тем ему ущерб приключить»¹¹².

Захват русской армией ключевых объектов в Северной Украине (октябрь 1708)

По мере продвижения шведских войск вглубь Северной Украины русская тактическая разведка повсеместно отслеживала их наступательные действия. Разведывательно-диверсионные отряды К.Э. Ренне, Н.Ю. Инфланта, Ф.О. Бартенева и А.И. Ушакова вели свою деятельность в непосредственной близости от шведских войск, которые они продолжали конвоировать на марше. Помимо разведки, на пути следования войск противника русские отряды делали точечные налеты на отдельные подразделения врага, параллельно продолжая зачищать ближайшую к нему территорию. В одном из многочисленных докладов разведчиков в ставку командования сообщалось, что «из деревни Рюхово оное войско (шведское. — *С. И.*) пошло на Почепскую дорогу, и я (Н.Ю. Инфлант. — *С. И.*) с оными шел от утра после полудни 2 часа, розстоянием меж нами четверть версты. И идучи через переправу, стрелялись во весь путь, а деревни и мельницы, идучи против оногo жег, а где были на переправах чрез речки и болотцы мосты и гати, розбросал»¹¹³.

Действия отряда Н.Ю. Инфланта способствовали главной цели — задержать движение противника. В том же письме он сообщал: «И оной неприятель стал на Почепской дороге в деревне Бороздине. А я с полками буду начевать от оногo неприятеля полторы мили в деревне Артюшковой и буду смотреть на его оборот <...> А как оной неприятель рушитца, и я против оногo пойду и в пути всякие помещение (трудности. — *С. И.*) ему чинить, сколько могу, буду»¹¹⁴.

Курсируя возле неприятеля, отряды русской конницы налетали на отдельные подразделения противника и, нанеся удары, отступали, чтобы, собравшись с силами, произвести нападение вновь, и так по несколько раз. То есть можно сказать, что на данном этапе русская кавалерия успешно использовала старый тактический прием «воронья стая», когда из-за многочисленных колющих атак и быстрых отступлений противник задерживал свой марш, утомлялся и терял инициативу.

Летучие отряды русских войск не только вели разведку перемещений противника, но и при благоприятных условиях проводили налеты и засады, которые оказывали морально-психологическое воздействие на солдат и офицеров противника. Объектами таких атак становились отставшие или заблудившиеся небольшие подразделения вражеских войск, фуражиры, а также военнослужащие, расположившиеся на привале, при слабо организованной сторожевой службе. Подробности одного из таких налетов можно почерпнуть из расспросных речей шведского военнослужащего Г. Неймана: «Напали на них российские волохи, и несколько телег обозу их взяли, и драгунов порубили <...> А как бои стали с российском войском случаться, то от страху оне принуждены были лошадей не розседловать и не вынуждавать, отчего многие лошади от безкормицы и от непокою попадали»¹¹⁵.

Из изложенных Г. Нейманом сведений видно, что помимо силового воздействия стремительные налеты русской конницы оказывали на противника мощное психологическое воздействие. Русский посол в Дании В.Л. Долгорукий в октябре 1708 г. сообщал Г.И. Головкину, что «все приезжие офицеры из обозу шведского в Стокгольм единогласно сказывают, что привеликую терпят обиду от партий <...> а особенно от калмыков и казаков, которые им выпатца не дадут. Времянем принуждены болши недели по две и денно и ночью быть одетыми; и по фураж выехать не дадут»¹¹⁶. Будучи к концу сентября 1708 г. уже измученными долгими переходами, солдаты и офицеры Карла XII были вынуждены под угрозой внезапных нападений делать длительные остановки, терять время и находиться бессонными ночами в постоянной боевой готовности, при этом они теряли силы от изнеможения.

Одна из таких вынужденных стоянок шведской армии в местечке Костеничи с 24 сентября по 10 октября 1708 г. позволила отряду Н.Ю. Инфланта форсированным маршем¹¹⁷ пройти к городу Стародубу и 29 сентября усилить его гарнизон¹¹⁸. В это же время основные силы во главе с Б.П. Шереметевым вошли в Почеп, откуда для сообщения с отрядом Н.Ю. Инфланта был послан генерал К.-Э. Ренне. Совместными действиями эти отряды должны были удержать Стародуб, продолжая силами небольших партий вести разведку и диверсии, замедляя движение неприятеля через густые леса Северского края и на переправах.

Как констатировали сами шведы, из занятых русскими войсками населенных пунктов — Стародуба и Почепа — русское командование высылало летучие отряды для наблюдения за маршем королевской армии, точечных ударов по транспортным обозам и уничтожения селений на пути их продвижения. О проведении разведывательных операций силами конных отрядов, направляемых из Стародуба, сообщал Г.С. Белавин: «От реки Сожи имели марш на Украину с баталионом Нарвского ж полку под командою господина полковника Астафьева в Стародуб, в котором были в осаде от армии шведской, из которого командирован я был с казаками в партию для языков к шведскому войску, и несколько шведов в полон взято и привезены в Стародуб»¹¹⁹. Об участии в этих операциях малороссийского казачества сообщал представитель старшины Нежинского казачьего полка Михайло Забела: «В городе Стародубе запершися, всякие промисли против неприятеля шведа делали»¹²⁰.

Кроме этого русским диверсантам удавалось максимально разрушать дорожные коммуникации на пути следования противника. Как сообщал Ф.О. Бартенев: «Идет король с корпусом в трех милях по млынской дороге к Стародубу, и по дороге в лесах было зарублено (искусственные завалы. — С. И.), затем остановился — дорогу очищают»¹²¹.

Всю первую половину октября 1708 г. Ф.О. Бартенев находился в Стародубе для «осмотру города и дорог»¹²². Регулярно выезжая в партии для разведки и захвата пленных («За помощью Божиею языков от шведов каждый день берем»¹²³), он наблюдал за действиями шведской армии, воинские подразделения которой располагались от Стародуба на удалении пяти километров и никак не могли решиться на штурм его укреплений.

В итоге, когда 16 октября 1708 г. Карл XII со своей армией проходил мимо Стародуба, он не стал делать попыток овладеть хорошо укрепленным и занятым русским гарнизоном городом («Король швецкой прошел Стародуб правой стороною <...> и спрашивают дороги <...> к реке Десне»¹²⁴). О последствиях для шведов потери Стародуба писал в мемуарах Й. Нордберг. В частности, он отмечал, что этот город был очень важен для королевской армии, так как являлся воротами в Гетманщину. «Кроме того, мы лишились зимних квартир, где армия могла бы найти в изобилии средства существования: все деревни были полны фуража, а города снабжены всем, что только можно было себе пожелать»¹²⁵.

Невозможность занятия Стародуба стала для армии Карла XII первой неудачей из череды многочисленных неприятностей, подстерегавших ее в Полтавский период. Следующая неудача постигла шведскую армию достаточно скоро, когда ее подразделения спешили захватить вторую важную крепость Северского края — Новгород-Северский. Согласно данным Королевского генерального штаба, этот город считался для шведов выгодной укрепленной

позицией для организации переправы через Десну¹²⁶. Неудача заключалась в том, что, воспользовавшись затянувшимся переходом вражеских войск, усиленный отряд во главе с полковником Г.П. Чернышовым быстрым броском занял Новгород-Северский и усилил гарнизон его крепости.

В это же время, отслеживая действия противника, разведчики русской армии двигались «с левую руку» от войск противника, стараясь опередить его колонны и двигаться перед его авангардом. Помимо сбора разведывательных сведений, при удобных обстоятельствах они производили налеты на части шведского обоза. Так, 20 октября разведчики Ф.О. Бартенева совместно с драгунами Н.Ю. Инфланта атаковали у речки Колисовки обоз еврейских маркитантов и охранявшую его шведскую пехоту «и взяли на том бою шведа и три человека жидов, и те языки сказали, что идет неприятель днем и ночью наспех»¹²⁷.

Двигавшийся в авангарде шведской армии отряд генерала К.Г. Крейца не смог выполнить поставленной королем задачи по захвату города, так как на полпути к месту назначения им были получены сведения о вступлении в город русских войск. И вновь, как и было у Стародуба, колонны основных сил шведской армии проследовали мимо Новгород-Северска, так и не решившись на штурм его укреплений: «Неприятельские люди, пехота, отошла от Новагоротка вниз по реке Десне верст шесть»¹²⁸. Отряды русских разведчиков по-прежнему наносили жालящие удары по войскам противника на марше, захватывая из рядов его колон ценных «языков». Бригадир И.Б. Вейсбах, который был командирован со своими драгунами в Новгород-Северский на усиление русской группировки в этом районе, сообщал о стычке с шведскими волохами, двигавшимися в авангарде и на флангах противника: «Когда мимо одного городка король шведский маршировал, и в те числа несколько от войска его королевского людей и ординарц-прапорщика в полон взято»¹²⁹.

Постепенно к занятому шведским авангардным отрядом плацдарму на берегу Десны подтянулись основные силы королевской армии и стали готовиться к форсированию реки. В свою очередь, русское командование внимательно следило за действиями противника и направляло для этого разведывательные отряды к шведским позициям. Драгун П.Н. Болтин из «Домового шквадрона» Б.П. Шереметева сообщал, что «будучи под Новым городком в 708-м году, и стоял неприятель в близкости чрез Десну-реку, и откомандирован был по две ночи в пешей партии ради проповеди, что не строит ли неприятель мостов и переправ к полкам Царского Величества»¹³⁰.

Подводя итог сентябрьско-октябрьским действиям шведской армии, согласимся с утверждением В.Ф. Куликовой, что последовательные потери Стародуба, Новгорода-Северского, а позднее и Батурина, стали стратегическими ошибками шведского командования уже на первом этапе военной

кампании в Гетманщине в 1708—1709 гг.¹³¹ В целом, если говорить об успешных действиях русской армии, можно процитировать представителей командования петровских войск: «Неприятеля тако упредили, что он не много пользы от такого трудного своего маршу, который он денно и ночью с разорением своего войска отправлял»¹³².

Удержание за русской армией ключевых населенных пунктов в Северной Украине не позволило шведским войскам закрепиться на выгодных позициях и сделать их плацдармом для марша на Москву, а получение так необходимых материальных ресурсов с территории, которая к этому времени была зачищена, уже было почти невозможным. Кроме этого, успешные действия русских войск имели еще и немаловажное политическое значение. В преддверии изменнических настроений среди малороссийской старшины, поддерживающих стремление гетмана И.С. Мазепы заключить союз со шведской короной, присутствие русских гарнизонов в городах Украины остерегало сомневающихся от неправильного выбора.

Если проанализировать операции отряда генерал-майора Н.Ю. Инфланта на этапе подготовки к Полтавскому периоду в целом, то можно считать его одним из ярких примеров успешного разведывательно-диверсионного подразделения русской армии. В общей схеме организации боевого применения войск во время осеннего отступления 1708 г. формированию Н.Ю. Инфланта удалось показать хорошие результаты. Капитан Псковского драгунского полка И.П. Богданов, действовавший под началом Н.Ю. Инфланта, сообщал в своей «сказке» об интенсивной разведывательно-диверсионной деятельности в этот период: «В команде с господином генералом Инфлянтом под Стародубом против генерала шведского Лагеркрона, где имели партиями многие потребности, тут же, под Стародубом, против Левенгопта, как шел из-под Лесной <...> в той же команде <...> опроче вышепомянутых разных местечек больше десяти раз партиями в каждой имел потребу»¹³³.

Действуя на пути движения основных сил шведской армии, Н.Ю. Инфлант задерживал своей диверсионной деятельностью движение неприятеля, что являлось немаловажным для организации всей оборонительной операции русского командования. Особая заслуга принадлежит самому командиру этой мобильной группы, о котором капитан-поручик Ф.О. Бартенев писал Петру I: «А господин генерал Ифлант зело нескучлив к службе, сам непрестанно в партиях»¹³⁴. Следует не согласиться с мнением легендарного разведчика П.П. Вершигоры, который утверждал, что действия кавалерийского отряда Н.Ю. Инфланта на том этапе Северной войны можно считать первым в истории войн мануфактурного периода нападением войскового отряда на тылы и коммуникации неприятеля¹³⁵. Но ведь к началу Полтавского периода русская армия уже набрала достаточно опыта и выработала определенную тактику в

ведении боевых действий таким образом. Действия миникорволанта Н.Ю. Инфланта не были единичны, так как в это же время такими же методами действовали и другие разведывательно-диверсионные отряды царских войск.

Можно с уверенностью утверждать, что к этому времени в русской армии сформировался мощный костяк офицеров, разведчиков-диверсантов, для которых малая война не была чем-то новым, а стала обычным ремеслом. Тот опыт и знания, которые были получены в допотопский период, особенно в Прибалтике (1700—1704), вновь были успешно использованы ими на практике.

С 26 октября 1708 г. основные силы русской армии возглавил лично Петр I, при этом царская главная квартира расположилась в Погребках (800 км от Новгорода-Северского), а войска разместились в окрестностях, где была наиболее выгодная позиция для летучих отрядов, которые периодически вступали в столкновения с передовыми разведывательными частями противника¹³⁶. Несмотря на удачное расположение русских сил на Северской Украине, командование армии Петра I не прекращало следить за перемещениями противника, который находился на данный момент в раздумьях о планах дальнейших действий и был способен на неожиданную смену маршрута со стремительным броском в места, где его появление было маловероятным.

Диверсионная операция против резиденции И.С. Мазепы в Батурине (октябрь 1708)

Политическая обстановка внутри Гетманщины в конце октября 1708 г. дестабилизировалась. Дело в том, что положение русской армии на ее территории усложнилось открытым переходом малороссийского гетмана И.С. Мазепы на сторону Карла XII. Об этой измене Петр I узнал 26 октября из письма к нему А.Д. Меншикова¹³⁷. В частности, ему стало известно, что укрепленная гетманская столица Батурин «заперлась» с верными И.С. Мазепе казаками, большими запасами продовольствия и боеприпасов в ожидании подхода к городу своих новых союзников — шведов. В этой сложной ситуации необходимо было принимать кардинальные меры, поэтому 30 октября 1708 г. на военном совете в Погребках было принято решение о захвате гетманской резиденции. Для выполнения этой операции был выделен специальный мобильный отряд под командованием А.Д. Меншикова, который 31 октября двинулся форсированным фланговым маршем к Батуруну с задачей убедить гарнизон сдаться¹³⁸.

Первоначальные переговоры с «батуринцами» не принесли успеха. Тем временем подразделения шведских войск уже приближались к городу. 31 октября 1708 г. Петр I писал А.Д. Меншикову: «Сего маменту <...> неприятель, пришед, стал у реки на Батуринском тракте, и для того изволь не мешкать»¹³⁹.

1 ноября из царской ставки в адрес князя поступило еще более тревожное письмо с указанием принять как можно скорее решительные меры в отношении Батурина: «Объявляем вам <...> Шведы перешли сюды (на левый берег Десны. — С. И.) <...> ежели сей ночи к утру или поутру совершить возможно <...> окончивайте»¹⁴⁰. Последние указания Петра I стали для А.Д. Меншикова сигналом к более активным действиям и открытому штурму гетманской столицы. Как сообщается в украинском «Летописце» об этих событиях, под угрозой скорого прибытия шведской армии, которая находилась в 6,5 км от Батурина и 1 ноября начала переправу через Десну, светлейший князь рано утром 2 ноября штурмом овладел гетманской столицей и полностью ее уничтожил ввиду невозможности удержания за собой¹⁴¹.

Две основные задачи этой диверсионной операции были достигнуты. Они сыграли особо важную роль в период подготовки к дальнейшим действиям в ходе малой войны:

1. враг потерял возможность пополнить запасы вооружения и продовольствия, а в распоряжении русской армии оказалось все, что И.С. Мазепа заготовил для шведских союзников: артиллерийские орудия, огнестрельное оружие, свинец, хлеб и вино¹⁴²;

2. акция устрашения имела мощное морально-психологическое воздействие и повлияла на сомневавшихся в своем выборе сторонников И.С. Мазепы.

В результате оперативности русского командования по подавлению диверсионными методами антиправительственного мятежа большая часть казачьей старшины передумала переходить на сторону шведских войск. В дальнейшем многие из последовавшей за гетманом старшины покинули его и обратились с покаянием к русским властям. В итоге сам И.С. Мазепа с сожалением констатировал: «Уже теперь в нашем несчастливом состоянии все дела иначе пойдут и Украина, Батурином уstraшенная, бояться будет едно с нами держать»¹⁴³. Если у лица, возглавившего мятеж против царской власти, возникли сомнения в успешности его предприятия, то что можно было говорить о рядовых жителях Гетманщины. Основная масса населения края осталась верной царю, а некоторые представители казачьей старшины, мещан и крестьян Левобережной Украины открыто выступили против мятежного гетмана и «мазепинцев». Так, например, Полтавские полковые есаулы К. Нащинский и В. Сухой, помимо личной поддержки царской власти, «ободрали» в том же полтавских мещан и казаков¹⁴⁴.

Несмотря на неоднократное обсуждение в украинской историографии этической стороны карательной акции устрашения под руководством А.Д. Меншикова в Батурине и выставления ее в ярком негативном свете¹⁴⁵, в данном исследовании это событие рассматривается в контексте ее значения как

диверсионной операции русских войск, повлиявшей на распределение сил в период Полтавской операции (1708–1709). В результате диверсионных действий русской армии противник был лишен жизненно необходимых припасов, а карательные меры в отношении защитников Батурина отрезвляюще подействовали на сознание новых союзников Карла XII, которые к тому же петровскими войсками воспринимались как предатели.

В данной ситуации было явно ошибочным и поведение шведского командования, проявившего медлительность в овладении гетманской столицей. Швед Н. Юлленшерн сокрушался в дневнике, что промедление королевских войск при движении к Батурину имело плачевные последствия («это было для нас большим несчастьем, потому что враг выиграл время, атаковал столицу Украины Батурин и взял ее штурмом»). В результате, по его мнению, те из малороссов, кто хотел перейти на сторону шведов, остались в своих домах, и даже большая часть тех, кто пришел с И.С. Мазепой в королевский лагерь, вскоре покинула его¹⁴⁶.

То есть и на этот раз, в очередном важном населенном пункте Украины инициатива была за русскими войсками, а противнику ничего не оставалось делать, как двигаться дальше в поисках удобных квартир для предстоящей зимней стоянки, так как осенний холод начинал сковывать активность противоборствующих армий.

На данном этапе Петр I столкнулся с еще одной проблемой. Русскому командованию было крайне необходимо выиграть схватку с противником за настроения местных жителей Гетманщины, так как ведение малой войны на территории с враждебно настроенным населением было бы весьма затруднительно. Кроме этого, складывавшаяся обстановка и уже установившиеся правила ведения малой войны требовали от командования принятия мер по развитию определенной активности среди жителей малороссийских городов, местечек и селений и возникновению партизанского движения на территориях, занятых войсками противника.

Как способ борьбы за лояльность местного населения царем была выбрана так называемая *информационная война* или, как это принято в отечественной историографии, «война универсалов 1708 года». Почти сразу после ликвидации Батурина 9 ноября 1708 г. Петр I издал специальную грамоту и манифест к малороссийскому народу. В этих документах содержался призыв организовать партизанское движение на занятых шведскими войсками территориях¹⁴⁷. В частности, от населения требовалось «всякую шкоду приключать, и загонами и по лесам, и переправам людей их (шведов. — С. И.) побивать и за веру православную, за святые церкви и за отчизну свою мужественно против оных стоять». Кроме этого, предъявлялись определенные требования, чтобы малороссияне «неприятелю отнюдь никаких живностей и хлеба и никакого харчу

не оставляли»¹⁴⁸. Для информирования широких масс общественности копии царских указов были размещены на стенах городских ратуш и сельских церквей.

После доведения до общественности этой информации в царскую ставку от казацкой старшины и местных жителей стали поступать письма в подтверждение верности и с выражением готовности к совместным боевым действиям против шведской армии¹⁴⁹. Большая часть малороссиян поддержала призыв русского правительства, а его активная часть приняла участие в малой войне и партизанском движении. В частности, в работе Е.В. Тарле цитируется документ, в котором сообщается, что осенью 1708 г. Нежинский казачий полковник писал в главную квартиру русской армии: «Из иных сотен казаки безмерно на неприятелей идтить желают, а ис тамошнего местечка жители ко мне присылают, чтобы Московского войска хотя бы малое число прибыло к ним для початку (начала. — *С. И.*) к поиску над неприятелем, а они-де, черкасы, в помощь на неприятели идти с ними всеусердно желают»¹⁵⁰.

Призывы к местному населению начать активные действия возникли тотчас после пересечения вражеской армией границ Стародубского полка. Еще до своего перехода на сторону шведского короля И.С. Мазепа сообщал в письме А.Д. Меншикову, что жителям Стародубщины послан универсал, в котором говорилось: «Всяк, хто токмо похочет, ишол против неприятеля для промыслу и для добычи». Тем более что условия для нападений были весьма благоприятными, так как вражеская армия «великую нужду и крайний голод терпит и по сторонам малолюдные купы (группы. — *С. И.*) от войска для приготовления корму отпускает, над которыми латво (легко. — *С. И.*) мощно промышлять и добыватца». При этом, гетман обнадеживал население, что любой вид захваченного имущества не будет изыматься у его нового владельца¹⁵¹.

Сведения об активных партизанских действиях населения Гетманщины появляются уже на предварительном этапе Полтавского периода. Во время нахождения армии Карла XII в Северной Украине в районе Стародуба против шведов действовал отряд Переяславского полковника С.И. Томары. Этот отряд «угодно и удобно граду (Стародубу. — *С. И.*) и гражданином правоверным по зможности нашей уделались (устроились. — *С. И.*), так около фортеци квартиру нам указанную укрепили, яко и особливим шатием (счастьем. — *С. И.*) монаршим неприятеля отгрозили и прогнали, от тех же неприятелей многих языков живиом добули, а многих по шляхах у смерть позбивали»¹⁵².

Помимо православного малороссийского крестьянства и казачества, отпор врагу на Северщине осенью 1708 г. оказали и давние противники царской власти — раскольники, которые проживали особыми слободами на Стародубщине¹⁵³. В частности, исследователь старообрядчества М.И. Лилеев отмечал, что они, «сами собою собравшись, первый опыт верности ко отечеству

показали. Безоружные мужики в некоторых местах неприятеля атаковали, несколько сотен побили, и, живых захватя, в Стародуб к самому государю, тогда бывшему тамо, пленниками привели»¹⁵⁴.

Особый энтузиазм проявили жители городов и сел Гетманщины при задержании шведских солдат и офицеров с последующей их доставкой в штаб русского командования. Это было связано с тем, что для увеличения масштабов разведывательной деятельности по захвату в плен солдат и офицеров вражеской армии царским командованием проводилась политика материального поощрения местного населения, оказывавшего помощь русской разведке. Так, 9 ноября 1708 г. в манифесте Петра I к малороссийскому народу говорилось, что тем, кто «из неприятельскаго войска возмет в полон генерала, тому за одного дать две тысячи рублей, за полковника тысячу рублей; а за иных офицеров за каждого по росчету, против чина их; а за рядовых рейтар, солдат и драгун по пяти рублей»¹⁵⁵. Установленный порядок премирования местных жителей, отличившихся в захвате «языков», сохранялся вплоть до Полтавской битвы¹⁵⁶.

Поэтому неудивительно, что некоторые из расспросных речей из Походной посольской канцелярии за 1708—1709 гг., взятых у пленных шведских военнослужащих и неоднократно упоминаемых в данной работе, содержат сведения о пленении их не отрядами регулярных войск, а местным населением. Военнослужащие, посылаемые шведскими командирами с различными поручениями, часто не возвращались в распоряжение своих войск. В расспросных речах Гендрика Быковича от 29 октября 1709 г. пишется, что он «поехал было <...> по фураж с протчими своими товарищи и на дороге взяли его казаки в полон под Новгородком»¹⁵⁷.

С приближением зимы и усилением холода, по сообщениям захваченных пленных, во вражеском лагере становился все более ощутимым недостаток пищи и фуража¹⁵⁸. В поисках продовольственных запасов своими захватческими действиями по отношению к местному населению шведские войска усугубляли свое положение и способствовали возникновению уже вооруженной народной (партизанской) борьбы в занятых ими районах. Исследователь партизанского движения в Украине в 1708—1709 гг. В.Е. Шутой цитировал документ, в котором австрийский посол при главной шведской квартире Цинцендорф писал своему императору 8 ноября 1708 г.: «Шведы страдают не только от <...> сопротивления, от дисциплины и выдержки московских полков, но и от постоянных нападений неприятельских партизанских отрядов (*der feindlichen Parteien Partisanen*) и опустошения страны, из-за чего часто чувствуется недостаток провианта»¹⁵⁹.

Отсутствие положенных норм довольствия у военнослужащих королевской армии вполне понятно, так как, избегая шведских реквизиций, местное

население покидало населенные пункты и уходило в леса, забирая с собой пожитки и продовольствие¹⁶⁰. Результаты этих действий сразу же сказывались на обеспечении средствами жизнедеятельности армии Карла XII. Тот же В.Е. Шутой сообщал, что 10 ноября 1708 г. доставленный в Посольскую походную канцелярию Я. Францишек, польский слуга в шведском войске, рассказывал, что «хворых ныне много в швецком войске и провиантом зело скудно, для того что обыватели здешних мест все разбрелись по лесам»¹⁶¹.

К этому времени активность в боевых действиях перешла в более спокойную фазу. Понимая, что генеральное сражение в ближайшее время не предвидится, шведский король стал присматривать в Гетманщине наиболее благоприятный район для зимнего отдыха своей армии. Не имея возможности задержать шведские войска на переправах через Десну, русское командование в начале ноября 1708 г. приняло решение покинуть оборонительные позиции и отступить к городку Глухов¹⁶². После форсирования Десны шведские войска прошли 8 ноября 1708 г. походными колоннами мимо пепелища Батурина и встали лагерем вокруг местечка Городище (11–15 ноября), так как наступающие холода заставляли срочно принимать решение по выбору территории для занятия зимних квартир. Ввиду того, что Северская земля, с занятыми ключевыми городами и подготовленная к этому времени русским командованием к ведению малой войны, для этих целей была уже не пригодна, по совету И.С. Мазепы решено было продвигаться на юг, вглубь Гетманщины, где, как обещал мятежный гетман, их ждали удобные и богатые припасами зимние квартиры.

В заключение можно сказать, что задачи, поставленные русским командованием перед армией по ведению малой войны, на начальном этапе Полтавского периода (сентябрь — ноябрь 1708) были решены. В частности, к этому времени разведывательно-диверсионными отрядами были успешно выполнены следующие мероприятия:

1. тщательная разведка планов и действий армии противника в обстановке информационного вакуума, созданного в результате единоличного принятия решений Карлом XII. Для разведки привлекались все силы русской армии:

- действия небольших разведывательных отрядов (отслеживание пути движения противника, захват «языков», опрос местных жителей);
- шпионская деятельность (разведка положения дел во вражеском лагере);
- служба сторожевых постов (предотвращение внезапного появления противника на участках, не подготовленных к боевому столкновению).

2. зачистка территории на пути следования армии противника с помощью диверсионных действий отдельными отрядами и одиночными диверсантами. Как результат, уничтожение запасов продовольствия и фуража, порча дорог

и мостов, приведение в негодность жилья и имущества с переселением жителей в другие регионы. Благодаря этим действиям шведские войска замедляли марш, что отражалось на стратегической (потеря инициативы) и тактической (невозможность упреждения русских войск в важных населенных пунктах) обстановке, а также на морально-психологическом состоянии армии врага.

3. введение русских гарнизонов в основные населенные пункты Гетманщины с целью предотвратить их оккупацию противником. Положительные результаты этих действий последовали с наступлением аномально холодной зимы 1708–1709 гг.

4. меры по захвату и уничтожению Батурина, а также воздействие на политические настроения среди местного населения («информационная война»). В силу таких действий (манифесты царя к местному населению, материальное стимулирование уничтожения врага, оперативные действия по уничтожению очагов поддержки «мазепинцев») удалось привлечь население Гетманщины к активному сопротивлению неприятелю в обстановке перехода части малороссийского казачества во главе с И.С. Мазепой на сторону Карла XII.

Выполнение запланированных русским командованием мероприятий позволило подготовиться должным образом к предстоящей зимней кампании и перейти к следующей фазе так называемого «равновесия» в малой войне Полтавского периода.

¹ Р.Х. Боур Петру I 9.09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2599. С. 646.

² Петр I Фридриху Гессен-Дармштадтскому 19.01.1708 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 60. Л. 14.

³ Н.Ю. Инфлант А.Д. Меншикову 18.08.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 86. С. 75.

⁴ Офицерские сказки... Т. 1. С. 425.

⁵ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1835.

⁶ Петр I В.Д. Корчмину 20.08.1707 г. // П и Б. СПб., 1912. Т. VI. № 1921. С. 58.

⁷ Тарле Е.В. Карл XII в 1708–1709 годах // Вопросы истории. 1950. № 6. (Июнь). С. 24.

⁸ Материалы допроса Г.О. фон Канифера. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 169. С. 147.

⁹ Мейренс Г. Гольцу 21.09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2643. С. 692; А.А. Матвеев Г.И. Головкину 1.10.1708 г. // Там же. К № 2735. С. 838–839.

¹⁰ Петр I Н.Ю. Инфланту 17.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2641. С. 144.

¹¹ Петр I Б.П. Шереметеву 18.09.1708 г. // Там же. № 2643. С. 145.

¹² Петр I Р.Х. Боуру 1.09.1708 г. // Там же. № 2599. С. 112.

¹³ Петр I И.С. Мазепе 10.07.1708 г. // Маркевич Н.А. История Малороссии. М., 1842. Т. IV. № XL. е. С. 186.

¹⁴ Б.П. Шереметев Петру I 26.09.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 24. С. 20–21.

¹⁵ Офицерские сказки... Т.2. С. 1631.

¹⁶ Там же. С. 1633.

¹⁷ Там же. С. 1635.

¹⁸ В январе 1708 г. количество «нелягулярского» войска во всех дивизиях русской главной армии составляло 5 901 человека (П и Б. Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 239).

¹⁹ *Сморжевских-Смирнова М.А.* Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи: дисс... докт. философии (теория культуры). Таллин, 2013. С. 56.

²⁰ Там же. С. 132.

²¹ Напр.: Показания мстиславского попа Елисея, который был в Могилеве для проведения 19.08.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 170. С. 148–149; Г.И. Головкин Петру I 20.08.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 59. С. 53.

²² Петр I А.Д. Меншикову 22.01.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3000. С. 42.

²³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 7. Л. 940.

²⁴ Г.С. Волконский к А.Д. Меншикову 14.12.1708 г. // Батуринский архив... № 484. С. 386.

²⁵ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 122. С. 100.

²⁶ *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969. С. 151.

²⁷ Напр.: Б. Корсак Г.И. Головкину 21.07.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 210. С. 238.

²⁸ Еще в июле 1708 г., в преддверии вторжения шведской армии в Россию, Петр I требовал от Б.П. Шереметева подготовить проводников из украинского населения: «Из Малороссийских и здешних Польских мест соберите добрых вожей (проводников. — С. И.), дабы всюды, куды случай позовет, зараз ведали о дорогах» (Петр I Б.П. Шереметеву 12.07.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2477. С. 22).

²⁹ Резолюции Петра I на донесении П.В. Кикина 13.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2624. С. 130; Г.И. Головкин П.С. Салтыкову 11.09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2624. С. 673.

³⁰ Послужная «сказка» казака... // *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник... Т. 4. С. 614.

³¹ Н.И. Костомаров утверждал, что проводники были специально направлены в шведский лагерь стародубским казацким полковником И.И. Скоропадским. Заметим, что это был не единичный случай, когда проводники покидали расположение противника. Ф.О. Барте-нев сообщал 16 сентября 1708 г. А.Д. Меншикову разведывательные сведения о перемеще-ниях противника, которые ему доставили «мужики, которые у них (шведов. — С. И.) были в проводниках и от них ушли и увели двух лошадей немецких» (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2444. Л. 1; *Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XVI. С. 614).

³² По данным биографа Карла XII Б.Н. Григорьева, шведский авангард состоял из 2 000 пе-хотинцев, 1 000 кавалеристов и шести артиллерийских орудий (*Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 266). Эти же данные приводил А. Стилле, однако утверждал, что в отряде А. Лагеркруны было четыре пушки (*Stille A.* Операционные планы Карла XII... С. 77).

³³ *Nordberg J.A.* Histoire de Charles XII, roi de Suède. J.-M. Husson, 1748. V. II. P. 241.

³⁴ *Adlerfeld G.* The Military History... P. 61–62.

³⁵ Форсированным считался марш, в ходе которого войска преодолевали от 7 до 10 км за переход. При этом форсированный марш мог быть результативным только при движении в таком темпе не более 2–3 суток («Лекции о Тактике» прусского генерала... С. 9).

³⁶ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Стародубский полк. Киев, 1888. Т. 1. С. 1; *Бирюков С.Н.* Соци-ально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII веке: дисс... канд. истор. наук. СПб., 2014. С. 21.

³⁷ *Бирюков С.Н.* Социально-экономическое развитие... С. 21.

³⁸ Ф.О. Барте-нев Петру I 24 и 26. 09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2645. С. 697.

³⁹ Щоденник камергера Карла XII... Чернигов, 2014. № 4 (118). Липень–сепень. С. 96.

⁴⁰ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 27. С. 23.

⁴¹ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 696–697.

⁴² Офицерские сказки... Т. 2. С. 1405.

- ⁴³ Там же. С. 1508.
- ⁴⁴ *Феофан Прокопович*. История императора Петра... С. 166.
- ⁴⁵ Петр I Б.П. Шереметеву 20.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2652. С. 152.
- ⁴⁶ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, с. Апостола Андрея, Великого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1778. Ч. 2. № 143. С. 66; Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 355. С. 396.
- ⁴⁷ *Куликова В.Ф.* Политическая ситуация на Украине вначале XVIII века и Украинский поход Карла XII (1708–1709 г): дисс... канд. истор. наук. СПб., 2009. С. 142.
- ⁴⁸ Не имея возможности удержать противника на переправах, русские войска пытались хотя бы задержать переброску его войск через реки приведением в негодность мостовых конструкций. Бригадир А.Г. Волконский сообщал А.Д. Меншикову 1 ноября 1708 г.: «Мост приказал я господину подполковнику Лачинову по указу разобрать» (ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 2. С. 2).
- ⁴⁹ *Гершельман Ф.К.* Партизанская война... С. 237.
- ⁵⁰ *Компан О.С.* Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 72–73.
- ⁵¹ Странствования Христофора Гассмана // Военно-историческая библиотека «Военной были». Париж, 1971. № 16. С. 28.
- ⁵² А.Д. Меншиков Петру I 16.06.1708 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 2. Л. 390; Полтавская битва 27 июня... № 4. С. 27.
- ⁵³ П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2645. С. 147.
- ⁵⁴ *Юнаков Н.Л.* Северная война... Т. II. С. 36.
- ⁵⁵ Особенно остро трудности с доставкой продовольствия в шведские войска стали ощущаться после уничтожения канала поставки продуктов из белорусского города Могилева, когда разведывательно-диверсионный отряд Ф.О. Бартенева (300 драгун и 500 казаков) 7 и 8 сентября 1708 г. сжег городской замок, предместье и находящиеся от города до урочища Колодезь местечки Дрыбин, Горы и несколько деревень (*Иванюк С.А.* «Как мне в войне...». С. 162–163).
- ⁵⁶ *Шёнстрем П.* Реляція про бій під Полтавою з Деякими роздумами що до двох Попередніх кампаній / Переклад О. Герасимчука, коментар. С. Павленка // Сіверянський літопис. 2016. № 3 (129). Травень–червень. С. 99.
- ⁵⁷ Ж.-В. де Безенваль С. Коломб 13.10.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 200. С. 225.
- ⁵⁸ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 200. С. 225.
- ⁵⁹ *Грушевский А.* Глухів і Лебедин... С. 34.
- ⁶⁰ Батуринский архив... № 379. С. 254.
- ⁶¹ *Грушевский А.* Глухів і Лебедин... С. 51.
- ⁶² ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 2130. Л. 8–9.
- ⁶³ Петр I Р.Х. Боуру 1.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2599. С. 112.
- ⁶⁴ Расспросные речи А. Молина 11.09.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... С. 253.
- ⁶⁵ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 123. С. 101.
- ⁶⁶ Н.Ю. Инфлант Петру I 29.09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2670. С. 725.
- ⁶⁷ Ф.О. Бартенев А.Д. Меншикову 12.10.1708 г. // Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 365. С. 403.
- ⁶⁸ *Гилленкрот А.* Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось // Военный журнал. 1844. № 6. С. 52–53.
- ⁶⁹ Местечко (польск. miasteczko) – городское поселение в Речи Посполитой (в том числе Украине, Белоруссии и Литве) небольшой площади, с меньшим по сравнению с городом числом населения и без наделения магдебургскими правами.
- ⁷⁰ Подготовка малороссийских городов к возможному вторжению началась еще летом 1708 года. Гетман И.С. Мазепа сообщал 16 августа царю, что он «приказал <...> дабы всяда пашни з поля свозили, молотили и в ямы хранили, также дабы города укрепляли, и до всякой

готовности к защищению целостности своей пребывали» (Исторические акты: Письма Мазепы к Петру I // Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. СПб., 1862. Травень (Май). С. 50).

⁷¹ Петр I Р.Х. Боуру 5.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2604. С. 118.

⁷² Слабченко М.Е. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до Мировой войны: Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях. Николаев, 1925. Ч. 1. Т. 4. С. 284.

⁷³ Костомаров Н.И. Мазепа и Мазепинцы... С. 617.

⁷⁴ Там же. С. 617.

⁷⁵ Петр I Б.П. Шереметеву 5.09.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2605. С. 119.

⁷⁶ Б.П. Шереметев Петру I 3.10.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2671. С. 728.

⁷⁷ Отпуска государственных указов к Печерскому сотнику, старшине, и всем жителям о переходе их из своих жилищ в Малороссийские и Великороссийские города, по причине шведского на их край наступления, и о принятии их с их пожитками везде где они пожелают от сентября 1708 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 47. Л. 1–5.

⁷⁸ Г.И. Головкин Г. Котовскому 3.11.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 4. С. 3.

⁷⁹ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 982.

⁸⁰ Уходить с нажитых мест от опасности в случае приближения противника было в традициях малороссийского населения, которое находилось под постоянной угрозой набегов со стороны беспокойных крымских соседей. К.А. Кочегаров цитировал письмо И.С. Мазепы к Г.И. Головкину от 18 июля 1708 г., в котором гетман объяснял последнему, почему жители бегут от приближающихся шведских войск, иногда даже всем поселением: «В Малой России издревле такое ест обыкновение, что народ з сел не тылко от огнистаго войска неприятельского, но и от татар всегда, оставя пустые села, в далейчайшие города убегают» (Кочегаров К.А. Русское правительство и Черниговский казачий полк в канун нашествия шведов на Украину (1708) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2015. № 2. С. 195).

⁸¹ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2645. С. 697.

⁸² Там же. С. 698.

⁸³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2488. Л. 1.

⁸⁴ Расспросные речи А. Опеченка. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2759. С. 866.

⁸⁵ Расспросные речи Р. Якимова. // П и Б. Там же. С. 867.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 3. Л. 525.

⁸⁷ Кочегаров К.А. Русское правительство... С. 200.

⁸⁸ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 63. С. 56; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2689. С. 749.

⁸⁹ Батуринский архив... № 479. С. 380.

⁹⁰ Выписка из письма из Белой Церкви о разорениях земель Черниговского полка калмыками 23.05.1708 г. // Батуринский архив... № 366. С. 241; Кочегаров К.А. Русское правительство... С. 193.

⁹¹ Напр.: Мегорский Б.В. Реванш Петра Великого. Взятие Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году. М., 2016. С. 148–151; Иванюк С.А. Военная добыча... С. 222–262. [Электронный ресурс] URL: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyuk_3 > (Дата обращения: 22.10.2017).

⁹² Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722). // СИРИО. СПб., 1878. Т. 25. № 143 С. 113–114.

⁹³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–12.

⁹⁴ Ф.О. Бартенев Петру I 26.09.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2645. С. 697; Події 1708 року в Україні у творі Йоганна Венделя Барділі (переклад та коментарі Володимира Дятлова) // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігов, 2014. № 5 (119). Вересень–жовтень. С. 222.

⁹⁵ Летописец или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году дейлося в Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волыньском генерал. Киев, 1888. С. 48.

- ⁹⁶ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 27. С. 23; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2671. С. 726.
- ⁹⁷ Б.П. Шереметев Петру I 20.10.1708 г. // Письма к государю... Шереметева. № 154. С. 95–100; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2746. С. 854.
- ⁹⁸ *Larsdotter A. Slaget vid Poltava* // *Popular Historia*. Lund, 2009. № 5. S. 32–33
- ⁹⁹ *Själfböigrafiska anteckningar af Andres Westerman* // *KKD*. Lund, 1912. V. 7. S. 257–304.
- ¹⁰⁰ Н.Ю. Инфлант А.Д. Меншикову 19.08.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 87. С. 76.
- ¹⁰¹ Расспросные речи Г. Неймана 17.09.1708 г. // ТИРВИО. Там же. № 171. С. 149.
- ¹⁰² Петр I считал униатских священнослужителей агентами и союзниками шведской армии, поэтому польская шляхта нередко приписывала царю ряд радикальных высказываний в их адрес. Так, по слухам, летом 1705 г. в Вильно Петр I сделал публичное заявление, что «вырежет всех униатов» (*Мончаловский О.А.* Петр Великий... С. 18–19).
- ¹⁰³ Записки служебные (дневник) Симеона Куроша, капитана швадрона драгунского рославского же // Смоленская шляхта: (Историческая библиотека Б.Г. Федорова). М., 2006. Т. I. С. 479.
- ¹⁰⁴ *Pasport dla Stefana Garaburdo [Haraburdy] i Grigoriја Ruszczyca na przejazd przez Smoleńsk do Moskwy i zpowrotem, by kupić towary dla Karola Stanisława Radziwiłła, kanclerza WXL* // PAN Biblioteka Kórnicka: Rękopisy staropolskie XVI–XVIII w. Ark. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=343171> (Дата обращения: 22.11.2017).
- ¹⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 711. (А.П. Гранков). Собрание. № 420. Л. 1.
- ¹⁰⁶ Розыскное дело Я. Улашина. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–30.
- ¹⁰⁷ *Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы... С. 618.
- ¹⁰⁸ *Феофан Прокопович.* История императора Петра... С. 191.
- ¹⁰⁹ Череда ошибок, совершенных в организации сторожевой службы накануне Нарвского сражения 19 ноября 1700 г., привела к тому, что русская армия понесла сокрушительное поражение от войск Карла XII. Под угрозой атаки шведских войск еще 18 ноября главнокомандующий русской армии герцог К.Е. фон Круа приказал организовать сторожевую службу, которая заключалась в выставлении дозорных постов (отрядов по 100 чел.) на небольшом удалении от лагеря, с задачей всю ночь патрулировать территорию между расположением полков и наблюдать за действиями противника. Но эти указания не были исполнены. В результате ошибками русского командования сразу же воспользовалась разведывательная служба противника. Накануне штурма, благодаря отсутствию передовой сторожевой службы царских войск, шведская разведгруппа подобралась вплотную к позициям русских войск, а одному из офицеров-фортификаторов даже удалось измерить глубину рва и высоту валов в русских укреплениях. В результате шведские войска подошли скрытно на расстояние пушечного выстрела к царским позициям и сходу их атаковали (*Галарт Л.Н.* Подробное описание осады... С. 126–127; *Беспалов А.В.* Северная война. Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной: 1700–1709. М., 1998. С.43; *Беспалов А.В.* Битвы и осады Великой Северной войны (1700–1721). Монография. М., 2010. С. 15).
- ¹¹⁰ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2702. С. 790.
- ¹¹¹ Там же. К № 2702. С. 790.
- ¹¹² Г.И. Головкин И.С. Мазепе 16.10.1708 г. // Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Боянским. 1691–1722. Ч. II. // ЧИОИДР. М., 1859. Кн. 1. С. 168.
- ¹¹³ Н.Ю. Инфлант Петру I 2.10.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 95. С. 81–82.
- ¹¹⁴ Там же. С. 81–82.
- ¹¹⁵ Расспросные речи Г. Неймана 17.09.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 171. С. 150.
- ¹¹⁶ В.Л. Долгорукий Г.И. Головкину 3.10.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2689. С. 755.
- ¹¹⁷ Интенсивность марша кавалерийских отрядов из корпусов Н.Ю. Инфланта и К.Э. Ренне на этом этапе Полтавского периода составляла в некоторых случаях до 150 км за три дня (Щоденник камергера Карла XII... Чернигов, 2014. № 4 (118). Липень–сепень. С. 96).
- ¹¹⁸ Позднее в Стародуб были направлены дополнительные силы из Погара. О составе гарнизона стародубской крепости Б.П. Шереметев докладывал 12 октября 1708 г. Петру I: «Пол-

ковника Фелейгейма с полком, которой был в Погаре, отправили, и ныне с тем полком и с прежними 2 батальоны будет в Стародубе, 4 батальона пехоты, да драгун 400 человек для розъездов, и признаваю, будет во оном гварнизоне довольно; так же и 2 полка черкасских, Переяславский и Нежинский, к Стародубу ж отправлены» (*Павленко С.О. Військо Карла XII на півночі України. Київ, 2017. С. 38–39*).

¹¹⁹ *Офицерские сказки... Т. 2. С. 1856.*

¹²⁰ *Павленко С.О. Військо Карла XII... С. 39.*

¹²¹ *Ф.О. Бартев Петру I 12.10.1708 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 7. Л. 369–369 об; П и Б. М., 1951. К № 2702. Т. VIII. Вып. 2. С. 781.*

¹²² *А.И. Ушаков Петру I 22.09.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. № 122. Т. I. С. 100.*

¹²³ *П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 781.*

¹²⁴ *Ф.О. Бартев Петру I 16.10.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2702. С. 782.*

¹²⁵ *Nordberg J.A. Histoire de Charles XII... P. 242.*

¹²⁶ *Generalstaben: Karl XII på slagfältet: Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1919. V. III. S. 631.*

¹²⁷ *ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 128. С. 104–105; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 782.*

¹²⁸ *Ф.О. Бартев Петру I 25.10.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2702. С. 783.*

¹²⁹ *Події 1708 року в Україні... С. 222; Офицерские сказки... Т. 1. С. 20.*

¹³⁰ *Офицерские сказки... Т. 1. С. 513.*

¹³¹ *Куликова В.Ф. Политическая ситуация... С. 166–167.*

¹³² *Тельпуховский Б.С. Народная борьба... С. 95.*

¹³³ *Офицерские сказки... Т. 1. С. 598.*

¹³⁴ *Ф.О. Бартев Петру I 12.10.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2702. С. 781.*

¹³⁵ *Вершигора П.П. Военное творчество... С. 303.*

¹³⁶ *Петр I А.Д. Меншикову 26.10.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2756. С. 235.*

¹³⁷ *П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. № 2759. С. 864–865.*

¹³⁸ *Журнал, или Поденная записка... С. 178–179.*

¹³⁹ *Петр I А.Д. Меншикову 31.10.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2797. С. 262.*

¹⁴⁰ *Петр I А.Д. Меншикову 1.11.1708 г. // П и Б. Там же. № 2802. С. 268.*

¹⁴¹ *Летописец или описание... // Сборник летописей... С. 47–48; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2807. С. 919.*

¹⁴² *По сведениям В.А. Дядиченко, в русскую полевую армию поступило около 40 артиллерийских орудий из Батурина (*Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного... С. 428*).*

¹⁴³ *Письмо Орлика к Стефану Яворскому // Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. СПб., 1862. Жовтень (Октябрь). С. 25.*

¹⁴⁴ *ІР НБУ. Ф. II. (Історичні матеріали). Д. 60357. Л. 1.*

¹⁴⁵ *Напр.: Павленко С. Загибель Батурина 2 листопада 1708 року. Київ, 2007. 266 с.; Чухліб Т.В. Шлях до Полтави... 274 с.*

¹⁴⁶ *Öfversten Grefve Nils Gyllenstiernas berättel se om polska och ryska krigen 1702 // KKD. Lund, 1913. VIII. S. 67.*

¹⁴⁷ *Грамота Малороссийскому народу 9.11.1708 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. (1700–1712). № 2212. С. 426–431; Манифест Государя Петра I-го всему Малороссийскому народу, в Глухов изданный, о неприятельском в Малороссию вступлении Шведского Короля, склонившаго к себе Гетмана Мазепу, прельстивши обещаниями. 9 ноября 1708 г. // Источники Малороссийской истории... С. 187–193.*

¹⁴⁸ *Указ всему Малороссийскому народу 6.11.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2816. С. 284.*

¹⁴⁹ *Клятвенное обещание Петру I жителей Лубен и Новгород-Северска ноябрь 1708 г. // К истории событий на Украине в 1708 году (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный Архив. 1939. № 4 (95). С. 160, 162; Челобитная жителей Прилук Петру I 5.11.1708 г. // Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 372. С. 415.*

¹⁵⁰ *Тарле Е.В.* Северная война... С. 346.

¹⁵¹ В сборнике писем И.С. Мазепы, изданном в 2014 г. как «Батуринский архив» гетмана, данное письмо ошибочно датировано маем 1706 года. Но согласно тексту документа, речь в нем идет о событиях осени 1708 г., когда армия Карла XII вступила на территорию Стародубского казачьего полка (Батуринский архив... № 344. С. 217–218).

¹⁵² С.И. Томара П.И. Головину октября 1708 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 48. Л. 17–17 об.

¹⁵³ *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1859. Вып. 1. С. 468–469.

¹⁵⁴ По сведениям М.Е. Слабченко, в благодарность за верную службу Петр I вывел раскольников из юрисдикции малороссийских помещиков, установил для них особое положение по налогам и управление под своим государевым именем (*Слабченко М.Е.* Организация хозяйства... С. 193).

¹⁵⁵ Манифест Петра I всему Малороссийскому народу 9.11.1708 г. // *Маркевич Н.А.* История Малороссии... № LIII. С. 245.

¹⁵⁶ В апреле 1709 г. А.Д. Меншиков распространял среди жителей района боевых действий специальное объявление с обещанием награды за захваченных в плен шведских солдат и офицеров (*Гринченко Б.Д.* Каталог музея Украинских древностей В.В. Тарновского. Чернигов, 1900. Т. II. № 169. С. 259).

¹⁵⁷ Полтавская битва 27 июня... № 132. С. 180.

¹⁵⁸ Расспросные речи И. Петрова и В. Гендрика 17.10.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2558. Л. 1.

¹⁵⁹ *Шутой В.Е.* Борьба народных масс... С. 366.

¹⁶⁰ В некоторых случаях переселение жителей районов, соприкасавшихся с зоной интересов вражеской армии, инициировалось русским командованием. Это делалось для своего рода «оголожения» и так малонаселенного края. Б.П. Шереметев писал 4 октября 1708 г. царю: «В ямах и по полям жатого хлеба зело много <...> Здешние жители до прибытия нашего ни в чем не убিরались, и я з господами министры им ныне предложил, дабы выходили вон ко Брянску или кто куда похочет х крепким местам» (П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2671. С. 728).

¹⁶¹ *Шутой В.Е.* Борьба народных масс... С. 318.

¹⁶² Петр I Б.П. Шереметеву 1.11.1708 г. // П и Б. М., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2798. С. 262–263.

ВЕДЕНИЕ МАЛОЙ ВОЙНЫ ВО ВРЕМЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ ВРАЖДУЮЩИХ АРМИЙ НА ЗИМНИХ КВАРТИРАХ В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ (КОНЕЦ НОЯБРЯ 1708 – МАРТ 1709)

Начальный этап зимней кампании Полтавского периода (ноябрь – середина декабря 1708)

Во второй половине ноября 1708 г. шведская армия приостановила продвижение вглубь Гетманщины и разместилась на зимние квартиры в районе крупных населенных пунктов – Ромны, Гадяч, Прилук и Лохвицы¹. Марш к этому району был труден и проходил по безлюдной и опустошенной земле. Общая площадь оккупированной противником территории составила примерно 4 240 кв. км. Описывая движение шведских войск к месту расположения на зимние квартиры, близкий друг шведского короля принц М.Э. Вюртемберг-Виннентальский писал в своем дневнике: «Марш в этих землях был нелегким, так как мы весь день продвигались вперед, не встречая ни одного села или населенного пункта, чтобы передохнуть»². Главной квартирой, где разместились король, его штаб и союзник И.С. Мазепа со своей свитой, были выбраны Ромны³ («король шведской пришел в мястечко Ромен ноября 18-го»⁴).

Немаловажным фактором, влиявшим на планы противоборствующих армий и организацию военных действий осенью 1708 г., стали приближающиеся холода и необходимость расположения армии на традиционные зимние («винтер») квартиры. Ведь, как правило, к концу осенней кампании кавалерия находилась в таком жалком состоянии, что была мало способна вести боевые действия. Поэтому, по установившимся еще в XVI в. правилам военного искусства, с наступлением холодного времени года и до прихода весны проведение масштабных войсковых операций прекращалось, а войска обеих сторон конфликта располагались на отдых, занимая большие территории.

Отдельные подразделения могли располагаться от главного штаба на значительном расстоянии, иногда более чем на 50 км.

На так называемых «винтер»-квартирах войска размещались «от травы до травы», то есть до того времени, как на земле появлялся первый корм для лошадей. В начале XVIII в. казармы для воинских частей отсутствовали и потому расположение на квартирах в холодный осенне-зимний период подразумевало расстановку войск на постой по обывательским домам. Солдаты размещались в них по несколько человек, чаще всего в ужасной тесноте. Офицеры при расквартировании были в более выгодных условиях и могли рассчитывать не на один дом, а на несколько. Это было связано с тем, что кроме проживания их квартиры использовались для хранения собранного с крестьян на нужды полка фуража и других запасов, расквартирования семей, а также многочисленных денщиков. Обыватели, на чьих квартирах расположились войска, были обязаны обеспечить военных дровами, свечами, постелями и приправами к пище⁵.

Диспозицию противоборствующих армий на конец ноября 1708 г., когда они готовились перейти к отдыху на зимних квартирах, описал в своем сообщении в Лондон один из английских агентов Д. Джеффрис, находившийся в это время в лагере Карла XII. Перевод этого письма, изложенный в работе Д.Ф. Масловского, содержит следующие сведения: «Кавалерия в Вороне, в Серебреном, в Прилуках, в Высне, в Хохвицах (Лохвице. — С. И.), в Монастыре (Монастырище. — С. И.) да и в Конотопе; инфантерия — в местечках ближайших к неприятелю, а королевская и гаубт-квартир в Ромне <...> Москвичи большею частию расположили себя на другой стороне Десны и Сейма <...> а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рыльске, в Городище, в Нежине, в Киеве и около тех мест, а сам Царь — в Глухове»⁶.

Если сопоставить указанные данные и составить схематичный план размещения противоборствующих армий, то многочисленные названия городков, местечек и сел, занятых армией Карла XII, покажут степень разбросанности отдельных подразделений вражеских войск по территории военных действий. Дробление сил, таким образом, уменьшало военный потенциал противника и увеличивало затраты на поддержание ее боеспособности. Растянутость коммуникаций между отрядами врага сразу же делала их удобным объектом для ведения малой войны. Ведь в данных условиях зимний отдых на театре военных действий был весьма условным. Д.В. Давыдов отмечал, что время занятия зимних («кантонир») квартир, считавшееся обыкновенно периодом отдыха для прочих войск, являлось для разведывательно-диверсионных отрядов временем активной деятельности. Ввиду того, что с расширением пространства, оккупированного неприятелем, ослаблялась его бдительность, а объекты, подлежащие атакам (поискам, засадам, налетам), значительно

приумножались⁷. Зимой, несмотря на непогоду, крупным разведывательно-диверсионным отрядам не доставляло труда совершать рейды по квартирным районам противника, а долгие зимние ночи располагали к скрытным передвижениям на большие расстояния.

То положение, в котором оказались шведы, русское командование использовало с максимальной выгодой для себя. Названия населенных пунктов, занятых русскими подразделениями, говорят о том, что, концентрируя свои войска вокруг ключевых объектов противника, она постепенно старалась охватить кольцом места дислокации вражеских войск в Гетманщине. В сложившейся обстановке, продолжив тактику малой войны и широко используя ее методы, царские разведывательно-диверсионные отряды постарались оказать разрушительное воздействие на пытавшиеся отдохнуть войска Карла XII.

О тех задачах, которые ставились русским летучим отрядам на зимнюю кампанию 1708—1709 гг., можно судить по пунктам указа, данного царем еще 13 ноября 1708 г. разведывательно-диверсионному отряду капитан-поручика А.И. Ушакова: «Непрестанно партиями неприятелю докучать, а наипаче, езда кругом неприятельского войска, смотреть того, чтоб жители здешние не возили ничево <...> Всеми меры тшитца, чтоб взять знатнаго офицера, дабы ведать о неприятельском намерении <...> Непрестанно как через партии, так и через шпионоф проводывать, што неприятель делает, и буде идет, куды идет, и о том по фся дни присылать ведомость»⁸. То есть необходимо было вести постоянное наблюдение за действиями противника, захватывать «языков» и при благоприятно складывавшихся обстоятельствах производить нападения (налеты или засады). Кроме этого, необходимо было обеспечивать продовольственную блокаду врага, лишая его необходимых запасов.

В это время одной из первоочередных задач русского командования стало лишение вражеской армии возможности обладать оперативной информацией, которая поступала в королевский штаб по каналам связи, растянутых по театру боевых действий. Диверсионным атакам были подвержены объекты фельдгегерской почтовой службы врага (посыльные, вестовые и курьеры), которые постоянно страдали от налетов и засад со стороны царских летучих отрядов.

Налеты и засады на путях сообщения между ставкой короля и Стокгольмом, дипломатическими миссиями в странах Европы, корпусами в Прибалтике и Польше, а также между разрозненными подразделениями, размещенными в Гетманщине, погружали армию Карла XII в информационный вакуум. Казачьими летучими разъездами были заняты переправы через Днепр, доверенные лица шведского командования задерживались, корреспонденция изымалась и изучалась, давая дополнительный источник разведывательной информации для армии Петра I⁹. Секретарь походной канцелярии шведского

короля Олаф Гермелин в своих дневниковых записях сообщал о трудностях с доставкой корреспонденции: «11 ноября 1708 г. Почта не приходила, пока вражеские отряды были между лагерем (шведским. — С. И.) и дорогой, которая идет на Польшу, так что письма из Швеции мы получили только за конец августа, где находятся остальные, пока сказать трудно»¹⁰.

Кроме фельдгегерей страдали от налетов и шведские вестовые, которые передавали сообщения войскам, находившимся на марше. Так, в летописи, составленной А.И. Ригельманом, говорилось, что генерал А.Л. Левенгаупт отправил в ставку короля с сообщением о своем поражении при Лесной майора, который «заехал в Стародуб, чая, что король всею Украиною уже овладел, и тут попался козакам в руки, коего привели в Стародуб к фельдмаршалу Шереметеву»¹¹. Во время одного из таких нападений на вестовых был убит любимец Карла XII генерал-адъютант Линрот. 16 ноября 1708 г. он был послан с распоряжениями к командирам двух маршевых колонн — К.Г. Крузу и К.Г. Крейцу, направлявшимся к Ромнам¹². По дороге от одной колонны к другой (расстояние около 1,5 км) Линрот и сопровождавшие его четыре солдата были атакованы казаками Конотопской сотни. Три спутника адъютанта были убиты, а четвертого, тяжело раненого, нашли только на следующий день. Он и рассказал о гибели Линрота. Благодаря таким дерзким налетам русской кавалерии король, имевший на начало «русского похода» шесть генерал-адъютантов, уже к 16 ноября 1708 г. пятерых из них потерял убитыми, а один попал в плен. Отметим, что все эти потери произошли не в открытом сражении, а в мелких стычках, типичных для малой войны¹³.

Русские войска первоначально отступили к Глухову, продолжая следить за противником, а оттуда переместились в Путивль. На данном этапе необходимо было собрать разведывательные данные, оценить обстановку и принять окончательные решения о действиях в начинавшуюся зимнюю кампанию. Для изучения территории, занятой противником, разведывательная служба русской армии использовала уже традиционные методы сбора информации, такие как рекогносцировка, действия шпионов и поиск с захватом «языков». С этой целью на территории, занятые противником, были направлены разведывательно-диверсионные отряды, которые в случае крайней необходимости могли провести и разведку боем. Так, генерал-лейтенант К.Э. Ренне писал 20 ноября 1708 г. А.Д. Меншикову, что «сего дня из местечка Коробутова ходил я до местечка Хмелева, а со мною было камондрованных с 1 500 человек драгун, а в том местечке шведы, конница и пехота, и целой дивизий обозы. И как мы пришли и бой учинился <...> пехоту их мы мало было незбили, а многих побили»¹⁴.

Такие открытые нападения вели к определенным потерям не только в рядах противника, но и среди атакующих. Например, во время налета на

Хмелев участвующий в нем генеральный «шквадрон» А.Д. Меншикова понес следующие потери: «В ноябре месяце в 20 день будучи в партии с господином генералом Реном под вескою Хмелевой побито драгун

Иван Яковлев сын Блинов
Афанасей Семенов сын Заболоцкой
Борис Иванов сын Землянкин
Моисей Яковлев сын Полушков
Данило Константинов сын Галицкой
Антип Родионов сын Пушкинов
Александр Яковлев сын Олешев
Василей Никитин сын Репевской
Савастьян Гаврилов сын Аргамаков
Елисей Карпов сын Кутукин
Александр Петров сын Шумской
С ними ружья¹⁵

Пар пистолетов — 6; на пистоль пар ольстр — 6; на ольстре фузей — 10; нагалиц — 8; перевязей — 8; палашей — 10; портупей — 10; седел — 15; войлоков — 15; узд и мунштуков — 15; паперсей — 14; пахвей — 14; ремней смычных — 13; бушматов — 2; лядунк — 26; ремней лядуновых — 13; сум переметовых — 13; копей — 13; шляп — 12; плащей — 11; кавтанов — 11; штанов — 11; сапогов пар — 11; острог пар — 11; драгунских лошадей — 17»¹⁶.

Для получения разведывательных сведений русским командованием использовался еще один ценный источник информации — допрос пленных, дезертиров и выходцев из вражеского войска. Подробные сведения о положении дел в лагере противника поступали в ставку русского командования от бежавших из шведского плена солдат и офицеров царской армии. 19 ноября 1708 г. фельдмаршал Б.П. Шереметев докладывал Петру I, что «сего моменту два мужика русских <...> явились, которые объявили, что они были в полону. А взяты под Каробутовым и ушли из Ромна 17 дня, и при них был в Ромне Мазепа и 3 регимента шведских, и все из Ромна вышли, якобы идут к Гадичу»¹⁷. Покинувший И.С. Мазепу в конце ноября 1708 г. Миргородский полковник Д. Апостол не только сообщил русскому командованию сведения о противнике, но и сделал отметки на карте о том, что «при бытности <...> у войску шведском <...> видел и <...> досталось чути (слышать. — С. И.) тое». В частности, им были сообщены данные о местах скопления шведских войск: «Король сам в Ромне мел стати, партии войска, почавши от Борзны, в Ичне, в Манастирищах, в Прилуце енерал Крейц, в Сребном, в Глинску, в Лохвице якие стать мели енералы, именно их не ведаю»¹⁸.

Получив такие подробные сведения о районах расположения и количественном составе гарнизонов в занятых шведами городах и местечках, русское

командование могло планировать диверсионные рейды по наиболее слабо защищенным районам расквартирования врага. Как правило, на основании полученных при допросе данных составлялся графический план, на котором отражались места расположения вражеских сил, инженерные укрепления, тыловые базы, дорожные коммуникации и расстояние между этими объектами. Примером такого плана может служить «Распросная карта окрестностей Полтавы от р. Коломаки по правому берегу р. Ворсклы до р. Псела»¹⁹.

Отличительной чертой территории Левобережной Украины начала XVIII в. были фортификационные сооружения (крепостные валы, частокол, башни и т. д.) не только в крупных городах (200—300 дворов), но и в небольших населенных пунктах (сотенные местечки). Это создавало выгодные условия для обеих враждующих армий при занятии ими ключевых точек на местности. Но крепости Гетманщины, охваченные боевыми действиями, в 1708—1709 гг. имели деревянные укрепления, что давало широкие возможности для проведения диверсий. В частности, во время проведения налета такие сооружения можно было предать огню, а при наличии в крепости типичных для малороссийских городков и сел построек с крышами из соломы такие объекты являли собой огнеопасную смесь, удобную для атаки.

В отличие от русских войск, шведской армии, укрывшейся зимой 1708—1709 гг. за стенами малороссийских населенных пунктов, пришлось столкнуться с очень серьезной проблемой — обеспечением продовольствием и фуражом. В начале «русского похода» перспективы обеспечения шведских войск виделись королю в радужном цвете. Наиболее точную характеристику оптимистичным настроениям, с которыми шведская армия вошла в Гетманщину, дал участник событий Г. Адлерфельд, который писал: «В эту прелестную страну вступила армия, полная доверия и радости, и льстя себя надеждой, что она, наконец, сможет оправиться от всяческой усталости и получит хорошие зимние квартиры». Он же сообщал, как быстро эти настроения изменились на пессимистичные, с ухудшением положения шведской армии зимой 1708—1709 гг.: «Мы вынуждены были тесниться друг к другу и быть в такой близости один от другого, чтобы быть безопасными от нападений врага, который окружал нас со всех сторон. Мы не могли воспрепятствовать тому, что некоторые полки, слишком отдаленные по расположению своих пунктов, не пострадали бы, потому что мы были не в состоянии помочь им вовремя — не говоря уже о том, что неприятель своими непрерывными налетами мешал нам пользоваться изобилием и плодородием этой прекрасной страны в той степени, как мы желали бы»²⁰.

Несмотря на то, что территориально театр боевых действий в Гетманщине позволял противнику поместить в населенных пунктах до четырех воинских подразделений, расположение их было настолько неудобным, что не

способствовало спокойному зимнему отдыху. Если в крупных населенных пунктах происходило скопление войск, то в то же самое время в других местах отдельным частям армии противника приходилось занимать населенные пункты на значительном удалении от главной квартиры. Фуражировки, по установившимся к началу XVIII в. правилам военного искусства, в период зимнего расквартирования войск проводились следующим образом. В начале фуражиры выдвигались к самым отдаленным от мест компактного размещения войск населенным пунктам, затем радиус пространства, на котором происходил сбор продовольствия, сужался, приближаясь к позициям главных сил армии²¹. Соответственно, при концентрации больших вооруженных масс в одном месте, противник сразу же начинал испытывать проблемы с обеспечением продовольствием и фуражом. Отдельные его отряды были вынуждены расквартироваться на удалении от основных сил, чтобы таким образом расширить свои возможности в сборе продовольствия с прилегающих к квартирному району территорий.

В сложившейся обстановке, когда сообщение между местами компактного размещения противника становилось затруднительным, сразу же терялась оперативность боевого управления шведской армии в целом. Польский вельможа С. Понятовский писал о возникших трудностях: «Так как войска короля, вынужденны добывать себе пропитание, были разбросаны, то полки Далдорфа и Лагеркроны оказались в Гадяче, в разстоянии от главной квартиры короля в шести украинских милях, что составляет десять германских (около 17 км. — *С. И.*)»²².

На подготовительном этапе сбор продовольствия и фуража в условиях тотальной зачистки территории, проведенной русской армией Полтавского периода, стал затруднительным. Местные жители, укрывшиеся в лесах или ушедшие, частью добровольно, а частью по принуждению московских властей, под защиту укрепленных городов с русскими гарнизонами, свои хлебные запасы оставили в основном неубранными. Например, Петр I в письме Б.П. Шереметеву от 20 ноября 1708 г. отмечал: «В местечко Оружовку мы приехали, где зело довольно обрели хлеба в скирдах стоячего». С такими неконтролируемыми запасами, которые могли легко стать добычей противника, необходимо было поступать кардинально. Упомянутый в письме царя собранный урожай был частью уничтожен, а частью спрятан в тайные ямы («схроны») ²³.

В поисках продовольствия шведским отрядам фуражиров приходилось удаляться от основных сил на значительное расстояние, что делало их уязвимыми для нападений со стороны русских летучих отрядов, которые, занимая выгодные позиции, выжидали удобного момента для нанесения удара. В 1720 г. в своей офицерской «сказке» П.И. Кочюков сообщал, как в 1708 г. «командирован <...> от господина бригадира князь Волконского, и было со

мною 12 человек драгун да 40 человек казаков для проводывания шведской армии и для языку, и приехав близ шведской армии, и у них отправлены драгуны и хлопцы для фуражу в деревни, и я оных несколько побил, а трех человек языков привез ко оному бригадиру»²⁴.

Справедливости ради надо сказать, что опасности подвергались фуражиры и русской армии. Ведь на линии соприкосновения двух армий тыловые коммуникации и пути подвоза продуктов часто пересекались. Во время фуражировок сбор провианта легко мог перерасти в боевое столкновение с противником. Так, писарь Азовского пехотного полка В. Воинов сообщал: «В 708-м году от местечка Гор[ки] по приказу господина генерала-лейтенанта Боура командрован был для сбора провианта, в конвое капитан во 100 человек рядовых, и незапно сошлись со шведскою партиєю, и тут с неприятелем акция, и на той акции я был»²⁵.

С наступлением холодов в малую войну против шведской армии кроме регулярных войск вступило и местное население занятых ими районов. Английский резидент при царском дворе Ч. Уитворт, который внимательно следил за обстановкой в Гетманщине зимой 1708—1709 гг., сообщал в Лондон, что местное население «пребывает верным Царю и служит ему с большею преданностью и усердием, чем можно было ожидать: казаки всех шведов, попадающихся им в руки, или убивают, или забирают в плен; к королю пристают только местности, в которых расположены его квартиры»²⁶.

Сведения о стычках малороссийских крестьян с вражескими военными встречаются довольно часто, как в донесениях русского командования, так и в сообщениях из вражеского лагеря. 20 ноября 1708 г. князь А.Д. Меншиков доложил Петру I, что «черкасы мужики в некотором местечке, при Десне стоящем, с полтора человека шведов порубили и в полон взяли»²⁷. О том, что это были казаки не из боевых подразделений гетманских войск, говорит приставка «мужики». Английский агент Д. Джефферис сообщал на родину, что он считает «общество этих людей (малороссийского населения. — С. И.) больше склонны к москвичам, нежели к шведам, и велико, что мужики часто собираются купами бедство нам чинить»²⁸. Участие местных жителей в партизанском движении подтверждается и «Летописью Самовидца», где в записях за 1708 г. с описанием пребывания шведов в Гетманщине отмечено, что «шведа везде на квартирах малороссияне били тайно и явно, а иных живых к государю отвозили»²⁹.

Особенно ценными были данные о настроениях в рядах шведских войск, доставляемые местными жителями в ставку русского командования. Получив такие сообщения, например, о проблемах с пропитанием во вражеском лагере, и зная те катастрофические последствия, которые могли повлечь за собой перебои с доставкой пищи и фуража, русское командование своими

диверсионными действиями (нападение на фуражиров, запрет торговли в оккупированных районах, уничтожение заготовленных припасов) создавало шведским войскам дополнительные трудности. Так, историки Сумщины Б.Л. Корогод и Г.И. Корогод писали о том, что 24 ноября 1708 г. мещане сотенного местечка Межирич Иван Дадоси и Левко Кошман провели тайный осмотр позиций войск Карла XII и сообщили важные сведения о том, что король остановился в Ромнах, а в войсках чувствуется недостаток продовольствия и «под Гадячем на реке Псле греблю (плотину. — С. И.) раскопали, понеже от наших имеют опасение»³⁰.

На основании таких данных делались выводы о том морально-психологическом воздействии, которое оказывали на противника диверсионные отряды, и выбирались наиболее выгодные объекты для усиления давления на врага. Примером такого успешного давления на противника могут служить действия летучего отряда капитан-поручика А.И. Ушакова, состоявшего из донских казаков³¹ и калмыков из Чугевской команды³².

Выполняя приказ командования, он провел диверсионный рейд на достаточно близком расстоянии от мест расположения войск противника (1,5 км), в результате чего удалось провести несколько налетов на объекты врага и захватить пленных. 20 ноября А.И. Ушаков отправил в ставку командования в сопровождении чугуевцев захваченных его отрядом «шведского поручика и с ним два капрала шведских, также трех человек поляков»³³. Находясь в местечке Липовое 23 и 24 ноября 1708 г., капитан-поручик отправлял разведывательные отряды к Ромнам и Бубнам, где находились отряды противника. Здесь были захвачены «гвардии королевской четыре человека, в том числе фотермистр (конюх. — С. И.) ротной и протпрапарщик, також драгун два человека». Из допроса пленных были получены сведения о слабости войск в Бубнах, и «ежели бы были драгуны в совокуплении при донских: мочно бы в Бубнах учинить над ними поиск, понеже незапным нападением»³⁴.

Но осуществить налет на Бубны так и не удалось, так как 26 ноября 1708 г. отряд А.И. Ушакова был атакован в местечке Кореницкое превосходящими силами противника, который к этому времени решил избавиться от досаждавших ему летучих партий этого сводного отряда. Тем не менее, несмотря на то, что донцам и калмыкам пришлось отступить к Карабутову, разведчики А.И. Ушакова продолжали курсировать, собирая сведения о противнике в местах расположения шведских войск (Бубны, Медвежье, Алексеевка, Красный Колядин и Ромны)³⁵. Они доставляли русскому командованию оперативные сведения о действиях подразделений противника и мешали ему закрепиться на выгодных для него участках.

Чтобы оценить сложившуюся обстановку на местности, в ноябре 1708 г. Петр I лично провел масштабную рекогносцировку зимнего района предстоя-

щих боевых действий³⁶. В ходе этой разведки царь проследовал по следующему маршруту: 16 ноября из Глухова переехал в Путивль, 18 ноября выехал из этого города и через село Красное прибыл в местечко Терны, 20 ноября был в местечке Хоружевка, а 22 числа присутствовал на именинах А.Д. Меншикова в местечке Ольшанах. 26 ноября Петр I прибыл в ставку главнокомандования, которая к этому времени перешла в Лебедин. Кроме осмотра квартирного района русских войск царь выезжал для разведки и непосредственно на линию соприкосновения с противником. В составе разведывательной партии Петр I посетил крепость Веприк, село Михайловку и изучил окрестности Гадяча, занятого шведскими войсками³⁷. В «Гистории Свейской войны» об этих событиях сообщалось, что «ноября в 30 день его величество ездил к Веприку, где был наш гарнизон в полуторе тысяче человеках. А около по деревням стояли драгунские полки з генералом Реном. А оттоль ездил для осматривания Гадяча, где неприятельских было 3 полка³⁸. И потом его величество возвратился оттуды паки в Лебедин декабря в 3 день»³⁹.

Оценив результаты рекогносцировки и проанализировав разведывательные сведения, полученные из других источников, Петр I провел военный совет, на котором были приняты решения по организации малой войны в предстоящую зимнюю кампанию. В частности, было решено продолжить окружение квартирного района противника цепью баз для действий летучих отрядов, уклоняясь при этом от решающего генерального сражения. Точечными ударами на отдельные подразделения необходимо было заставить врага максимально сузить район его расположения, где он бы испытывал трудности с поиском продовольствия.

Базы разведывательно-диверсионной деятельности русской армии (декабрь 1708 — январь 1709)

В конце ноября 1708 г. для укрепления своего положения и усиления давления на противника русская армия заняла следующие позиции:

- основные силы армии (три пехотных дивизии) расположились в районе Михайловки, Мижеричи и Лебедина (последний главная квартира);

- мобильными гарнизонами заняты малороссийские городки Веприк (1 500 человек пехоты⁴⁰), Сорочинцы (отряд князя Г.С. Волконского⁴¹), Нежин (два пехотных полка из бригады полковника И. Анненкова), Переяславль (отряд генерал-майора Н.Ю. Инфланта⁴²) и Полтава (бригадир А.Г. Волконский с Ингерманландским драгунским полком⁴³);

- между Ромнами и Конотопом курсировали разведывательно-диверсионные отряды донских казаков и калмыков под руководством царских адъютантов А.И. Ушакова и Ф.О. Бартенева.

Таким образом, небольшие подразделения царских войск были распределены по всей Левобережной Украине и цепью летучих отрядов сжимали район расквартирования шведской армии, который был окружен со всех сторон, кроме запада (линии Днепра), русскими войсками. Такое охватывающее расположение русской армии давало возможность разведывательно-диверсионным отрядам Петра I в полной мере использовать все способы малой войны, которые не давали врагу передышки и заставляли его постоянно находиться в боевой готовности («От ближнего соседства с москвичами чинятся <...> некоторые беспокойства и частые реконтры (столкновения. — С. И.) между их и наших партиев»⁴⁴).

Для более успешного выполнения поставленных задач русской армии необходимы были базы для размещения мобильных отрядов, максимально приближенные к расположению противника⁴⁵. Ведь если обратиться к теоретическим положениям малой войны Д.В. Давыдова, летучие отряды во время рейда или налета на тыловые объекты противника не должны были обременяться обозом с припасами, но и его совершенное отсутствие отрицательно сказывалось на боевой готовности этих подразделений. В таких случаях альтернативным решением проблемы становился выбор какого-нибудь населенного пункта, где создавались штаб или база для дислокации разведывательно-диверсионных отрядов, которые находились бы на таком расстоянии от неприятеля, чтобы вести за ним постоянное наблюдение и наносить удары по линиям коммуникаций. Такой пункт, наряду со снабжением отрядов материальными ресурсами, становился еще и местом передачи ими трофеев, пленных и разведывательных сведений в главную квартиру армии⁴⁶.

Для русских войск в декабре 1708 г. одними из таких пунктов (баз) стали местечко Веприк и Сорочинцы.

Веприк

Небольшое казачье поселение Веприк было центром одной из сотен Гадячского казачьего полка, малороссийским гарнизоном которого в Полтавский период командовал сотник Ф.Ю. Масюк⁴⁷. Географически оно располагалось к востоку от Гадяча, на возвышенности, в междуречье Левобережья Псла у реки Веприк, которая сильно заболоченным руслом подходила к укреплениям с северной и западной сторон. В фортификационном отношении Веприк был довольно слабым и, как большинство населенных пунктов Гетманщины, имел земляные и деревянные укрепления: вал 6–8 м, частокол 1,5 м, ров глубиной 3 м. Крепость имела форму четырехугольника с периметром около 3 000 м. В крепость вели одни ворота, расположенные на южном отрезке ограды, а на противоположном, северном, участке действовал потайной ход⁴⁸.

Выбор Веприка как центра для разведывательно-диверсионной деятельности был не случайным, а стал следствием посещения этого населенного пункта царем во время проведения ноябрьской рекогносцировки. В результате осмотра городка Петр I обратил внимание на его удобное расположение для организации разведывательно-диверсионной деятельности: максимальная приближенность к занятому врагом Гадячу (около 12 км), небольшое удаление от Лебедина (около 30 км), наличие укреплений и удобного предместья, способного вместить до двух-трех полков. Кроме этого, через Веприк проходила стратегически важная дорога на Белгород⁴⁹. Оценив обстановку, царь дал указание мобильной кавалерийской группировке генерал-лейтенанта К.Э. Ренне перейти из Карабутова в Веприк для организации разведки и проведения диверсий в ближайших к городку районах, занятых противником. В отряд генерал-лейтенанта входили драгуны⁵⁰, донские⁵¹ и харьковские⁵² казаки, чугуевские калмыки⁵³, волохи⁵⁴ и компанейский полк А. Танского⁵⁵.

Сводная группировка К.Э. Ренне прибыла в Веприк 4 декабря 1708 г. и расположилась в городке и предместье. Первым делом был произведен осмотр защитных сооружений, которые требовали ремонта и модернизации. К.Э. Ренне сообщал в тот же день в письме А.Д. Меншикову: «Замок осмотрел, который гораздо не заведен. И я, осмотрев, полковнику пехотного полку где потребно приказал поправить»⁵⁶. Инженерные работы должны были быть организованы силами местных жителей совместно с пехотными солдатами из гарнизонных войск, но ввиду их малочисленности к строительству были привлечены еще и кавалерийские части. Подготавливая городок к сопротивлению на случай атаки, ими были усилены уже существовавшие фортификационные сооружения, поставлена двойная ограда, а также заполнено землей пространство между рядами. Поверх стены были сложены деревянные колоды (катки), которые защитники крепости в случае штурма могли бы сбрасывать вниз на атакующего врага⁵⁷.

Для инспекции укреплений крепости в начале декабря 1708 г. в Веприк прибыл инженерный офицер Штаф. Помимо решения фортификационных вопросов внутри городка, он съездил с одним из разведывательных отрядов к Гадячу и провел осмотр защитных сооружений этого населенного пункта, составив подробный план его укреплений. Затем в составе разведывательного отряда инженер посетил Зеньков, рассматривая его как резервную базу в случае отступления отряда К.Э. Ренне от Веприка. После проведения инженерной разведки Штаф вернулся в Веприк и составил план гадячской крепости, наличие которого позволяло планировать русскому командованию диверсионные операции против находящихся в ней войск⁵⁸. Обо всех выполненных мероприятиях инженер доложил в Лебедин⁵⁹.

С первых же дней, после прибытия К.Э. Ренне в Веприк, им была организована разведывательная служба на территориях, занятых шведскими войсками. К Гадячу непрерывно направлялись отряды (партии) для контроля над действиями противника и с целью захвата пленных («языков»), от которых можно было получить сведения о вражеских планах. Генерал-лейтенант сообщил А.Д. Меншикову 4 декабря 1708 г., что «наши непрестанно под ними <...> Откуды надеялся получить о неприятеле непрестанные отсель ведомости»⁶⁰. Поручик И.П. Аболдуев из Нарвского драгунского полка сообщал, как он, находясь в 1708 г. местечке Веприке, «из оного <...> посылан в партию, как шведы стояли в Гадичах, и в оной партии я взял языков пять человек»⁶¹.

Для того чтобы прервать сообщение гадячского гарнизона с другими разбросанными по округе частями шведских войск, на ведущих к Гадячу дорогах курсировали отряды донского казачьего полковника Алексея Кутейникова, штаб которого размещался в деревне Вельбевке (около 1 км от Гадяча)⁶². Для удобства атаки на противника отряды занимали засадные позиции вблизи занятых шведскими войсками населенных пунктов, так как от них в разные стороны расходились дорожные пути, по которым перемещались объекты для нападения: обозы, небольшие отряды, курьеры и одиночные военнослужащие. Засады проводились как по классической схеме — занятие позиции и ожидание цели, так и ложной атакой с увлечением противника к месту расположения засады (знаменитый казачий прием «вентерь»).

Кроме подразделений действующей армии разведывательные сведения доставлялись в Веприк еще и местными жителями, которые занимались шпионской деятельностью по поручению русского командования. 4 декабря 1708 г. К.Э. Ренне отправил А.Д. Меншикову расспросные речи казака А. Степанина, который «по часту ходил до Гадяча»⁶³. К тому же местное казачество не только добывало «визуальные» разведывательные сведения, но и захватывало живые источники информации. К примеру, в декабре 1708 г. атаман местечка Рашевка Семен Пирятинский доставил в Посольскую походную канцелярию в Лебедине двух пленных военнослужащих шведской армии — «одного полской породы, да друга курляничка». Он задержал их при следующих обстоятельствах: «Пред двумя днями тех людей в селе Сарак, которое от Гадича в миле, взял он с казаками <...> да они ж-де взяли с теми вышеобъявленными швецкими людьми и третьяго шведа, которого взял от него, атамана, в местечку Веприку генерал Рен и оставил у себя <...> Да он же-де, атаман, взял у вышепомянутого взятого шведа <...> одиннатцать писем немецких запечатанных, и те письма поданы <...> Меншикову»⁶⁴.

Из этого сообщения видно, что Веприк, помимо прочего, являлся еще и фильтрационным пунктом по обработке оперативной разведывательной информации, поступавшей не только от отрядов корпуса К.Э. Ренне, но и

от местных жителей. Информация, необходимая для принятия решений на данном участке, оставалась для более тщательного изучения в канцелярии генерал-лейтенанта в Веприке, а наиболее важная в стратегическом плане срочно доставлялась в ставку главнокомандования в Лебедин.

Деятельность разведчиков из группировки К.Э. Ренне в квартирном районе вражеской армии очень быстро стала давать положительные результаты. Уже 7 декабря 1708 г. генерал-лейтенант сообщал в Лебедин об успешном проведении поиска с захватом «языка» небольшим отрядом казаков, возглавляемым прапорщиком Московского драгунского полка Жуковым, которые сделали небольшой рейд по Прилуцкой дороге до Лохвицы и продолжали курсировать в этом районе. Отряду пришлось удалиться от Веприка на значительное расстояние, так как противник избегал прямых путей на Ромны из-за действовавших там русских войск и отправлял курьеров в объезд, через Лохвицу⁶⁵. По данному поводу Д. Джеффрис писал в Лондон: «Не слышал я, чтобы когда почта отпущена была из шведской армии, ибо все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков»⁶⁶. В результате успешных действий отряда прапорщика Жукова был задержан гадячский мещанин О. Волченко и отправлен в ставку командования с сообщениями о положении шведских войск в Гадяче, их планах и отношениях с местными жителями⁶⁷. В это же время волошский полковник Ф.П. Апостол-Кигеч, откомандированный из отряда К.Э. Ренне в район Хмелева для ведения в этом районе разведывательно-диверсионной деятельности, задержал денщика шведского полковника и направил для допроса в Веприк⁶⁸.

Постепенно, ввиду сложившихся обстоятельств, действия русских разведчиков в районе Гадяча становились все более дерзкими. Пленные стали ими захватываться уже непосредственно в предместьях города. 15 декабря 1708 г. отрядом Жукова «на предместье Гадяцком взят мужик» Семен Грохваленко⁶⁹, а 16 декабря 1709 г. генерал-лейтенант К.Э. Ренне писал князю А.Д. Меншикову о действиях партии Московского драгунского полка и казаков у Гадяча: «Сей ночи посылал я Московского полку прапорщика Балкашина с казаками под Гадич, который взял блис самого валу мужика (Павла Иванова. — *С. И.*). А наехал он прапорщик дву человек. И ис того числа один ушел на стену и приняли ево шведы, а одного поймал. И я ево допросил и те допросные речи послал до вашей княжой светлости»⁷⁰. В случаях, когда диверсионная атака на населенный пункт не удавалась, отряд ограничивался диверсиями по уничтожению продовольственных запасов противника, находящихся в гадячском предместье⁷¹. Шведский историк К. Гримберг, работавший с дневниками солдат и офицеров Карла XII, сообщал о записи каролина Л. Кагта, о том, что 17 декабря 1708 г. «пришла русская партия к городу

Гадяч и сожгла большую часть пригородов и все зерно, которое собиралось в течение долгого времени в одном месте»⁷².

Помогали разведчикам в задержании вражеских солдат и местные жители, которым было обещано денежное вознаграждение. А.И. Ушаков, следивший за квартирным расположением шведских войск, докладывал А.Д. Меншикову, что «по милости твоей казакам за взятых офицеров и за рядовых даютца денги»⁷³. 17 декабря 1708 г. жители деревни Вениславовки передали курсировавшему в районе Гадяч — Лютенки поручику Московского драгунского полка Нелидову трех шведских посланцев, которые шли из Гадяча в Ромны и заблудились, с письмами к генералу Лагеркرونу⁷⁴.

Кроме сведений и «языков», полученных непосредственными подчиненными К.Э. Ренне, в Веприк поступали данные, добытые отрядами других крупных соединений. В частности от полковников К. Кампеля и П.И. Яковлева, которые находились в районе села Крыга (40 км от Сум) и собирали сведения для дивизии А.И. Репнина⁷⁵, и генерал-майора Г.С. Волконского⁷⁶, действовавшего в районе Сорочинцев, Миргорода, Сенчи, Лютенки и Лохвицы совместно со слободскими казачьими отрядами полковника Л.И. Шидловского⁷⁷. Полученные от них данные разведки, после оперативного изучения на месте, уже из Веприка перенаправлялись в ставку командования в Лебедин.

Сорочинцы

Не менее успешную разведывательно-диверсионную деятельность, чем группировка войск в Веприке, развернул на своем участке генерал-майор Г.С. Волконский. Ряд документов дает возможность оценить масштабы проделанной им работы.

Местечко Сорочинцы было известно еще с 20-х гг. XVII в. как укрепленное поселение на правом берегу реки Псел⁷⁸. Оно являлось центром одноименной сотни Миргородского казацкого полка, так как из-за неудобства размещения в Миргороде здесь находилась казачья полковая администрация во главе с полковником⁷⁹. Сорочинцы были крупным населенным пунктом⁸⁰ (в 1729 г. 857 дворов⁸¹). Но, несмотря на крупные размеры относительно других населенных пунктов Гетманщины городок не смог в декабре 1708 г. вместить в пределах крепостных укреплений все силы русской армии⁸².

Укрепления Сорочинцев находились на возвышении, имели форму треугольника и состояли из земляных валов, которые проходили с восточной и западной сторон. Два входа в крепость располагались с северной и южной сторон. Периметр сторон крепости составлял 1 490 м при длине валов 990 м и ширине 24 м⁸³. Точных сведений об оборонительных сооружениях этой крепости в Полтавский период не сохранилось. Можно предположить, что

осенью 1708 г. в систему ее укреплений входили традиционные для крепостей Гетманщины земляные бастионы с башнями и деревянный частокол⁸⁴. По некоторым сведениям, в начале XVIII в. в сорочинской крепости находилась так называемая «ка'мяница» — каменное здание с крепкими стенами и дверями, а также небольшими окнами, похожими на бойницы. Такие характерные сооружения могли использоваться как цитадель и давали возможность защитникам крепости продолжать оборону после прорыва врага за защитную ограду⁸⁵.

Чтобы занять Сорочинцы раньше противника, еще 16 ноября 1708 г. было принято решение о направлении к местечку полковника А.А. Головина с двумя батальонами Копорского и Ростовского пехотных полков. Для поддержания этих пехотных полков требовались отряды кавалерии, поэтому Б.П. Шереметев обратился к А.Д. Меншикову как командующему над русской конницей⁸⁶. Выполняя его просьбу, князь направил к Сорочинцам из Конотопа генерал-майора Григория Семеновича Волконского с драгунским отрядом⁸⁷. Заняв сорочинскую крепость до подхода пехоты, он должен был организовать разведку в данном районе и провести предварительные оборонительные мероприятия в крепости. Таким образом готовился плацдарм для батальонов А.А. Головина⁸⁸. Выполняя приказ командования, конница маршем выдвинулась в пункт назначения, следуя по маршруту Конотоп — Чернечья — Хоружевка — Сорочинцы.

Обстановка в регионе, которая осложнилась после измены И.С. Мазепы, требовала более решительных действий, поэтому, находясь 18 ноября 1708 г. у села Хоружевка, Г.С. Волконский получил уточняющий указ царя на ускорение марша к Сорочинцам⁸⁹. В местечко неоднократно поступали универсалы шведского командования и сторонников мятежного гетмана, которые призывали местное население к вооруженному сопротивлению российским войскам⁹⁰. 21 ноября 1708 г. Г.С. Волконский прибыл в пункт назначения. Царю и А.Д. Меншикову он доложил: «Пришел я с кумандою в город Сароченц в добром здравии»⁹¹.

О встретивших его настроениях среди сорочинской казачьей старшины можно судить из письма Г.С. Волконского в ноябре 1708 года. В частности, он сообщал, что, прибыв к укреплениям городка, обнаружил полное отсутствие старшины, которая по правилам того времени должна была организовать официальную встречу прибывшим в городок войскам. Старшина осталась верной И.С. Мазепе и покинула город, выдвинувшись в занятый шведами Гадяч. При этом сорочинский сотник разрушил часть городских коммуникаций, «розметав на мельницах мост». В этом же письме Г.С. Волконский отмечал, что население Сорочинцев в целом встретило русские войска приветливо и «благодарно»⁹². К тому же в местечке был обнаружен ушедший из

шведского лагеря миргородский полковник Д. Апостол, который, опасаясь репрессивных мер по отношению к себе со стороны царского правительства, направился «в свои маестности» и отсюда просил защиты у нового гетмана И.И. Скоропадского⁹³.

Дело в том, что с ноября 1708 г. из лагеря шведских войск начался отток малороссийского казачества — сторонников И.С. Мазепы, которые, предчувствуя крах авантюры, затеянной опальным гетманом, возвращались к царю в поисках прощения. Побег в русский лагерь были не только одиночными, но и целыми отрядами, которые не только доставляли разведывательные сведения, но и наносили урон противнику по пути своего следования. Компанейский полковник И.И. Галаган, находившийся некоторое время среди «мазепинцев», выбрал удобный случай и с сотней своих казаков ушел в расположение русских войск. По пути они совершили налет на отряд королевских гвардейцев-драбантов⁹⁴. Составитель «Летописи» о малороссийском казачестве А.И. Ригельман, который при ее написании лично беседовал с И.И. Галаганом, со слов последнего рассказывал, что, прибыв в ставку к царю, полковник представил несколько десятков пленных шведских солдат. О своих действиях он сообщил следующее: «Под видом разъездов в партию следуючи, я нечаянно наехал весьма вдали от войска на отъезжих сих драбантов, которые <...> не опасаясь нас, яко своих уже людей, были в оплошности. Мы же, окружа, тотчас взяли всех со всею их амунициею»⁹⁵.

О Д. Апостоле стоит сказать, что, собрав с него «расспросные речи», Г.С. Волконский направил в конце ноября казацкого полковника в сопровождении двух царских адъютантов и двухсот казаков («для опасения от неприятеля») в ставку главнокомандования для доклада об обстоятельствах измены⁹⁶.

К добровольно вернувшемуся казачеству не применялись карательные меры, а представители старшины даже получали обратно свои должности, так называемые «уряды». Они вливались в состав русской армии, которая широко использовала их в ведении малой войны против шведов и стимулировании партизанского движения среди населения Гетманщины. Л.И. Шидловский сообщал А.Д. Меншикову 13 декабря 1708 г. из Миргорода о необходимости прислать полковника Миргородского казацкого полка Д. Апостола в действовавший в этом районе разведывательно-диверсионный корпус генерал-майора Г.С. Волконского, так как его присутствие могло бы спровоцировать казачество на более активные действия против шведов: «Сего малороссийского народу, как вижу, собралось бы немалое число, только не х кому прихилится (присоединиться. — С. И.), не изволишь ли, ваша светлость, миргородского полковника отпустить, чтобы они к нему збирались. А зело б их много собралось, хочай же и не вскоре бы они были нам потребные, еднатк бы они знали, что их противу неприятеля требуют»⁹⁷.

Такие представители казачества, как вернувшиеся из шведского лагеря полковники Д. Апостол и И.И. Галаган, принимали активное участие в разведывательно-диверсионной деятельности русских войск и добросовестно выполняли требование царя «чинить над шведами поиски и доставать языки». Полковник И.И. Галаган удачно действовал на линиях коммуникаций противника и, по словам А.И. Ригельмана, «не только разъезды, но и самых шведских курьеров, бегущих с письмами, почти всех и отовсюду приводил к государю <...> А в один случай, напав на обоз, следующий из Польши под немалым конвоем с денежною казною до армии шведской, разбил»⁹⁸.

Ввиду того, что русскому командованию осенью – зимой 1708 г. была крайне необходима информация о расположении шведских войск, для сбора этих сведений Г.С. Волконским сразу же по прибытии в Сорочинцы была организована разведывательная служба. Она велась посредством летучих отрядов, которые находились в непосредственной близости от шведских позиций, захватывали «языков» и отслеживали все перемещения войск Карла XII. Собирая разведывательные сведения от местных жителей-шпионов о расположении и силах противника, Г.С. Волконский направлял для их уничтожения небольшие диверсионные отряды. 13 декабря 1708 г. в составе диверсионного отряда им был проведен набег на окрестности местечка Сенча, а также выслана небольшая группа кавалеристов на разведку к Лохвице⁹⁹. 14 декабря в письме к А.Д. Меншикову он просил разрешения о высылке партии в Лубны, так как ранее были получены сведения о нахождении там небольшого отряда «мазепинцев»¹⁰⁰. Такие действия были крайне необходимы для того, чтобы контролировать угрозу Сорочинцам со стороны шведов и их союзников.

Для более эффективных разведывательно-диверсионных действий на подконтрольной территории группировке Г.С. Волконского требовалась иррегулярная конница. Еще при подготовке к маршу на Сорочинцы 15 ноября 1708 г. генерал-майор обращался к А.Д. Меншикову с просьбой «прибавить ко мне казаков и калмыков над неприятелем для лутчего поиска», ссылаясь на то, что в его отряде находилось всего 150 донцов, «и те художонные»¹⁰¹. В Сорочинцы были направлены из Харькова слободские казаки Изюмского и Ахтырского полков во главе с бригадиром Ф.В. Шидловским и ахтырским полковником Ф. Осиповым¹⁰², которые прибыли в город 2 декабря 1708 г. и сразу же подключились к ведению разведывательной деятельности¹⁰³. Уже 3 декабря Ф.В. Шидловский сообщал А.Д. Меншикову: «Выправили мы партию под местечко Сенчу командированных казаков. А с чем оние посланные наши возвратятся, о том к вашей Светлости будем писат впредь»¹⁰⁴. Чуть позже, 14 декабря 1708 г., в состав корпуса Г.С. Волконского был направлен еще один отряд иррегулярных войск в 100 человек (донские казаки

и калмыки), выделенных из корпуса К.Э. Ренне под Веприком¹⁰⁵. Казачьи отряды оказывали неоценимую помощь гарнизону Сорочинцев в захвате «языков», которые регулярно доставлялись ими в крепость. Г.С. Волконский неоднократно сообщал о таких операциях иррегулярной конницы: «Которого языка привели ко мне из Лохвиц казаки, и того языка с теми ж казаками послал я да твоей светлости (А.Д. Меншикову. — С. И.)»¹⁰⁶.

Сорочинский гарнизон доставлял Карлу XII не меньше беспокойства, чем Веприк. 3 декабря 1708 г. группировка войск в Сорочинцах была усилена еще и прибывшей в крепость пехотой¹⁰⁷. Это был не отряд А.А. Головина, а два батальона от Киевского и Нарвского пехотных полков во главе с полковником Г.И. Карташовым¹⁰⁸. Поэтому, чтобы уничтожить гарнизон или заставить русские войска в Сорочинцах покинуть город, шведскому командованию необходимо было применить атаку крепости, совершенно нехарактерную для тактики Карла XII, но в силу обстоятельств впоследствии не раз используемую им в Гетманщине.

Первая попытка захвата сорочинской крепости была предпринята противником еще в конце ноября 1708 г., когда из Лохвицы для этой цели выдвинулся крупный шведский отряд в составе 4 000 человек¹⁰⁹. По одной из версий, причиной движения шведов к Сорочинцам было желание задержать ушедшего из королевского лагеря миргородского полковника Д. Апостола. Так, драгунский капитан И.А. Тюменев, состоявший в команде генерала Г.С. Волконского, сообщал, что находился «в осаде в местечке Сорочинце от шведов, которые были посланы <...> за полковником миргородским Апостоленком, как он ушел от шведов»¹¹⁰.

О приближении вражеских сил гарнизону стало известно заранее благодаря тому, что Г.С. Волконский отправил разведывательную партию к шведским войскам на марше, которой удалось захватить двух «языков». От них были получены сведения о нахождении шведских сил в местечке Камышня в 25 км от Сорочинцев. 28 ноября Г.С. Волконский написал в ставку главнокомандования, что он «проти́ф того подъезду послал свой подъезд. И какие впредь получу ведомости, а том <...> писать буду»¹¹¹. Но уже на следующий день быстрым броском шведские войска приблизились к крепости и сходу попытались атаковать город. О подробностях нападения Г.С. Волконский сообщил в письме Петру I: «Пришли ани в передместья, и несколько дворов в передместье выпалили <...> а как ани были в передместье, несколько из них побито»¹¹². Не желая втягиваться в долговременную осаду, шведские отряды в ту же ночь покинули окрестности Сорочинцев и выдвинулись к селу Савинцы. Уничтожив этот населенный пункт («выпалили ж»), шведы вернулись в Камышню.

8 декабря 1708 г. русское командование принимает решение о переброске отрядов кавалерии из Сорочинцев в Миргород для укрепления еще одного

стратегически важного пункта. Возможно, это было связано еще и с тем, что размеры и запасы сорочинской крепости были недостаточны для такой большой русской группировки (драгуны Г.С. Волконского, казаки Ф.В. Шидловского и два пехотных батальона Г.И. Карташова). Можно также предположить, что отправка Г.С. Волконского в Миргород была связана с несколькими конфликтными ситуациями, произошедшими между ним и Г.И. Карташовым. Вначале это были споры из-за пароля на вступление в город, который пехотный командир Г.И. Карташов не хотел предъявлять офицеру кавалерии. Генерал-майор неоднократно жаловался светлейшему князю на неподчинение ему полковника Г.И. Карташова. По-видимому, это происходило при выяснении вопроса, кому должна была принадлежать главенствующая роль в руководстве сорочинским гарнизоном¹¹³. Таким образом, выводом кавалерийских отрядов генерал-майора из Сорочинцев и переброской его на другой, не менее важный участок, командование старалось погасить дальнейшее крайне нежелательное развитие конфликта между офицерами¹¹⁴.

9 декабря 1708 г. кавалерийский корпус Г.С. Волконского убыл из Сорочинцев в Миргород в сопровождении отряда Ф.В. Шидловского, который оставил в крепости только 200 казаков во главе с двумя сотниками для оперативной разведывательной службы¹¹⁵. На прощанье генерал-майор пожелал Г.И. Карташову «фартецию Сорочинскую держать по указу царского Величества»¹¹⁶.

Проблемы с продовольствием в лагере шведской армии

Непрерывные точечные атаки со стороны русских диверсионных отрядов достигли своей цели и вынудили Карла XII постепенно стянуть отдельные части шведских войск и расположить их более компактно. Как писал Г.И. Головкин 10 декабря 1708 г. царю: «Неприятельское намерение о зимовых квартирах препятствовано, и принужден он всю армию с великою трудностию в самом утеснении держать, которого мы непрестанно партиями докучать не оставляем, ибо мы от него менши двух миль с кавалериею нашей стоим»¹¹⁷.

Как уже отмечалось, во время нахождения на зимних квартирах шведским войскам пришлось столкнуться с еще одной немаловажной проблемой — нехваткой провианта и фуража в том количестве, которое было бы способно обеспечить армию короля. Чтобы выйти из затруднительного положения, с конца ноября до середины декабря 1708 г. находившийся в Ромнах Карл XII интенсивно распространял среди населения Гетманщины универсалы, в которых помимо прочего звучал призыв к местному населению о предоставлении продуктов питания для обеспечения шведской армии¹¹⁸. В ноябре 1708 г. в Ромны были приглашены представители казацкой старшины из

Лохвицы, Лукомли, Чигирин-Дубровского, Пирятина, Чернух и Сенчи. С этих сотенных местечек было приказано собрать на нужды шведской армии 24 000 волов, 60 000 ржаной и 40 000 пшеничной «осмачек» муки¹¹⁹.

Несмотря на упоминания в украинской историографии о шведских фуражных командах, действовавших «очень деликатно» на территории Гетманщины и оплачивающих деньгами изъятые ими продукты¹²⁰, хотелось бы отметить, что в условиях катастрофической нехватки припасов скандинавские «гости» особенно не церемонились и требовали от населения поставок в войска «безденежно». Например, полковник королевской гвардии А. Форстенсон в начале декабря 1708 г. направил универсал к войту и жителям села Липовая Долина, находившемуся в центре занятой шведскими войсками территории между Ромнами и Гадячем, чтобы они исправно поставляли ему провиант и фураж. Речь шла о выделении следующих продуктов с каждого дома: «Муки витпол осмачку¹²¹, алыбо жита осмачку, солоду осмачку, або чотири бочки пива, и до каждой осмачки солоду по чотири фунта хмелю, пол осмачки гороху, албо круп ячных колбек, вола едного (одного. — *С. И.*), албо десятеро овец, масла чотири камене, пуд каменя соли, тютюну (табака. — *С. И.*) чотири папуши, два гарде горелки, три вози сена, две осмачки овса, три вози соломи, чтире вози дров»¹²².

Такого же типа универсал был направлен в конце ноября 1708 г. и жителям Миргорода, чтобы они незамедлительно отправили установленное количество провианта в Лохвицу. Но жители города, не выполняя требований шведского командования, переправили этот документ в Сорочинцы Г.С. Волконскому. Изучив полученные сведения, генерал-майор через старшину Миргородского полка принял контрмеры и распространил среди населения свой универсал, в котором призывал их не поставлять в армию Карла XII провианта¹²³.

Кроме продовольствия, на местных жителей легла еще одна повинность — по выделению в распоряжение российской кавалерии имеющихся в наличии у казацкой старшины лошадей¹²⁴. В первую очередь это касалось «мазепинцев» — тех представителей казачества, кто поддержал И.С. Мазепу. В частности, в середине декабря 1708 г. А.Д. Меншиков требовал от Г.С. Волконского собрать лошадей на территории Миргородского полка, но сделать это было затруднительно, так как имущество ряда старшин было к тому времени уже разграблено крестьянами или шведскими войсками. Но, несмотря на трудности, Г.С. Волконскому удалось направить в ставку светлейшего князя несколько кобыл и жеребят¹²⁵.

Разместившиеся в Ромнах, Прилуках и Лохвице шведские военнотруженики выезжали на заготовку пищи в ближайшие населенные пункты («войскам шведцким хлеб и живность збирают с уездов, тако ж и на продажу мужики возят»¹²⁶). Небольшим отрядам противника, разбросанным по квартир-

ному району и находившимся поблизости к позициям русских войск, приходилось довольствоваться исключительно местными продуктами. В частности, разместившийся в Гадяче шведский гарнизон питался только из запасов горожан («кормят их всех жители гадяцкие хлебом и другим харчем своим, которой у них есть. А ис посторонних сел и деревень мужики ничего к ним не возят»¹²⁷). Заготовщики пищи опасались удалиться от укрепленного пункта на значительное расстояние, чтобы не попасть в засаду или под налет русских диверсионных отрядов из корпуса К.Э. Ренне. А.И. Ригельман, писавший о продовольственных проблемах в шведской армии зимой 1708 г., отмечал, что «Мазепа, хотя по обещанию своему довольно домогался продовольствовать армию шведскую, но за беспрестанными, везде бываемыми, российскими партиями, не в силах был столько доставать, колико потребно было <...> притом с российской стороны теми партиями везде на шведов нападали, и тем, как способы в доставании провианта, так и число шведов, наиболее умалили (уменьшали. — С. И.)»¹²⁸.

Перебои в снабжении продовольствием сказывались на здоровье шведских военнослужащих, а недостаток фуража приводил к падежу лошадей из кавалерийских полков и подразделений обеспечения. Все это отражалось на боеготовности вражеских отрядов, так как восполнить людские потери на данном этапе шведскому командованию было почти невозможно. О тяжелом положении дел в лагере противника сообщали 18 декабря 1708 г. в ставку русского командования дезертировавшие из Ромен «мазепинцы»: «В войске-де швецком зело много больных, и как болные, так и не гораздо больные объедаются по бывшему у них голоду и помирают многие»¹²⁹. Интенсивные потери живой силы противника и истощение его тыловых ресурсов повышали боеспособность русской армии, в лагере которой новости такого характера воспринимались с воодушевлением. Сам царь достаточно эмоционально реагировал на сообщения о многочисленных потерях в рядах шведских войск и писал 25 января 1709 г. князю Г.Ф. Долгорукому: «А что шведы мрут, дай боже, чтоб еще болше того слышать, дабы от сих сабак свободу получить»¹³⁰.

В сложившейся обстановке русские диверсионные отряды, действовавшие на внутренних коммуникационных линиях территории, занятой войсками противника, преследовали основную цель — посредством набегов порвать связь между его отдельными частями, чтобы обрушить удар на каждую из них. Воспользовавшись значительным расстоянием между квартирами шведских войск и проблемами с обеспечением продовольствием, русские диверсионные отряды основной удар сконцентрировали на разобщенных отрядах армии Карла XII, наиболее удаленных от основных сил, а также на перемещавшихся по квартирному району фуражиров. Ведь вражеские тыловые обозы и сборщики фуража, сопровождаемые небольшим и, как правило, слабым

охранением, были идеальной мишенью для налетов и засад. Хронист Г. Адлерфельд писал о таких атаках на фуражиров армии Карла XII: «Предотвратить эти, повторяющиеся время от времени несчастья, было совершенно невозможно. Мы были вынуждены собирать продовольствие и фураж далеко в стороне от наших квартир, и наши полки то тут, то там неизбежно теряли выделенные из них для проведения фуражировки небольшие отряды»¹³¹.

На ту же проблему жаловался и пастор Й. Нордберг: «Они (русские диверсионные отряды. — *С. И.*) стали нападать на отдельные наши отряды и даже на части, перевозившие фураж, и отбирали его. У Зенькова им удалось захватить 11 драгун Канийского полка. Два капитана, Рейтерштиерн и Гилленанкар, подверглись той же участи недалеко от Лютенки. Было совершенно невозможно этому препятствовать»¹³².

Оперативные действия русского командования по организации зимней малой войны позволили нарушить отдых противника на квартирах. Удачное размещение диверсионных и разведывательных отрядов вокруг мест компактного размещения шведских войск позволяли отслеживать его действия, а непрерывными налетами и засадами держать в постоянном напряжении.

Малая война в Роменском и Гадячском квартирных районах (середина декабря 1708)

Мастерство и результативность ведения малой войны зимой 1708—1709 гг. не раз отмечались военными историками. В частности, Б.С. Тельпуховский писал, что «русские, усвоившие тактику малой войны, непрерывными набегами беспокоили шведов. Сначала они действовали небольшими партиями, а со второй половины декабря (1708 г. — *С. И.*) стали нападать более сильными отрядами»¹³³.

Действительно, постепенно ведение малой войны начало переходить от небольших точечных ударов по противнику к организации хорошо спланированных военных операций. В подтверждение этого приведем в пример проведение во второй половине декабря 1708 г. основными силами русской армии масштабной разведывательно-диверсионной операции против расположившихся на зимних квартирах в районе Ромен и Гадяча шведских войск (Роменско-Гадячская операция).

Согласно плану, согласованному на военном совете в Лебедине (3/4 декабря 1708) после рекогносцировки Петра I еще в ноябре — декабре, было принято окончательное решение об осуществлении диверсионной операции с атакой городов Ромны и Гадяч, занятых вражескими войсками. Основные силы русской армии должны были сделать отвлекающий маневр с помощью ложной атаки (налета) на Гадяч, а в это же время сводный отряд генерала

Л.-Н. Алларта смог бы атаковать Ромны («большой части войску идти и добывать Гадяч; а генералу Аларту идти к Ромну <...> в таком намерении, что ежели король не пойдет на сикурс Гадяча, то Аларту не приближаться к Ромну, но добывать Гадяч; буде же пойдет на сикурс, то от Гадяча отступить, а Аларту в Ромен вступить»¹³⁴).

В составлении плана предстоящей операции русскому командованию помогли разведывательные сведения, полученные от священника по имени Иван (фамилия неизвестна), который провел тщательный осмотр расположения противника и составил подробный отчет о собранной им информации в Посольскую походную канцелярию 13 декабря 1708 г.: «Ездил <...> в село Николаевку, которое за Ромнами с милю, для посвящения маслом матери своей. А как ис того села поехал <...> домой, то прислал по него из Ромны полковник лубенской, чтоб он, поп, к нему заехал»¹³⁵. Находясь в Ромнах, Иван изучил положение дел в лагере противника: «На дворе <...> у него, полковника лубенского, стоят на карауле шведы человек с пятьдесят, и разставлены караулы в трех местах: первой у ворот, другой у сеней, а третьей у светлицы в сенях <...> Мазепа-де зело болен и никуда з двора не ездит, и при нем-де войска казацкого ничего нет. Но которые и есть, как он слышал: один полк компанейской, и волохи, и калмыки, те стоят по деревням. Сколко-де шведов ныне в Ромне, о том он, поп, не знает, токмо-де многие шведы стоят по местечкам и селам от Ромны по Батуринской дороге о миле, о двух и о трех»¹³⁶. Когда священник вернулся домой, он рассказал жителям своей деревни, что был в Ромнах. Сведения об этом дошли до воеводы местечка Недрыгайлова, в окрестностях которого жил священник, а он «прислал по него человека своего з драгунами и, взяв его, отвезли к генералу-поручику Флюку»¹³⁷. Воевода верно оценил важность донесения, которое было получено от попа Ивана во время подготовки диверсионного набега на квартирное расположение шведских войск, и направил попа в ставку командования в Лебедин для более подробного расспроса.

Подготовка к этой операции проходила с учетом навыков, полученных при проведении диверсионных набегов на вражеские объекты тыла еще на начальных этапах Северной войны в Прибалтике. В частности, для повышения мобильности пехотные подразделения, участвовавшие в атаке на Ромны, были посажены на сани¹³⁸. Генерал Л.-Н. Алларт докладывал царю 16 декабря 1708 г. о марше своих войск: «Сего моменту иду я с 3 000 на саях и чаю о полудне в Олышаних быть, в трех милях отсюда, и с кавалериею соединиться з господином Гейнскиным. И пойду с частию кавалерии до Недрыгайлова <...> и розположу партии далее»¹³⁹. Для ведения разведки на марше к корпусу Л.-Н. Алларта был приставлен летучий отряд донских казаков под руководством капитан-поручика А.И. Ушакова¹⁴⁰.

В это же время основная группировка царской армии, выступившая еще 7 декабря 1708 г. из Лебедина¹⁴¹, сконцентрировала свои силы у Веприка, имитируя активными действиями атаку на Гадяч. В результате этого обманного маневра основные шведские силы во главе с Карлом XII покинули 16 декабря 1708 г. свои квартиры (Ромны, Глинск, Прилуки и Лохвицы¹⁴²) и направились к Гадячу, которому, как им казалось, угрожала опасность.

Важную роль в получении разведывательной информации о выступлении из Ромен войск противника сыграли разведчики А.И. Ушакова, задержавшие в районе Недрыгайлова отряд шведских волохов (11 чел.), из допроса которых стало известно, что «король <...> рано утром отправился в поход <...> что он сразу перед выступлением <...> отдал приказ всей армии идти на Гадяч»¹⁴³. Однако командование корпуса Л.-Н. Алларта не воспользовалось полученными сведениями в полной мере и потеряло шанс захватить в плен И.С. Мазепу, который покинул Ромны лишь «декабря 17 ж дня до вечера за два часа»¹⁴⁴. В свою очередь А.И. Ушаков был возмущен тем, что вовремя полученная его отрядом информация не была проанализирована и использована Л.-Н. Аллартом должным образом, а командиры «не поспешили <...> по таким ведомостям и стояли сутки в Олешне неведомо для чего»¹⁴⁵. Тем не менее диверсионная операция русских войск продолжилась согласно намеченному плану.

Как уже отмечалось, по первоначальному плану, атакующие Ромны отряды должны были ограничиться точечным ударом с проведением диверсионных налетов на предместье города и затем отступить («ежели оное место немногим осажено, оного не атаковать, но их оставленную багажу в предместьях разорить и оные зажечь»¹⁴⁶). Но, не встретив организованного сопротивления, 18 декабря 1708 г. русские диверсионные отряды бригадира Ф.И. Фастмана и полковника А. Ветерани, в состав которых входили разведчики А.И. Ушакова, ворвались в город и заняли Ромны. Шведы, находящиеся в гарнизоне крепости, «потривожась оное место оставили, кроме некоторого багажу и офицеров, которые сами полковнику Ветеранию здались, когда он в Ромню пришел сего дня на розсвете. И тако Ромня в наших руках»¹⁴⁷.

Тем временем Карл XII, маршировавший со всей пехотой к Гадячу, надеялся, что наконец-то произойдет решающее сражение, к которому он так долго стремился. Но на марше вражеской армии пришлось столкнуться с дополнительными трудностями, которые были созданы тем, что зима 1708—1709 гг. побила рекорды низких температур по всей Европе и отметилась на территориях Гетманщины аномальными морозами¹⁴⁸. Скандинавским войнам, несмотря на адаптированность к тяжелым климатическим условиям, приходилось терпеть ужасные мучения из-за пронизывающего холода. Потерявшие осенью 1708 г. в обозе генерала А.Л. Левенгаупта у Лесной кроме

прочего и теплые зимние вещи, шведские войска были вынуждены довольствоваться только тем, что удалось собрать еще в начале «русского похода» в Саксонии или отобрать у жителей Гетманщины. Карлу XII даже пришлось обращаться к турецкому правительству с просьбой посодействовать в закупке для шведской армии полевых палаток, чтобы восполнить материальные потери¹⁴⁹. Ледяной ветер и стужа стали еще одними союзниками русской армии во время проведения этой войсковой операции.

К. Гримберг цитировал выдержки из дневника полковника Нильса Юлленшерны, который писал о марше шведских войск к Гадячу в декабре 1708 г.: «И в день и в ночь мы терпели лишения, день и ночь маршируя, мы видели дороги, полные замороженными до смерти людьми и лошадьми, брошенный багаж и медицинские тележки»¹⁵⁰. Подтверждались эти сведения и в работе В.Е. Шутого, исследовавшего дневниковые записи находившегося при шведской штаб-квартире словака Даниеля Крмана, который в свою очередь писал: «Мы уже слышали, что его (Гадяча. — С. И.) пригороды были преданы огню москвитями <...> Притом надо было преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окончили насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах»¹⁵¹. Кроме холода шведские войска на марше испытывали проблемы с продовольствием. В своем дневнике шведский драгунский лейтенант Й.М. Лют писал, что во время бесконечных маршей зимы 1708—1709 гг. королевские войска почти всегда испытывали дефицит в продуктах питания и постоянно были окружены врагами. Иногда голод был таким невыносимым, что солдатам приходилось «грызть кору деревьев», чтобы таким образом «успокоить желудок»¹⁵².

Надежды шведского короля на скорую битву были напрасны. Прибыв на место предполагаемого сражения и продержав свои войска в степи двое суток в строю на лютном холоде (до -40°C), Карл XII так и не получил своей генеральной баталии. В планах русского командования не было вступления в битву. Пока враг был на марше, а силы генерала Л.-Н. Алларта захватывали покинутую врагом Роменскую крепость, русские диверсионные отряды, направленные от Веприка, налетели и окончательно выжгли предместье Гадяча. Они уничтожили припасы, заготовленные для шведских войск, а также постройки, дающие возможность расквартирования личного состава. Даже после окончания этой операции предместье Гадяча еще полыхало, а дополнительные силы русских диверсантов продолжали поддерживать огонь. Генерал-лейтенант К.Э. Ренне писал А.Д. Меншикову в Лебедин 19 декабря 1708 г.: «А предместье еще и до сего часа горит, понеж его и сего дня еще запалили во многих местех»¹⁵³.

В то время как противоборствующие армии сконцентрировали свои силы у Гадяча, закрепившийся в Ромнах Л.-Н. Алларт организовал разведку ближайшего к городу района силами шпионов, которым удалось получить не только сведения о размещении войск противника, но и отследить движение вражеских колонн во главе с Карлом XII к Гадячу. Генерал сообщал царю: «Лазутчики мои рассказывают, что король швейцарской с Мазепой ныне в Гадиче, куда и вся инфантерия пошла, а кавалерия стоит, рассказывают, в последующих местах: по Хоролю реке, в Липове Долине, Русиновке, Розбушилке, Сергеевке, Лутцке, Петровке»¹⁵⁴. Эти разведывательные сведения были срочно направлены русскому командованию и действовавшие в районе Гадяча диверсионные отряды смогли вовремя сняться с позиций и до подхода вражеских сил отойти к Лебедину.

Потеряв с уходом русских войск от Гадяча реальный шанс на вступление в сражение и не имея уже возможности вернуться в Ромны, шведская пехота во главе с королем сконцентрировала все свои силы в гадячской крепости. Но к этому времени она уже не могла предоставить комфортабельных условий для размещения такого большого числа людей и животных. Из-за проведенной ранее русскими отрядами диверсии по уничтожению жилых построек в предместье Гадяча, шведской армии не удалось занять теплые квартиры и пришлось ютиться в холодных палатках, в некоторых случаях и под открытым небом. В сложившихся неблагоприятных погодных условиях все это привело к массовой гибели шведских военнослужащих от переохлаждения¹⁵⁵.

Королевский генерал-квартирмейстер А. Гилленкрок в мемуарах рассказывал, в каком катастрофическом положении пришлось оказаться шведской армии в результате успешной диверсионной операции русского командования: «Король выступил на другой день (18 декабря) и пошел к Гадячу, откуда неприятель отступил после сожжения предместья. Король занял город. Но как большая часть домов была сожжена, то третьей части войск нельзя было разместить под кровлею, отчего при сильной стуже полки лишились многих солдат»¹⁵⁶. Количество скопившихся в Гадяче и окрестностях шведских сил было слишком большим для этого небольшого населенного пункта. В своем дневнике шведский офицер Р. Петре сообщал, что при вступлении в Гадяч 18 декабря нагрузка на один дом в городе была от 20 до 30 человек на одну комнату¹⁵⁷. Помещений для размещения военнослужащих короля катастрофически не хватало. К тому же в таких условиях стало понятно, почему объектом диверсии российских отрядов стало уничтожение (поджог) построек гадячского предместья, в которых теперь было невозможно укрыться от невыносимого холода. Большая часть солдат оказалась на улице, а при аномальном морозе это было сравнимо с самоубийством.

Как отмечал и В.А. Бессонов, успешность ведения малой войны, как и любого другого военного конфликта, можно оценить по физическому, мате-

риальному и морально-психологическому ущербу, нанесенному противнику. Главную роль здесь играли непосредственные числовые показатели, которые поддавались статистическому анализу¹⁵⁸. При статистических подсчетах основным свидетельством эффективности малой войны можно считать физический ущерб, то есть безвозвратные (убитые, пленные) и временные (раненные) потери в живой силе противника. Но при статистическом анализе потерь, понесенных шведской армией в Полтавский период Северной войны, приходится столкнуться с проблемой точного их определения. Причина этого заключается в отсутствии достаточного числа достоверных и полных по своему объему сведений о потерях в армии Карла XII за период с осени 1708 г. до начала Полтавской битвы. К тому же, как отмечал Б.Ц. Урланис, исследовавший людские потери в военных конфликтах XVII–XX вв., враждующие стороны в Северной войне были склонны к занижению своих и завышению чужих потерь при составлении писем, реляций и отчетных документов о боевых столкновениях. Поэтому метод сравнения данных не может привести к объективному и точному результату¹⁵⁹.

В Полтавский период Северной войны шведская армия несла ряд небоевых потерь — это гибель от обморожения во время аномальных морозов зимы 1708–1709 гг., утопленники половодья февраля 1709 г., болезни в результате летней антисанитарии в июне под Полтавой, и прочее. Ведь только в полках, подчиненных генералу А.Л. Левенгаупту, в январе 1709 г. от обморожения погибло около 4 000 военнослужащих¹⁶⁰. Сопоставляя данные о количественном составе армии Карла XII при выступлении в «русский поход» осенью 1708 г. и сведения о количестве шведской пехоты из «Табеля», составленного 3 марта 1709 г., попавшего в руки русского командования, мы можем вести речь только о примерных цифрах выведенных из строя военнослужащих вражеской армии в ходе зимней кампании 1709 г. в Гетманщине.

*Сравнительная таблица потерь в шведских пехотных полках
(зима 1708–1709)¹⁶¹*

<i>Название полка (шведское/русское из табеля)</i>	<i>Число военно- служащих перед «русским походом» (1708)</i>	<i>Число здоровых военнослужа- щих после зимней кампа- нии (март 1709)</i>	<i>Число больных и увечных от мороза (март 1709)</i>	<i>Всего военно- служащих (март 1709)</i>
Лейб-гвардия (Livgardet till fot/«Гвардия»)	3 000	1 327	475	1 812
Сёдерманландский (Södermanlands regemente/«Зиндерменленинг»)	1 200	601	210	811

Крунубергский (Kronobergs regemente/«Кромберкслер»)	1 200	540	208	748
Ёнчёпингский (Jönköpings regemente/«Смоленингербике»)	1 200	566	200	766
Дальский (Dal regemente/«Далкарл»)	1 200	540	232	758
Эстгётский (Ostgota regemente/«Остерготен»)	1 200	600	196	796
Вестманландский (Västmanlands regemente/«Весмаленинк»)	1 200	609	151	760
Вестерботтенский (Västerbottens regemente/«Вестергетен»)	1 200	725	149	874
Кальмарский (Kalmar regemente/«Калмар»)	1 200	510	223	733
Нерке-Вермландский (Närke-Varmlands regemente/«Вармленингер»)	1 200	501	220	756

Число среднегодовых потерь (погибших) в Северной войне за 21 год исчисляется в 3 000 человек, что было значительно меньше, чем, например, в ведущейся в это же время Войне за Испанское наследство (1701–1714), где за 13 лет среднегодовые потери составили 18 000 человек¹⁶².

После проведения так называемой Роменско-Гадячской операции русские войска продолжили использовать все свои преимущества в сложившейся климатической обстановке. П.А. Кротов в одной из своих работ цитирует воспоминания участника шведской зимней кампании 1708–1709 гг. Константена де Турвиля, который писал, что «Царь, постоянно находившийся с нами в соприкосновении, использовал преимущества ужасной зимы <...> чтобы почти беспрепятственно беспокоить нас <...> Большинство шведов умирали от холода, и немалое число их погибло в тяжелых переходах и стычках <...> Карл между тем <...> был не в состоянии пополнять свои войска, страдавшие от переходов и от холода, более жестокого, чем это вообще можно описать. Данное преимущество, которого не хватало шведскому королю, целиком было на стороне царя»¹⁶³.

Дополнительные преимущества русских войск заключались также в способности организовать контрразведку. Так, закрепившийся в Ромнах капитан-поручик А.И. Ушаков руководил разведывательной службой, проводимой силами донских казачьих отрядов, которые наблюдали за действиями противника¹⁶⁴. В конце декабря 1708 г. партии донцов ходили к Гадячу, Глинску и Липовой долине, а добытая ими информация вовремя доставлялась командованию. Кроме этого, А.И. Ушаковым была организована контрразведывательная деятельность, в результате которой 23 декабря 1708 г. в Ромнах были задержаны вражеские «шпики», из допроса которых были получены первые сведения о намерениях шведской армии двигаться на юг к Полтаве¹⁶⁵. Это были очень важные данные, поскольку именно этим числом датирован указ Петра I полковнику А.С. Келену двигаться к Ахтырке, откуда он с пехотными полками был отправлен в Полтаву на усиление гарнизонных войск¹⁶⁶. Одним из оснований для принятия такого решения стали разведывательные сведения, полученные А.И. Ушаковым в Ромнах.

В целом, обманным маневром с ложной атакой на Гадячский плацдарм командованию петровских войск удалось достичь цели и сузить район расквартирования шведов, загнав их на подорванный диверсиями и непригодный для размещения участок у Гадяча и обеспечив себе дополнительный разведывательно-диверсионный пост в Ромнах. В то же время диверсионные действия русских отрядов у гадячской крепости по уничтожению жилых построек, без непосредственного вступления в соприкосновение с противником, привели к массовой гибели шведских военнослужащих. В результате успешного применения методов малой войны при проведении масштабной Роменско-Гадячской войсковой операции русской армии удалось вывести из строя значительные силы вражеской армии, для которой потеря людских ресурсов в обстановке невозможности их быстрого восстановления была разрушительна.

Контрмеры шведской армии по противодействию разведывательно-диверсионной деятельности русской армии (январь 1709)

В конце декабря 1708 г. Карл XII, понимая невозможность дальнейшего расположения такой большой группировки в районе Гадяча, принимает решение провести атаки на небольшие гарнизоны русских войск в городках, находившихся на границе со шведским квартирным районом и откуда велась методичная назойливая разведывательно-диверсионная деятельность. В связи с этим возникла явная угроза веприкской группировке К.Э. Ренне, которая дислоцировалась в угрожающей близости от Гадяча и закрывала противнику дорогу на Лебедин.

Необходимо было принимать решительные меры — либо усиливать состав войск в Веприке, либо отступать на другие позиции. В связи с этим К.Э. Ренне спрашивал еще 18 декабря 1708 г. в письме к А.Д. Меншикову о дальнейших действиях: «Благоволи ваша княжья светлость незамедлительно определить указом, рушица нам к Зинкову или нет. Чтоб нам оное место захватить прежде неприятеля. А я здесь стою с полками во всякой готовности»¹⁶⁷. Тревожные настроения в Веприке усугубились еще больше, когда 19 декабря 1708 г. полковник К. Кампель прислал в крепость задержанного им монаха Варнаву, вышедшего из Гадяча. От него были получены тревожные сведения, что шведские войска планируют выступить в поход «идти до Лебедина и на Веприк и бить на войско царского величества»¹⁶⁸.

Все эти новости требовали принятия скорейших решений. Тем более что участились случаи нападения шведских отрядов на позиции сторожевых дозоров русских войск, окружавших Гадяч: 18 декабря на чугуевцев Юсупа мурзы¹⁶⁹ в Хицах и 20 декабря на драгун в Браварке¹⁷⁰. По этой причине им пришлось покинуть свои позиции и переместиться в Веприк. В городке стало создаваться тяжелое положение с размещением прибывавших войск и их обеспечением.

Несмотря на сложную обстановку, русские войска любыми путями хотели удержать за собой веприкский плацдарм, важность которого уже неоднократно подтверждалась успешными разведывательно-диверсионными действиями в этом районе. Ответом командования на тревожные сообщения из веприкской крепости может служить указание Петра I от 22 декабря 1708 г., где ставились задачи находившимся в Веприке войскам. В частности, от них требовалось, «ежели неприятель розложитца со фсем корпусом кругом Гадича вблизи», покинуть свои позиции, «а буде неприятель розложитца от Гадича вдаль, то держать оной»¹⁷¹, то есть следить за вражескими перемещениями и действовать по обстановке. При этом, царь отмечал особую важность Веприка как форпоста на линии соприкосновения с противником. Тем не менее в день формирования указа судьба группировки К.Э. Ренне уже была решена, ввиду того, что шведский король направил крупный отряд для атаки веприкской крепости. Для сохранения мощи кавалерийского корпуса К.Э. Ренне из Веприка необходимо было отступить.

Атакующие силы противника разделились. Карл XII с группой войск напал на кавалерию К.Э. Ренне, которой пришлось уходить к Зенькову, в то время как граф К.О. Шперлинг с двумя пехотными полками (Скараборгским и Уппландским) блокировал непосредственно саму веприкскую крепость¹⁷². Эти события подробно описаны в письме К.Э. Ренне к А.Д. Меншикову 22 декабря 1708 г. из деревни Бобрик, куда русская кавалерия отступила, избегая ввязываться в масштабное столкновение с противником: «Ныне паки

доношу, что неприятель к месту Веприку пришел и стоял долго, перестреливаясь с нашими волохи, казаки и калмыки, а мы тем часом запалили предместье. И потом неприятельские люди почели отходить от них на левую руку, и мы по ним из пушек били. И збив, полки наши пошли прочь, а как полки наши отступили, я еще сам час или полтора застался (оставался. — *С. И.*)»¹⁷³. О бое при отступлении сообщается в «сказке» подполковника Архангелогородского драгунского полка А.Г. Загряжского, который «под командою генерала Рена был во многих партиях в Малороссии и во время приходу короля Шведского к местечку Веприк» был ранен пулей в ногу¹⁷⁴.

Общее отступление драгунских подразделений прикрывалось завесой калмыцкой конницы и казачьего отряда из Харьковского полка. Они вели постоянную перестрелку со шведским авангардом и волохами противника, а по завершении отступления еще несколько дней тревожили королевские отряды, блокировавшие Веприк¹⁷⁵. Кроме этого, специальный кавалерийский отряд от корпуса К.Э. Ренна (100 человек драгун от разных полков под командованием капитана из Московского драгунского полка¹⁷⁶) был направлен в Веприк для оказания помощи гарнизону крепости в ведении разведки и проведении вылазок. Так, поручик Архангелогородского драгунского полка Н.Н. Тютчев вспоминал, что, находясь в гарнизоне Веприка, он выходил из крепости «во акции» против шведских войск¹⁷⁷.

Так как после 19 декабря (Николина дня) температура еще более понизилась, 23 декабря 1708 г. шведские полки приостановили погоню за кавалерийским корпусом К.Э. Ренне, а последний, воспользовавшись этим обстоятельством, благополучно перевел свои отряды в район Лебедина¹⁷⁸. Под угрозой наступления шведских войск главная квартира русской армии покинула Лебедин и переместилась 26 декабря 1708 г. в Сумы¹⁷⁹. Тем временем отряды Карла XII, заняв Зеньков, прекратили преследование К.Э. Ренне и вернулись к Гадячу. Воспользовавшись этим, казаки, калмыки и волохи из отряда генерал-лейтенанта вели разведку воинских частей противника, блокировавших Веприк. Под прикрытием ночи пробираясь сквозь сторожевые посты, они кружили вокруг вражеского лагеря и захватывали пленных («объехали кругом и ездили меж неприятельских караулов, от которых взяли четыре человека драгун Меер Фертова (генерал-майор кавалерии Ю.А. Мейерфельд. — *С. И.*) полку»¹⁸⁰).

Отдельные вражеские подразделения были разбросаны по территории от Зенькова до Гадяча, расстояние между которыми было около 30 км. О квартирном расположении шведских войск в это время сообщил на допросе пленный капрал Швен Рислинг: «Король швецкой стоит в Зенкове, с ним 3 полка пехотных и 3 конных. Протчие полки стоят по деревням расстоянием от того места по 3 (5 км. — *С. И.*), и по 4 (6,5 км. — *С. И.*), и по 5 (8 км. — *С. И.*) миль

<...> ныне в Гадиче стоят 2 полка пехотных, и тут больные и раненные, а сколько числом, не знает. От Гадича в четверти мили стоят командированные малое число, а от Зинкова в миле (1,6 км. — *С. И.*) 5 полков конных под командою генерала маеора Гамолтина (барон Х.Ю. Гамильтон — командир Эстгетского кавалерийского полка. — *С. И.*)»¹⁸¹.

Наступивший 1709 г. внес небольшие изменения в расстановку сил на территории боевых действий, но они не повлияли на общую схему разведывательно-диверсионной деятельности русской армии. Перебросив свои силы к Лебедину, отряды К.Э. Ренне продолжали вести разведку с новых позиций и успешно проводили поиски с захватом «языков» в районе Гадяча и Зенькова¹⁸². Находившийся в Переяславле генерал-майор Н.Ю. Инфлант вел разведку на западном направлении от шведских войск и мешал противнику собирать провиант в районе Пирятина. Так как он находился вблизи границы с Речью Посполитой, то им были направлены шпионы «За Днепр, и за пороги, и за Белую Церковь <...> и велел <...> о всем проведать»¹⁸³.

В свою очередь шведы отправляли разведывательные отряды к местам дислокации русских войск. В первых числах января 1709 г. к блокированному Веприку для сбора сведений об укреплениях крепости и составления плана атаки был направлен отряд генерал-майора Штакельберга. Другой отряд, под командованием Г.Х. фон Сигрота, должен был обследовать местность в районе Веприка перед открытой атакой этого населенного пункта, а также выбрать место для осадного лагеря короля¹⁸⁴.

В это же время отряды царских адъютантов Ф.О. Бартенева и А.И. Ушакова вели разведку с проведением диверсий в занятых противником районах, наиболее удаленных от его основных сил. 2 января 1709 г. А.И. Ушаков отправил казачью партию для разведки боем и захвата пленных к Глинску (3 км от Ромен), где расположился трехтысячный отряд шведов, который создавал помехи в ведении разведывательной деятельности. Отряд казаков должен был провести классический «вентерь» — быстрый налет и отступление с заманиванием преследующего противника в засаду. Но атака не удалась: «Партия наша часовых убили четырех человек, и ружье отобрали, и лошадь одну совсем взяли в самых рогатках. И дожидались, чтобы от них была погоня, и не погнались за нашими»¹⁸⁵. Несмотря на неудачу, А.И. Ушаков решил не отступать и предлагал царю провести усиленную атаку на шведский гарнизон в Глинске более крупными силами с поддержкой пехоты: «Потому что отдален от войска и сикурсу неотколь ждать. Ежели бы было пехоты <...> мощно б ево выгнать. И ныне он в великом страхе тут сидит»¹⁸⁶. Но атака на городок не понадобилась, так как 5 января 1709 г. стало известно, что шведы, опасаясь внезапного нападения, покинули Глинск и отошли в местечко Серебряное¹⁸⁷.

Кроме отправки диверсионных отрядов в распоряжение врага, капитан-поручик А.И. Ушаков как руководитель разведывательной службы в Ромнах засылал на занятые шведскими войсками территории своих шпионов, доставлявших ему сведения о местах концентрации войск противника («получил я ведомость чрез шпионов, посланных от нас: король шведский пошел со всеми под Сорочин <...> со обозами. Изменник в Гадиче Мазепа <...> при нем оставили две тысячи человек, а по сю сторону в деревнях Гадич, в Рамарев же и в Красной Луке стоят для сторожи, а какое число и при том есть ли волохи, также послал для подлинной ведомости партию, и что учинится, и велел достать языка как возможно»¹⁸⁸). Оценив полученную таким образом информацию, А.И. Ушаков мог организовать налеты или засады на те объекты противника, которые были наиболее выгодны для диверсионных атак.

В январе 1709 г., несмотря на холод и глубокий снег, налеты и засады на врага со стороны русских войск не прекращались ни на один день. Под давлением со стороны русских летучих отрядов шведам приходилось покидать места дислокации и стягивать силы все плотнее друг к другу, концентрируя их на тех территориях, которые были наиболее выгодны и удобны царскому командованию для ведения боевых действий. На таких участках легкие партии русских войск использовались по схожей схеме: налетали на квартирное расположение шведов с целью захватить «языка», после чего, не вступая в бой, быстро отступали. Как писал Г.И. Головкин 12 января 1709 г. князю В.Л. Долгорукому: «Кавалерия стоит близ самого неприятеля и непрестанно того партиями беспокоит, и на каждой день немало языков из войск его получаем, которой ныне со всем своим войском стоит в Гадяче и кругом оного в миле и в полумиле»¹⁸⁹.

К этому времени противники сконцентрировали свои силы в следующих опорных пунктах: шведы — Лохвицы (отряд К.Г. Крейца), Лютенка (отряд А. Спарре), Зеньков (штаб-квартира короля), Гадяч (тыловые обозы); российские войска — Ахтырка, Опошня, Котельва, Полтава и Городня¹⁹⁰.

В данных обстоятельствах для русского командования немаловажным было понять, каково положение дел внутри шведского лагеря — его обеспеченность материальными ресурсами и моральное состояние. Сведения об этом из первых рук поступали от захваченных русскими летучими отрядами пленных. А.Д. Меншиков писал 14 января 1709 г. Петру I, что «вчерашняго дня направлена была наша партия к Зинкову, которая с неприятельскою партией встретилась и оную розбила, и взяли языков 13 человек»¹⁹¹.

6 января 1709 г., несмотря на общую успешность в ведении малой войны, для русской армии был потерян Веприк. После мужественной обороны и трехкратного штурма крепость капитулировала¹⁹². А.В. Беспалов цитировал запись об участии в осаде Веприка из дневника Э. Смеруста, капрала лейб-

гвардии пешего полка. Опытный шведский воин, принимавший участие не в одном сражении, так подытожил свою запись: «Ожесточенный штурм на глазах короля натолкнулся на свирепое сопротивление гарнизона. Мы понесли тяжкие потери, а неприятель сдался на аккорд»¹⁹³.

Мы уже отмечали ту важную роль, которую сыграл Веприк в декабре 1708 г. в качестве основной базы русской войсковой (тактической) разведки. Высоко ее оценил и противник. Умелый анализ обстановки и правильная расстановка сил, а также грамотное формирование специального корпуса во главе с опытным партизаном К.Э Ренне и личным составом, состоящим в основном из кавалерии, позволили русскому командованию максимально использовать Веприк как центр по ведению малой войны в общей схеме боевых действий.

Особенно остро был ошутим нанесенный из веприкской крепости ущерб после Роменско-Гадячской операции русских войск, когда этот укрепленный пункт стал плацдармом для диверсионной атаки на Гадяч. Именно тогда Карл XII решил во что бы то ни стало уничтожить этот разведывательно-диверсионный опорный пункт царского командования. По той же причине король так остервенело штурмовал в январе 1709 г. не представлявший, как казалось, ценности для шведов небольшой малороссийский городок, и именно поэтому после сдачи Веприка русским гарнизоном Карл XII приказал разорить его до основания.

Активизация действий противника по ликвидации баз русской армии, с плацдармов которых она вела разведывательно-диверсионную деятельность, не ограничивалась уничтожением Веприка. Шведская армия предприняла попытку уничтожения еще одного такого объекта — сорочинской крепости.

К этому времени полковник Г.И. Карташов уже действовал в роли коменданта — полноправного хозяина Сорочинцев. На него возлагался весь круг обязанностей, соответствующих этой должности: укрепление защитных сооружений города, заготовка на гарнизон провианта и защита, до последнего человека, при атаке неприятеля¹⁹⁴. 12 января в его адрес поступил так называемый «Указ для комендантов», составленный 6 января 1709 г., после потери Веприка, Петром I. Он определял свод правил для неукоснительного выполнения гарнизонами малороссийских крепостей: «Как во укреплении города, також и в провианте, трудиться <...> и в воинской амуниции <...> ежели неприятель будет ваш город отаковать <...> боронитца до последнего человека и ни на какой акорт с неприятелем никогда невступать под смертною казнию»¹⁹⁵. Кроме Г.И. Карташова такие же указы поступили в адрес других комендантов городков, расположенных на линии соприкосновения с противником: Ахтырки — В.В. фон Делдена, Полтавы — А.С. Келена, Ромен — П.П. Ласси¹⁹⁶.

Уделяя особое внимание обороноспособности крепостей, царским командованием было принято решение провести ревизию их артиллерийского парка¹⁹⁷.

Артиллерия сорочинской крепости в начале января 1709 г. испытывала определенные трудности в обеспечении боеприпасами и квалифицированными артиллеристами. Находившиеся на вооружении пушки были «нерегулярные», а ядра, имеющиеся в обозе русской армейской артиллерии, не подходили к ним по калибру¹⁹⁸. В данных обстоятельствах было решено заряжать крепостные пушки картечью, «дабы к отпору неприятельскому в том скудости не имели». Солдаты же гарнизона имели в наличии только «при каждом фузелере (солдате. — *С. И.*) по 50 патронов»¹⁹⁹. Не хватало в Сорочинцах и квалифицированных специалистов артиллерийского дела («людей мало, а пушкарей единого не имеем»)²⁰⁰. По этой причине еще Г.С. Волконский неоднократно обращался с просьбой к командованию русской армии о направлении в его распоряжение специалистов артиллерии²⁰¹.

Требования царя и его военачальников по усилению крепостных гарнизонов были неслучайными, так как к середине января обстановка обострилась и появилась угроза нападения со стороны шведской армии, в том числе и на Сорочинцы. Ведущие разведку в районе Гадяча отряды А.И. Ушакова сообщали о возможном наступлении войск Карла XII на этот населенный пункт²⁰². При этом, трудно говорить о достоверности таких планов Карла XII на зимнюю кампанию, ведь решения короля принимались зачастую спонтанно и без согласования с его генералами. По мнению самих же шведов, масштабное наступление в направлении Сорочинцев на этом этапе было маловероятным из-за крупных сил гарнизона и жестоких морозов. Шведский офицер Й.М. Лют, в своих дневниковых записях сообщая о состоянии сорочинской крепости и численности ее гарнизона в январе 1709 г., писал, что в городе находилось 3 000 русских солдат, казаков и калмыков, а деревянная крепость была хорошо укреплена. Здесь же сообщалось, что из-за сильных морозов «и слишком больших хлопот» напасть на этот укрепленный пункт нет возможности²⁰³.

Тем не менее попытка атаки шведской армией на сорочинском направлении все-таки была предпринята 21 января 1709 г., когда Карл XII направил к местечку сильный отряд во главе с подполковником Ю. Галле из Северосконского рейтарского полка. Шведы планировали провести налет, внезапным и решительным штурмом овладеть Сорочинцами²⁰⁴. Но, несмотря на то, что наружные ворота в ходе боя были захвачены, штурмующим не удалось развить успех, и пришлось отступить²⁰⁵. 22 января, по сообщению шведских источников, под стенами Сорочинцев, во время проведения разведки окрестностей города, был смертельно ранен из фальконета подполковник Сконского сословного драгунского полка Х.В. Врангель²⁰⁶.

Втягиваться в долговременную осаду шведские отряды не планировали. По мнению шведского историка А. Стилле, у королевских войск еще были

свежи воспоминания о трудностях во время штурма Веприка²⁰⁷. Шведы ограничились тем, что заняли сильными гарнизонами Лохвицы и Лютенки, обезопасив себя от диверсионных атак со стороны группировок русских войск, находившихся в Сорочинцах и Миргороде. Легкие шведские отряды постоянно патрулировали район; князь А.Д. Меншиков писал 20 января 1709 г. царю, что противник «около Сорочинца кругом обретаецца»²⁰⁸.

В некоторой степени командование армии Карла XII добилось своей цели, так как с конца января 1709 г. сорочинский гарнизон оказался блокированным двумя шведскими полками во главе с полковником Г. Горном²⁰⁹. Несмотря на принимаемые русским командованием меры, условная блокада Сорочинцев длилась около шести месяцев и закончилась только в мае 1709 года. Как сообщал в своей автобиографической «сказке» офицер Киевского пехотного полка А.И. Казаринов: «Был в местечке Сорочинцах 6 месяцев в осаде от шведских войск, Киевский и Нарвский полков 2 баталиона солдат, в команде господина полковника Карташова»²¹⁰.

К концу января 1709 г. войска Карла XII были измучены налетами русских диверсионных отрядов, к тому же в шведском лагере по-прежнему ощущался недостаток провианта, так как на занятой врагом территории была произведена почти полная реквизиция припасов. О положении шведских войск 22 января 1709 г. рассказывал на допросе капрал Ш. Рислинг: «Провианту в швецкое войско казаки не возят, токмо оные сами берут и тем довольствуютца, где что найдут»²¹¹. Подтверждались эти сведения и полученными князем А.Д. Меншиковым разведданными, которые в январе 1709 г. он сообщал Петру I: «Господин генерал маеор Шамбурх посылал партию, которая, нападши на неприятельских швецких людей, несколько человек побили и порутчика з 9 человек в полон взяли. Те все подтверждают, что нужда есть в хлебе, а питаются болши мясом, привозу к ним никакого нет, где что в ямах найдут, то и берут»²¹².

Если подвести промежуточный итог зимней кампании, с середины декабря 1708 по январь 1709 г., отметим, что малая война на территории Гетманщины приобрела в то время многоочаговый характер. Все это не могло не затруднять действия войск Карла XII, которые были наиболее сильны в ведении войны по единому оперативному плану и под единым управлением. Полки шведской армии, привыкшие воевать сплоченно, в полном составе и в предписанных уставом боевых порядках, вынуждены были вступать в мелкие стычки, не имея возможности реализовывать полностью свой боевой потенциал. Кроме прочего, шведские регулярные войска вынуждены были выполнять побочные и не свойственные им функции (защита фуражиров, охрана обозов, квартир, лошадей и т. д.), в результате чего они становились легкой добычей для русских диверсионных отрядов.

Организация разведки русской армии на границах театра военных действий в Гетманщине

На данном этапе не меньшего внимания, чем зона соприкосновения со шведской армией, требовало и южное приграничное направление с опасным соседом — склонной к «шатостям» Запорожской Сечью. В сложившейся политической обстановке, когда в любой момент Запорожье могло поддержать «мазепинцев», для принятия оперативных решений русскому командованию была необходима постоянная разведка планов и настроений сечевиков.

С этой целью широко использовались сторожевые посты, расположенные в граничащих с Сечью районах, откуда к запорожцам направлялись шпионы и тайные осведомители из числа местного казачества и отслеживались все их перемещения. Один из таких сторожевых постов находился в южной приграничной крепости Переволочной, где для сбора разведывательных сведений использовались специальные царские агенты, так называемые «дозорцы». 4 января 1709 г. в письме к полтавскому казацкому полковнику от «дозорца переволочинского Василья Зеленского» содержались тревожные новости о положении дел в Сечи. В частности, сообщалось, что «говорил-де кошевой (глава войскового и административного управления в Запорожской Сечи. — *С. И.*) так, что разделю на 3 части войско, одна чтоб пошла слободами, другая по за Днепром на Чигирин и дале, а сам с пушками на Переволочню, чиня то для большого збору войска, потом со всех сторон совокупитися (соединиться. — *С. И.*) под Полтавою и быть в Полтаве, а Москва-де, как услышит нас в Переволочне, дабы тотчас из Полтавы прочь уступила, а на которую руку имеет быть он кошевой склонным, того никто не скажет, ибо там в Полтаве о том их рада будет»²¹³.

Благодаря этому сообщению командование русской армии смогло заранее подготовить Полтаву к подходу шведских войск, ускорив введение в город усиленного гарнизона (пять пехотных батальонов) под командованием полковника А.С. Келена и дополнительной артиллерии, а также предотвратить переход населения этого города на сторону «мазепинцев»²¹⁴. Кроме этого, по указу Петра I находившийся в Полтаве Ингерманландский драгунский полк был отправлен в Старые Санжары (6,5 км от Полтавы и 9,5 км от Переволочны) на границу с Запорожьем, чтобы «воровством кошевого и судьи не заведены были (запорожцы. — *С. И.*) чрез Переволочну близ шведов (как и Мазепа зделал)»²¹⁵.

Принимало участие в разведывательной деятельности на южном направлении и казачество правого берега Днепра. Так, о полковнике Брацлавского полка Г.И. Иваненко сохранилась запись, что он «от Днестра и Переволочной заставы содержал и мазепинцев с прелестными писмами ловил <...>

многих татар и изменников запорожцев в языках присылал»²¹⁶. Кроме этого, Г.И. Иваненко занимался на подконтрольной его полку территориях контрразведывательной деятельностью. В частности, в письме И.И. Скоропадского к Брацлавскому полковнику от 4 февраля 1709 г. указывалось изгнать из Немирова «жидов Немировских, якии своим знесенемъся листовним з противною нам Лядскою (вражеской. — *С. И.*) стороною, под сие время жебы чого не учинили шкедливого (плохого. — *С. И.*)»²¹⁷. То есть подразумевалось избавиться от немировских евреев, которые в своей переписке с противником могли сообщить ему важные сведения.

Кроме запорожцев, к армии Карла XII, находившейся в Левобережной Украине, могли присоединиться вооруженные силы шведского корпуса в Польше и их союзника С. Лещинского. Исходя из этого, необходимо было уделить внимание сторожевой службе на границах с Речью Посполитой, со стороны которой на главный театр военных действий тянулись тропы вражеских шпионов. Форпостом на этом участке стал Киев, где организацией контрразведывательной деятельности занимался князь Д.М. Голицын. Под его контролем находились летучие отряды приграничного региона. Еще 9 ноября 1708 г. Г.И. Головкин отправил киевскому губернатору Д.М. Голицыну сразу два письма, в одном из которых ставилась задача «о посылке двух рейтар в Польшу для проведования о Августе и Лещинском», а в другом требовалось задержать ксендза — шпиона, посланного И.С. Мазепой, «близ Киева обретающагося», так как «есть за ним великие секреты»²¹⁸. В свою очередь князь А.Д. Меншиков 15 января 1709 г. рекомендовал Д.М. Голицыну «всякими мерами трудитца о всяких ведомостях, а именно: о Лещинском, и генерале Красове, и о протчих агерентах (начальниках. — *С. И.*), где оные обретатца будут и в какой силе»²¹⁹.

Выполняя полученные требования и рекомендации на стратегически важном направлении у границы с Речью Посполитой, контрразведчики работали добросовестно, и их действия постоянно приносили успехи. 19 января 1709 г. А.Д. Меншиков благодарил киевского губернатора: «Вашего сиятельства (Д.М. Голицына. — *С. И.*) приятнейшее писание <...> из Киева писанное, купно с распросными речьми пойманого шпига и с копиею с писма Мазепина, к Лещинскому писанного, получил я здесь третьяго дня, за что, а особливо, что о всяких обстоятельствах уведомлять нас изволите, и за то вашему сиятельству зело благодарствую и прошу, дабы и впредь обо всем, ежели о чем какия иметь будете ведомости, сообщать к нам благоволи, что мы с своей стороны також чинить должны»²²⁰.

Для организации более активных разведывательных действий у границы и на территории Польши командующим группировкой русских войск, находившихся непосредственно на линии соприкосновения с противником,

был назначен генерал-лейтенант Г. Гольц. В состав его так называемого «Заднепровского» корпуса «сдерживания» входили регулярные войска во главе с Н.Ю. Инфлантом и отряды правобережных казаков — Корсунский, Чигиринский, Белоцерковский и Киевский полки. Несмотря на их упразднение после Андрусовского перемирия (1667), в 1684—1685 гг. эти казацкие полки Правобережья Днепра к этому времени были восстановлены под руководством атамана С. Палия²²¹.

Свидетельством степени эффективности русской разведки на западном направлении зимой 1709 г. может также служить переписка Д.М. Голицына с представителями малороссийских казачьих старшин, которые снабжали князя достоверными сведениями о событиях в регионе. К примеру, в работе Ф. Гумилевского цитируется письмо, которое 21 января 1709 г. Д.М. Голицын писал И.И. Скоропадскому. В нем князь сообщал гетману, что может правильно оценить обстановку в подведомственном ему приграничном регионе благодаря регулярно поступающим к нему сведениям от большого количества адресатов не только с Левобережной Украины, но и с Правобережья Днепра («по письмам браславского полковника Григораша, да немировского сотника <...>, а ныне писал ко мне белоцерковский полковник, что Огинского поляки в полк его упорством находят (наступают. — С. И.) <...> Из Белой церкви писал Григорий Анненков и прислал два листа от сотников уманского и немировского <...>, да писал богуславский полковник Самусь, и прислал лист, который к нему писан от браславского полковника»²²²).

Посредством разведывательно-диверсионных действий летучим отрядам русских войск удалось осуществить контроль и препятствовать соединению действовавших в Польше польских войск С. Лещинского и шведского корпуса генерал-майора Э.Д. фон Крассау с основными частями армии Карла XII в Гетманщине. Кроме этого, плотной цепью сторожевых постов перекрывался канал связи между группировкой шведских и «мазепинских» сил на Левобережье со шведским корпусом и «польскими вассалами» Карла XII на Правобережье. В декабре 1708 г. у села Лисянцы одним из таких отрядов была перехвачена корреспонденция И.С. Мазепы к С. Лещинскому, состоящая из нескольких зашифрованных («цифрами») писем, которые были спрятаны «в полозе санном»²²³.

Поход войска Карла XII в Слободскую Украину

Еще в середине января 1709 г. в царскую ставку в Сумах поступали разведывательные сведения о том, что противник снимается с квартир в Гадяче и направляется к границам Слободской Украины или Слобожанщины — приграничной территории Московского государства с Гетманщиной. В связи с этим

Петр I потребовал от отряда А.И. Ушакова провести разведку в районе Гадяча для уточнения полученной информации («тотчас пошли проведать, правда ль то, и буде правда, то куда пошел оный, и подлинную ведомость немедленно пришли»²²⁴). Разведчики царского адъютанта подтвердили данные и сообщили, что шведские отряды во главе с Карлом XII направляются в сторону Красного Кута — местечка Ахтырского полка на границе со Слобожанщиной.

Ввиду таких сообщений у русского командования сложилось опасение, что с потерей Веприка и Зенькова появилась новая угроза прорыва шведских войск — через Слободскую Украину вглубь России. Дело в том, что с этих позиций, по мнению А. Стилле, для армии Карла XII открывался путь через Сумы и Ахтырку на Белгород и Харьков²²⁵. Поэтому командование царских войск стало принимать ряд экстренных мер для защиты Слобожанщины как наиболее важного участка. В частности, в срочном порядке в Ахтырку был направлен А.Д. Меншиков для осуществления разведывательно-диверсионной деятельности в регионе. В случае необходимости он же должен был организовать оборону города²²⁶. Светлейший князь прибыл в город 13 января 1709 г., осмотрел укрепления крепости и собрал сведения, полученные к этому времени разведчиками гарнизона. Оценив обстановку, он сделал вывод о слабости фортификационных сооружений Ахтырки и необходимости усиления группировки войск на этом важном рубеже уже исконных российских территорий²²⁷.

Выполнение поставленных задач требовало от князя наличия на этом участке опытных в ведении малой войны командиров. В середине января в Ахтырку в срочном порядке был отозван из Ромен А.И. Ушаков со своим отрядом и генерал-лейтенант К.Э. Ренне из Лебедина²²⁸. Прибывший к Ахтырке в двадцатых числах января капитан-поручик А.И. Ушаков был задействован в совместных разведывательно-диверсионных акциях с казаками Миргородского и Полтавского полков в районе Сорочинцев, Лохвицы и Миргорода. В составе отряда по-прежнему преобладала иррегулярная конница — донцы и калмыки. В письме А.Д. Меншикова к И.И. Скоропадскому сообщалось: «О донских казаках и калмыках, господину полковнику Миргородскому обещанных <...> то давно прямым исполнено делом; не точию несколько десятков, но и пятьсот человек дано, с которыми определен отъютант царского величества Ушаков, и велено ему быть при них господах полковниках Миргородском и Полтавском»²²⁹. Эта группировка войск была, возможно, усилена донскими казаками из отряда атамана Михаила Корсунского (1 000 чел.), которые были высланы «с Дону и с Донца в армию <...> и будучи в армии служили <...> и в подъездах на разных баталиях бывали непрестанно, и против Шведских неприятельских людей билися, и многие шведские языки брав, отсылали к <...> князю <...> Меншикову в главную армию»²³⁰.

В то же время русское командование, чтобы обезопасить свой квартирный район, создало в местах соприкосновения с противником цепь сторожевых постов. Цепью таких кавалерийских постов руководил К.Э. Ренне, а находились они в междуречье Ворсклы и Мерлы, прикрывая территорию между Рублевкой и Красным Кутом. Направленные оттуда кавалерийские отряды проводили диверсионные операции по налету на ближайшие городки и села, занятые шведской армией, которые располагались на удалении от основных королевских сил. После проведения налетов на вражеские объекты, диверсионная группа, уничтожив по возможности гарнизон и все материальные средства, которые могли использоваться противником, захватывала пленных и быстро отступала еще до подхода дополнительных сил врага. Например, в первых числах февраля 1709 г. большой отряд калмыков атаковал шведский сторожевой пост недалеко от местечка Куземир. Убив нескольких человек, он очень быстро покинул место нападения и отступил на исходную позицию до того, как прибыл высланный на выручку шведский конный пикет²³¹. То есть использовалась схема, которую уже можно назвать классической для проведения диверсионной операции в ходе малой войны Полтавского периода.

Как уже упоминалось, руководителем русской разведывательно-диверсионной службы на линии соприкосновения с противником Гадяч — Зеньков — Опошня в январе 1709 г. можно считать А.Д. Меншикова. Светлейший князь давно уже главенствовал над кавалерией и находился в самом близком к противнику и наиболее важном населенном пункте — Ахтырке. Кроме этого, он имел полное доверие со стороны Петра I. Соответственно, сообщения от него в ставку царя об обстановке в зоне военных действий и результатах проведения разведывательно-диверсионных операций русскими войсками были регулярными и подробными. О результатах своей деятельности по организации разведки в занятых противником районах князь подробно сообщал царю в нескольких письмах за январь 1709 г.:

«Вчерашнего дня выправлена была наша партия к Зинкову, которая с неприятельскою партией встретилась и оную розбила, и взяли языков 13 человек. А что те взятые языки в роспросе сказали, и те расспросные речи посылаю» (14 января)²³²;

«Что же о ведомостях о неприятеле надлежит, и о том надлежащее старание иметь не оставляем, и партии от нас непрестанно посылаютца, и языков берут, которых есть здесь человек около дватцати <...> Также и ныне от нас партия отправлена, и с чем возвратится, о том Вашей Милости доносить буду» (22 января)²³³;

«Наша кавалерия в Котелве, и в Опошне, и дале к Полтаве обретаецца и под неприятеля отправлены партии; и что чрез оные получим, о том Вашей

Милости доносить буду. Шпиг наш, которой послан был в Зенков, сего числа сюда возвратился и рассказывает, что третьяго дня Мазепа и обозы все из Гадича пришли в Зинков, и в Зенкове-де неприятель совсем к походу в готовности и возы навьючены, а куда пойдут, о том еще не ведомо» (24 января)²³⁴.

К этому времени ситуация со снабжением провиантом в шведской армии не улучшилась, а наоборот, усложнилась. Небольшими отрядами противнику приходилось расползаться по безлюдным заснеженным степям Гетманщины, в поисках участков, еще не тронутых реквизициями противоборствующих армий. О сложившейся к концу января 1709 г. обстановке в своих мемуарах вспоминал А. Гилленкрок. В частности, он писал, что в этот период шведская армия была слишком разбросана по территории. Так, генерал-майор К.Г. Крейц (11 полков кавалерии) стоял от главной квартиры на расстоянии 150 км. Основные части русской армии находились всего лишь в 30 км, «так что если бы он (Петр I. — *С. И.*) вздумал атаковать, то я (Гилленкрок А. — *С. И.*) опасался дурных для нас последствий»²³⁵. Ввиду сложившейся обстановки и в поисках жизненно необходимых припасов в последних числах января 1709 г. шведская армия приняла решение выдвинуться к Ахтырке — одному из основных опорных пунктов русской армии в Слободской Украине.

В шведской историографии сложилось противоречивое мнение о том, как охарактеризовать этот зимний поход Карла XII, который должен был стать мощным ударом по опорным пунктам русских войск. Большинство шведских исследователей считает эти действия шведской армии слабо организованным рейдом, или набегом, на позиции врага. А. Стилле придерживался мнения о хорошо спланированной наступательной операции Карла XII²³⁶. Тем не менее можно предположить, что походом в Слободскую Украину шведское командование планировало контрпартизанскими действиями нарушить отлаженную разведывательно-диверсионную систему русской армии, оказывавшую давление на линии соприкосновения с войсками противника. Кроме этого, через этот плацдарм шведы намеревались прорваться вглубь России и занять новый, еще не тронутый реквизициями квартирный район в Слободской Украине.

В ночь с 26 на 27 января 1709 г. Карл XII с частью войск (пять кавалерийских полков) покинул Зиньков и предпринял поход на территорию Слободской Украины, чтобы оттуда выйти на Белгород. Несмотря на сохранявшуюся холодную погоду, противоборствовавшие армии пришли в движение и начали менять районы расквартирования. Шведская армия планировала приступить к своим действиям с атаки ближайших к шведским позициям баз русской разведывательно-диверсионной деятельности в Опошне и Куземине, также прикрывающих переправы на реке Ворскле. Стремительными налетами король намеревался отбросить русские войска и подготовить плацдарм для атаки Ахтырки²³⁷.

Первым объектом нападения королевских отрядов стала Опошня. Здесь уже давно размещался русский разведывательный форпост, в котором находились драгуны из шести полков, конные гренадеры из двух полков (600 чел.) и казаки (2 000 чел.) во главе с генерал-майором О.Р. Шамбургом²³⁸. Неожиданная атака шведов быстро сломила сопротивление русских войск, которые в этом бою понесли большие потери. Избегая полного поражения, сдерживая натиск врага, петровская кавалерия спешно и организованно покинула Опошню и стала отступать к Красному Куту²³⁹. Во время отхода ей удалось осуществить засадную операцию против авангарда королевской армии, который бросился за ними в погоню. Описывая историю Ярославского драгунского полка, участвовавшего в этой акции, Н.П. Волынский, на основании «сказок» офицеров этой воинской части, сообщал, что драгуны и казаки спешили и укрылись во рву, прикрытом засекой, откуда открыли жестокую пальбу по вылетевшему на них шведскому авангарду²⁴⁰. Понеся большие потери, противник вынужден был отступить и вернуться к Опошне, где король остановился на ночевку.

Воспользовавшись тем, что король, оставив небольшой гарнизон своих войск в Опошне (50 чел.), двинулся с кавалерией вверх вдоль Ворсклы на Котельву (в 8–9 км от Куземина), а отряды шведского генерала К.Г. Рооса (пехота и артиллерия) еще не подошли из Зенькова, А.Д. Меншиков направил к городку партию из состава Ярославского драгунского полка во главе с полковником П.И. Яковлевым. Силами этого отряда был проведен успешный налет на Опошню. 29 января 1709 г. А.Д. Меншиков сообщал Петру I, что диверсионная группа «в Опошню вошла и около 100 человек шведов там изобрели, между которыми большая часть болных <...> також человек со сто наших, в полон побранных, там же в Опошне застали, которые у тех шведов за караулом были, и оных наши с собою взяли»²⁴¹. Нанеся удар по противнику, освободив пленных и разорив укрепления, партия быстро отступила от Опошни на незначительное расстояние, где выжидала удобного момента для нового удара²⁴². Быстрота отхода сохранила силы диверсионного отряда и не дала противнику подтянуть к месту проведения операции свежие силы, несмотря на то, что населенные пункты, занятые шведскими войсками, находились на незначительном расстоянии друг от друга²⁴³.

Заняв Котельву и Опошню, Карл XII ненадолго приостановил наступление. Шведская армия занимала в это время районы следующих населенных пунктов: Гадяч, Лохвица, Лютенка, с форпостами на линии Зеньков, Опошня, Бирки, Котельва и Дейкаловка²⁴⁴. Король подготавливал свои силы к атаке более укрепленного пункта — Ахтырки. По мнению Я.Г. Иванюка, пауза в действиях противника была связана с тем, что к этому времени ахтырская крепость уже была усилена фортификационно и представляла собой трудное препятствие на пути движения шведского короля и его армии на восток²⁴⁵.

Во время этого затишья противоборствующие армии ограничились взаимным прощупыванием сил с помощью разведывательных отрядов, направляемых в расположение врага, о чем сообщал А.Д. Меншиков царю 1 февраля 1709 г.: «В прошлую ночь была неприятельская партия ис Котелвы отсюды за милю и паки назад возвратилась. И ныне в то место отправлена от нас наша партия, и какие о неприятеле получим ведомости, о том вашей милости доносить буду»²⁴⁶.

¹ Шестой пункт договора, составленного между Карлом XII и И.С. Мазепой, гласил: гетман должен отдать на время боевых действий в Гетманшине в распоряжение шведских войск несколько малороссийских городов — Стародуб, Мглин, Батурин, Полтаву, Гадяч, в которых военнотруженики короля получают необходимые для них запасы. Но к началу зимней кампании 1708—1709 гг. размещение в двух из них (Стародуб и Батурин) уже было невозможным, а до Полтавы еще надо было добраться (*Крупницький Б.Д.* Шведсько-українські союзні договори 1708—1709 рр. як історичне джерело // *Ковалевська О.О.* Збірник «Мазепа»: реконструкція видавничого проекту 1939—1949 років. Київ, 2011. С. 33).

² *Мальонкіна О.М., Філіпова Г.В.* Из «щоденника» герцога Вюртембергського як джерело до вивчення історії України часів Північної війни 1700—1721 рр. // *Архіви України: Науково-практичний журнал.* 2015. № 1 (295). С. 257.

³ Штаб-квартира Карла XII розміщувалась на території нинішньої Базарної площі м. Ромни (*Вечерський В.В.* Спадщина містобудування України: Теорія і практика історико-містобудівних пам'яток охоронних досліджень населених місць. Київ, 2003. С. 331).

⁴ А.И. Ушаков Петру I 20.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2847. С. 963—964.

⁵ Регламент или устав главного магистрата // Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В.И. Лебедев. М., 1937. С. 196—197; *Карпущенко С.В.* Армейские будни: Казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII — начала XX века. М., 1999. С. 19—20.

⁶ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории... Вып. I. Приложение № 3. С. 32.

⁷ *Давыдов Д.В.* Опыт теории партизанских... С. 83.

⁸ П и Б. М.; Л., 1948. № 2847. Т. VIII. Вып. 1. С. 310—311.

⁹ *Гилленкроп А.* Сказание о выступлении... С. 47; *Юнаков Н.Л.* Северная война... Т. II. С. 63.

¹⁰ *Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark: 1702—1709.* Stockholm, 1913. S. 162.

¹¹ *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ея народе и козаках вообще... М., 1847. С. 34.

¹² *Adlerfeld G.* The Military History... P. 162.

¹³ Напр.: в сентябре 1708 г. во время передачи донесений шведским отрядам были убиты два генерал-адъютанта короля, они были атакованы по дороге калмыцкой конницей (Події 1708 року в Україні... С. 219).

¹⁴ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 26. С. 23.

¹⁵ Ниже перечисляемое имущество состоит из вооружения, обмундирования и оснащения драгунских армейских полков. Вопросы обеспечения и расшифровка наименований данных предметов подробно изложены в работе К.В. Татарникова «Русская полевая армия 1700—1730. Обмундирование и снаряжение» (*Татарников К.В.* Русская полевая армия... 235 с.).

¹⁶ РГАДА. Ф. 20. (Дела военные). Оп. 1. Д. 16. Ч. 2. Л. 347 об.

¹⁷ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 22. С. 19.

¹⁸ Допрос Д.П. Апостола декабрь 1708 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 126. Л. 1.

¹⁹ *Борисов В.Е.* Полтавская битва. 1709 — 27 июня — 1909. СПб., 1909. Приложение 9; *Молотов В.Н.* Полтавская битва: Новые факты и интерпретация: дисс... канд. истор. наук. Харьков, 2002. Приложение 1.

²⁰ Adlerfeld G. The Military History... P. 384—385.

²¹ Г.А.Г.Т. О службе... С. 162.

²² Горяинов С.М. Записка, или Рассказ мазовецкого воеводы С. Понятовского о событиях его жизни со времени его выхода из родительского дома, написанный им по требованию его семьи 22.01.1734 г. // Журнал Русского Военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 4. С. 33.

²³ Петр I Б.П. Шереметеву 20.11.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2861. С. 317.

²⁴ Офицерские сказки... Т. 2. С. 2163.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 1207.

²⁶ Ч. Уитворт Бойло 15.12.1708 г. // Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. // СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. № 41. С. 121.

²⁷ Гистория Свейской войны... С. 151.

²⁸ Масловский Д.Ф. Записки по истории... Вып. I. Приложение № 3. С. 32.

²⁹ Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Издана Киевской временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1878. С. 300.

³⁰ Корогод Б.Л., Корогод Г.И. Нарис історії Сумщини. Суми, 2000. Вип. 2. С. 43.

³¹ Донской походный атаман Д. Ефремов в 1734 г. в прошении на имя императрицы Анны Иоанновны, кроме прочего, сообщал и о своем участии в малой войне Полтавского периода, перечисляя ряд населенных пунктов, которые тесно связаны с районами действий отряда А.И. Ушакова («еще-же на баталлиях-же <...> под Млинами (Мглин. — С. И.), и Стародубом, и Новгородком (Новгород-Северский. — С. И.), под Батуриным, под Смелым, под Рамном и под Глинским, под Регайловым (Недрыгайлов. — С. И.)»). В связи с чем можно предположить, что Д. Ефремов действовал в составе одного из разведывательно-диверсионных корпусов, личный состав которых формировался в том числе и донскими казаками, а упомянутые места боевых столкновений с противником показывают, что казачество Дона использовалось на самых важных и ответственных участках соприкосновения с противником (Прошение донского походного атамана Д. Ефремова 1734 г. // Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1730—1740 гг. Т. 3 // СИРИО. Юрьев, 1900. № 76. Т. 108. Приложение III. С. 176).

³² Чугуевская команда — это характерное трехсотенное иррегулярное подразделение, сформированное из поселившихся в конце XVII в. у Чугуева семей новокрещенных курских калмыков и примкнувшим к ним донским казаков, усиленное московскими ратными людьми из этого населенного пункта. Летучие отряды чугуевцев принимали активное участие в малой войне, а их навыки в разведывательно-диверсионной деятельности успешно использовались русским командованием. Чугуевская команда имела иерархическую командную структуру; так, в июне 1708 г. «в военном походе в Польши» в команде А.Д. Меншикова находилось 45 новокрещенных калмыков из Чугуева. Позднее, в 1725 г., на службе в Чугуеве находились: один мурза, три ротмистра, четверо хорунжих, два есаула, один писарь и 205 рядовых (Книга именная раздачи жалования чугуевским казакам Ф.В. Шидловского // РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. 1708 г. Д. 1466. Л. 8; Голиков И.И. Дополнение к деяниям... М., 1797. Т. XVIII. С. 508; Поручик Хлебников: История 32-го драгунского Чугуевского Ее Величества полка: (1613—1893). СПб., 1893. С. 15—21).

³³ А.И. Ушаков А.Д. Меншикову 20.11.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 27. С. 24.

³⁴ А.И. Ушаков Петру I 24.11.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 35. С. 30—31.

³⁵ Полтавская битва 27 июня... № 168. С. 216.

³⁶ Участие в рекогносцировочных операциях верховного главнокомандующего Петра I было обусловлено обстановкой. Такие разведывательные действия практиковали еще полководцы в Древнем Риме. Изучив местность и обстановку, на предстоящем театре военных действий можно было более результативно принимать оперативные решения. Именно поэтому Петр I неоднократно выезжал для изучения обстановки в районы соприкосновения с

- противником (Напр.: Юнаков Н.Л. Северная война... Т. II. С. 55; Данилов Е.С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль, 2011. Приложение 1. С. 168–175).
- ³⁷ Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912. С. 53.
- ³⁸ Гадач был занят шведской пехотой (Вестерботенский полк) и «мазепинскими» сердючками полками (Покатило, Денисова, Максимова и Чечеля — всего ок. 300 чел.), а также шведской конницей — Смоландский полк и драгуны полковника Шрейтенфельта (Томашівський С.Т. Из записок Каролинців... С. 78; Показания К. Семененко // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1050).
- ³⁹ Гистория Свейской войны... Вып. 1. С. 152.
- ⁴⁰ Два батальона Переяславского и один батальон Ивангородского пехотных полков (Табель численности 3-х пехотных дивизий // Полтавская битва 27 июня... Табл. VI).
- ⁴¹ Г.С. Волконский Петру I 21.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 983.
- ⁴² Петр I Н.Ю. Инфланту 3.12.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2890. С. 336.
- ⁴³ А.Г. Волконский А.Д. Меншикову 4.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2778. Л. 1; Петр I А.Г. Волконскому 28.11.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2878. С. 327.
- ⁴⁴ Масловский Д.Ф. Записки по истории... Вып. I. Приложение № 3. С. 31.
- ⁴⁵ В декабре 1700 г. основной базой для разведывательно-диверсионной деятельности петровской армии стал Гдов. Этот населенный пункт обеспечивал защиту правого фланга группировки русских войск, в то время как левый фланг был прикрыт Печерским монастырем, где размещались основные силы гетманского войска. Из Гдова часто совершались набеги в Лифляндию (Напр.: Палли Х.Э. Между двумя боями... С. 123).
- ⁴⁶ Давыдов Д.В. Опыт теории... С. 68.
- ⁴⁷ По данным, собранным В.Л. Модзалевским, веприцкий сотник Ф.Ю. Масюк находился на этой должности «гораздо прежде Шведской войны», при разорении Веприка взят шведами в плен, а после освобождения восстановлен Петром I на прежнем месте «за верность при атаке городка противником» (Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 468).
- ⁴⁸ Іванюк Я. Славні сторінки історії // Будівник комунізму. № 108 (7192). 7 вересня 1978 р. С. 4; Погода Ю.В., Іванюк Я.Г. Полтавська баталія: крепости и герои. М., 2009. С. 245.
- ⁴⁹ Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. Київ, 1967. Т. 17. С. 166.
- ⁵⁰ В команду К.Э. Ренне в Полтавский период входили следующие кавалерийские подразделения: 1-й и 2-й конные гренадерские полки, Архангельский, Московский, Невский, Владимирский и Вологодский драгунские полки. Но точно сказать, какие из драгунских полков действовали в районе Веприка с К.Э. Ренне, затруднительно, так как происходила их постоянная ротация. Напр., вахмистр Каргопольского драгунского полка И.И. Шетнев сообщал, что в 1708 г. «в местечке Веприке были с генералом Реном против корпусу короля шведского», но, возможно, речь шла о более позднем периоде, когда корпус К.Э. Ренне уже покинул район Веприка (Великанов В. Табеля русских драгунский полков, март 1709 // Oderint Dum Probert: A blog edicated to the Russian Military History 1650–1730s & related topics. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2012/05/strength-of-13-russian-dragon.html> (Дата обращения: 22.10.2013); Офицерские сказки... Т. 1. С. 383).
- ⁵¹ В распоряжении К.Э. Ренне в декабре 1708 г. находился отряд донских казаков под командованием полковника А. Кутейникова (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2859. Л. 2).
- ⁵² Изучавший историю Харьковской епархии Ф. Гумилевский, который работал с документами Архива губернского правления, утверждал, что у Веприка действовали казаки Харьковского слободского полка под командой Л. Шидловского (Филарет (Гумилевский Д.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1874. С. 66).
- ⁵³ В переписке К.Э. Ренне с А.Д. Меншиковым в декабре 1708 г. упоминаются командиры чугуевских калмыков Юсуп мурза и Аштел мурза, находившиеся в его подчинении (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2859. Л. 1–2).

⁵⁴ Волошские отряды действовали в составе корпуса генерал-лейтенанта еще летом 1708 г., во время пребывания в Веприке К.Э. Ренне в письмах в ставку командования ходатайствовал о выплате находившимся в его распоряжении волохам денежного жалования (НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 20. Л. 1, 1 об.; РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2859. Л. 1).

⁵⁵ В марте 1707 г. в составе компанейского полка А. Танского — 121 волошский всадник («старых волохов 86, а новоприбылых, якии в время щасливе под Калишем отправоуаной баталии од неприятельской стороны передалися <...> явилося 35»). По мнению О. Сокирко, компанейцы А. Танского остались верными Петру I после событий октября 1708 г., так как они были в первую очередь наемниками и служили за плату, а накануне измены И.С. Мазепы к ним было направлено царское жалование (Сокирко О. Лицарі другого сорту: Наймане військо Лівобережної гетьманщини 1669—1726. Київ, 2006. С. 111, 126).

⁵⁶ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2774 Л. 1.

⁵⁷ Шутый В.Е. Борьба народных масс... С. 139—140; Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. Київ, 1967. Т. 17. С. 167.

⁵⁸ Мегорский Б.В. Осады и штурмы... С. 453.

⁵⁹ Штаф Петру I 4.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2887. С. 1004—1007.

⁶⁰ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 4.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2774. Л. 2.

⁶¹ Офицерские сказки... Т. 1. С. 255.

⁶² Показания К. Семененко // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1050.

⁶³ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 4.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2774. Л. 2 об.

⁶⁴ Сказка С. Пирятинского 13.12.1708 г. // Полтавская битва 27 июня... № 178. С. 226.

⁶⁵ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 7.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2790. Л. 1—2 об.

⁶⁶ Масловский Д.Ф. Записки по истории... Вып. I. Приложение № 3. С. 30.

⁶⁷ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 7.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2792. Л. 1.

⁶⁸ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 14.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2825. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Л. 1.

⁷⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2838 Л. 1.

⁷¹ Шоденник камергера Карла XII... Чернигов, 2014. № 4 (118). Липень—серпень. С. 108.

⁷² Grimberg C. Svenska folkets underbara öden: Karl XI:s och Karl XII:s tid. V. IV. Stockholm, 1922. S. 694.

⁷³ А.И. Ушаков А.Д. Меншикову 20.11.1708 г. // ТИРВИО. Документы Северной войны: Полтавский период: (Ноябрь 1708 г. — Июль 1709). СПб., 1909. Т. III. № 27. С. 24.

⁷⁴ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 17.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2849. Л. 1, 1 об.

⁷⁵ А.И. Репнин А.Д. Меншикову 2.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2764. Л. 1—2.

⁷⁶ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 8.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. №. 2796. Л. 1; Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 14.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. №. 2825. Л. 1.

⁷⁷ Лаврентий Иванович Шидловский — командир сводного отряда слободских казаков Харьковского и Изюмского полков, племянник бригадира Ф.В. Шидловского, награжденно-го за активное участие в малой войне в Прибалтике тростью с набалдашником, подписанным: «1702 сей знак дан в Изюмский полк столнику и полковнику <...> Федору Володимировичу Шидловскому за знатную над шведским генералом Шлихинбахом победу». В преддверии Полтавского периода летом 1708 г. слобожане Ф.В. Шидловского успешно действовали в арьергарде отступающей русской армии, строго придерживаясь жолкевского плана: «В арьергардии нашей безо всякаго прекословия и ленности чинится» (Шидловский С.И. Материалы

для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696–1727 гг. СПб., 1896. С. 3, 246; Ф.В. Шидловский А.Д. Меншикову 12.07.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. № 142. Т. I. С. 117).

⁷⁸ До второй половины XVII в. этот населенный пункт носил название Краснополь (См.: *Ляскоронский В.Г.* Карты Украины, составленные Левассером Бопланом // *Ляскоронский В.Г.* Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901. С. 26).

⁷⁹ *Арандаренко Н.И.* Записки о Полтавской губернии. Полтава, 1852. Ч. III. С. 197; Великі Сорочинці // *Історія міст і сіл Української РСР.* Полтавська область. Київ, 1967. Т. 17. С. 667.

⁸⁰ В ноябре 1708 г. Г.С. Волконский сообщал о том, что «фартецыя сарочинская зело велика» и требует крупных сил для ее обороны (Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 28.11.1708 г. // НИОР РГБ. Ф. 166. Меншиковы. Картон 15. Ед. хр. 7. Л. 1; Г.С. Волконский Петру I 29.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 985).

⁸¹ *Барвинский В.А.* Генеральное следствие о местностях Миргородского полка 1729–1730 г. // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912. Вып. 9. С. 152.

⁸² В частности, бригадиру Ф.В. Шидловскому пришлось вывести свои казацкие отряды в местечко Ковалевку (1,5 км от Сорочинцев), оставив в сорочинской крепости лишь 500 казаков (Ф.В. Шидловский А.Д. Меншикову 3.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2769. Л. 1, 1 об).

⁸³ *Макаренко Н.Е.* Городища и курганы Полтавской губернии: (Сборник топографических сведений). Полтава, 1917. С. 34, 35.

⁸⁴ *Арандаренко Н.И.* Записки о Полтавской... С. 197.

⁸⁵ *Цапенко М.П.* По равнинам Десны и Сейма. М., 1970. С. 114.

⁸⁶ Б.П. Шереметев А.Д. Меншикову 15.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2674. Л. 1; *Юнаков Н.Л.* Северная война... Т. IV. С. 17.

⁸⁷ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 16.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2680. Л. 1.

⁸⁸ Для занятия стратегически важных объектов в Гетманщине русское командование применяло стандартную оперативную схему, когда драгунские отряды форсированным маршем направлялись к населенному пункту и подготавливали плацдарм для пехотных батальонов, подтягивавшихся к объекту позднее. После введения в городок пехоты, кавалерия покидала его и перебрасывалась на другие, не менее важные, участки (Петр I А.Д. Меншикову 19.01.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 80. С. 79).

⁸⁹ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 18.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2691. Л. 1.

⁹⁰ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 5.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2779. Л. 1; И.П. Левенец Г.И. Головкину 9.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2776. С. 882.

⁹¹ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 983; Батуринский архив... № 481. С. 382.

⁹² П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 983.

⁹³ Д. Апостол И.И. Скоропадскому 21.11.1708 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 128. Л. 1–2; Петр I Г.Ф. Долгорукому 23.11.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2868. С. 321; *Павленко С.О.* Оточения гетьмана Мазепи... С. 189–190.

⁹⁴ Петр I А.В. Кикину 19.12.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2919. С. 359; Г.С. Волконский Петру I 6.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 985–986; Ч. Витворт Бойлю 22.12.1708 г. // СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. № 43. С. 124.

⁹⁵ *Ригельман А.И.* Летописное повествование... С. 53.

⁹⁶ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 28.11.1708 г. // НИОР РГБ. Ф. 166. (Меншиковы). Картон 15. Ед. хр. 7. Л. 1, 1 об.; Г.С. Волконский Петру I 25.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 984.

⁹⁷ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. №. 2815. Л. 2.

⁹⁸ *Ригельман А.И.* Летописное повествование... С. 53.

- ⁹⁹ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 13.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2816. Л. 1.
- ¹⁰⁰ Батуринский архив... № 484. С. 386.
- ¹⁰¹ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 15.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2673. Л. 2.
- ¹⁰² В конце декабря 1708 г. казаки Ахтырского полка во главе со своим полковником покинули корпус Г.С. Волконского и убыли в полковой город Ахтырку в связи с угрозой городкам Слободской Украины со стороны шведских войск (НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 27. Л. 1, 1 об.).
- ¹⁰³ Ф.В. Шидловский А.Д. Меншикову 20.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2703. Л. 1.
- ¹⁰⁴ Ф.В. Шидловский А.Д. Меншикову 3.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2769. Л. 1, 1 об.
- ¹⁰⁵ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 14.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2825. Л. 1 об.
- ¹⁰⁶ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 27.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2736. Л. 1.
- ¹⁰⁷ Г.С. Волконский Петру I 4.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 985.
- ¹⁰⁸ «И по Его Царского Величества указу от Нарвского и Киевского полков из Лебедина вторые батальоны велено отправить в город Сорочинец под командою господина полковника Карташова» (Офицерские сказки... Т. 2. С. 1843).
- ¹⁰⁹ Шведские силы возглавляли: генерал-майор кавалерии Ю.А. Мейерфельт — шеф Северо-Сконского рейтарского полка, полковник Г. Горн и шеф Енчепингского пехотного полка полковник Г. фон Бухвальд (Г.С. Волконский Петру I 25.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 984).
- ¹¹⁰ Офицерские сказки... Т. 1. С. 528.
- ¹¹¹ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 28.11.1708 г. // НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ¹¹² Г.С. Волконский Петру I 29.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 984.
- ¹¹³ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 5.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2781. Л. 1; Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 7.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2789. Л. 1.
- ¹¹⁴ Такие споры периодически возникали между кавалерийскими и пехотными командами в течение всей Северной войны и приводили к плачевным последствиям. Достаточно вспомнить неподчинение К.Э. Ренне указаниям Б.П. Шереметева по вывозу припасов из Мглина в октябре 1708 г., в результате чего шведам досталась богатая добыча, позволившая им пополнить запасы продуктов и фуража (Б.П. Шереметев Петру I 20.10.1708 г. // Письма к государю... № 154. С. 95–100; ТИРВИО. СПб., 1909. Т. I. № 27. С. 23; П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2671. С. 726).
- ¹¹⁵ Ф.В. Шидловский А.Д. Меншикову 20.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2804. Л. 1.
- ¹¹⁶ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 8.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2796. Л. 1 об.
- ¹¹⁷ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2771. С. 879.
- ¹¹⁸ Напр.: Манифест шведского короля Карла XII, 7 ноября 1708 г. // Источники Малороссийской истории... С. 211.
- ¹¹⁹ Костомаров Н.И. Мазепа и Мазепинцы... С. 650.
- ¹²⁰ Напр.: Павленко С.О. Військо Карла XII... С. 218.
- ¹²¹ Осьмина — единица измерения сыпучих тел равная примерно 105 л.
- ¹²² Универсал шведского полковника гвардии А. Форстенсона жителям села Липовая Долина 4.12.1708 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 101. Л. 1; Прокопенко Н. К истории

событий на Украине в 1708 г.: (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный архив. 1939 г. № 4 (95). С. 163.

¹²³ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 30.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2752. Л. 1.

¹²⁴ Еще в ноябре 1708 г. Ф.В. Шидловский, которому было поручено провести в малороссийских городках закупку лошадей для драгунских полков, сообщал А.Д. Меншикову, что «в нынешнее время сытых коней купить невозможно» (НИОР РГБ. Ф. 166. Картон 15. Ед. хр. 27. Л. 2).

¹²⁵ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 16.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. №. 2843. Л. 1.

¹²⁶ Показания К. Семененко // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1051.

¹²⁷ Там же. К № 2920. С. 1050.

¹²⁸ *Ригельман А.И.* Летописное повествование... С. 65.

¹²⁹ Показания В. Калининкова, М. Савицкого, Т. Проневича и Л. Алексеенко // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1048.

¹³⁰ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3012. С. 48.

¹³¹ *Adlerfeld G.* The Military History... P. 431.

¹³² *Nordberg J.* Histoire de Charles XII... P. 291.

¹³³ *Тельпуховский Б.С.* Северная война... С. 80.

¹³⁴ Журнал, или Поденная записка... С. 181.

¹³⁵ Расспросные речи попа Ивана // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1048.

¹³⁶ Там же. К № 2920. С. 1049.

¹³⁷ Там же. К № 2920. С. 1050.

¹³⁸ В феврале 1709 г. в пехотных полках русской армии (на два батальона) в наличии было следующее количество саней: 1-й Гренадерский — 76, Киевский — 80, Псковский — 66, Нижегородский — 71, Белгородский — 102, Нарвский — 70, Каргопольский — 62, 2-й Гренадерский — 126, Казанский — 127, Сибирский — 160, Вологодский — 98, Московский (на три бат.) — 172, Бутырский — 152, Новгородский — 156 (Письма к государю... Шереметева. С. 143–144).

¹³⁹ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2911. С. 1028.

¹⁴⁰ Петр I А.И. Ушакову 14.12.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2907. С. 351.

¹⁴¹ Журнал, или Поденная записка... С. 181.

¹⁴² Показания В. Калининкова, М. Савицкого, Т. Проневича и Л. Алексеенко // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2920. С. 1047.

¹⁴³ Л.-Н. Алларт Петру I 16.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2911. С. 1029.

¹⁴⁴ А.И. Ушаков Петру I 19.12.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 55. С. 54.

¹⁴⁵ Там же. № 55. С. 54.

¹⁴⁶ Л.-Н. Алларт Петру I 18.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2911. С. 1030.

¹⁴⁷ Там же. К № 2911. С. 1030.

¹⁴⁸ Зима 1708–1709 гг. была самой холодной зимой в Европе за последние 500 лет и сохранила в истории названия Великий Мороз (Great Frost) и Великая Зима (Le Grand Hiver). В результате низких температур русло реки Сены и каналы Венеции покрылись толстым слоем льда, что наглядно продемонстрировано на картине Г. Белла «Le lagon gelé en 1708». В Гетманщине же морозы были такой силы, что птицы в полете падали на землю и умирали от холода (Журнал, или Поденная записка... С. 181; *Pain S.* 1709: The year that Europe froze // *New Scientist*. 7 February 2009. P. 34–38).

¹⁴⁹ *Стилле А.* Карл XII как стратег... С. 54.

¹⁵⁰ *Grimberg C.* Svenska folkets... S. 695.

¹⁵¹ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной Войны // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 98.

¹⁵² *Björkander T.* «I detta sibiriska Babel»... S. 18.

¹⁵³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2859 Л. 2.

¹⁵⁴ Л.-Н. Алларт Петру I 19.12.1708 г. // П и Б. Т. VIII. Вып. 2. К № 2911. С. 1032.

¹⁵⁵ Åberg A. Varför misslyckades Karl XII:s ryska fälttåg: Till 250-årsminnet // Svensk Tidskrift. 31 december 1959. S. 272.

¹⁵⁶ Гилленкрот А. Сказание о выступлении... С. 64–65.

¹⁵⁷ Fänrik Robert Petrés dagbok 1702–1709 // KKD. Lund, 1901. V. 1. S. 196.

¹⁵⁸ Бессонов В.А. Потери Великой армии... С. 11–23.

¹⁵⁹ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 54.

¹⁶⁰ Пінчук Я.В. Мемуари генерала А.Л. Левенгаупта як джерело осмислення подій походу Карла XII в Україну // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігов, 2016. № 3 (129). Травень–червень. С. 115.

¹⁶¹ Komput woyska króla Imci szwedzkiego 1708 // PAN Biblioteka Kórnicka (Akta do panowania Augusta II. Vol. 3). Ark. 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadat?id=346018&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI= (Дата обращения: 16.07.2016); Generalstaben. Karl XII på slagfältet... V III. S. 787; Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 409. С. 449–450; Васильев А.А. Армия Карла XII под Полтавой: Состав, организация, вооружение, обмундирование и тактика войск. Самиздат: ок. 90 гг. Приложение II.

¹⁶² Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы... С. 72.

¹⁶³ Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 127–128.

¹⁶⁴ Назначенный в Ромны комендантом полковник П.Э. Ласси сообщал в своей «сказке», что в составе подчиненного ему гарнизона находились драгуны Азовского полка, 2 000 пехотинцев «с несколькими сот казаками под командою капитана от гвардии Ушакова». В своем же журнале о событиях Северной войны П.П. Ласси указывал более точное количество казаков, находящихся в его распоряжении — около 500 человек (Офицерские сказки... Т. 1. С. 35; Кудзиевич Л.В. Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды Седьмой междунар. науч.-практ. конф. (18–20 мая 2016 года). СПб., 2016. Ч. III. С. 108).

¹⁶⁵ А.И. Ушаков Петру I 23.12.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 59. С. 61.

¹⁶⁶ Указ Петра I «Заднепровскому» корпусу 22.12.1708 г. // П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2922. С. 361.

¹⁶⁷ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. №. 2856 Л. 1 об.

¹⁶⁸ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 19.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2867. Л. 2.

¹⁶⁹ Отметим ошибку, допущенную в документе «Показания 7 человек Юсупы Мурзы. 24-го марта 1709 года», опубликованном в 3-м томе «Трудов Императорского русского военно-исторического общества», командир отряда чугуевских калмыков, действовавший в составе группировки К.Э. Ренне, здесь указывается как начальник захваченных в плен и допрошенных военнослужащих шведской армии. В действительности же, он, напротив, был командиром летучего отряда, захватившего этих «языков». При этом позднее в докладе К.Э. Ренне к А.Д. Меншикову от 25 марта 1709 г. Юсуп-мурза указывается как подчиненный генерал-лейтенанта (ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 125. С. 127; ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 127. С. 130).

¹⁷⁰ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 18.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2859. Л. 1, 1 об.; К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 20.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2871 Л. 1, 1 об.

¹⁷¹ П и Б. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2922. С. 361.

¹⁷² Беспалов А.В. Битвы и осады... С. 249.

¹⁷³ Северная война 1700–1721 гг... Т. I. № 389. С. 430–431.

¹⁷⁴ Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов: 1724–1762. СПб., 1901. С. 54.

¹⁷⁵ Щоденник камергера Карла XII... Чернигов, 2014. № 4 (118). Липень–сентябрь. С. 109.

¹⁷⁶ Офицерские сказки... Т. 1. С. 389.

- ¹⁷⁷ Там же. С. 163.
- ¹⁷⁸ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 24.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2899. Л. 1–2.
- ¹⁷⁹ Журнал, или Поденная записка... С. 182.
- ¹⁸⁰ Несмотря на анонимность данного письма, при сопоставлении исторических событий и фактов можно прийти к выводу, что оно принадлежит К.Э. Ренне (Неизвестный А.Д. Меншикову 28.12.1708 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 60. С. 61–62).
- ¹⁸¹ Допросные речи Ш. Рислинга 22.01.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 210. С. 273.
- ¹⁸² К.Э. Ренне А.Д. Меншикову 29.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2914. Л. 1, 1 об.
- ¹⁸³ Н.Ю. Инфлант Петру I 20.12.1708 г. // П и Б. М., 1951. К № 2890. Т. VIII. Вып. 2. С. 1008–1009.
- ¹⁸⁴ При подготовке штурма Веприка и в ходе осады в изученных рекогносцировочной группой Зигрота точках были сооружены инженерные объекты, где расположились четыре артиллерийских батареи по пять орудий в каждой. Остатки этих земляных валов прослеживались еще в начале XX в. (*Макаренко Н.Е.* Городища и курганы... С. 1–2; *Щоденник камергера Карла XII...* Чернигов, 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 103).
- ¹⁸⁵ А.И. Ушаков Петру I 3.01.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 190. С. 249.
- ¹⁸⁶ Там же. № 190. С. 249.
- ¹⁸⁷ А.И. Ушаков Петру I 5.01.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 67. С. 68.
- ¹⁸⁸ А.И. Ушаков Петру I 13.01.1709 г. // Там же. № 71. С. 71.
- ¹⁸⁹ Г.И. Головкин В.Л. Долгорукому 12.01.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 197. С. 255.
- ¹⁹⁰ *Щоденник камергера Карла XII...* Чернигов, 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 104.
- ¹⁹¹ Там же. № 199. С. 257.
- ¹⁹² Журнал, или Поденная записка... С. 182.
- ¹⁹³ *Беспалов А.В.* Битвы и осады... С. 251.
- ¹⁹⁴ Черновой указ коменданту Карташеву и прочим офицерам об укреплении города Сорочинцы, заготовке провианта // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 30. Л. 268.
- ¹⁹⁵ П и Б. № 2972. Т. 9. Вып. 1. С. 20–21; Там же. № 2975. С. 22.
- ¹⁹⁶ *Иванюк С.А.* Забытый 5-й батальон. К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 году // Вестник Волгоградского гос. университета. Волгоград, 2014. Серия 4. № 1 (25). С. 15.
- ¹⁹⁷ Б.П. Шереметев Я.В. Брюсу 12 января 1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 70. С. 70.
- ¹⁹⁸ Для увеличения парка артиллерийских орудий еще в начале декабря 1708 г. рассматривался вопрос о переброске из Лютенки в Сорочинцы пушек, состояние которых оценивалось как «зело хорошие» (Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 8.12.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2796. Л. 1).
- ¹⁹⁹ Б.П. Шереметев Я.В. Брюсу 13.01.1709 г. // СИРИО. Т. 25. № 183. С. 143.
- ²⁰⁰ Г.С. Волконский Петру I 29.11.1708 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2867. С. 985.
- ²⁰¹ Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 28.11.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2741. Л. 2.
- ²⁰² А.И. Ушаков Петру I 17.01.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 78. С. 77.
- ²⁰³ *Löjtnant Joachim Matthle Lyths dagbok 1703–1722* // KKD. Lund, 1903. V. 2. S. 67.
- ²⁰⁴ *Siltmann D.N.* «Volontaren» vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. von Siltmann dagbok 1708–1709 // KKD. Lund, 1907. V. 3. S. 289.
- ²⁰⁵ Н.Е. Макаренко сообщал о следах разрушений на месте южных ворот сорочинской крепости (*Макаренко Н.Е.* Городища и курганы... С. 35).
- ²⁰⁶ *Adlerfeld G.* The Military History... P. 94; *Löjtnant Joachim Matthle Lyths...* S. 67.
- ²⁰⁷ *Стилле А.* Карл XII как стратег... С. 69.

- ²⁰⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 2991. С. 591; *Шутой В.Е.* Борьба народных масс... С. 346.
- ²⁰⁹ *Nordberg J.A.* Histoire de Charles XII... Р. 275.
- ²¹⁰ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1695.
- ²¹¹ Полтавская битва 27 июня... № 210. С. 274.
- ²¹² РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 9. Л. 579.
- ²¹³ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. I. № ССХIV. С. 1032.
- ²¹⁴ В Полтаву прибыли два батальона Устюжского и Тверского пехотных полков, один батальон пехотного полка Г.Н. Репьева (*Иванюк С.А.* Забытый 5-й батальон... С. 13–21).
- ²¹⁵ А.Д. Меншиков Петру I 22.01.1709 г. // П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2579. С. 604; Петр I А.Д. Меншикову 20.01.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 2995. С. 32; *Яворницкий Д.И.* Історія запорозьких козаків. Киев, 1993. Т. 3. С. 305.
- ²¹⁶ ИР НБУ. Ф. I. (Коллекция А. Лазаревского). Д. № 63344. Л. 165.
- ²¹⁷ *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории общества в XVII XVIII в. // Русский архив. М., 1875. № 11. С. 299.
- ²¹⁸ П и Б. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. К № 2831. С. 943–944.
- ²¹⁹ *Калачев Н.В.* Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // СИРИО. СПб., 1873. Т. 11. № V. С. 109.
- ²²⁰ Там же. № V. С. 109.
- ²²¹ В 1708 г. на Правобережье было семь полков — Белоцерковский (полковник М. Омельченко), Богуславский (С. Самусь), Корсуньский и Уманский (А. Кандыба), Чигиринский (К. Мокиевский), Брацлавский (Г. Иваненко) и Могилевский (С. Волошин). По мнению Н.И. Костомарова, в 1705 г. Правобережное казачество состояло из 4 700 человек. Столицей правобережного казачества был город Белая Церковь (*Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы... С. 534; *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи... С. 230).
- ²²² *Филарет (Гумилевский Д.)*. Историко-статистическое описание... С. 3–4.
- ²²³ *Павленко С.О., Циганок О.М.* Лист І. Мазепи з Ромнів до С. Лещинського // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігів, 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 78.
- ²²⁴ Петр I А.И. Ушакову 12.01.1709 г. // *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... М., 1838. Т. XIV. № 977. С. 606.
- ²²⁵ *Стилле А.* Карл XII как... С. 16.
- ²²⁶ Журнал, или Поденная записка... С. 184.
- ²²⁷ П и Б. Т. IX. Вып. 2. К № 2982. С. 583–584.
- ²²⁸ А.Д. Меншиков Петру I 13.01.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 2982. С. 584; А.Д. Меншиков А.И. Ушакову 11 и 14.01.1709 г. // П и Б. Там же. К № 2974. С. 573–574.
- ²²⁹ А.Д. Меншиков И.И. Скоропадскому 25.01.1709 г. // Письма князя Александра Даниловича Меншикова к малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. № 17. Стб. 568.
- ²³⁰ Приговор Правительствующего Сената о даче жалованья донским казакам 17.12.1712 г. // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1883. Т. II. Год 1712-й. Кн. II. (июль–декабрь). № 926. С. 398.
- ²³¹ Щоденник камергера Карла XII... Чернігів, 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 105.
- ²³² П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 2982. С. 584.
- ²³³ Полтавская битва 27 июня... № 209. С. 272.
- ²³⁴ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3002. С. 617.
- ²³⁵ *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 72.
- ²³⁶ *Стилле А.* Карл XII как... С. 70.
- ²³⁷ Там же. С. 69–70.
- ²³⁸ Щоденник камергера Карла XII... Чернігів, 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 104.
- ²³⁹ А. Стилле указывал, ссылаясь на шведские источники, что в бою под Опошней русская армия потеряла 400 человек убитыми и 150 пленными. Данные цифры определенно

завышены, так как 4 февраля 1709 г. русской армией был составлен поименный список драгун и гренадеров, погибших в этом сражении. Потери петровской кавалерии были следующими: «в Ропове полку» — 9 чел., «гренадерского Андреева полку» — 72 чел., «Московского драгунского» — 56 чел., «Ярославского драгунского» — 11 чел., «Сибирского драгунского» — 27 чел., «Смоленского драгунского» — 62 чел., «Вязьмского драгунского» — 17 чел., «Новотроицкого драгунского» — 25 чел., и «с ними ружья и конская зброя» — 270 (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Ч. 2. Л. 157–160 об.; *Стилле А.* Карл XII как стратег... С. 70).

²⁴⁰ *Волынский Н.П.* История Лейб-гвардии... С. 74.

²⁴¹ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3026. С. 642.

²⁴² *Adlerfeld G.* The Military History... P. 414.

²⁴³ Расстояние между укрепленными пунктами было настолько небольшим, что ночной выстрел из пушки в Опошне был слышен в Котельве и позволял гарнизону этой крепости поднять тревогу для выдвижения на помощь своим соседям (А.Д. Меншиков Петру I 30.01.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3027. С. 645).

²⁴⁴ Generalstaben: Karl XII på slagfältet... Stockholm, 1919. V. III. Karta 22, 23 a

²⁴⁵ *Іванюк Я.Г.* Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII ст. // Український історичний журнал. 1980. № 9. С. 101–105.

²⁴⁶ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3026. С. 644.

МЕТОДИКА ВЕДЕНИЯ МАЛОЙ ВОЙНЫ РУССКОЙ АРМИИ ВЕСНОЙ 1709 ГОДА

Разведывательно-диверсионный рейд корпуса Б.П. Шереметева (февраль 1709)

В первых числах февраля 1709 г. для усиления группировки русских войск из Сум к Ахтырке начали стягиваться основные силы русской армии. Сюда же, для изучения положения дел на этом стратегически важном участке, 2 февраля 1709 г. прибыл Петр I. Он оценил сложившуюся обстановку на месте и дал распоряжение, чтобы, удерживая этот город, русские войска продолжили осуществлять свой план по оказанию давления на район расквартирования шведской армии с севера и запада посредством методов малой войны¹. Помимо основного участка боевых действий в районе Ахтырки решено было открыть так называемый «второй фронт», так как в то время, когда Карл XII начал выдвижение с частью армии за Ворсклу, в его тылу, в городках и селах на Суле, Псле и Хороле, были оставлены небольшие королевские отряды. Этим был расширен квартирный район, и, соответственно, стала затруднительной связь между разбросанными по Левобережной Украине гарнизонами шведских войск и основными частями королевской армии, находящимися у Ахтырки.

При составлении плана на дальнейшее ведение боевых действий русское командование планировало силами разведывательно-диверсионных отрядов «вбивать клин» между восточной (основные силы Карла XII) и западной (корпус генерала К.Г. Крейца) группировками шведских войск. Особенности этих действий Петр I озвучил еще 22 января 1709 г. в письме к А.Д. Меншикову: «потрудитца добрую партию послать, чтоб меж кароля и Крейца шатались и вред неприятелю, купно с черкасы, чинили»².

Для осуществления этого плана необходимо было провести разведывательно-диверсионный рейд, в ходе которого петровские войска могли бы

зайти в тыл основных сил противника и уничтожить наиболее удаленные небольшие шведские отряды из корпуса генерал-майора К.Г. Крейца, штаб которого находился в Лохвице, а остальные отряды размещались в Лютенке, Гадяче, Камышанке и Зуевке³. То есть своими действиями, помимо уничтожения вражеских подразделений, русское командование планировало вынудить Карла XII переместиться к западу (на правый берег Ворсклы) для защиты своих войск и таким образом добиться возвращения его в местность, уже опустошенную декабрьско-январскими фуражировками и конфискациями, сняв при этом напряжение у Ахтырки.

От основных сил русской армии для выполнения поставленных задач выделялся специальный корпус («деташмент»), в состав которого вошли пехотные и конные полки, конная артиллерия, донские и гетманские казаки И.И. Скоропадского. Сюда же для ведения разведки были приданы опытные «партизаны» А.И. Ушаков и Ф.О. Бартенев со своими отрядами. Возглавить «деташмент» было поручено фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, который имел уже достаточный опыт в проведении разведывательно-диверсионных рейдов по вражеским территориям, полученный им еще в ходе малой войны в Прибалтике (1701–1704), где такие войсковые операции проводились регулярно⁴.

На начальном этапе рейда от «деташмента» генерал-фельдмаршала требовалось обойти справа Гадяч и отрезать шведский гарнизон городка Лохвица во главе с генералом К.Г. Крейцем от основных вражеских сил, а при благоприятных условиях атаковать его. Главной целью было не полностью уничтожить вражеский корпус, а не допустить соединения находящихся на западе Гетманщины войск Карла XII с польской армией С. Лещинского⁵. В случае отступления отрядов К.Г. Крейца для соединения с основными силами Карла XII необходимо было атаковать Гадяч. Если же захват города невозможен, «деташменту» была поставлена задача проведения диверсионных действий, то есть, не штурмуя Гадяча, «замок потшитца (стараться. — С. И.) зажечь или бомбардировать, а не приступать. И ежели замка невозможно достать без великой утерки (потерь. — С. И.), то город жжечь»⁶. На случай атаки со стороны основных сил шведского короля предписывалось отступать на запад, оттягивая неприятеля от района Полтавы к Днепру. Если же противник будет двигаться к границам Польши, то, ведя постоянную разведку его движения на марше, искать возможности соединиться с силами А.Д. Меншикова.

Если войска Карла XII попытаются сделать прорыв вглубь Российских территорий, основные части русской армии должны были отступать перед неприятелем, зачищая перед ним в «жолкевских» традициях территорию, а корпус фельдмаршала сопровождал бы их с тыла или фланга. В случае разъединения сил противника, если кто-то останется в Гетманщине, Б.П. Шере-

метев должен был укрепиться на месте и действовать против оставшихся шведских отрядов. Все разведывательно-диверсионные операции генерал-фельдмаршал должен был проводить в тесном взаимодействии с основными частями русских войск под командованием А.Д. Меншикова, которому предписывалось держаться вблизи главных сил Карла XII и «смотреть на обороты оного и всяко приключать оному безпокойство»⁷.

5 февраля 1709 г. выделенные в состав «деташмента» войска покинули Ахтырку и, обходя с севера квартирный район шведов, перешли в Сумы, где их ждал Б.П. Шереметев, который занимался сбором обозов для повышения мобильности задействованных в рейде подразделений («дабы пехотные полки оными для скорых походов удовольствоваться»)⁸. Здесь же «деташмент» освободился от больных солдат и лошадей, направив их в Рыльск⁹. Тем временем войска Карла XII, находившиеся на левом берегу Ворсклы, приблизились к Ахтырке и расположились в деревне Хухры, откуда планировалось нападение на город. Но, убедившись в силе сконцентрированных у Ахтырки русских отрядов и увидев полыхавшее предместье, подожженное драгунами К.Э. Ренне, шведские войска покинули свои позиции и вернулись на правый берег Ворсклы¹⁰.

Во время своего движения вдоль реки Мерлы королевские войска проводили карательные контрпартизанские мероприятия по уничтожению сочувствующих русской армии мирных жителей и их жилых построек. Шведы считали Слободскую Украину «вражеской страной» и поэтому безжалостно уничтожали местное население, разрушали их жилища, чтобы лишить царские войска поддержки в этом регионе. Своими действиями шведская армия стремилась подорвать хорошо организованную русским командованием инфраструктуру разведывательно-диверсионной деятельности в городках и селах Слобожанщины, а параллельно, за счет тотальных конфискаций, пополнить свои тыловые запасы, которые к этому времени пришли в упадок. Весь путь Карла XII от Ахтырки до Красного Кута и обратно до Опошны сопровождался «огнем и мечом» по отношению к населению края. Шведский король требовал, чтобы войска оставляли после себя лишь выжженную землю¹¹. То есть ничего, что противник мог бы использовать в своих целях. Можно сказать, что в Слобожанщине шведами в какой-то степени использовалась тактика в духе жолкевского плана, в результате чего была зачищена большая территория, на которой были разрушены до основания населенные пункты Красный Кут, Мурафа, Колонтаев, Олешня, Рублевка, Лутище, Каплуновка и другие¹².

Всего в ходе этих действий было уничтожено около 30 населенных пунктов, а из 13 административных сотенных местечек территориального Ахтырского казачьего полка 10 пострадали во время рейда шведских войск¹³. Уничтожение этих опорных пунктов стало чувствительной потерей для армии Петра I, так

как часть из них в течение зимы использовалась русскими отрядами как база для разведывательно-диверсионной деятельности. О тяжелом положении, в котором оказались покинувшие свои дома малороссияне, А.Д. Меншиков сообщал 16 февраля 1709 г. гетману И.И. Скоропадскому: «Неприятель <...>, починя здешним жителям многия разорения, а имянно, места: Красной Кут, Коломах и инья попадая <...> вышепомянутых мест жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал и инья многия злы чинил»¹⁴.

В данных обстоятельствах отряды русской армии продолжали наносить точечные удары по отдельным объектам вражеской армии, которые из-за интенсивности действий Карла XII вынуждены были постоянно находиться на марше. Часто целью таких атак становились тыловые обозы шведской армии. Так, когда один из них двигался от Красного Кута с реквизированным у слобожан имуществом и с пленными, он был атакован летучим отрядом петровской кавалерии. В результате боя было уничтожено 260 шведских солдат, освобождена из плена группа местных жителей, отобрано 500 фур продовольствия, около 2 000 голов рогатого скота, 1 000 лошадей¹⁵.

Во второй половине февраля шведская армия сконцентрировала свои силы в районе реки Мерлы, которая в условиях половодья за счет многочисленных впадавших в нее речушек и ручьев превратилась в непреодолимое препятствие.

Д. Фассман, который вел свое повествование от имени шведского короля, писал об этой ситуации, что вода в районе реки Мерлы была очень высокой, а ландшафт представлял собой затопленную землю. Данные обстоятельства заставили короля «снова вернуться с российских и татарских границ в центр Левобережной Украины, где был выгодный контроль над территорией и более благоприятные условия для военных операций». При этом отмечалось, что при возвращении на старые позиции «произошло еще много кровавых стычек, потому что меня (Карла XII. — *С. И.*) везде окружали враги»¹⁶. К концу февраля 1708 г. войска шведского короля вновь вернулись к Опошне и заняли квартиры в междуречье Ворсклы и Псла, фронтом в направлении Полтавы. Крайними точками расположения противника стали: на юге Решетиловка и Санжары, на севере Опошня (королевская квартира) и Лютенка.

В этой обстановке, когда вражеские отряды во главе с Карлом XII могли соединиться с корпусом К.Г. Крейца, Б.П. Шереметев ускорил подготовку к диверсионному рейду. Толчком к этому послужило получение 8 февраля 1709 г. от Петра I сразу двух требований приступить к более энергичному выполнению поставленных задач, «понеже изрядной Бог дает способ к тому»¹⁷.

Для проведения рекогносцировки предстоящего пути движения Б.П. Шереметев направил к Гадячу авангардный разведывательный отряд во главе

со своим адъютантом П.Т. Савеловым, который перешел к силовой рекогносцировке и провел разведку боем в окрестностях этого города. Непосредственный участник этой акции драгун П.Н. Болтин описывал ее так: «Был командирован под Гадич, и в слобода побрали шведов, и я взял в той партии шведа своеручно и привел к командиру своему, господину адъютанту Савелову»¹⁸. Об успешных действиях своего авангарда генерал-фельдмаршал докладывал 9 февраля 1709 г. Петру I, который за день до этого покинул Ахтырку и переехал в Белгород, а оттуда 11 февраля убыл в Воронеж¹⁹: «Посыланная партия для проводыванья о неприятеле возвратилась, при которой был мой адъютант Савелов; и по прибытии своем мне объявил, что они ходили за Гадич мили три до деревни Розбишовки, где она партия на шведов щастливо напала, и побили их 40 человек, в полон взяли 17 человек самых шведов, три человека служителей; с нашей стороны все в целости отступили»²⁰.

Получив от разведчиков подробные сведения о концентрации войск противника и проведя все подготовительные мероприятия перед маршем, 10 февраля 1709 г. «деташмент» выдвинулся из Сум. Следуя намеченному плану, корпус Б.П. Шереметева двигался через села Липовая Долина и Афанасовка. На совещании в последнем из них фельдмаршал принимает решение не атаковать Гадяч, так как «некоторые части войска неприятельского не в дальней дистанции состоят и могут Гадяч секуровать (поддержать. — С. И.)»²¹, а двигаться по направлению к Лохвице, чтобы напасть на нее.

13 февраля 1709 г. Б.П. Шереметев в письме к Петру I объяснил причины своего решения и подробно описал диспозицию предстоящего налета на лохвицкую крепость. В частности, он сообщал, что часть войск К.Г. Крейца стоит в Березовой Луке и в Камышенке «от сих мест в 4 милях. И того ради усове-товали сею ночью на них наступать». В случае отступления этих шведских отрядов в Лохвицу «оатаковать и, усмотря крепости Лохвицкой, ежели потеряния великого не будет, оную штурмовать будем». В случае если во время атаки «король будет сикурсовать <...> тогда от него отступить будем, куда пристойно за дифилеи (укрытия на местности. — С. И.), и в том будет полза, что он от границ ваших отступит»²². Из письма фельдмаршала следует, что планировалось напасть на разобщенные отряды корпуса К.Г. Крейца, не давая им соединиться и укрыться за стенами лохвицкой крепости. В случае же их концентрации в Лохвице необходимо оценить силы гарнизона и, убедившись в их слабости, атаковать. При появлении угрозы подхода на выручку атакуемой крепости значительных вспомогательных сил диверсионный отряд немедленно должен был отступить.

14 февраля 1709 г. «деташмент» Б.П. Шереметева прибыл в уже разведанную Разбишевку. Сделав здесь остановку, генерал-фельдмаршал еще раз отправил по окрестностям разъезды для поиска и захвата «языков», а также шпионов — для

осмотра близлежащих населенных пунктов. Из полученных разведчиками сведений стало известно, что в местечке Рашевка находился небольшой шведский гарнизон, который состоял из драгунского полка (325 чел.) и двух пехотных подразделений (130 чел.) под командованием полковника Х.О. фон Алфенделя²³.

Командир «деташмента» принял решение провести налет на шведский гарнизон в рашевской крепости. В нападении на местечко планировалось использовать второй и четвертый батальоны, а также половину гренадерской роты Преображенского полка, возглавляемого майорами М.А. Матюшкиным и Ф.О. Бартеневым. Для атаки команда В. Бема была разбита на три группы: первая (М.А. Матюшкин, второй батальон преображенцев и капральство гвардейских гренадеров) и вторая (Ф.О. Бартенев, четвертый батальон преображенцев и гренадерская рота Астраханского полка) группы должны были спешиться и атаковать город; третья (подполковник Щербаков, четыре драгунских полка) группа оставалась в резерве на подступах к местечку²⁴. Атакующие отряды количественно превосходили шведский гарнизон: такое соотношение сил позволяло русскому диверсионному отряду не увязнуть в длительном сражении, которое стало бы губительным для налета.

Отряду преображенцев, под общим командованием генерал-майора В. Бема, было предписано следовать почти 5 км от деревни Разбишевки через Петровку и Руцки к Рашевке²⁵. В это время основные силы «деташмента» во главе с фельдмаршалом расположились у Петровки с целью предотвратить оказание помощи атакуемому шведскому гарнизону со стороны других населенных пунктов, занятых королевскими отрядами.

15 февраля 1709 г. в 8 часов утра В. Бем с подчиненными отрядами стремительно атаковал Рашевку²⁶. В сложившейся обстановке, когда вражеские отряды, находившиеся недалеко от места нападения, могли направить к местечку свои подразделения поддержки, быстрота налета была основной составляющей успеха операции. Нападавшие на город войска двигались в одну линию. Четвертый батальон — прямо на деревню, второй же обходил противника с левого фланга²⁷. Шведские войска, находящиеся в гарнизоне, увидев «наступающую на них партию, в порате (строй. — С. И.) себя поставили и к рогаткам (защитным сооружениям. — С. И.) <...> приступили». Преображенцы и гренадеры, возглавляемые Ф.О. Бартеневым, усилили натиск и «на них наступили, и по крепком бою оных от рогаток отбили и принудили с потеряннем в замок вступить. И наши за ними последовали <...> и замок овладели <...>, неприятельской драгунский полк и пехоту совсем побиили»²⁸. В результате боя «Алфентена (полковник Х.О. фон Алфендел) <...> с протчими обер и ундер-фицеры и рядовыми в полон взяли»²⁹. Всего же в Рашевском налете было взято в плен 111 вражеских солдат и офицеров, захвачен обоз, а также освобождены из плена солдаты и офицеры русской армии («из

того полону выняли»), некоторые из которых были пленены и сопровождали шведские войска с самого начала Полтавского периода³⁰.

Более ярко атаку и уничтожение группировки шведских войск в Рашевке описывал один из участников этого боя генерал И.Б. Вейсбах: «Щасливо учинилось, что токмо от той команды (шведского гарнизона Рашевки. — *С. И.*) один майор Кригер с пятью ротами бегом спасся, а генерала маеора Анфелтеля и шталмейстера (главный конюший. — *С. И.*) со всеми артиллерийскими лошадьми и многих офицеров и рядовых, которые у церковной ограды стояли, в полон взяты и большая часть неприятельского экипажу забрата, а достальных неприятельских людей, которые по дворам похоронилися, поколото и порублено»³¹.

Еще раз отметим, что атака на Рашевку была проведена по классической схеме с применением большого числа элементов, типичных для разведывательно-диверсионной операции малой войны:

- разведка участка предстоящих действий (разъезды и шпионы, направленные из Разбишевки);

- выделение небольшого мобильного отряда для налета (отряд В. Бема) и занятие позиций у Петровки основными силами «деташмента» для его поддержки в случае отступления;

- стремительная атака на крепость и быстрый отход после выполнения задачи³².

Потеря такой тыловой базы, как Рашевка, с ее запасами материальных средств, болезненно сказалась на жизнедеятельности войск Карла XII, которым катастрофически трудно было восполнять свои потери как в людских, так и в тыловых ресурсах. Даже шведский король, всегда сдержанный в оценке своего противника и весьма сухо отзывавшийся о тех положительных результатах, которые достигались русскими войсками в ходе Северной войны, отметил взятие Рашевки в письме к своей сестре Ульрике Элеоноре. Он писал, что «шведские разъезды часто имели небольшие дела с неприятелем и причиняли ему потери, хотя и враг иногда к нам подкрадывался, чтобы захватить пленных <...> один раз <...> он напал на квартиры, где стоял полковник Альфендель с драгунским немецким полком, и был взят в плен»³³.

В свою очередь царь, оценив результаты войсковой операции у Рашевки, был недоволен затягиванием генерал-фельдмаршалом общей атаки на группировку К.Г. Крейца в районе Лохвицы. Он считал нецелесообразным использование таких значительных сил, каким был «деташмент», для уничтожения всего лишь одного незначительного населенного пункта, считая это лишним расхождением сил и средств³⁴.

Несмотря на успех, Петр I требовал от Б.П. Шереметева более решительных действий и перехода от небольших стычек с противником к более крупным

столкновениям. Царь ждал от генерал-фельдмаршала проведения масштабных диверсионных операций, которые охватили бы обширную территорию, ведь силы «деташмента» позволяли действовать сразу на нескольких направлениях. В частности, он писал: «Ожидаем с великим апетитом уже не о партии, но ташаменте («деташменте». — *С. И.*) вашем <...> слышать»³⁵.

Просчеты в оперативном командовании Б.П. Шереметева, о которых писал царь, имели отрицательные последствия во время дальнейшей операции по атаке шведских квартир силами «деташмента», когда после налета на Рашевку корпус фельдмаршала направился на Лохвицы и Лубны. Но к этому времени главный фактор проведения любого рейда — внезапность нападения — уже был потерян. Отсутствие неожиданности в действиях при проведении диверсионной операции негативно отразилась на ее результативности. Ведь подготовленный враг, знающий о нападении, всегда мог усилить свою группировку на линии атаки, подтянув дополнительные силы, и держать войска в боевой готовности, а в случае необходимости покинуть свои позиции и отступить.

Так поступили и основные силы К.Г. Крейца, когда, встревоженные сообщениями о налете на Рашевку, в ночь на 18 февраля 1709 г. они организованно снялись со своих позиций и покинули квартиры в Лохвице, Зуевке и Камышине. Об этом сообщали позднее А.Д. Меншикову (24 февраля 1709) вернувшиеся с оккупированной противником территории жители Богодухова, которые в «16 день сего месяца ушли из Лохвицы и в то-де число генерал маеор Крейц при них из Лохвицы выбирался бежать, прослышавши про приход фелтъ маршалка Шереметева»³⁶. Полки К.Г. Крейца, воспользовавшись ошибками командования «деташмента», соединились на переправе у Псла и быстро форсировали реку: «Из Лохвиц в полночь против 18 числа выступил (К.Г. Крейц. — *С. И.*) и вниз по реке Суле шел в миле, чрез оную реку перебрался и пошел, оставя Миргород в правой стороне, и перешол за 2 переправы»³⁷.

В это же время за противником по пятам следовал разведывательный отряд из авангарда «деташмента»: «Наша партия за ним последовала даже до деревни Поповки и взяли от них языков, которые объявляли, что с ним было 4 полка конных, 2 лейб регимента драгунской и рейтарской, и Оболенской рейтарской, и Вандерштель, и стоящие 3 полка в Камышине Терстенсов Ниленской рейтарской, и швецких Адалсфан, и Шлипембахов драгунской, и 3 кампани Левенгоптова корпуса, в Зуевке 2 полка конных же Гелма и Гулденшторна к соединению с своих квартир пошли»³⁸. То есть вся группировка шведских войск, находящаяся в этом районе, покинула свои позиции и благополучно перебралась на новый плацдарм.

После получения подробных разведывательных сведений Б.П. Шереметев организовал преследование корпуса генерал-майора К.Г. Крейца силами небольших диверсионных отрядов: «Во время того неприятельского маршу

ко Пслу следующие наши партии непрестанно чинили на них нападение, к тому многие здешние казаки и мужики чинили поиск, отчего оной принужден несколько везы и скот потопить и токмо убрался, и Мазепины пожитки взяли на выюках, а достальной свой обоз пожег весь»³⁹. Однако, несмотря на победные доклады, неслаженность действий всего «деташмента» позволила шведским отрядам переправиться на противоположный берег и оторваться от преследования: «Швецкой генерал маеор Крейца с частию своею через Псел реку переходил на плотах под Савинцами, от Сорочинца в полу миле»⁴⁰.

Кроме основных сил «деташмента» для его поддержки привлекались также гарнизоны крепостей, находящихся на линии соприкосновения с противником, в том числе Сорочинцы. Так, 26 февраля 1709 г. докладывая Петру I о результатах операции против группировки шведских войск К.Г. Крейца, Б.П. Шереметев сообщил об оказанной ему военными сорочинского гарнизона помощи. В частности, генерал-фельдмаршал писал, что 25 февраля комендант крепости полковник Г.И. Карташов направил летучий отряд казаков с Сорочинским и Корсунским сотниками, а также капитана Нарвского полка Калетина и адъютанта Коптяжина наперерез отступающему противнику, для того чтобы «во время неприятельской переправы чинил поиск»⁴¹.

В результате маневра подчиненным Г.И. Карташова удалось захватить на переправе через Псел генерального есаула А.М. Гамалея и зятя Д. Апостола — А.Д. Горленко, с женами и детьми. Миргородский полковник сообщал в письме к А.Д. Меншикову подробности этой акции и участия в ней казаков из сотен его полка: «Войска неприятельские из Лохвиц ко Пслу рушили, переправлялися чрез тех всех Савинцах выше Сорочинец, где оным великая трудность была за разливанием вод в переправе, на которой сотник мой сорочинский и хорунжий полковый с людьми <...> ударивши <...> есаула генерального Гамалея з братом и зятя моего з женою, и дочкою моею, и з детми отгромили и палубов (понтонны. — С. И.) два <...> с челядью отбили»⁴².

Чуть позже сам Б.П. Шереметев посетил Сорочинцы, чтобы лично допросить попавших в плен «мазепинцев» и оценить состояние сорочинского гарнизона⁴³. Отсюда же по его указу силами находящихся в крепости отрядов была проведена разведка с целью взятия «языка» и получения информации для планирования дальнейших военных действий. Офицер Нарвского пехотного полка А.И. Кушников сообщал, что «по прибытии его превосходительства граф Шереметева командирован я был с полною от тех баталионов с ротой с капитаном-поручиком Воейковым под командою подполковника господина князь Мещерского для достания от неприятеля языка за реку Псел, где от неприятеля драгуна взяли и привели в Сорочинец»⁴⁴.

Неуверенный в принятии оперативных решений генерал-фельдмаршал, хотя и имевший богатый опыт в малой войне, мало подходил на роль командира

мобильного корпуса. Именно поэтому его действия пока не приносили кардинальных изменений. Д.П. Бутурлин отмечал, что Б.П. Шереметев во время рейда «деташмента» не смог развить в полной мере инициативы и добился только частных успехов⁴⁵. По его мнению, для достижения стратегической задачи корпусу генерал-фельдмаршала необходимо было поставить свои силы между Хоролом и Пслом, а после овладения Рашевским постом продолжать движение в окрестности Миргорода, но сделано это не было.

Несмотря на критику, Б.П. Шереметев по мере возможности выполнял требования царя, всеми силами стараясь разбить порознь шведские подразделения, разбросанные по слишком растянутым квартирам. Но все это он делал медленно, нерешительно и с опаской. Воспитанник старой русской школы, привыкший вести малую войну в основном оборонительного характера, на данном этапе Б.П. Шереметев действовал пассивно и осторожно, в то время как обстоятельства требовали перехода к более решительной, наступательной малой войне. Тем не менее, если оценивать действия «деташмента» в целом, то стоит согласиться с В.А. Артамоновым, который утверждал, что рейд генерал-фельдмаршала по шведским тылам весной 1709 г. в целом был удачен и, при всех его ошибках, привел к одному немаловажному результату, имеющему стратегическое значение — противник продолжал сужать район дислокации своих отрядов на театре военных действий⁴⁶.

Разведывательно-диверсионные действия корпуса А.Д. Меншикова (февраль 1709)

В отличие от пока еще вялых действий «деташмента» фельдмаршала корпусу А.Д. Меншикова удалось добиться некоторых успехов в ведении малой войны на контролируемой им территории. В поисках более удобного района расквартирования шведским войскам приходилось быть в постоянном движении, так как атаки русских диверсионных отрядов не давали закрепиться на выгодных позициях и заставляли постоянно менять места дислокации. В связи с чем граф Г.И. Головкин сообщал 18 февраля 1709 г. в Данию князю В.Л. Долгорукому: «Наши дела <...> состоят в добром порядке, и неприятеля партии наши непрестанно беспокояивают, так что оной в великой скудости и недостатку в провиантах и в фураже обретається <...> Неприятель от частых наших партий принужден с места на место переходить <...> И от казаков разные партии бывають побиваны и в полон берутся, и неприятельская сила беспрестанно умалается (уменьшается. — С. И.)»⁴⁷.

В конце зимы 1709 г. противоборствующим армиям боевые действия приходилось вести в крайне невыгодных для них погодных условиях. После аномальных морозов во второй половине февраля 1709 г. наступила резкая оттепель,

сопровождавшаяся проливными дождями. Немецкий журналист начала XVIII в. Дэвид Фассманн в одном из биографических очерков, который был составлен от имени короля Карла XII с подробным обзором событий во время «русского похода» шведского монарха, сообщал, что 24 февраля 1709 г., несмотря на холод, разразился ужасный дождь с громом и молнией⁴⁸. Климатические катаклизмы привели к масштабному половодью многочисленных рек и речушек, протекавших по территории Левобережной Украины. Все это весьма затрудняло для обоих противников маневренную войну в междуречье Сулы, Псла и Ворсклы, так как перемещавшимся войскам приходилось постоянно преодолевать водные преграды, наполненные зимней ледяной водой. К тому же в ночное время температура воздуха резко понижалась и этим создавалась дополнительная опасность для здоровья военнослужащих. Все эти обстоятельства в определенной степени сковывали действия противоборствующих армий при ведении малой войны.

В письме от 22 февраля 1709 г. А.Д. Меншиков жаловался Петру I на трудности, сложившиеся в связи с половодьем: «Нам с сей стороны сильными партиями неприятелю ничего чинить невозможно, понеже воды кругом нас обошли, и для того с корпусом конным и пехотным здесь обретаемся <...> И понеже пока настоящая водополье простоит, по то время нам движения никакова и знатного поиску над неприятелем чинить невозможно»⁴⁹. Такими же плачевными были сообщения и из вражеского лагеря. А. Гилленкрок писал: «В это время настала такая оттепель, что вскрылись все реки, а по дорогам было столько воды, что она покрывала почти орудия и обозные фуры. Наконец, с величайшею опасностью, переправились мы через Ворсклу, к Опошне»⁵⁰. Во время таких форсирований водных преград, шведским солдатам и офицерам приходилось погружаться в ледяную воду. Для просушки обмундирования и профилактики заболеваний на привалах требовалось тепло и обогрев, что само по себе было проблематично. За неимением комфортных условий приходилось использовать для костров подручные средства, в том числе и элементы транспортного обоза и вооружения, например копыя пикинеров и колеса телег⁵¹.

Кроме прочего, разлив рек затруднял связь между автономно действующими мобильными отрядами, из-за чего нарушалась координация совместных диверсионных действий между ними, о чем также докладывал царю светлейший князь: «Уже болши недели, как от него, князь Александра (А.Г. Волконского. — С. И.), и ведомости никакой не имеем. А все за великими всюду здесь розливными водами, для чего от нас, куда доведетца, с великою трудностью куриеры ездят, також и от господина фельт маршалка <...> одно толко <...> письмо получил»⁵².

В сложившейся ситуации подчиненные А.Д. Меншикову пехотные и кавалерийские подразделения заняли территории в Слобожанщине между

Харьковом и Богодуховым, а разведчики русской армии не прекращали действовать в местах соприкосновения с противником. Цепь сторожевых разведывательных постов растянулась вдоль правого фланга шведского расположения, от Слободских городков до Перекопа⁵³. Для того чтобы иметь преимущество над противником и быстрее перемещать войска, в районы боевых действий русское командование стягивало специальные инженерные приспособления — понтоны, используемые для преодоления водных препятствий. В феврале 1709 г. Я.В. Брюс вел переписку с П.С. Салтыковым о переброске из Смоленска в действующую армию понтонного моста⁵⁴.

С целью организации ближней разведки в местечке Котельва, около 15 км от Опошни, разместились четыре кавалерийских полка во главе с К.Э. Ренне. Здесь прослеживаются прямые аналогии в выборе места для базы действий в Котельве с декабрьской базой в Веприке, так как она находилась под таким же углом и в такой же близости от вражеских позиций, как и веприкская крепость. Проанализировав действия русских летучих отрядов в феврале 1709 г., можно сказать, что, несмотря на трудности в передвижении войск, возникшие в связи с разливом рек, царская армия не прекращала тревожить противника разведывательно-диверсионными действиями ни на минуту. Там, где невозможно было применять большие корпуса, в дело вступали небольшие кавалерийские партии, которые, не боясь холода, пересекали речные препятствия иногда по пояс в воде и, заходя в тыл к противнику, наносили неожиданные удары («под неприятеля, как мочно, будем лехкие посылать партеи, хоть вплав»⁵⁵).

В то же время сам противник при перемещениях по территории военных действий и форсировании многочисленных водных преград становился более уязвимым для налетов на него диверсионных партий. В тех местах, где вражеские инженеры налаживали переправы, можно было сделать засаду или провести успешный налет. Об одном из таких нападений светлейший князь написал царю из Богодухова 18 февраля 1709 г.: «Когда неприятель переплавливался Мерлу, тогда наша партея с тылу ударила и такую тревогу учинили, что принужден неприятель чрез Мерлу вплавь плыть и многие возы в воде опрокинул, которых тутошние казаки немало побрали. А ныне отправлены от нас еще по обеим сторонам Мерла и по Ворсле партеи»⁵⁶.

Силами царских разведывательно-диверсионных отрядов, скрытно перемещавшихся по складкам местности, успешно проводились налеты на фуражиров и захватывались «языки». В конце февраля 1709 г. два плененных шведских квартирмейстера К.Г. Блюм и К. Ламберс сообщили на допросе, что «посланы они из Опошни за реку Ворсклу, порутчик и 20 человек шведов, для искания правианту, и оную реку переправились по лду. И как перешли, и государевы люди, казаки, ево и другова квартирмистра ж взяли, а порутчика

убили и других порубили»⁵⁷. В результате таких нападений на объекты продовольственного обеспечения противника шведская армия могла беспрепятственно снабжать себя припасами только с территорий, непосредственно контролируемых ее войсками. Для того чтобы воспрепятствовать вражеским фуражировкам и «оголодить» южный участок театра военных действий, Петр I дал соответствующие указания 21 февраля 1709 г. Г.Ф. Долгорукову, который находился в Нежине и совместно с гетманом И.И. Скоропадским, заниматься комплектованием подразделений казацких войск. Царь же приказал выдвинуть легкие отряды к южным границам квартирного расположения шведов и зачищать «жолкевскими» набегами прилегавшие к противнику районы. Это делалось для того, чтобы, в случае оттягивания вражеских сил к Днепру, им пришлось столкнуться с невозможностью обеспечить себя достаточным количеством продовольствия («чтоб вы от Днепра в сии места выступили, где неприятель себе прочит на весну, не для бою, но чтоб оголодить оныя места»⁵⁸). Выбор В.В. Долгорукова как военачальника для войсковых операций с казачьими подразделениями был не случаен, так как подполковник лейб-гвардии находился с 1706-го по 1707 гг. при И.С. Мазепе и имел достаточный опыт совместных боевых действий с гетманскими войсками в 1708 г., во время подавления Булавинского восстания⁵⁹.

Кроме войсковых подразделений, на оторвавшиеся от основных сил немногочисленные отряды шведов и беспечных одиночных военнотружущих, блуждавших по малороссийским лесам в поисках продовольствия, нападали еще и местные жители. Поляк А. Мирковский, служивший в армии Карла XII, допрашиваемый вместе с вышеуказанными квартирмейстерами К.Г. Блюмом и К. Ламберсом, сказал, что «из Опошны, переправясь реку Ворсклу пехотою по лду четыре человека хлопцов, искали в лесе фуражу и хлеба, и мужики ево поймали»⁶⁰.

При анализе событий и документальных фактов партизанского движения среди местного населения, становится явной закономерность: с активизацией действий русских регулярных войск в определенном районе театра боевых действий активизировалась и их поддержка со стороны жителей этого региона (шпионская деятельность, диверсии, налеты на шведских солдат и офицеров). Б.П. Шереметев докладывал в конце февраля 1709 г. Петру I: «Как с войском сюда я пришел, то малороссийский народ, пребывающей около сих мест, стал быть зело благонадежен и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем збиратца начали»⁶¹. Захваченный генерал-фельдмаршалом во время налета на Рашевку полковник Х.О. фон Альфендел во время допроса сообщал об отношении местного населения к оккупировавшему их землю противнику: «От здешних обывателей никакой склонности не видел, понеже и во время нынешней атаки в Рашевке жители тамошние немалое число

перед ним от войск их побили; и провианту ни откуда не привозят»⁶². Изначально причины такого поведения жителей создавались самими шведскими военнослужащими, которые своими действиями в Гетманщине по отношению к местному населению провоцировали его на вооруженное сопротивление и этим еще более усугубляли свое и так непростое положение. Солдаты, не дожидаясь добровольной сдачи провианта, начинали грабить жителей деревень, чем озлобляли их и вызывали антишведские настроения. Роменский мещанин Галенко сообщал, что шведские фуражиры «побрали у него хлеб и скот без остатку и еще правят, чего ж ему взять негде»⁶³.

Кроме сведений о дислокации вражеских войск, шпионы из местного населения сообщали русскому командованию о морально-психологическом климате и настроениях в шведском лагере, которые имели значительное влияние на боеспособность тех или иных вражеских подразделений. Казак Ахтырского полка Ф. Животовшинский сообщил на допросе в ставке А.Д. Меншикова, что подслушал разговор находившихся в армии Карла XII поляков, которые «стали говорить, что-де нашим головам будет. Король-де и Мазепа плачут, что много здесь истратили войска»⁶⁴. Он же сообщил о том, что шведское командование планирует захват Полтавы и предпринимает попытки разведки города, отправляя разведывательные партии, которые были уничтожены русскими сторожевыми отрядами: «И тою партию порубили, толко ис тое партии приехало к ним три человека. И на другой день посылали другую партию 500 человек, и тех такожде под Полтавою всех до одного порубили»⁶⁵.

Шпионы из состава русских разведывательно-диверсионных отрядов также являлись курьерами-посыльными для передачи в ставку командования разведывательной информации, а также для непосредственного сообщения между ведущими малую войну летучими подразделениями. Б.П. Шереметев сообщал царю 26 февраля 1709 г. из Миргорода, что получил от разведывательного отряда, посланного полковником Г.И. Карташовым из Сорочинцев, «известие чрез посланного шпига» с подробными сведениями о расположении войск противника: «Король швецкой с войском своим идет назад к Опошне и в местечке Стасевцах переправляетца за Ворскл. В Лютенке стоит Реншелт (К.Г. Реншильд. — *С. И.*) и некоторые части в других местех, а именно: в Ковалевке, в Портянках, в Барановке, в Шишаке, в Киннищах, которые стоят на реках Псле, и Ворскле, и Груни»⁶⁶. Такие сведения, передаваемые по каналу «разведчики — штаб корпуса — ставка командования», давали возможность для правильного распределения сил на том или ином участке боевых действий, а данные о местах сосредоточения вражеских отрядов позволяли организовать диверсионные атаки (налеты, засады) на наиболее уязвимые объекты.

В то же время не ослабевал контроль русского командования за событиями в Речи Посполитой, так как перемещение из Польши войск С. Лещинского

и Э.Д. Крассау на полтавский театр боевых действий могло значительно повлиять на расстановку сил в регионе. Для шпионской деятельности на ближайшей к российской границе территории организатор разведки в этом регионе киевский губернатор Д.М. Голицын использовал еврейских торговцев и поляков — сторонников антишведской коалиции. В феврале 1709 г. князь сообщал Г.И. Головкину: «Писал ко мне ис Полонного Кашелев <...> посылал он для проведывания про неприятельские обороты в Острог полонского жида да мещенина, и оные посланные возвратились и сказали, что в Остроге стоят хоронгви киевского воеводы, а сколько числом не ведают»⁶⁷. Ценными источниками разведывательной информации для Д.М. Голицына стали сообщения от казачьей старшины Правобережной Украины, поступавшие по хорошо отлаженному почтовому каналу. Исследователь истории малороссийского края Ф. Гумилевский сообщал, что, ссылаясь на царские указания, Д.М. Голицын требовал от своих информаторов регулярных и точных сведений: «Велено вам (курсуньскому полковнику А. Кандыбе. — С. И.) писать к нам и прислать ведомости по вся недели, что у вас и в полку вашем чинится»⁶⁸.

В свою очередь, для того чтобы предотвратить захват корреспонденции, русским командованием принимались контрразведывательные меры по зашифровке (записи «цифирью») при переписке писем царя и командиров отдельных корпусов царской армии. 26 февраля 1709 г. генерал-фельдмаршал Г. Гольц жаловался в письме из Киева Петру I, что на момент получения из царской ставки корреспонденции у него на руках не было шифра, в связи с чем он не мог вовремя изучить полученное сообщение («понеже оной цифирью писан был, то не мог оной, не имея ключа, разобрать, пока я оной <...> от господина графа Головкина получил»⁶⁹). Аналогичные шифры использовались позднее, в мае 1709 г., в целях предотвращения утечки информации при переписке гарнизона полтавской крепости с русским командованием главной армии.

Активизация действий корпуса Б.П. Шереметева (март 1709)

К началу марта 1709 г. шведские войска сместились на восток и заняли следующие населенные пункты: Лютенка, Зеньков, Гадяч, Большие Будища (штаб-квартира Карла XII и И.С. Мазепы), Опошня, Ковалевка, Савинцы, Решетиловка, Белоцерковка, Шишаки и Старые Санжары — крайний форпост на востоке⁷⁰.

Еще в конце февраля 1709 г. в ставку русского командования от шпионов и захваченных «языков» стали поступать сведения о том, что шведские войска планируют переход через Днепр и вступление на территорию Правобережной Украины. В связи с этим Б.П. Шереметеву были даны корректирующие указания о действиях силами его «деташмента» в марте 1709 г. По мере сужения

района расквартирования вражеской армии корпусу генерал-фельдмаршала предписывалось держаться максимально близко к позициям противника и «через легкие партии неприятелю докучать»⁷¹. То есть, расположившись на территориях Нежинского и Прилуцкого казачьих полков, методами малой войны оказывать давление на районы плотной концентрации отдельно расположенных шведских сил. Такое выгодное расположение позволяло «деташменту»:

- в случае переправы противника через Днепр атаковать его с тыла;
- если шведские войска останутся на занятых позициях, не давать им возможности сбора материальных средств с ближайших территорий;
- близостью русских войск к оккупированным территориям способствовать возникновению сопротивления шведам со стороны местного населения.

Если бы шведские отряды начали покидать занятые территории, к отрядам Б.П. Шереметева смогли бы присоединиться русские гарнизоны крепостей (Ромны, Нежин, Сорочинцы и др.), по мере удаления этих населенных пунктов от линии соприкосновения с врагом. Так же могли поступить и находившиеся в Голтве сторожевые отряды бригадира А.Г. Волконского и Миргородского полковника Д.П. Апостола, которые выступали силой сдерживания на границе с Запорожьем⁷².

Для координации разведывательно-диверсионной деятельности «деташментом» был организован стабильный канал связи с основными силами русских войск во главе с А.Д. Меншиковым и «Заднепровским» корпусом генерал-лейтенанта Г. Гольца. Поддерживать действия войск должен был еще один, сформированный в конце февраля 1709 г., разведывательно-диверсионный корпус, который состоял из регулярных войск и малороссийских казачьих отрядов Переяславского, Лубенского и компанейского полков во главе с В.В. Долгоруким и И.И. Скоропадским⁷³. Во взаимодействии с корпусом находился и Миргородский казачий полк из разведывательно-диверсионного отряда А.Г. Волконского, полковник которого Д. Апостол «всегда обретається под неприятелем, что и ныне недавно <...> несколько возов швецких и мазепиных отбил»⁷⁴.

Скоординировав свою деятельность в первых числах марта 1709 г., корпус Б.П. Шереметева начал систематические налеты на небольшие гарнизоны шведских войск, расположенные в местах, наиболее приближенных к району действий «деташмента». Такими диверсиями русская армия старалась выдавить шведские войска с занятых ими территорий, продолжая придерживаться выбранной стратегии изматывания противника мелкими стычками и всячески избегая масштабного столкновения с войсками Карла XII. Английский посол Ч. Уитворт писал в Лондон статс-секретарю Бойлю 9 марта 1709 г., что «шведы не раз старались застичь <...> московскую кавалерию врасплох и принудить ее к генеральному сражению, но все безуспешно. Между

тем, непрерывно тревожимые сильными партизанскими отрядами (регулярной армии. — *С. И.*), они принуждены постоянно переходить с места на место»⁷⁵. В подтверждение слов английского посла можно привести пример, когда в марте 1709 г., под угрозой налета со стороны «деташмента», шведскому гарнизону Гадяча, где в это время находилась большая часть тылового обоза, пришлось покинуть город⁷⁶. При этом, русским отрядам оперативными действиями удалось предотвратить полное уничтожение этого населенного пункта.

Еще в первых числах марта, находясь в местечке Уставицы, фельдмаршал получил через захваченных под Гадячем «языков» сведения, что «неприятельские люди из Гадич выходят в совокупление к своим войском, а Гадич по выходе своем хотят выжечь»⁷⁷. Для уточнения полученных данных фельдмаршал отправил к этому городу отряд казаков во главе с адъютантом Мещерским, которые должны были «чинить над оными по возможности поиск»⁷⁸, а в случае выхода всех сил противника из города немедленно занять его. 14 марта 1709 г. этот отряд атаковал покидающие Гадяч шведские войска, которые «вышли в 13 числа поутру рано, и зажгли того города 3 башни, и в то их выступление наша партия поспешила и болши того жець не допустили, и тут несколько шведов побили и переранили. И от наступления той партии принужден был неприятель некоторой обоз свой покинуть»⁷⁹.

Из всего вышесказанного видно, что русским войскам постепенно удалось добиться своей цели. В результате диверсионных действий противник покидал квартиры, удаленные от основных частей шведских войск, и стягивал свои силы к одному району, начиная действовать не по намеченному плану, а по выгодной русскому командованию схеме. В свою очередь шведское командование, понимая сложность своего положения, принимало ряд мер для вызова русской армии на поле битвы, чтобы наконец решить исход этой кампании. С этой целью предпринимались атаки на места размещения царских войск, в надежде на то, что небольшой бой перерастет в крупное итоговое сражение.

В середине марта 1709 г. шведские войска усилили давление на Голтву, которая являлась центром разведывательно-диверсионной деятельности южной группировки русских войск. В расспросных речах офицера шведского разведывательного отряда, ротмистра Якова Швелинга от 9 марта 1709 г. говорится, что он «посылан был из местечка Белоцерковки <...> для проведывания под Голтву <...> И как пришли под город, из пушек по ним стреляли; и тогда он уступил назад, и по отступлении напали на них <...> казаки, и под ними лошадей также и людей много побили и ранили, от чего он принужден пехотою биться до последней меры. И в том бою убито <...> с 30 человек, а с достальными людьми ево ротмистра самово ранили и взяли в полон»⁸⁰. Удар

по этому разведывательному отряду противника был нанесен казаками под руководством А.И. Ушакова⁸¹, о действиях которых Б.П. Шереметев подробно докладывал царю 14 марта 1709 г.: «9-го числа от Белоцерковки приходила неприятельская партия под Голтву, на которую <...> отправили Ушакова с казаками. И оной <...> щастливо напал и взяли в полон ротмистра, корнета, 2 каптенармуса, капрала, рейтар 19 человек, а достальных побили и покололи и ни одного не упустили, которых было 52 человека»⁸².

Кроме Белоцерковки (около 30 км от Голтвы), шведские отряды высылались к расположению русских войск и из Решетиловки (около 20 км от Голтвы), где для наблюдения за действия корпуса Б.П. Шереметева находился генерал К.Г. Крейц с десятью кавалерийскими полками⁸³. Об этом, в частности, сообщалось: «От Решетиловки <...> был подъезд под Голтву и одного до мосту, которой чрез Псел реку, не допустили и отбили назад, и казаки за ними следовали болши полумили и многих у них поранили»⁸⁴. Причина настойчивых и неоднократных нападений шведских войск с целью выдавливания царских сил из Голтвы заключалась в том, что из этого пункта осуществлялся контроль за левобережьем Днепра и здесь же находился единственный на этом участке мост через реку Псел⁸⁵. Для предотвращения нападений со стороны вражеской разведывательно-диверсионной базы, находившейся в Белоцерковке, русские войска принимали свои контрмеры. Для разведки, а по возможности и захвата этого населенного пункта, в середине марта 1709 г. была проведена разведка боем. На данном этапе Полтавского периода разведывательно-диверсионные действия русской армии стали проводиться уже не силами одного-двух отрядов, а крупными воинскими формированиями, такими как «деташмент» Б.П. Шереметева. Для укомплектования таких корпусов были задействованы подразделения кавалерии при поддержке пехоты с артиллерией. Соединения для проведения разведки боем стали формироваться таким же образом.

Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев сообщал Петру I об успешном проведении 14 марта 1709 г. типичной разведки боем силами его корпуса: «Часть неприятельского войска стояла по ту сторону Псла в Белоцерковке, и для поиска над оными против 10 дня в полночь посылал я в партию несколько конницы и пехоты 1 баталион с пушки. И та наша партия, приближась реки Псла, к берегу послали ради рекогноскования реки на ту сторону несколько. И они, увидев, что наши идут, ис того местечка пошли вон с великим поспешением в Решетиловку, где стоит К.Г. Крейц, и наши некоторое число оставшихся от их ариергарду побили и взяли языка»⁸⁶.

В случаях, когда открытое нападение на вражеские объекты не представлялось возможным, русское командование использовало шпионов-диверсантов из местного населения, которые не только доставляли разведывательные

сведения, но и проводили диверсионные акты на занятых противником территориях (дезинформация, саботаж, поджоги, убийства и т. д.). Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев 18 марта 1709 г. сообщал Петру I, что из Голтвы в Решетиловку, где находились шведские войска, «послали шпигов 4 человека и приказали, чтоб они то местечко, как возможно, зажгли. И как они зажегу управятца, дабы они нам о том дали знать, чтоб нам в то время лехкими людьми, по возможности, поиск учинить»⁸⁷. Прусский атташе Д.Н. Зильтман в своем дневнике записал, что ночью 28 марта 1709 г. «один из крестьян осмелился застрелить насмерть одного капитана-седерманландца в его палатке», а 29 марта «получили сообщение, что царь подослал нескольких убийц-поджигателей, которых поймал генерал-майор Гамильтон и велел им отрезать носы и уши»⁸⁸. Были ли это диверсанты, о которых писал Б.П. Шереметев, установить невозможно, но данные документы указывают, что навыки шпионско-диверсионной работы использовались русской армией в борьбе с противником.

Поджог был старым диверсионным способом, предшествующим налету на населенный пункт. Успешность его использования казаками отмечал исследователь казачьей тактики В.Н. Королев. В частности, он сообщал, что Д.И. Эварницкий цитировал рассказ казака И. Россолоды (Недоступа), который участвовал в походах против турок в XVIII в.: «Как вскочут запорожцы в какой турецкий город, то немедленно его с трех концов зажгут, а на четвертом постануются, да и выжидают»⁸⁹. Деморализованный пожаром, противник устремлялся, как ему казалось, к единственному спасительному выходу и попадал под сабельный удар и оружейный огонь. Паника и сумятица лишали атакуемых сил к сопротивлению и отвлекали их от преследования. Поджог населенного пункта мог также отвлечь внимание врага на тушение пожара и дать возможность мобильным отрядам нанести неожиданный удар по вражеским позициям.

Малая война русской армии в борьбе с изменническими настроениями среди запорожского казачества

Кроме шведской армии и поддержавшего И.С. Мазепу малороссийского казачества, русской армии в Полтавский период пришлось вести малую войну еще с одним внутренним врагом. На данном этапе от русского командования не меньшего внимания, чем зона соприкосновения со шведской армией, требовало еще и южное направление, где находилась Запорожская Сечь. В сложившейся политической обстановке склонное к «шатостям» и мятежам Запорожье в любой момент могло поддержать «мазепинцев» и шведов. 22 февраля 1709 г. киевский губернатор Д.М. Голицын сообщал Г.И. Головкину разведывательные сведения, полученные им из Запорожской Сечи. В частности,

ему удалось узнать через шпионов, что большой корпус запорожцев (до 5 000 чел.), расположившийся еще в январе 1709 г. в крепости Новый Кодак на Днепре, покинул город и собирается выдвинуться для занятия городков Полтавского казачьего полка — Переволочны, Нехворощи и Кишенки⁹⁰.

Худшие предположения подтвердились, когда, присоединив к своему корпусу значительные силы, 1 марта 1709 г. запорожцы во главе с кошевым К. Гордиенко выдвинулись из Переволочной к шведскому лагерю для присяги на верность Карлу XII⁹¹. При содействии Запорожья у шведской армии в Гетманщине открывались дороги на юг и юго-восток, с возможностью коммуникации с Крымским ханством и Турцией и восстановлением перекрытой русскими войсками на западе связи со своим союзником в Польше С. Лещинским. Помимо людских ресурсов, с переходом запорожского казачества шведская армия получила поддержку в решении материальных вопросов. По мнению Б. Крупницкого, при содействии запорожцев у шведского командования в Гетманщине открылся новый канал для подвоза продуктов в их лагерь, так как на подконтрольной сечевикам территории местное население поддерживало изменнические настроения и регулярно снабжало армию Карла XII продовольствием⁹².

В сложившейся обстановке Петр I, находившийся в Воронеже, требовал от Б.П. Шереметева и В.В. Долгорукого — командующих группировками русских войск на юге, «воровство запорожцев пресечь». Зная нерешительность генерал-фельдмаршала, царь рекомендовал князю стимулировать его к более решительным действиям («поткрепляйте его, чтоб он не слабо в сем деле поступал⁹³»). Для того чтобы преградить путь «изменникам»-сечевикам, направлявшимся к шведам, и предотвратить присоединение к ним дополнительных сил, российское командование решило занять мобильными отрядами местечко Голтва на правом берегу Псла, Кобеляки на правом берегу Ворсклы, Нехворощу, Царичанку и Маячку на Орели⁹⁴. С этой целью были выделены драгунские авангардные отряды из корпуса полковника К. Кампеля (3 000 чел.), который центром своей деятельности выбрал местечко Царичанку. Отряды для разведки за действиями запорожцев рассредоточились по дорогам, ведущим от Днепра к Полтаве⁹⁵.

Обстановка на территории южной части Полтавского казачьего полка начинала накаляться. Перейдя к активным антиправительственным действиям, крупному формированию запорожцев (6 000 чел.) удалось провести 17 и 18 марта 1709 г. налеты на русские сторожевые посты на правом берегу Орели. В результате были захвачены 20 человек солдат из Вятского полка, находящихся в Маячке «вместо почты», и выбит отряд К. Кампеля из Царичанки⁹⁶. Пленные в ходе этих атак офицеры и солдаты (154 чел.) в виде подарков были отправлены Крымскому хану и в лагерь шведского короля⁹⁷. В результате

череды боевых столкновений повстанцам удалось выбить русские гарнизоны и захватить населенные пункты, разместив там своих людей.

Для уничтожения внутренних врагов и возвращения контроля над территорией необходимо было принимать решительные меры. Как сообщал князь Д.М. Голицын в письме канцлеру Г.И. Головкину, «запорожцы пристали к противной стороне и стоят по крайним городам от Днепра <...> и прельщают народ <...> внушают, чтоб <...> к ним шли, что уже и является»⁹⁸. От русского командования требовалось максимально быстро нейтрализовать Запорожскую Сечь и поддерживавшие ее населенные пункты, а также прервать контролируемый запорожцами канал сообщения между правым и левым берегом Днепра, через который шведы могли в случае необходимости перейти на Правобережье. Исходя из сложившейся обстановки, в конце марта 1709 г. Петр I определил план действий русских войск: «Наипаче тщитца (стараться. — С. И.) каналию запорожскую и сообщникоф их искоренять»⁹⁹. 19 марта 1709 г. командование направляет на Орель отряд генерал-лейтенанта К.Э. Ренне (четыре драгунских и четыре пехотных полка)¹⁰⁰.

В это же время среди жителей сотенных местечек и сел Полтавского полка стали распространяться письма запорожского кошевого К. Гордиенко с призывами выступить против российских войск и поддерживающего их малороссийского казачества («Кошевой рассылает во все города Полтавского полку листы, чтобы казаки готовились все до войска»¹⁰¹). Текст одного из таких посланий от 22 марта 1709 г. требовал от жителей населенных пунктов края, чтобы они «не пускали москалей в город <...> маючи способу дати отпор оным»¹⁰². Поэтому, кроме воздействия на объекты шведских войск, отрядам корпуса К.Э. Ренне пришлось проводить еще и налеты на места концентрации изменнических настроений среди населения.

Одним из таких городков, находившихся под влиянием запорожской вольницы, стала Нехвороща — небольшое укрепленное сотенное местечко Полтавского полка, расположенное в междуречье Ворсклы и Орели. Наличие крепостных сооружений, которые состояли из крепостного вала, рва, палисадной деревянной ограды и пяти башен, было обусловлено его расположением на пути движения крымских татар во время их набегов¹⁰³. К весне 1709 г. крепость была усилена земляными укреплениями¹⁰⁴.

Нехвороща имела важное стратегическое значение в планах противоборствующих сторон. Возле этого городка находилась удобная переправа через Орель, контроль над которой давал ряд преимуществ ее обладателю, так как за ней открывалась прямая дорога на юг к Перекопу и сообщению с Крымом. Особую важность Нехвороща приобрела к концу марта 1709 г., когда примкнувшие к армии Карла XII запорожцы расположились лагерем всего в каких-то 40 км от нее, в местечке Новые Санжары. В случае изменения планов

Карла XII и попытке шведской армии переправиться через Ворсклу у Полтавы, она не смогла бы этого сделать из-за болотистых и лесистых берегов. Осуществить переправу можно было только ниже, у Новых Санжар, а далее, сделав бросок к Нехвороще и форсировав Орель, двигаться дальше на юг¹⁰⁵.

В двадцатых числах марта 1709 г. запорожское войско во главе с кошевым планировало поход на Нехворощу. Для этого был построен мост через Ворсклу «на козлах», и основные силы сечевиков даже начали переход на противоположный берег. Но впоследствии, по неизвестным причинам, К. Гордиенко отказался от своего плана, а на Нехворощу был отправлен лишь небольшой отряд¹⁰⁶. Возможно, какая-то часть запорожцев, попав в местечко, стала распространять среди населения тревожные и изменнические настроения, которые впоследствии повлияли на события. Дело в том, что в городе, кроме нехворощанской сотни, находились жители и других регионов, которые покидали свои слабо защищенные населенные пункты и скрывались за более укрепленными стенами городов, удаленных от линии соприкосновения с противником. В частности, сообщалось, что «под час приходу короля шведского с войском в Малую Россию, когда учинилася великое по городам замешание (тревога. — С. И.) <...> ухилиячусь (спасаясь. — С. И.) от наступства неприятельского» в Нехворощу перебрались жители городка Опошня¹⁰⁷. Здесь же отмечалось, что миграция жителей происходила по указу Петра I («был указ премошный Великого Государя Нашего <...> абы мы от надходящего неприятеля шведа с некрепких городов в крепчайшие уступали»)¹⁰⁸. Более безопасным местом для себя жители опошнянской сотни посчитали Нехворощу.

Но пребывание жителей Опошни в Нехвороще было недолгим. Когда в городок стали поступать сведения о том, что шведские войска вплотную приблизились к Ворскле, заняли на ней ряд ключевых объектов и появилась прямая угроза их перехода в Приорелье для нападения на Нехворощу, спасая своих жителей и имущество, опошнянский сотник Р. Корицкий «с обозом своим пошел до Волного, а иншие жители Опошнянские с Волного пошли дальше в Слободские городы»¹⁰⁹. Данные сведения подтверждаются «сказкой» Будищанского сотника Полтавского полка Д. Калачинского, в которой он сообщал, что в 1709 г. с тещей и детьми, «боясь сообщников Мазепиных», по совету и с разрешения находящегося в Полтаве полковника Ингерманландского драгунского полка А.Г. Волконского, покинул город и уехал в Нехворощу. Оттуда, в связи с приближением войск противника, семья Д. Калачинского переехала в городок Вольный, а затем переместилась в Харьков, еще дальше от условной «линии фронта»¹¹⁰.

Уход из Приорелья представителей опошнянской сотни дал в какой-то степени толчок к массовому исходу населения края и вызвал определенный

раскол среди обитателей Нехворощи. Дело в том, что следом за ними городок планировали покинуть не только мигрировавшие за время боевых действий малороссияне, но и большая часть коренных жителей местечка. Сотенная администрация, встревоженная происходящим, информировала полковое руководство в Полтаве, которое, оценив обстановку, наложило категорический запрет на выход жителей из города: «Когда те (жители Опошни. — С. И.) все хотели рушиться, и нехворощанские жители готовались за ними отходить, тогда Илько Кот (нехворощанский сотник. — С. И.) описовался до Пана Левенця Полковника Полтавского; на який лист <...> Левенец учинил такий ответ <...> некого отнюдь не пускати с города»¹¹¹.

Столь резкое заявление полтавского полковника вызвано тем, что Приорельские городки имели важное военное значение как линия обороны на пути возможного продвижения противника, а уменьшение жителей городка снижало его боеспособность. Уход опошнянской сотни не только уменьшал состав гарнизона Нехворощи, но и лишал ее определенных ресурсов — артиллерии, боеприпасов и провианта, которые жители увозили с собой («П: Роман Корицкий сотник полку Гадяцкого опошнянский, зо всеми людьми своими и з арматою (артиллерией. — С. И.) <...> пойшол»¹¹²). С приходом в Приорелье корпуса полковника К. Кампеля на население региона была возложена еще одна обязанность — поставка провианта и фуража для его отрядов. В частности, сообщалось, что «подчас приходу войск неприятельских с королем шведским под Гадяч, прислан был от Его Царского Пресветлого Величества войска великороссийского бригадир Канпель с полками в полк Полтавский в города орельские» и «писал до его Пана Левенца, он же бригадир (К. Кампель. — С. И.), также и до Господина Алексея Келина, коменданта, на тот час Полтавского предлагаючи, абы были с города Полтавы отпущены два сотника орельские, именно нехворощанский и маяцкий, для скорейшого и породнейшого собрания с тих сотен провианту»¹¹³. Исходя из этого, вполне понятна реакция полковой администрации и русского командования в лице полтавского коменданта А.С. Келена на новости из Нехворощи. Тот же полковник И.П. Левенец сообщал, что запрет на выход с территории нехворощанской сотни был наложен им после согласования с комендантом Полтавы, и это было сделано «не для якої людской пропажы, але для охранения целости»¹¹⁴.

Все эти события — уход части людей из Нехворощи и запрет остальному населению покидать район — вызвали в народе волнения. Чтобы как-то стабилизировать ситуацию, И.П. Левенец сообщал в город, что на усиление гарнизона и защиту от королевских войск к Нехвороще в ближайшее время придет отряд генерал-лейтенанта К.Э. Ренне («людей в Нехворощи будучих удержовал, упевняючи их скорим великороссийского войска от дивизии <...> Генерала Рена прибытием»¹¹⁵). Тем не менее жители Нехворощи находились

в страхе и недопонимании, кто же прибудет к городу быстрее — русские отряды или шведы с мятежными запорожцами, поэтому «учинилося великое меж народом замешане». С большой долей вероятности именно эта неопределенность и привела к трагическим последствиям, когда в двадцатых числах марта к Нехвороще, с требованием впустить их в город, подошел отряд русской конницы из корпуса К.Э. Ренне, который зачищал территорию между реками Ворсклой и Орелью от враждебно настроенных гарнизонов расположенных здесь укрепленных городков. По всей видимости, обстановка внутри крепости к тому времени была накалена до предела и реакция местных жителей на это требование была весьма агрессивна.

Несколько автобиографических «сказок» российских военнослужащих сохранили подробности этих событий, в том числе о тактике отрядов при атаке населенных пунктов. Автор истории Санкт-Петербургского 2-го драгунского полка Е.С. Каменский, составлявший ее на основании полковых «сказок», писал, что «подойдя к Нехворощи, Рене нашел ее укрепленною; тогда он приказал нашего полка подполковнику Гес с спешенным Лейб-Региментом атаковать укрепления с фронта, а конные драгунские полки должны были обойти деревню и ворваться в нее с тыла»¹¹⁶. Подробности атаки на Нехворощу и сведения о потерях были также изложены 25 марта 1709 г. К.Э. Ренне в письме к А.Д. Меншикову. Генерал-лейтенант сообщал князю: «Оные бунтовщики не малые нам шкоды учинили; как наши пришли до местечка Нехворощи, и оные злодеи засели; а в то время на приступе ранил полковника Кеника, который от ран умер. А полковник Кропотов поехал их уговаривать, а они на сговор не дались, а почели стрелять и онаго полковника Кропотова»¹¹⁷ наперед еще приступу ранили, и из-за раны умер»¹¹⁸. Увидев войска, идущие на приступ, жители города «дали залп и бросились бежать, преследуемые конными драгунами»¹¹⁹. По окончании короткого боя Нехвороща была захвачена и сожжена.

Традиционно украинскими историками «красочно» рассказывается о «терроре», который был осуществлен весной 1709 г. силами корпуса генерал-лейтенанта К.Э. Ренне. При описании этих событий сообщалось о карательных мерах, примененных российскими войсками в отношении жителей городков Маячки и Нехворощи, которые поддерживали запорожцев. При упоминании о вступлении в эти населенные пункты петровских отрядов, акцент делался на то, что в ходе вооруженных столкновений население этих мест было полностью уничтожено¹²⁰. Даже Н.И. Костомаров в исследовании о событиях, связанных с переходом в 1708 г. И.С. Мазепы на шведскую сторону и судьбе «мазепинцев», сообщал, что во время рейда по приорельским городкам российский полковник К. Кампель захватил местечки Маячку и Нехворощу, истребив при этом всех жителей. Историк опирался на письма

А.Д. Меншикова, хранящиеся в Государственном архиве, но без конкретизации источников (фонда, дела или листов)¹²¹. К сожалению, в отечественной историографии, в том числе и современной, часто повторяются похожие утверждения¹²². Тем не менее говорить однозначно о тотальном уничтожении всего мирного населения, в частности в Приорельских городках, считаем некорректным, так как уже в ближайшее после Полтавского сражения время жизнедеятельность в этих населенных пунктах была активной¹²³.

В целом, позиция царского правительства и военачальников по отношению к жителям, поддержавшим выступление против царской власти запорожцев, не была категорически негативной. Еще 25 марта 1709 г. генерал К.Э. Ренне писал князю А.Д. Меншикову, что полтавский полковник И.П. Левенец «сам тому не рад, что полк его заплутовал и пристал к Запорожцам»¹²⁴. Уже после событий Полтавского периода, в июле 1709 г., в универсале, составленном гетманом И.И. Скоропадским, разъяснялось, что «во время измены Мазепиной многие полку полтавского войсковые и посполитые люди, будучи прельщенными хитростью Мазепы <...> стали противиться войсковым порядкам»¹²⁵.

К вышеизложенным сведениям добавим, что источники, имеющие отношение к данной теме, в настоящее время остаются не вполне изученными. В частности, в киевском Центральном государственном историческом архиве Украины (г. Киев), в фонде 51, «Генеральная войсковая канцелярия», хранится большой объем документов о тяжбах между гетманской, полковой и сотенной администрацией Гетманщины и жителями региона. Среди многочисленных «скарг» (жалоб) и «суплик» (прошений) бытового характера в документах, составленных в Послеполтавский период, встречаются сведения, которые дают возможность узнать некоторые подробности событий 1709 г. Ряд таких источников сообщает, что малороссийское население тех районов, которые понесли определенные материальные потери во время пребывания российской и шведской армий в 1708—1709 гг. на территории Гетманщины, просили о компенсации убытков и восстановлении прав на имущество¹²⁶.

К тому же, в некоторой степени, жители Нехворощи были сами виноваты в своей печальной участи, так как «против войска великороссийского на охранение целости прибулого подняли свое оружие и забили до смерти Гренадерского полковника, що не только субстанциями своими лечь и смертью приплатили»¹²⁷. Стоит согласиться с утверждением В.А. Артамонова о том, что такая же трагическая судьба, как городки Гетманщины, ждала бы любой другой город на территории Российского государства, да и не только российско-го, но и западноевропейского¹²⁸. Ведь если жители и гарнизон выступили с оружием в руках против законного правительства, они перешли таким образом в разряд «клятвопреступников».

Подготовка русской армии к решающему этапу Полтавского периода

Исходя из сложившейся к концу марта 1709 г. обстановки, Петр I по пунктам определил план действий русских войск в весенне-летнюю кампанию, где основными были следующие требования: «На первую <...> ежели неприятель захочет баталии, то до моего прибытия (из Воронежа. — *С. И.*) не давать главной баталии, а диспутовать (сражаться. — *С. И.*) на всех переправах <...> знатными партиями (пехотою и конницею) на неприятеля наступать и оною всяко, по возможности, вредить»¹²⁹. То есть до прибытия царя в главную армию по-прежнему необходимо было всячески избегать генеральной битвы, а ограничиться разведывательно-диверсионными операциями, которые должны были проводиться силами сводных конно-пехотных отрядов. В первую же очередь необходимо было усилить сторожевую службу в ключевых местах Приднепровья, для того чтобы защититься от налетов со стороны новой угрозы — запорожцев.

С этой целью Б.П. Шереметев писал И.И. Скоропадскому в марте 1709 г., чтобы силами совместных пехотных и казачьих подразделений занять Манжалеевку, Поток, Кременчуг и Омельники «для охранения тех мест, чтоб запорожцы, переправясь, незапного нападения не учинили»¹³⁰. Кроме сторожевой службы, эти подразделения должны были вести поиск на подконтрольных запорожцам территориях для получения сведений о планах действий сечевиков, а также для информационных диверсий среди них: «Как возможно посылать легкия партии за реку Псел для поиску над запорожцы; а хотя б над ними поиску и учинить не возможно, то б написав письма к развращению их запорожцев от Мазепиной прелести, разметать в удобных местах, дабы те письма достались в руки запорожцам, из которых бы они, запорожцы, могли вразуметь прелесть изменника Мазепы и воровство кошеваго»¹³¹.

Аналогичные сторожевые заставы («перестороги») во главе с Г.С. Волконским были выставлены и вдоль линии правого берега Днепра. По указу гетмана И.И. Скоропадского в составе этого отряда действовал Корсунский казачий полк во главе с полковником Андреем Кандыбой, чтобы он «з его милостью (Г.С. Волконским. — *С. И.*) в одном согласии не допускал тамобочных легкомыслиных людей переходити до изменнической стороны, и до поворотной запорожской купи, и ежели военных где позовет случай, имееш по силе с полчанами своими под неприятелем чинити промысл»¹³². Такими действиями русского командования предполагалось предотвратить массовое присоединение к восставшему запорожскому казачеству сочувствующих их действиям жителей Правобережья и оставить за собой контроль за основной линией реки Днепра.

Для сбора сведений и захвата пленных из числа «мазепинцев» или запорожцев русские разведывательные отряды регулярных войск иногда прибе-

гали к хитрости. При расспросах местного населения, не искушенного в знании различий между военными формами шведской и русской армии, они выдавали себя за воинов Карла XII, тем более что часть русских офицеров была иностранного происхождения¹³³. 29 марта 1709 г. недалеко от Нехворощи русской рекогносцировочной группой квартирмейстеров был задержан «мужик» Антоний Семенов, который при допросе сообщил обстоятельства своего пленения: «Пошел было до Полтавы, и на дороге государевы люди ево взяли, а взяв сказались шведами, и спросили ево, как у москалей в Нехворощи с казаками и тамошними жителями был бой, в то число был ли, и он сказал, что был, и москалей убил трех человек; и еще говорил <...> что с вами шведами пойду до Нехворощи, и там, которые есть москали, всех забьем, и пойдем до Москвы»¹³⁴. Ничего не подозревающие обыватели делились информацией со своими, как они предполагали, союзниками, которые получали от них подробные разведывательные сведения, не прилагая к этому физических усилий.

В период весеннего половодья, в результате методичного воздействия методами малой войны, шведская армия была загнана на участок суши в междуречье Хорола и Псла. Как сообщал в Лондон Ч. Уитворт: «Шведы расположились в местности, образующей как бы остров, русские же заняли удобнейшие места вокруг них и ежедневно высылают небольшие партии, которые иногда приводят пленных и дезертиров, как офицеров, так и рядовых, которые перебегают часто»¹³⁵. Из этого письма видно, как с каждым днем пребывания шведов в Гетманщине начинала падать дисциплина в войсках Карла XII, в связи с чем увеличивалось число дезертиров. Как сообщал на допросе бежавший из армии Карла XII в марте 1709 г. саксонец Яган Гениш: «В их войску (шведском. — *С. И.*) все желают, чтоб из здешней стороны вытти, понеже все под сумнением, как им будет здесь живот свой спасти»¹³⁶.

Одной из причин дезертирства из королевской армии было еще и то, что из общей массы войск Карла XII только чуть больше половины были природными шведами, а остальная часть солдат и офицеров влились в состав шведских полков во время рекрутских наборов 1707 г. на территории Саксонии и Померании¹³⁷. Эти военнослужащие менее всего были подготовлены к испытаниям и дополнительным трудностям. Поэтому, покидая шведский лагерь, они были склонны при благоприятных обстоятельствах сменить своего покровителя на более выгодного для них. Для русского командования дезертиры становились ценными источниками разведывательной информации о положении дел во вражеском лагере. Кроме этого, отток военнослужащих из рядов армии Карла XII сказывался на ее боеспособности. Постепенно дезертирство перерастало от одиночного к групповому. Иногда в русский лагерь вражеские солдаты переходили целыми подразделениями. Например,

5 мая 1709 г. А.Д. Меншиков в письме к Петру I сообщал о том, что две хорунги волохов, находившихся на службе у Карл XII, покинули шведский лагерь и прибыли в расположение русских войск, где предложили свои услуги царскому командованию¹³⁸.

Проведенный анализ методики ведения разведывательно-диверсионной деятельности второго этапа Полтавского периода (ноябрь 1708 — март 1709) показывает, что в ведении малой войны русская армия была сосредоточена на следующих мероприятиях:

- нарушение традиционного для XVIII в. зимнего отдыха шведских войск с помощью нанесения легкими отрядами точечных ударов по местам компактного расквартирования противника, с уничтожением обозов, снаряженных для сбора провианта и фуража;

- стремление к окружению расположения врага плотным кольцом русских диверсионных отрядов с целью наблюдения за его действиями и ведения контрразведывательной деятельности;

- создание баз для разведывательно-диверсионной деятельности, максимально приближенных к местам размещения противника (Веприк, Ромны, Сорочинцы и др.);

- использование природных и климатических условий для уничтожения сил противника «малой кровью» (например, Роменско-Гадячская операция в декабре 1708);

- постепенный переход от ведения малой войны силами небольших отрядов к формированию специальных разведывательно-диверсионных корпусов, используемых в рейдах по местам расположения разобщенных вражеских подразделений (рейд Б.П. Шереметева и др.), чтобы в результате этих действий противник вынужден был сузить занятую им территорию и, как следствие, потерял возможность для сбора припасов на более широком пространстве.

Сосредоточив свои действия на этих мероприятиях, русской армии удалось извлечь максимальную выгоду из применения тактики малой войны и максимально подготовиться к переходу в решающую фазу Полтавского периода.

¹ Журнал, или Поденная записка... С. 184.

² П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3000. С. 42.

³ Generalstaben: Karl XII på slagfältet... V. III. Karta 23 a.

⁴ Масловский Д.Ф. Записки по истории... Вып. I. Приложение № 3. С. 667.

⁵ Петр I Б.П. Шереметеву 6—7.02.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3047. С. 80.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Б.П. Шереметев Петру I 9.02.1709 г. // Письма к государю... № 172. С. 124.

- ⁹ Ф.Н. Глебов Петру I 13.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3097. С. 730.
- ¹⁰ Пехотная дивизия А.И. Репнина расположилась в Богодухове, недалеко от Ахтырки (Я.В. Брюс Петру I 11.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3056. С. 676).
- ¹¹ *Пінчук Я.В.* Похід армії Карла XII на Слобідську Україну: відображення події в щоденнику шведського фенріка Роберта Петре // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігів, 2016. № 2 (128). Березень—квітень. С. 123.
- ¹² А.Д. Меншиков Петру I 16.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3082. С. 705.
- ¹³ Події 1708 року в Україні... С. 226.
- ¹⁴ Письма князя Александра Даниловича Меншикова к малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. № 19. Стб. 570—571.
- ¹⁵ *Слюсарський А.Г.* Слобідська Україна: Історичний нарис XVII—XVIII ст. Харків, 1954. С. 127.
- ¹⁶ *Fassmann D.* Zweyter Theil, zur Ankunfft Caroli XII, Königs von Schweden, In dem Reiche derer Todten bestehende In einer gantz sonderbaren Begebenheit Zwischen Jhm, Und dem letztverstorbenen König von Pohlen Avgvsto II, Als diese beyden Grossen Potentaten einander begegnet und angetroffen, Was vor merckwürdige Discurse sie mit einander geführet, und was einer dem andern erzehlet [...]. Berlin, 1742. S. 151—152.
- ¹⁷ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3056. С. 85.
- ¹⁸ Офицерские сказки... Т. 1. С. 513.
- ¹⁹ Журнал, или Поденная записка... С. 184.
- ²⁰ Письма к государю... Шереметева. № 170. С. 123.
- ²¹ Там же. № 172. С. 126.
- ²² Там же. № 172. С. 125—126.
- ²³ Рашевка, располагавшаяся южнее Гадяча на правом берегу Псла, являлась важным пунктом тылового обеспечения шведских войск, в котором находилась большая концентрация тыловых обозов армии Карла XII. Здесь же были конюшни артиллерийского парка (190 лошадей), Вестерботтенского и Смоленского полков. Из них только офицерских около 3 000 лошадей, в том числе фельдмаршала К.Г. Реншильда (60 лошадей), а также личные вещи шведского генералитета. (Расспросные речи Х.О. фон Алфенделя 15—18.02.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 103. С. 100; П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3090. С. 720).
- ²⁴ *Бобровский П.О.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Приложение ко II-му тому. С. 10—11.
- ²⁵ Письма к государю... Шереметева. С. 128.
- ²⁶ *Азанчевский М.П.* История Лейб-гвардии... С. 98—99.
- ²⁷ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. С. 62.
- ²⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 720; История Свейской войны... С. 154.
- ²⁹ Б.П. Шереметев Петру I 18.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3090. С. 720; История Свейской войны... С. 154.
- ³⁰ *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 78; Ведомость о пленных и трофеях взятых в сражении у Рашевки 15—18.02.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 102. С. 98; Офицерские сказки... Т. 1. С. 358.
- ³¹ *Петрухинцев Н.Н.* Путь иноземца в военную элиту России: (Петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Науч.-практ. конф. 12—14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 215.
- ³² Генерал-квартирмейстер А. Гилленкрок вспоминал, что генерал-майор К.Г. Крейц хотел оказать помощь гарнизону Рашевки, но когда он с войсками подошел к месту боя, русские войска уже покинули эту территорию, и он отошел к Локавичу (*Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 78).
- ³³ Карл XII Ульрике Элеоноре 31.03.1709 г. // Konung Karl XII:s egenhändig brev / Utg. Af E. Carlson. Stockholm, 1893. № 71. S. 94—96.
- ³⁴ Во время атаки на Рашевку смертельно ранен опытный офицер-разведчик Ф.О. Барте-нев, гибелью которого был крайне расстроен Петр I. В письме к А.Д. Меншикову он писал:

«Что ж о Лохвицком деле и то кроме печали мне не принесло, как для смерти господина Бартеньева, так от бездельных, наипаче торопких поступков фельдмаршала» (*Чичерин А.* История лейб-гвардии Преображенского полка: 1683–1883 г. СПб., 1883. Т. I. С. 288; П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3098. С. 107; [1709 г. февраля 15–18]: Табель убитых и раненых из партии генерал-майора Бема в сражении у Рашевки // Полтавская битва 27 июня... С. 296; *Иванюк С.А.* «Как мне в войне... С. 167).

³⁵ Петр I Б.П. Шереметеву 24.02.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3090. С. 103.

³⁶ Полтавская битва 27 июня... № 237. С. 310.

³⁷ Б.П. Шереметев Петру I 20.02.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 108. С. 107.

³⁸ Там же. С. 107.

³⁹ Б.П. Шереметев Петру I 26.02.1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 10. Л. 310–310 об.

⁴⁰ Д.П. Апостол А.Д. Меншикову 25.02.1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 9. Л. 508.

⁴¹ Письма к государю... Шереметева. № 175. С. 146–145; Д. Апостол А.Д. Меншикову 25.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3112. С. 752–753.

⁴² *Шутый В.Е.* Борьба народных масс... С. 362.

⁴³ Б.П. Шереметев Петру I ?03.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 122. С. 124.

⁴⁴ Офицерские сказки... Т. 2. С. 1843.

⁴⁵ *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. II. С. 290.

⁴⁶ *Артамонов В.А.* «Полтавское сражение»... С. 430.

⁴⁷ Полтавская битва 27 июня... № 233. С. 304–305.

⁴⁸ *Fassmann D.* Zweyter Theil, zur Ankunfft Caroli XII... S. 151.

⁴⁹ Полтавская битва 27 июня... № 235. С. 307.

⁵⁰ *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 78.

⁵¹ *Пінчук Я.В.* Похід армії Карла XII... С. 125.

⁵² Полтавская битва 27 июня... № 235. С. 308.

⁵³ А.Д. Меншиков Петру I 24.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3082. С. 708.

⁵⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. (Канцелярия главной артиллерии и фортификаций. 1701–1796). Оп. 1. Д. 39. Л. 436–438.

⁵⁵ А.Д. Меншиков Петру I 22.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3065. С. 694.

⁵⁶ Полтавская битва 27 июня... № 231. С. 301.

⁵⁷ Расспросные речи шведских квартирмейстеров и поляка 26.02.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 240. С. 314.

⁵⁸ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3083. С. 98.

⁵⁹ *Азанчевский М.П.* История Лейб-гвардии... С. 87–88.

⁶⁰ Расспросные речи шведских квартирмейстеров и поляка 26.02.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 240. С. 314.

⁶¹ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3121. С. 768.

⁶² Расспросные речи Х.О. фон Алфенделя 15–18.02.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 103. С. 102.

⁶³ *Грушевский А.* Глухів і Лебедин... С. 53–54.

⁶⁴ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3082. С. 708.

⁶⁵ Там же. К № 3082. С. 708.

⁶⁶ Письма к государю... Шереметева. № 175. С. 147; П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3113. С. 757–758.

⁶⁷ Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 401. С. 442.

⁶⁸ *Филарет (Гумилевский Д.).* Историко-статистическое описание... С. 299.

⁶⁹ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3050. С. 669.

⁷⁰ Generalstaben: Karl XII på slagfältet... V. III. Karta 23 b.

⁷¹ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3098. С. 735.

⁷² Там же. К № 3098. С. 736.

⁷³ Несмотря на особую преданность малороссийскому гетману, после перехода И.С. Мазепы на сторону Карла XII верными царскому правительству остались три компанейских полка — Хведкова (Федковского), А. Ковбасина (Колбасы) и В. Чучина (Чужина или Чуги). В последствии, в разное время, на сторону Петра I перешли компанейские полковники Г. Галяган и А. Малама (Андрияш) (*Соколовский М.* К генеалогии компанейских или охочеконных полков: (1668—1775) // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн. 4. С. 204; В.В. Долгоруков Петру I 3.03.1709 г. // Полтавская битва 27 июня... № 244. С. 318; *Сокирко О.Г.* Лицарі другого сорту... С. 109—113).

⁷⁴ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3083. С. 710.

⁷⁵ СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. № 54. С. 150.

⁷⁶ Події 1708 року в Україні... С. 227.

⁷⁷ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3113. С. 759.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. К № 3115. С. 764.

⁸⁰ Письма к государю... Шереметева. № 180. С. 164—165.

⁸¹ В этом бою А.И. Ушаков был ранен. В июле 1742 г., будучи уже генералом, он составил собственноручную «Ведомость», в которой говорилось, что он «был в разных многих знатных посылах и партиях с казаками в Малой россии и в бытность под Голтвою от неприятеля вторично ранен» (*Квадри В.В.* Императорская главная квартира... Кн. 1. Прил. 2 гл. С. 63).

⁸² П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3127. С. 778.

⁸³ *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 79.

⁸⁴ Письма к государю... Шереметева. № 180. С. 157—158.

⁸⁵ А.Г. Волконский А.Д. Меншикову 23.02.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3098. С. 734.

⁸⁶ Полтавская битва 27 июня... № 252. С. 327.

⁸⁷ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3115. С. 763.

⁸⁸ *Siltmann D.N.* «Volontaren» vid Svenska armen... S. 300.

⁸⁹ *Королев В.Н.* Босфорская война. М., 2013. С. 252.

⁹⁰ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3026. С. 642—643.

⁹¹ Сказать однозначно, что Запорожская Сечь положительно восприняла новость о поддержке ею армии шведского короля, было бы неверным. О настроениях запорожского казачества говорят материалы допроса одного из его представителей весной 1709 г.: «Межь запорожцы чинится немалая распря в том, что многия хотят на сторону московскую, а другие на шведскую, и говорят, как увидят, ежели Москва побьет где шведов, то они пойдут на сторону московскую, а буде шведы побьют, то на шведскую» (*Судиенко М.О.* Материалы для отечественной истории. Киев, 1855. Т. 2. С. 336).

⁹² *Крупницький Б.Д.* Роля запорожців у шведських операціях 1709 р. // *Ковалевська О.* Збірник «Мазепа»: реконструкція видавничого проекту 1939—1949 років. Київ, 2011. С. 44.

⁹³ Петр I В.В. Долгорукову 21.02.1709 г. // *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... М., 1841. Т. XIV. № 1000. С. 625.

⁹⁴ П и Б. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. К № 3113. С. 756.

⁹⁵ Там же. К № 3106. С. 745.

⁹⁶ К.Э. Ренне А.Д. Меншикову, 25.03.1709 г. // ТИРВИО. Т. III. СПб., 1909. № 126. С. 129; *Крупницький Б.Д.* Роля запорожців... С. 45.

⁹⁷ Допросная ведомость «шпиков», 22.03.1709 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3001. Л. 1.

⁹⁸ Северная война 1700—1721 гг... Т. I. № 412. С. 453.

⁹⁹ Петр I А.Д. Меншикову, 29.03.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3140. С. 135.

¹⁰⁰ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3136. С. 783.

¹⁰¹ Допросная ведомость «шпиков», 22.03.1709 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3001. Л. 1.

¹⁰² РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3002. Л. 1.

- ¹⁰³ Нехворощанська фортеця // Полтавщина: Енциклопедичний довідник. Київ, 1992. С. 586.
- ¹⁰⁴ *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского С.-Петербургского генерала фельдмаршала князя Меншикова полка: 1707–1898 г.г. М., 1899. Т. I. С. 73.
- ¹⁰⁵ *Стилль А.* Карл XII как стратег... С. 117.
- ¹⁰⁶ *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков: 1686–1734. СПб., 1897. Т. 3. С. 432–433.
- ¹⁰⁷ ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1456. Л. 22.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 23 об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 22.
- ¹¹⁰ *Востоков А.А.* Полтавский полковник Иван Черняк // Киевская старина: Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1889. Т. XXVII. С. 4–5.
- ¹¹¹ ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1456. Л. 31.
- ¹¹² Там же. Л. 23 об.
- ¹¹³ Там же. Л. 23–23 об.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 24 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 23 об.
- ¹¹⁶ *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского... С. 74.
- ¹¹⁷ Гибель полковника А.И. Кропотова подтверждалась и в «сказках» офицеров, присутствовавших при штурме. А.Н. Муромцев в 1720 г. писал: «Под местечком Нехворощим был я на приступе в команде <...> господина полковника Кропотова и при полку его конном гренадерском, и на оном штурме оный господин полковник Кропотов убит» (Офицерские сказки... Т. I. С. 1025).
- ¹¹⁸ ТИРВІО. СПб., 1909. Т. III. № 126. С. 129.
- ¹¹⁹ *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского... С. 74.
- ¹²⁰ Напр.: *Шендрик Л.К.* Участь козацтва Полтавщини у Північній війні та Полтавській битві // Іван Мазепа і його доба історія, культура, національна пам'ять: матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 2008. С. 219; *Шендрик Л.К.* Події 1708–1709 років на Полтавщині в контексті Північної війни // Полтавська битва 1709 року в історичній долі України, Росії, Швеції та інших держав: Збірник матеріалів Міжнар. наук.-практ. конф. Харків, 2009. С. 340.
- ¹²¹ *Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы... С. 677.
- ¹²² Напр.: *Широкопад А.Б.* Северные войны России. М., 2001. С. 251; *Куликова В.Ф.* Политическая ситуация... С. 170.
- ¹²³ О степени доверия к казацкой администрации Нехворощи говорит тот факт, что вплоть до 1714 г. «уряд» (должность) нехворощанского сотника занимал некто Стецько, который поддержал выступление И.С. Мазепы, но после событий 1709 г. каким-то образом сохранил свое положение в Полтавском полку (*Востоков А.А.* Полтавский полковник... С. 2; *Мокляк В.О.* Полтавські мазепинці: (До питання про політичний вибір Полтавського полку під час подій 1708–1709 рр.). // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С. 181).
- ¹²⁴ ТИРВІО. СПб., 1909. Т. III. № 127. С. 130.
- ¹²⁵ *Мокляк В.О.* Полтавський полк: Науково-популярний нарис історії полку з часу його виникнення до кінця XVIII ст. Полтава, 2008. С. 100.
- ¹²⁶ Напр.: ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 80. Л. 2; Там же. Д. 18791. Л. 11 об.; Там же. Д. 1456. Л. 21–34; Український археографічний збірник. Київ, 1926. Т. I. № 16. С. 78, 79; *Бовгиря А.* «Похідна посольська канцелярія» та репресії проти мазепинців (1708–1710) // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернігів, 2017. № 1–2 (133–134). С. 49.
- ¹²⁷ ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1456. Л. 25.
- ¹²⁸ *Артамонов В.А.* Устрашение Гетманщины: Катастрофа резиденции Мазепы // Родина. 2009. № 7. С. 32.
- ¹²⁹ Петр I А.Д. Меншикову 29.03.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3140. С. 135.

¹³⁰ Судиенко М.О. Материалы для отечественной истории... № VI. С. 325.

¹³¹ Там же. № VI. С. 325–326.

¹³² Филарет (Гумилевский Д.). Историко-статистическое описание... С. 301.

¹³³ С 1700 по 1711 г. число офицеров-иностранцев в петровской армии преобладало над русскими по происхождению. Только с 1712 г. эта система претерпела изменения и к 1725 г. имела соотношение 64 русских офицера к 36 иностранцам. Во флоте по состоянию на 20 мая 1723 г. иностранцы численно преобладали над россиянами среди флагманов и штаб-офицеров, но их было существенно меньше в обер-офицерских чинах (Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 642; Черников С.В. Военная элита России 1700–1725 гг.: Меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ: (1682–1750). М., 2013. С. 50).

¹³⁴ Письма к государю... Шереметева. № 183. С. 208; П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3136. С. 784.

¹³⁵ Ч. Уитворт Бойлю 20.04.1709 г. // СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. № 60. С. 168.

¹³⁶ Письма к государю... Шереметева. № 182. С. 194–195.

¹³⁷ По данным, собранным А.В. Беспаловым, в 1706–1707 гг. в Саксонии 12 000 рекрутов были мобилизованы в ряды шведской армии. (Беспалов А.В. Организация и военное искусство армий стран — основных участниц Великой Северной войны (1700–1721) в рамках военно-политических союзов: Автореф. дисс... докт. историч. наук. М., 2011. С. 37).

¹³⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3185. С. 874.

ВЕДЕНИЕ МАЛОЙ ВОЙНЫ НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ СРАЖЕНИЮ ПОД ПОЛТАВОЙ (АПРЕЛЬ – 27 ИЮНЯ 1709)

Разведывательно-диверсионная деятельность русской армии на этапе подготовки к летней кампании 1709 года

29 марта 1709 г. Петр I разъяснил план ведения малой войны в апреле. В частности, в указе, адресованном А.Д. Меншикову, по окончанию полководья предписывалось основными силами русской армии максимально близко к позициям противника, который подбирался к городку Полтава на реке Ворскле. Разместить силы необходимо было таким образом, чтобы правый фланг главной русской армии соединился с левым флангом корпуса Б.П. Шереметева, то есть охватил полукольцом расположение противника, отделив его от польских границ Слобожанщины. Также по-прежнему требовалось всеми способами избегать генерального сражения, изматывая шведов нанесением точечных ударов силами небольших и крупных диверсионных отрядов, действуя на всех направлениях («диспутовать на всех переправах»). При этом отряды должны были вести разведывательно-диверсионную деятельность в тесном взаимодействии: «А ежели <...> на кого наступает (противник. — С. И.) <...> другому ззади диверзию чинить неприятелю»¹.

Особого внимания и принятия мер в апреле 1709 г. требовал вопрос подавления мятежнических настроений, возникших среди населения южных районов Левобережной Украины и Правобережного Приднепровья после перехода запорожцев на сторону Карла XII. В результате этого перехода шведы могли получить «второй фронт», а планы русского командования были сорваны.

«Запорожская» проблема требовала срочного решения, поэтому, помимо воздействия на вражеские объекты, диверсионным отрядам русской армии пришлось проводить налеты на места концентрации изменнических настрое-

ний среди населения того или иного района. 5 апреля 1709 г. генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев направил к местечку Новые Санжары, жители которого поддерживали противника, диверсионный отряд с миссией устрашения: «И оная партия <...> счастливое нападение учинила и многих запорожцов и мужиков, которые показали себя в противности, порубила и поколола, а несколько живьем взяла, а достальные ушли в замок, и те многие, бежав, от страхования чрез реку Ворскл, перетопли. И под тем местечком наши слободы все выжгли, и в самом замке дворы горели ж, понеже тогда был ветер немалый, и надеемся, что много выгорело»².

В результате этой операции, проведенной силами отрядов генерал-майора А.Г. Волконского и миргородского казацкого полковника Д. Апостола, было уничтожено 60 запорожцев и 20 человек взято в плен³. В своих «Записках» П. Крекшин⁴ сообщал, что 28 апреля 1709 г. мятежники напали на отряд чугуевских казаков, возвращавшийся из рейда по позициям шведских войск, но те, «поколов пленных, напали на запорожцев до полутора ста из оных порубили, в плен взяли 29»⁵. Такими операциями русскому командованию удавалось удерживать за собой инициативу и лишать противника лояльности населения.

Чтобы избежать лишнего кровопролития и стабилизировать обстановку в регионе, одним из направлений деятельности русских диверсантов («подсылщиков») стало распространение царских писем среди запорожцев, находившихся в шведском лагере. В них звучал призыв покинуть К. Гордиенко и вернуться в Сечь для выборов нового кошевого. Фельдмаршал Б.П. Шереметев писал царю из Хорола 14 марта 1709 г. об отправке в места расположения запорожцев казаков-диверсантов, чтобы они «чрез писма к нам совокупляли и развратные способы к неприятельской стороне им показывали»⁶. В некоторых случаях эти диверсии приносили положительные результаты. 3 апреля 1709 г. В.В. Долгорукий сообщал Петру I из Лукомли, что он «неусыпно» направляет во вражеский лагерь диверсантов с агитационными письмами для запорожцев и «уже <...> некоторое и действо показыватца: ведомость нам есть, что междо запорожцами есть разнь, многая конница с стороны неприятельской в Сечю поворачиваютца»⁷.

Помимо агитации запорожцев, такие акции русских диверсантов оказывали моральное воздействие на настроение населения районов, занятых противником. Чтобы не привлекать лишнего внимания к распространителям царских манифестов и агитационных сообщений русского командования, чаще всего в качестве таковых привлекались местные жители. В апреле 1709 г. Б.П. Шереметев направил такого диверсанта-казака Кобелякской сотни Герасима Лукьянова в населенные пункты Полтавского казацкого полка, которые находились под контролем противника⁸. После возвращения в расположение русских войск он рассказал генерал-фельдмаршалу, что «посланные с ним

6 листов все он привез в Кобыляк, и объявил сотнику Ерофею Иванову. И из тех листов он сам, сотник, в Белики и в Новый Санжаров отвез, а достальные он, Герасим, разнес в Соколку, Кишинку и Кереберду»⁹.

В гарнизонах укрепленных городков, перечисленных в донесении (Кобыляки, Новые Санжары и др.), находились подразделения запорожцев, которым была адресована царская агитационная информация. В результате шпионской акции удалось публично, «при общем народе», зачитать универсалы. Г. Лукьянов сумел также получить разведывательные сведения о боевом и численном составе запорожского войска, действовавшего совместно с шведской армией в указанных населенных пунктах.

В разведывательно-диверсионной деятельности русской армии активно помогало местное население Слобожанщины, которое, видя усиление позиций русской армии в регионе и претерпевая лишения от шведских войск и «мазепинцев», активно вступало в борьбу с захватчиками. Нападения на шведов проводились «мужиками» так дерзко и решительно, что они производили впечатление не только на противника, но и на русское командование. Об общих настроениях среди местного казачества Слободской Украины князь А.Д. Меншиков сообщал царю 14 апреля 1709 г.: «Котелвинские и прочих тамошних мест жители казаки збираютца и многие желают, чтоб им позволено было над неприятелем поиску искать и уже некоторых неприятельской стороны, а особливо которые ездили на охоту офицеры, побили»¹⁰.

С приходом весны и появлением возможности скрытно передвигаться за лесной завесой, местное население планировало усилить партизанское движение в регионе («говорят: как-де лес закроетца (покроется зеленью по-прежнему. — С. И.), в то время надеются они всякого искать промыслу»¹¹). При приближении шведских войск к какому-либо населенному пункту жители покидали его и уходили в окрестные леса, создавая небольшие группы, которые диверсионными действиями тревожили противника и заставляли его создавать отдельные подразделения для подавления партизанского движения. Для стимулирования населения к партизанству и поощрения особо отличившихся А.Д. Меншиков «всюды розослал уневерсалы, чтоб <...> шли и искали всякого поиску, обещая им за каждого рядового по 5 рублей и весь здобыч (добычу. — С. И.), от которых надеюсь, что оные праздны не будут»¹².

Противник нередко страдал от таких внезапных ударов со стороны вроде бы невинных местных жителей. Воспоминания шведов и их союзников, участвовавших в «русском походе» Карла XII, сообщают об этом. Например, шведский лейтенант Ф.Х. фон Вейе в своем дневнике писал, что после прибытия королевской гвардии в Петровку все мужское население этого села перебралось через Ворсклу, организовало в лесу «разбойничье гнездо» и почти каждую ночь осуществляло нападения на расположившихся на ночлег каро-

линов¹³. В ночь с 29 на 30 апреля группа таких же «гультаев» недалеко от Будищ увела около 400 коней, принадлежавших И.С. Мазепе, и хотела захватить расположившегося в предместье генерального судью В.Н. Чуйкевича, но этому помешали его слуги, поднявшие крик¹⁴.

Затруднительно определить, какие на самом деле цели преследовали такие отряды. Возможно, личное обогащение и банальный грабеж, а не патриотические настроения и поддержка русской армии.

Рейд корпуса П.И. Яковлева против запорожцев в Среднее Поднепровье

Для стабилизации обстановки и воздействия на настроения жителей Среднего Поднепровья, проживающих на южном участке Полтавского театра военных действий, русской армии необходимо было принять кардинальные меры для нейтрализации здесь повстанческого движения запорожцев. К тому же в разведывательных данных, получаемых царским командованием, все чаще стала фигурировать крепость Переволочна, расположенная на правом берегу Ворсклы в районе впадения ее в Днепр, через которую противник мог организовать переправу шведских войск в случае их переброски на Правобережье. Об этих планах врага еще 7 апреля 1709 г. А.Д. Меншиков сообщал царю из Харькова: «Имеем ведомость, что неприятель хочет перебиратца чрез Переволочну»¹⁵.

Дело в том, что у небольшого населенного пункта Переволочна, через который проходила дорога на Запорожскую Сечь, издавна была устроена переправа («перевоз») на противоположный берег Днепра. Она состояла из большого числа речных судов, позволявших за один раз перевезти до 3 000 человек¹⁶. Доходы в войсковую казну Гетманщины от этого «перевоза» доходили до 12 000 рублей в год¹⁷. Ввиду того, что переправа представляла собой важный стратегический пункт на Днепре, так как находилась на перекрестке Левобережной и Правобережной Украины в приграничной зоне с Крымским ханством и в любой момент могла быть атакована, Переволочна с середины XVII в. была укреплена защитными инженерными сооружениями.

Переволочанская крепость имела форму неправильного пятиугольника с периметром сторон около 1 300 м и площадью застройки приблизительно 20 га. Внешняя защитная ограда состояла из земляного вала с частоколом и бруствером, который существовал только с напольной стороны, а с речной его заменяла природная преграда — Днепр. В работе Ф.Ф. Ласковского упоминается, что на внешней защитной линии размещалось пять бастионов, причем два из них располагались с напольной стороны крепости, а три на береговой линии. Крепостной периметр окружал ров, шириной в 25 м и глубиной до 6 м. В крепость вели двое ворот с мостами — Полтавские с востока

и Киевские с запада, а также система потайных ходов. Первые из ворот были обшиты металлическими листами, имели крепкие запоры и калитку для пешеходов. Вторые — без металлических конструкций и калитки. Близость Переволочны к двум полноводным рекам, Днепру и Ворскле, требовала дополнительных мер для защиты крепостных земляных валов от размыва, особенно во время весеннего половодья. Для этого с западной стороны крепости находилась дамба, при строительстве которой были использованы гранит, деревянные палки и железо¹⁸.

Весной 1709 г. крепость Переволочна и переправа через Днепр на этом участке полностью контролировались запорожцами и поддерживавшими их мятеж жителями региона. Поэтому нейтрализовать этот объект и мятежные настроения среди населения было решено силами специального диверсионного корпуса, который частично был сформирован из гарнизонных подразделений в Киеве. Первоначально на должность командира этого «деташмента» был назначен армейский полковник А.В. Шарф, но для выполнения такой деликатной миссии не требовались навыки и умения действовать в открытом бою, а был необходим опыт разведывательно-диверсионной деятельности. Царь писал еще 1 марта 1709 г. А.Д. Меншикову, что на должность командира отряда по усмирению запорожцев необходимо назначить «кто поумная, ибо там не все шпагою, но и ртом действовать надлежит»¹⁹. Исходя из царских рекомендаций, таким офицером был выбран полковник П.И. Яковлев, который к этому времени уже имел опыт в разведывательно-диверсионной деятельности. Для убеждения в правильности данного выбора достаточно вспомнить, как он в 1706 г. скрытно пробрался в осажденный Гродно под видом польского обывателя. Кроме этого, весной 1708 г., будучи еще майором, П.И. Яковлев успешно действовал в составе совместного разведывательного отряда с донским походным атаманом М. Фроловым (драгуны, донские казаки и калмыки) на линии Сельцы — Логойск — Попицы²⁰.

В начале апреля 1709 г. П.И. Яковлев возглавил в Переяславле диверсионный отряд («шквадрон») в 270 человек («Полковник — 1, Маеор — 1, Капитанов — 4, Порутчиков — 4, Квартермистр — 1, Отыютант — 1, Прапорщиков — 4, Ундер афицеров и драгун 207, в том числе болных и позяблых 30. Сверх того неслужащих: Рекрут и извощиков — 45, слесарей — 2. Всего ундер-афицеров и драгун и неслужащих 254»²¹) и выступил с ним в юго-восточном направлении. В «сказке» 1711 г. солдатского полка Желтухина сообщалось, что в 1709 г. «по определению его светейшества князя Александра Даниловича Меншикова отдан полк <...> под команду бригадира Яковлева и с оным послан на Малороссийския противныя города в Запороги, а в бытность в Киеве вышеозначеного 1709 году апреля в 5-ом числе дан на полк <...> мундир которой ныне на старых салдатах»²².

К середине апреля все приготовления были сделаны, диверсионный отряд погрузился на струги и из Киева направился вниз по Днепру. Поручик Ивангородского полка А.С. Румянцев рассказывал подробности своего участия в этом рейде: «Весною был полк наш послан в Киев с бригадиром Яковлевым, а из Киева повелено идти на стругах вниз рекою Днепром против изменников запорожских казаков, которые сидели в Переволочной»²³. По пути, в небольшом городке Чигирин-Дубрава на Днепре, к «деташменту» П.И. Яковлева присоединились драгунский отряд генерал-майора Г.С. Волконского и малороссийские казаки И.И. Галагана²⁴.

16 апреля 1709 г. партия донских казаков из отряда полковника П.И. Яковлева налетом атаковала форпост запорожцев в укрепленном местечке Келеберде, расположенном на левобережном днепровском мысе-полуострове, в 30 км от Переволочны. Крепость²⁵, окружавшая поселение и имевшая форму четырехугольника, удерживалась отрядом мятежников. После короткого боя весь городок, кроме церкви, был сожжен, а запорожский гарнизон был полностью уничтожен («их запорожцов, немалое ж число покололи и табор их взяли, а Кереберду <...> выжгли ж»²⁶).

18 апреля 1709 г. диверсионный «деташмент» П.И. Яковлева прибыл к укреплениям Переволочны. За деревянными стенами крепости укрылось около 600 запорожцев во главе с казачьим полковником Зинцом и около 2 000 вооруженных местных жителей, поддержавших решение мятежников по оказанию сопротивления царским войскам. Подчиненные П.И. Яковлева сходу атаковали и после короткого боя захватили переволочанскую крепость. Подробности этого нападения Б.П. Шереметев сообщал в письме от 21 апреля 1709 г. Петру I: «Переволочну взяли и запорожцов болши 1 000 человек вырубил, и слободы и замок выжгли»²⁷. С немногочисленными пленными поступили жестоко: им были отрезаны носы и уши, и в таком виде они были отпущены в шведский лагерь для устрашения²⁸. Укрепления Переволочны были разрушены, предместье с жилыми постройками выжжено, пришвартованные суда запорожской флотилии и все, что могло быть хоть как-то использовано для плаванья, уничтожено²⁹.

Помимо переправы на Днепре были уничтожены и ближайшие к этому району специально оборудованные для этих целей места («перевозы») в низовьях Ворсклы и Псла. О результативности таких диверсий русских войск говорит письмо Б.П. Шереметева к Петру I от 26 апреля 1709 г.: «А которые суды были, также и млины (мельницы. — С. И.) на судах все позжены. И признает он, Волконской, ежели б неприятель и имел намерение к переходу, то ему не бес тягости, понеже судов за многими греблями на реках Ворскле и Псле переправить невозможно»³⁰. Полные масштабы катастрофы, к которой привели диверсионные действия русских войск под Переволочной, шведская

армия ощутила чуть позже, в июне 1709 г., когда, уже разбитая под Полтавой, она отступала на правый берег Днепра и была лишена средств к переправе. Как сообщал Карл Вейланд, после Полтавского сражения Карл XII сразу же отдал приказание заставе, стоящей на Днепре, заготовить сколько возможно судов и материала для постройки паромов и плотов, но, кроме небольших лодок, ничего нельзя было ни заготовить, ни отыскать, так как к этому времени (еще в апреле 1709 г.) все было разрушено и уничтожено диверсионными действиями русских войск³¹. Неизвестный участник «русского похода» шведского короля в дневнике сообщал: «Поскольку он (Карл XII. — С. И.) не имел ни достаточного количества лодок, ни деревни, чтобы их соорудить, то был этим очень обеспокоен»³².

К концу апреля 1709 г. климатические условия для ведения боевых действий улучшились и появились перспективы перехода к генеральному сражению. Силы корпусов русской армии вновь сконцентрировали свою разведывательно-диверсионную деятельность на атаках по участкам компактного размещения отрядов вражеских войск, заставляя их стягиваться к одному месту, которым на данном этапе стал город Полтава.

Налеты русских партий на населенные пункты, занятые шведскими, «мазепинскими» и запорожскими отрядами, проводились с использованием всех элементов разведывательно-диверсионной деятельности, традиционных для малой войны: разведка, сторожевая служба, засада, налет и т. д. Письмо Б.П. Шереметева, которое он писал 24 апреля 1709 г. Петру I, подробно поясняет порядок организации и проведения одной из таких диверсионных операций — налета на шведские войска, находившиеся в местечке Решетиловка. В частности, фельдмаршал сообщал, что «увестился я в бытность свою в Голтве, что неприятельских 7 полков кавалерии стоят в Решетиловке». То есть сведения были получены русским командованием в результате шпионской деятельности. Обработав информацию, Б.П. Шереметев направил для более глубокой разведки два батальона гвардейцев Преображенского полка, Ингерманландский полк и несколько батальонов от драгунских полков «для поиску над неприятелем за реку Псел». В авангарде для защиты разведчиков и сторожевой службы «ординовал быти донским казаком <...> и 6 шквadroнов регулярного войска».

При приближении этого авангарда к позициям противника «неприятель, выбрався, поставил себя в порате (развернул войска во фронт. — С. И.), а наше регулярное войско следовало с поспешением за авангардом». Увидев массированную атаку, противник «времени своего не продолжил и уступил за переправу, при которых переправах во время ево переходе немалой упадок наше нерегулярное войско им учинило». Удовлетворившись отступлением врага, русский диверсионный отряд прекратил преследование, «понеже учи-

нившие ево переправы оной неприятель по своем походе все разрушил. А скот, которой был у них, весь взяли наши нерегулярные, и та Решетиловка с приуготовленным их провиантом без остатку позжено»³³. Отметки в тексте письма генерал-фельдмаршала показывают, что подготовка этой диверсионной операции проводилась с задействованием обязательных разведывательных мероприятий (шпионская деятельность, поиск, сторожевая служба), а атака осуществлялась методом стремительного налета с обязательным проведением диверсии в лагере противника (вывоз имущества, поджог и т. д.), после того как было сломлено сопротивление.

Точечные удары русских отрядов приносили свои результаты. К концу апреля 1709 г. армия Карла XII начала перемещение уже всех своих сил в район городка Полтава на правобережье Ворсклы. Одной из причин движения шведских войск в этот регион стали постоянные диверсии со стороны царской конницы, которая, опоясывая плотным кольцом вражескую армию, полностью перекрыла ей возможности развертывания войск на левом берегу Ворсклы. В.А. Артамонов, изучавший дневник непосредственного участника событий под Полтавой Л.-Н. Алларта, цитировал его записи о тяжелом положении, в котором оказалась шведская армия к началу мая 1709 г.: «Шведы со всех сторон обойдены были, и по видимому <...> оной армии никакова спасения — ни убежать, ниже противу Российской [армии] стоять было невозможно»³⁴. То есть именно для того, чтобы выйти из сложившегося положения, король принял решение двигаться к Полтаве, пытаясь таким способом оттеснить назойливую русскую кавалерию за линию реки Ворсклы.

Еще одной причиной продвижения Карла XII к Полтаве можно считать то катастрофическое положение, в котором оказалась его армия по итогам зимне-весенней кампании. Город был не так уж важен в контексте стратегического плана наступления на Москву. Захватив Полтаву, королевская армия поменялась бы ролями с гарнизоном крепости, будучи уже окруженной плотным кольцом петровских войск. Малая война, ведущаяся русскими разведывательно-диверсионными отрядами, привела к тому, что истерзанные постоянными нападениями шведские войска с каждым днем теряли боеспособность.

Королевской армии, для того чтобы чувствовать себя более уверенно в регионе, необходимо было укрепиться в одном из стратегически важных населенных пунктов, и Полтава наиболее подходила на эту роль, так как была ключевым городом на юге Ворсклы. Л.В. Скрипник справедливо отмечала, что обладание стратегическим пунктом, которым являлась Полтавская крепость, позволяло контролировать коммуникации по Днепру и главные переправы в районе Переволочной³⁵. Кроме прочего, окрестности Полтавы отлично подходили для новых квартир, так как это была местность с хорошо

развитой инфраструктурой обеспечения продовольствием³⁶, к тому же содержащая на своих территориях ряд селитряных предприятий, используемых для выработки взрывчатых веществ³⁷. Немаловажным было и то, что Полтавщина была защищена с фронта труднодоступными берегами Ворсклы и граничила с мятежным Запорожьем, давая возможность сообщения с Крымским ханством, на поддержку которого шведы продолжали еще надеяться.

Чтобы овладеть Полтавой, шведская армия с апреля 1709 г. стала блокировать защищавшую город крепость, стягивая к ней все более крупные силы, а с 1—2 мая начала ее активную осаду. Этой осадой Полтавы шведский король планировал вынудить русскую армию прийти на помощь гарнизону и вступить, наконец, в генеральное сражение, которое бы подвело итог всей затянувшейся Полтавской кампании. Русское командование тоже понимало, что начинается завершающий этап Полтавского периода. Поэтому оно решило в первую очередь окончательно лишить шведскую армию поддержки союзников. Для этого необходимо было завершить операцию по усмирению запорожцев.

С этой целью, после уничтожения Переволочны и Келеберды, диверсионный отряд полковника П.И. Яковлева продолжил свою миссию устрашения против городков Поднепровья, контролируемых Запорожской Сечью. 1 мая 1709 г. П.И. Яковлев докладывал князю А.Д. Меншикову об уничтожении очередных крепостей на Днепре — Старый и Новый Кодак: «Все я зжег, и на фартецыи полисады вырубил, и места и предместье выпалил, чтоб впредь тем вора́м (запорожцам. — *С. И.*) пристанища не было <...> А которые по другую сторону Днепра с островов уходили, о том я приказал, которой у меня под командою подполковник Башмаков, чтоб тех бунтовщиков разорять»³⁸. При этом зная о горькой участи населения, которое оказало сопротивление в Переволочне, Келеберде и Старом Кодаке, гарнизон крепости Новый Кодак сдался без боя³⁹. Каждый захваченный населенный пункт, поддерживавший мятежников, подлежал ликвидации, крепостные сооружения разрушались, а население в случае сопротивления уничтожалось или преследовалось.

Отметим, что карательно-диверсионные действия «деташмента» полковника П.И. Яковлева произвели должное впечатление на мятежников. О настроях в лагере запорожцев после получения ими сообщений о разорении городков в Поднепровье писал 6 мая 1709 г. Г.И. Головкин из-под Полтавы в Копенгаген В.Л. Долгорукому: «Запорожцы, которые при шведе, зело утрашились и розбегаются»⁴⁰. Эти сведения подтверждал и Б.П. Шереметев в письме к царю от 13 мая 1709 г.: «Запорожцы, которые не хотят быть в ызмене, в Чигирин и протчие места бегут, услыша о полковнике Яковлеве и от партей Волконского»⁴¹. В целом, действиями корпуса П.И. Яковлева в Поднепровье удалось предотвратить активное выступление жителей южных регио-

нов против царских властей, а миссия устрашения воздействовала на морально-психологический климат внутри малороссийского общества. К этому времени оплотом мятежников на юге оставалась только Запорожская (Чертомлыцкая) Сечь.

Организация разведывательно-диверсионной деятельности русской армии во время осады Полтавской крепости (май 1709)

К середине мая 1709 г. силы русской армии были распределены следующим образом:

- войска А.Д. Меншикова вытянулись напротив вражеских войск вдоль левого берега Ворсклы, от Опошни до Полтавы⁴²;
- войска Б.П. Шереметева заняли позиции на западе, от Полтавы вдоль Псла и от Гадяча до Голтвы;
- казацки отряды И.И. Скоропадского действовали в низовьях междуречья Сулы и Псла⁴³.

Выполняя строгие указания царя не вступать в генеральное сражение до его приезда из Воронежа, русское командование не поддавалось на провокационные действия шведов, атаковавших Полтаву. Войска сосредоточились только на малой войне, с целью подвести вражескую армию к генеральной битве только лишь на своих условиях и в удобное для себя время. Такое положение дел отмечал даже противник. Д. Крман писал в дневнике, что целью Петра I «являлось ослабление шведов путем затягивания справедливого сражения, изнурения их частыми вылазками легкой кавалерии казаков и калмыков, препятствования к обеспечению их провиантом, усиления голода и приведения их к мысли о заключении мира»⁴⁴.

Как уже отмечалось, на последнем этапе Полтавского периода разведывательно-диверсионная деятельность основных частей русской армии была сконцентрирована на проведении налетов на места расположения противника, для того чтобы вынудить его покинуть районы своей дислокации и сосредоточить все имеющиеся в наличии силы у Полтавы. При этом, на ограниченной территории враг должен был потерять возможность для маневра и испытывать трудности в обеспечении продовольствием и фуражом.

Дерзкие и каждодневные налеты русских отрядов заставляли небольшие подразделения противника сниматься с занятых ими мест и переходить как можно ближе к основным частям шведской армии. Участник Полтавской битвы князь Б.И. Куракин писал об одном из таких налетов: «Перебравшись генерал-порутчик Рен на ту сторону реки (Ворсклы. — С. И.), с неприятелем имели малую акцию, и неприятеля привели в великую конфузию, что приуждены обозы их тронуться с тех мест, где стояли»⁴⁵. О регулярности таких

атак на позиции противника сообщал в своей «сказке» каптенармус Архангелогородского драгунского полка Ф.Ф. Кафтырев: «Как стояло государево войско об реке Ворскле с шведским войском, и он по оной реке в партиях, на отъезжих караулах и на малых переправах на многих был»⁴⁶.

Н.Л. Юнаков писал, что для обеспечения боевых действий и проведения диверсионных операций на вражеской территории русскому командованию были крайне необходимы данные о положении дел в шведском лагере⁴⁷. Поэтому в период осады шведами полтавской крепости русская разведывательная служба была сосредоточена на решении следующих задач:

- вдоль по течению реки Ворсклы, в местах наиболее удобных для переправы шведских войск, были выставлены сторожевые посты (засады), а промежутки между ними патрулировались разъездами;

- для оценки обстановки и сбора сведений о противнике на правый берег Ворсклы регулярно высылались дальние разъезды и шпионы;

- для захвата «языков» вблизи расположения шведов устраивались засады (как правило, из казаков или калмыков);

- главные силы сторожевых конных отрядов, так называемые сторожевые резервы, располагались сосредоточенно за линией постов, в постоянной готовности поддержать передовые отряды⁴⁸.

Распределение сил, таким образом, позволяло повсеместно, на всем протяжении линии соприкосновения с противником, отслеживать его перемещения и делать короткие выпады для налетов, засад и поисков с захватом «языков».

В последние месяцы Полтавского периода русская разведка активизировала действия, направленные на захват пленных, проводя такие операции силами как регулярных, так и иррегулярных войск. Как уже не раз отмечалось, наличие «языков» было необходимо русской главной квартире для того, чтобы выяснить вопросы, связанные с организацией инженерной атаки вражеских войск на Полтаву. В частности, необходимо было узнать расположение и наличие инженерных укреплений у шведского лагеря, протяженность линий коммуникации между подразделениями противника, степень подготовленности его на том или ином участке к отражению внезапных нападений, а также прочие ценные сведения, без знания которых невозможно было руководить разведывательно-диверсионной деятельностью.

Когда обстановка позволяла беспрепятственно подобраться к вражеским позициям, разведчиками проводился осмотр инженерных сооружений противника с целью поиска слабого места в их обороне. Местные жители, хорошо ориентирующиеся на местности, помогали царским военным в таких рекогносцировках. Г.С. Белавин сообщал в своей офицерской «сказке», как в период осады шведской армией полтавской крепости он провел

одну из таких разведок укреплений вражеского лагеря: «По именному Его Царского Величества указу, а по ордеру его превосходительства генерала-фельдмаршалка и кавалера граф Шереметева, из шанец командирован я был с казаком-черкашенином под шведские апроши измерить глубины [на] реке Ворскле к шведскому транжементу»⁴⁹.

О масштабах проводимых поисков на конечном этапе Полтавского периода, когда две армии сосредоточились у Полтавы, говорит письмо А.Д. Меншикова к Петру I от 5 мая 1709 г., в котором он сообщал, что «на прошлой неделе посланная наша партия, напав на неприятельского порутчика, который был в 50 человеках драгун, и оного наши едва не всех порубили, разве немногие некоторые уходом спаслись, а порутчик купно с 3 рядовыми драгуны к нам приведены. Також и чрез другие партии непрестанно получаем языков <...> Мы, будучи здесь, праздно стоять не будем, но при помощи Божии всякого поиску искать подшимся (стараемся. — С. И.)»⁵⁰. В «Гистории Свейской войны» о действиях русских разведчиков, проводивших поиск у Полтавы в 1709 г., писалось, что «разные партии по разным дорогам чрез бригадира Чернцова и адъютанта фельтмаршала Савелова и порутчика Репнина взято неприятелей, шведов и противной стороны поляков, 57 человек, в том числе прапорщиков 2, ундер-афицеров 2»⁵¹.

Таким образом, постепенно армия Карла XII, окружившая Полтаву, сама оказалась в кольце из отрядов русских войск. Если быть точнее, то с одной стороны (левый берег Ворсклы) на шведские позиции оказывала давление армия А.Д. Меншикова, а с противоположной (вдоль Псла) наносили удары силы «деташмента» Б.П. Шереметева. Сам же генерал-фельдмаршал 6 мая 1709 г. писал об этом Петру I, что «войско неприятельское во облежании той Полтавы обретається. И того ради ныне я на ту сторону Псла отправил партию и велел оной к Полтаве приблизитца и алярмовать (тревожить. — С. И.) неприятеля, дабы чрез то во отаке от неприятеля гварнизону полтавскому какую ползу получить, также и в протчих поисках по возможности над неприятелем чинити будем»⁵².

Причины такого критичного положения подмечены в «Универсальном лексиконе» немецкого энциклопедиста XVIII в. И.Г. Цедлера: «Шведский король в 1709 году углубился на Гетманщину, лишив себя всякого пропитания, приведя свою армию в высшей степени жалкое состояние, и был со всех сторон тесним врагом»⁵³. Не менее точно об этом отзывался французский король Людовик XIV в письме к своему послу Ж.-В. де Безенвалю 21 июня 1709 г.: «Армия шведского короля тает как снег, его главная надежда на помощь казаков (запорожцев. — С. И.) и татар (крымских. — С. И.)»⁵⁴.

Гарнизон полтавской крепости во главе с ее комендантом полковником А.С. Келеным, для оказания помощи которому были задействованы основные

силы русских летучих отрядов, не оставался в стороне от малой войны, которую вели главные части петровской армии, и доставлял атакующим его шведским войскам немало проблем. Находившиеся в осаде чутко следили за обстановкой, складывавшейся за пределами крепостной ограды, и при удобных случаях проводили налеты (вылазки) на инженерные позиции вражеских войск. Дерзкие вылазки гарнизона из осажденной крепости в мае 1709 г. можно, хотя и с натяжкой, назвать еще одним элементом разведывательно-диверсионной деятельности, используемым русской армией под Полтавой. Диверсионные вылазки, проводимые небольшими отрядами из состава гарнизонных войск, мешали шведской инженерной атаке крепости.

Петровский инженер барон Э.Ф. фон Боргсдорф, в 1709 г. писал о порядке проведения вылазки из крепости: для нападения на инженерные позиции вражеских войск необходимо, «учиня на оное незапное нападение с великою жестокостию, и скоростию, и неприятелей в них побив, покрытие их сломать, и тамо обретающиеся в запасе шанцевальные вещи, пушки, и воинские припасы пожечь. И по исполнении того дела паки в крепость уйти»⁵⁵. Б.В. Мегорский в книге «Осады и штурмы Северной войны» подробно разобрал методику проведения вылазок⁵⁶. Он же цитировал академика Н.Г. Курганова, который во второй половине XVIII в. писал о вылазках из крепости следующее: «Не должно допускать себя запирасть (в крепости. — *С. И.*) и быть принужденному сдаться без сопротивления. Надобно неприятеля безпрестанно беспокоить»⁵⁷. Все характеристики вылазки, данные вышеуказанными авторами, содержат элементы весьма сходные с классической диверсионной операцией — налетом. Та же скорость и неожиданность атаки, разорение и уничтожение, с быстрым отступлением на исходные позиции.

Во время проведения вылазок на шведские инженерные позиции диверсанты полтавского гарнизона уничтожали саперов и офицеров-фортификаторов, забирали шанцевый инструмент и порох из подкопов, приводили в негодность осадные орудия. Князь А.Д. Меншиков сообщал царю 11 мая 1709 г. о проведении одного из таких диверсионных налетов из крепости: «Когда неприятель затревожась от наших, от оной (Полтавы. — *С. И.*) было отступил и пошли неприятельские обозы, тогда оной Келин выслал несколько своих на выласку, которые многих шведов порубили и несколько от обозов их лошадей оторвали, ис которых он, Келин, прислал ко мне зело изрядную лошадь. А в 9 день сего ж месяца писал он, Келин: которой-де от неприятеля под Мазуровский вал (один из защитных валов Полтавской крепости. — *С. И.*) подведен был подкоп, и тот они перекопали и порох выбрали, чего и в других местах смотрит»⁵⁸.

Вылазки-налеты гарнизонных диверсантов наносили существенный урон силам противника, ведь даже потеря такого материального ресурса, как шан-

цевый инструмент, сказывалась на инженерных возможностях шведской армии, не говоря уже о порохе, недостаток которого становился все более ощутимым в войсках противника. Кроме этого, вылазки гарнизона, проводимые во время боевых столкновений шведских войск с основными частями русской полевой армии, заставляли шведов рассредоточивать свои силы и отвлекать часть подразделений на подавление диверсионной активности у крепости. Заметим, что вылазки полтавского гарнизона проводились во все время осады города с мая по июнь 1709 г. вплоть до окончания Полтавской битвы. Даже во время генеральной баталии подчиненные А.С. Келена поддерживали петровские войска атакой на вражеские инженерные укрепления у крепости⁵⁹.

Для сообщения между основными частями русской армии и гарнизоном осажденной крепости царским командованием широко использовалось местное казачество, которое хорошо ориентировалось на прилегающей к Полтаве территории. Князь А.Д. Меншиков докладывал 11 мая 1709 г. Петру I, что им была налажена переписка с полтавской крепостью «через господина генерала лейтенанта Рена, который <...> стоит при Ворскле, и те писма привозят до него мужики»⁶⁰. Имел переписку с А.С. Келеным и фельдмаршал Б.П. Шереметев, писавший А.Д. Меншикову 2 июня 1709 г., что «казаки, которые посланы в Полтаву, возвратились и принесли от коменданта господина Келена письмо, из которого я хотя известился о состоянии тамошнего гарнизона»⁶¹.

Шведский фенрик⁶² Роберт Петре в дневнике, который переведен на украинский язык исследователем О. Безверхним, подробно описал один из таких переходов казаков-разведчиков через так называемую «линию фронта», проходившую по реке Ворскле: «Около 10 часов утра я увидел две лодки, которые плыли через болото к городу. Болото было очень широким, и остановить их было невозможно. Около 2 часов дня двое всадников поскакали от болота к городу. Возможно, их лошади были перевезены на больших лодках или спрятаны на берегу болота заранее <...> Я не осмелился покинуть пост и атаковать их со своими пехотинцами»⁶³.

Хорошо налаженный канал связи давал возможность получать разведывательные сведения и согласовывать действия основных частей русской армии и гарнизона Полтавы, а затем принимать оперативные решения согласно сложившейся обстановке. При этом посыльные передавали не только голосовые и письменные сообщения, но и ценные грузы: лекарства, порох, подарки и прочее. О качестве связи между русским командованием, расположившимся на правом берегу Ворсклы, и гарнизоном Полтавской крепости говорит письмо к князю А.Д. Меншикову от коменданта крепости А.С. Келена, в котором он, помимо сообщения разведывательных сведений, писал, что «послал до вашей светлости фаску (по В.И. Даю, это миска или чашка⁶⁴. — С. И.)

пива. Маия три десятого дня получил от вашей светлости присылку, серы и лекарства»⁶⁵.

Тем временем в сложившейся к маю 1709 г. обстановке шведская армия стала испытывать определенные проблемы с продовольствием. Словацкий пастор Д. Крман в своем дневнике рассказывал о тяжелом положении с продовольствием в шведской армии под Полтавой, связанным с истощением территории, занятой вражескими войсками. В частности, он писал, что «шведы <...> с каждым днем все больше испытывают трудности и недостатки; что те, которые до этого поставляли за большие деньги провиант, были истощены и даже сами себя не могли прокормить, и что хлеб, который отдельные полки добывали для себя сами, уже был на исходе и пополнить его запас было невозможно»⁶⁶.

Собранная на небольшом участке территории масса людей и животных не могла в полной мере довольствоваться продуктами и фуражом с населения занятого ими края, а из-за постоянных налетов на сборщиков провианта со стороны русских диверсионных отрядов фуражиры могли покидать лагерь только два раза в неделю и только в сопровождении боевого прикрытия. При этом продовольствие в лагерь шведов поступало только с южного направления — по дороге от Кобеляк и Беликов, контролируемого запорожцами.

Шведский лагерь под Полтавой был наполнен, помимо военнослужащих, женщинами и детьми, большая часть которых являлась членами семей военнослужащих — солдат и офицеров армии Карла XII. Сопровождение мужей и отцов в военном походе было нормальным явлением для XVIII в., но в сложившейся к этому времени ситуации все эти люди создавали дополнительные трудности⁶⁷. Определить точное число присутствовавших в шведской армии гражданских лиц затруднительно, так как их никто специально не пересчитывал, но каждый из них требовал пищи и охраны от нападений со стороны русских диверсионных отрядов, а для того чтобы их обеспечить всем необходимым, приходилось отрывать ценные ресурсы от боевых подразделений⁶⁸. В то же время офицеры и солдаты, видя те лишения, которые терпят их близкие, испытывали морально-психологическое воздействие, которое повышало упаднические настроения.

Кроме того, что военнослужащие армии Карла XII испытывали трудности с питанием, им еще приходилось выполнять и не свойственные им обязанности, такие как поиск пропитания, изнурительные инженерные работы, охрана позиций, фуражиров и лошадей. Все эти дополнительные трудности разлагали дисциплину и подрывали боеспособность шведских войск. Тот же Д. Крман писал: «Вряд ли можно было сомневаться в неизбежности солдатского мятежа, когда из-за этого недостатка солдаты, обученные различным ремеслам, вынуждены были строить мельницы, оковывать повозки железом,

ремонтировать колеса, одни — с напряжением обеспечивать доставку кормов, другие — нести тяжелую караульную службу. Вряд ли у них за целый день оставался час свободного времени, необходимый для очистки конюшен, ухода за лошадьми и наполнения своего желудка»⁶⁹. Такого же мнения о боеспособности шведской армии под Полтавой был и С. Понятовский, говоривший о солдатах короля, как о людях, находившихся в «жалком состоянии вследствие невообразимых мучений»⁷⁰.

Тревожившие войска налеты, не имеющие целью перехода в затяжное сражение, стали обыденностью для шведов в лагере под Полтавой. Изучавший дневники каролинов П. Энглунд, сообщил об очередном использовании иррегулярной конницей тактического приема «воронья стая», только на этот раз не против войск врага на марше, а в атаках на его позиции под Полтавой. В частности, он писал, что казацкие ватаги подъезжали к позициям королевских войск метров на 200, гикая и стреляя. Но как только высылались войска для их подавления, нападавшие моментально ретировались. Такие налеты были непрерывны и продолжались днем и ночью⁷¹.

Тактика точечных диверсионных ударов и уклонение от крупных боевых столкновений оказывали, кроме прочего, еще и подавляющее воздействие на моральное состояние солдат и офицеров противника, в результате чего строгая дисциплина, которая всегда была сильной стороной шведской армии, постепенно стала падать. Становились более частыми случаи дезертирства военнослужащих шведской армии. Весомым аргументом к побегу из королевского лагеря становились все те же проблемы с продовольствием («у шведов в хлебе великая ныне скудость, и дают хлеба толко по четыре фунта на четырех человек на четыре дни, також и денежного жалованья <...> не давано»⁷²). Как свидетельствовал князь Б.И. Куракин, выходцы из шведского войска «многие и сами дезерторы (дезертиры. — С. И.) были, которые виде неприятеля, весьма в разорении своих войск и в скудности провианту»⁷³. Покидали шведов у Полтавы и их союзники запорожцы, до которых постепенно стала доходить мысль о крахе авантюры их кошевого К. Гордиенко и И.С. Мазепы. Так, казак И. Попович, бежавший из-под Полтавы, сообщал на допросе: «Запорожцев слышал, что всех при швецком войске тысяч с сем, и многие утекают до полковника миргородцкого (Д. Апостола. — С. И.)»⁷⁴.

Одной из задач петровской армии, находившейся рядом с Полтавой, помимо нанесения урона силам противника и морально-психологического воздействия на врага, было недопущение захвата шведскими войсками полтавской крепости, так как ее потеря дала бы возможность Карлу XII в лучах славы этой небольшой победы почувствовать себя более уверенно на линии соприкосновения с русскими позициями. Поэтому необходимо было регулярными диверсионными действиями добиться ослабления давления шведской армии

на город, «чрез которые б могла президия полтавская ползу себе получить»⁷⁵. На плане «с абрисом обстановки во время осады армией Карла XII Полтавской крепости», который хранится в фондах Королевского военного архива (г. Стокгольм, Швеция) зафиксированы неоднократные попытки прорыва русской армии к осажденному городу через оборонительную линию врага⁷⁶.

Одна из таких операций была проведена в виде налета 16 мая 1709 г., когда русское командование приняло решение провести масштабную диверсионную операцию, с привлечением большого количества сил и средств, по отвлечению шведских войск, квартировавших в районе Опошны, от осады крепости. Несмотря на небольшие размеры, Опошня была окружена фортификационными сооружениями как сформированными местными жителями еще в XVII в., так и новыми, созданными шведскими инженерами для повышения обороноспособности этого объекта. Согласно «Плану местоположения населенных пунктов и городов, где были расквартированы главные силы царской армии», составленному 4 марта 1709 г., опошнянская крепость тогда имела форму четырехугольника, слегка выдвинутого по оси с севера на юг⁷⁷. На изломах ее защитной ограды стояли четыре угловых бастиона, как писал Н.И. Арандаренко: «Опошня <...> была укреплена земляными валами, в виде четырехугольного редута»⁷⁸.

По итогам масштабной разведывательно-диверсионной операции по укреплению Опошны князем А.Д. Меншиковым была составлена «Реляция», подробно описывающая общий ход боевых действий во время проведения налета. В частности, сообщалось, что «против 7 дня сего месяца до свету <...> зачали войски наши чрез мост в лице неприятеля переходить. И хотя безмерно великие болота и глубокие воды наша конница многажды и вплавь перебиратца принуждена, однако ж изрядным порядком, несмотря на все трудности и жестокой пушечной огонь, без медления прямо на неприятельской ретранжамент (укрепления. — С. И.) <...> единою шпагою оногo неприятеля <...> выбили и бежать врознь принудили»⁷⁹.

Русские отряды преследовали противника от Опошны «под самую городовую стену» Полтавы. Получив сведения, что на помощь атакуемым следует сам Карл XII с семью полками, налетчики, «в Опошненской замок пометавши несколько десятков гранат», вынуждены были «воинским порядком отступить, и протчие их круг города розставленные рогатки и полисады зажечь, и ретранжамент розрыть, и войскам нашим в обоз возвратится»⁸⁰. То есть отработывалась уже стандартная схема диверсионной операции, которая неоднократно показала свою эффективность в столкновениях с противником.

Участник атаки на Опошню Е.И. фон Аргейм сообщал подробности операции: «Пошли под Полтаву и под местечко Опошню в команду генерала-майора Беленка, был командирован от полку с ротою для взятия неприят-

тельских апрош, и из оных апрош людей выбили с боем и 2 пушки медные взяли и апроши разрыли, и как прибыл шведский король с полками, и мы от местечка Опошни отступили, и прибыл к полку под Полтаву»⁸¹. Проведя налет на вражеские позиции и осуществив несколько диверсий (поджог, разрушение укреплений, вывоз трофеев), во избежание вступления в бой с основными силами противника, которые уже были на подходе, русские отряды благополучно отступили на исходный рубеж за Ворсклу.

Цель операции была достигнута: противник снялся с позиций у Полтавы и был вынужден спешить на выручку к своим отрядам, защищавшим Опошню. При этом, во время диверсионного налета русской армии на опошнянские укрепления удалось ослабить внимание шведских сил от осады Полтавы и, воспользовавшись этим, провести скрытно в крепость подкрепление в 1 200 (по другим данным 900) человек во главе с бригадиром А. Головиным, снабженных запасом пороха. А.Д. Меншиков сообщил по этому поводу 16 мая 1709 г. царю: «А о сикурсе (помощи. — С. И.) в Полтаву доношу <...> что також изрядным способом учинился и вчерашней ночи 1 200 человек, со всею к осаде потребною амуницею, о которой писал господин камендант, что самую крайнюю нужду в том имеют, тако щастливо в город провадили. Что хотя и безмерно чрез трудные переправы и болота сие учинилося, однако ж ни одного человека при том случае во уроне не имеем»⁸².

В результате успешно проведенной диверсионной операции Полтавская крепость получила не только передышку, но и так ей необходимое подкрепление в живой силе и боеприпасах. Кроме этого, царской армии удалось вынудить подразделения шведов у Опошни и в Будищах, опасавшихся повторения налета со стороны русских позиций, покинуть эти населенные пункты и примкнуть к основным силам, еще более сузив район своего расположения у Полтавы. В то же время войска А.Д. Меншикова получили более широкую свободу действий на правом берегу Ворсклы, закрепив разведывательно-диверсионные отряды в тех местах, которые ранее контролировались противником. Операция у Опошни примечательна еще и тем, что она проводилась с привлечением нескольких соединений, действовавших сразу на двух разных направлениях — одного у Опошни и второго непосредственно у Полтавы, а стандартный налет был осуществлен не несколькими малыми отрядами, а в масштабах действий крупного соединения русской армии.

Примерно в это же время в южной части театра военных действий на Днепре произошло стратегически важное событие. После длительного штурма силами отрядов из «деташмента» П.И. Яковлева пала Запорожская Сечь. Атаке предшествовал ряд разведывательных мероприятий, которые были необходимы для успешного проведения нападения. 8 мая 1709 г. П.И. Яковлев направил к укреплениям Сечи на разведку отряд во главе с майором,

которому удалось захватить «под самую Сечею» «языка» с ценной информацией о положении дел в штаб-квартире запорожцев. Кроме этого разведывательного отряда полковник П.И. Яковлев «и других посылал <...> для осмотра, как бы можно придти к той Сечи»⁸³. Чтобы разведчики могли максимально приблизиться к вражеским позициям для сбора информации, они прибегали к хитрости, которую сам П.И. Яковлев применял еще во время Гродненской операции (1706). В частности, он сообщал А.Д. Меншикову, что «непрестанно под Сечю разъезд чиним в ночи и во дни и офицеров, убрав в казачьи платье, посылаем, чтобы усмотреть как бы мочно наилутчей промысл чинить, и как бы можно к тому месту пристать»⁸⁴. Собрав первичные сведения о противнике, П.И. Яковлев принял решение на проведение силовой рекогносцировки (разведки боем) с целью уточнения сил и средств, задействованных в обороне крепости сечевиков. Для этого к стенам Сечи был направлен небольшой отряд на лодках, который атаковал сторожевые посты запорожцев: «Наехали на их отъезжей караул и тех воров разбили и многих побили, а других в воду потопили, только взят 1 человек»⁸⁵.

После захвата основной базы запорожского казачества она была подвергнута жесточайшему разорению: «Полковник Яковлев <...> изменниче гнездо <...> штурмом взял и оных проклятых воров всех посек, и тако весь корень отца их, Мазепы, искоренен»⁸⁶. 18 мая 1709 г. В.В. Долгорукий из обоза на Псле поздравил А.Д. Меншикова с успешным окончанием миссии отряда П.И. Яковлева в Запорожской Сечи⁸⁷, а 19 мая князь сообщил царю, что «запорожская проблема» окончательно решена⁸⁸.

Для морально-психологического воздействия на противника русский диверсионный корпус полковника П.И. Яковлева весьма жестоко расправился с защитниками Сечи, чем устранил и удержал от дальнейших антиправительственных действий сочувствующие запорожцам народные массы. Участвовавший в рейде по Поднепровью в мае 1709 г. Г.А. Зенбулатов из Ивангородского пехотного полка сообщал подробности своих действий: «Пришед к Переволочне, того ж апреля 18 дня командирован я был на приступ, и взяли штурмом. И по взятые Переволочны командирован я был с Самары на лодках с командою под Новый Кайдаков, и было с казаками дело, и оный городок взяли. И по взятые оного городка, водою ж пошли под Сечу, и при атаке Сечи и взятые был на штурме того ж 709 году в мае месяце. И по взятые Сечи, из Каменного Затону был посылан в партии с командою на лодках вверх по Днепру и вниз к Кизикерменю по островам для сыску оных изменников запорожцев, и бывало с оными казаками дело на воде и на сухом пути, и многих брал в полон»⁸⁹.

Захват и разрушение столицы взбунтовавшегося запорожского казачества в ходе диверсионного рейда П.И. Яковлева по Приднепровью стали заверша-

ющей точкой всей операции. Это был важный стратегический и политический успех русской армии на данном этапе Северной войны, который в дальнейшем стал еще одной из причин будущей победы над армией Карла XII под Полтавой.

23 мая 1709 г. в шведском лагере появились первые сведения о захвате и разорении столицы сечевиков на Днепре. По мнению А. Стилле, первыми известиями о падении оплота запорожцев королевское командование было слегка обескуражено и до конца пока еще не понимало значения этой потери⁹⁰. А. Стилле цитировал дневник офицера армии Карла XII Д.Н. Сильтмана, который писал, что при известии об этой катастрофе в шведской главной квартире замечалась большая растерянность⁹¹. Все это способствовало тому, что позиции И.С. Мазепы пошатнулись как в глазах шведского командования, так и в рядах мятежного казачества. Для многих из них перспективы совместной со шведами военной кампании стали видеться весьма пессимистичными, тем более что под Полтавой их использовали главным образом в качестве дешевой рабочей силы на инженерных осадных работах. По сообщению А. Адлерфельда, запорожцы были полны возмущений, от того что их постоянно посылают в траншеи у Полтавы, в отличие от шведов, которых король старался беречь⁹².

В свою очередь русское командование после разорения Запорожской Сечи не исключало угрозы со стороны выживших запорожцев и сочувствующего им селянства, которым удалось сбежать от «деташмента» П.И. Яковлева и спрятаться на Правобережье в окрестностях Днепра. Ф. Гумилевский приводит письмо киевского губернатора Д.М. Голицына, который ставил задачи Корсуньскому казацкому полковнику А. Кандыбе на предотвращение диверсионных действий со стороны мятежников: «Ведомость имеете, что запорожцы, которые из Сечи ушли, собрались в Очакове, тысячи с полтари, и хотят идти для разорения в полк ваш, и вы для лучшего охранения с полком хотите выходить в степь и то вы чините изрядне (правильно. — С. И.), что осторожность имеете»⁹³. Для выполнения этих задач в южные степные районы Гетманщины были высланы совместные драгунско-казачьи отряды для разведывательной и дозорной службы, направленной на предотвращение реанимирования повстанческих настроений и наступления на территорию Левобережной Украины остатков запорожцев, имевших целью диверсионные действия в русском тылу.

Силами отрядов царских войск активизировались атаки на населенные пункты Правобережья Ворсклы, которые находились под контролем небольших сторожевых отрядов шведских войск и запорожцев кошевого атамана К. Гордиенко. Одним из таких атакующих подразделений был отряд царского адъютанта А.И. Ушакова (600 донских казаков), который находился в распоряжении князя Г.Ф. Долгорукого и малороссийского гетмана И.И. Скоро-

падского. Фельдмаршал Б.П. Шереметев писал царю 18 мая 1709 г., что «Ушакову, который ныне в Голтве, поход в партии с донскими козаками велено исполнять по вашим указам»⁹⁴. Выполняя приказ командования, капитан-поручик проводил налеты на шведские сторожевые посты и имел «непрестанно бой» с запорожцами. 23 мая 1709 г. А.И. Ушаков с казаками участвовал в диверсионном рейде на селение Белики, которое было одним из пунктов обеспечения противника продовольствием, и, как он докладывал 24 мая царю, «оной городок, слободы обожгли и противников для страху несколько покололи»⁹⁵. Князь Г.Ф. Долгорукий, описывая из Федоровки А.Д. Меншикову подробности этого налета, сообщил о выжженном городском посаде Беликов, отогнанном стаде скота, уничтожении нескольких шведов и пленении пяти вражеских драгунов, «а остальные запорожцы в замку отсиделись»⁹⁶.

Отметим, что капитан-поручик А.И. Ушаков высоко ценил свой личный состав как профессионалов войсковой разведки и переживал, если из его летучего отряда кого-то переводили в другие подразделения. 24 мая 1709 г. А.И. Ушаков просил Петра I вернуть ему донских казаков, которых перебросили в подчинение к генерал-фельдмаршалу («зело-б хорошо, чтоб оные казаки были, были против прежнего указу, купно и служба их будет явна»⁹⁷).

Можно сказать, что шведская армия у Полтавы находилась под постоянным давлением со стороны разведывательно-диверсионных отрядов, которые жалящими укусами своих налетов держали противника в постоянном физическом и моральном напряжении. Драгунские полки, подкрепленные отрядами казаков и калмыков, переправлялись на правый берег Ворсклы по наведенным фашинным мостам, сформированным из плетеных корзин, набитых землей, и тревожили шведские позиции у Полтавы. Свидетель и участник этих событий князь Б.И. Куракин так описывал действия русской конницы: «Непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм (тревогу. — С. И.) делали и лошадей отгоняли, и одни(м) разом больше семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали»⁹⁸. Прусский подполковник Д.Н. Сильтман в своем дневнике отмечал, что казачьи и калмыцкие отряды подходили вплотную к шведским сторожевым постам и по несколько часов вели перестрелку⁹⁹.

На завершающем этапе Полтавского периода одним из объектов для налетов русской армии стал такой весьма ценный ресурс противника, как лошади, которых шведы с наступлением весны стали выводить на прокорм в зазеленевшие малороссийские степи. Казаки и калмыцкие всадники перебирались по бродам на противоположный берег Ворсклы и проводили диверсии во вражеском лагере, угоняя лошадей целыми табунами¹⁰⁰. Уже с конца апреля 1709 г. в документах русского командования упоминается о таких диверсионных дей-

ствиях. А.Д. Меншиков писал 26 апреля 1709 г. Петру I, что «казаки охотники ныне недавно напали на лошадей изменника Мазепы, которых болши 400 побрали, и заподлинно люди ево сказывают, что уже у него болши 5 лошадей не осталось»¹⁰¹. В «Реляции» о боевых действиях русской армии под Полтавой в мае 1709 г. говорится, что «сего ж мая между 17 и 18 числами в ночи волохи наши, чрез реку Ворсклу переправясь, з 2 000 швецких лошадей, которых на той стороне реки пасли, побив прежде поставленной при оных караул, отогнали и оных счасливо сюды к войску пригнали»¹⁰².

Похожие события описывал А.Д. Меншиков в письме и от 19 мая 1709 г. к Петру I: «Вчерашняго дня лехкая наша партия, перебрався на другую сторону, лошадей неприятельских около 1 000 загнали, и другая партия нынешняго дни, з другой стороны нападши, около 100 лошадей и людей генерала Круза забрали и несколько побили»¹⁰³. Этот налет был настолько крупным, что о нем опубликовали сообщение даже в петербургских «Ведомостях» от 27 мая 1709 г.: «А вчерашняго числа легкая наша партия переправся на другую сторону (Ворсклы. — С. И.), неприятельских лошадей болши тысячи к нам пригнали. И сего дня по утру с другой стороны наша ж партия около ста лошадей крузовых (генерал-майора К.Г. Круза. — С. И.), купно с его людьми к нам привели, а иных при том случае многих побили»¹⁰⁴.

Такие налеты, с изъятием лошадей у противника, подрывали боеспособность кавалерийских частей армии Карла XII, а те животные, которые оставались в распоряжении шведов, терпели нужду в фураже, что влияло на их здоровье и, как следствие, отражалось на мобильности вражеской кавалерии.

Кроме лошадей, объектом для налетов иррегулярных войск стал и обслуживавший персонал (извозчики, денщики и пр.), который пас шведских лошадей в окрестностях Полтавы. Ввиду диверсионных действий со стороны русских отрядов шведская армия была вынуждена находиться в постоянной боевой готовности и выделять дополнительные силы для охраны пасшихся лошадей и сопровождавших их лиц, отрывая силы от осады Полтавской крепости. Князь А.Д. Меншиков писал 22 мая 1709 г. царю: «Неприятель под Полтавою ныне весма смирно стоит, а партии наши по вся дневно, где могут, неприятеля утомляют и конницу неприятельскую на ноги поставляют, ибо такого дня нет, чтоб от неприятелей к нам лошадей не отгоняли»¹⁰⁵. Из-за угрозы атак на пасшихся лошадей шведам постоянно приходилось сокращать район пастбищ. Постепенно ближайšie к их лагерю пространства были опустошены, а заготавливать корм для лошадей, которым к этому времени уже стали листья деревьев, приходилось в близлежащих лесах¹⁰⁶.

Именно поэтому все чаще происходили случаи захвата «языков» из нестроевых военнослужащих, отдалившихся от лагеря в поисках пропитания для животных: «Полтавскаго полку казаки Родивон Григорьев с товарищи

взяли за рекою Ворсклою швецкова хлопца да двух запорожских казаков, и спрашиван. В распросе сказал <...> взяли-де ево близ Полтавы, и ездили оне за травой»¹⁰⁷. В связи с этим шведскому командованию приходилось отрывать крупные подразделения из задействованных в осаде сил и привлекать их для охраны небольших групп хозяйственного обеспечения, удалявшихся от лагеря даже на незначительное расстояние. В частности, направляемый неоднократно для охраны лошадей фенрик Р. Петре так описывал в дневнике события одного из своих походов, которые проходили под постоянной угрозой нападения со стороны русских отрядов: «Майор Свинхувуд приказал <...> не заходить далеко от лагеря, а найти хорошую траву как можно ближе <...> Такое место мы нашли в 7—8 километрах от лагеря <...> В полдень, когда я повел коней на водопой, я заметил в лесу несколько калмыков, но они нас не атаковали, а усаkali прочь». После водопоя Р. Петре, чтобы избежать нападения калмыков, поехал по другой дороге. После его возвращения в лагерь Далекарлийский полковник Г.Х. фон Сигрот спросил, «как далеко я был <...>. Я ответил, что был в 10 километрах отсюда. Они удивились, что я настолько смелый, чтобы пасти лошадей так далеко»¹⁰⁸.

Малая война русской армии накануне генерального сражения под Полтавой 27 июня 1709 года

27 мая 1709 г. русские корпуса А.Д. Меншикова и Б.П. Шереметева соединились на левобережье Ворсклы у Полтавы. Теперь все царские силы были в сборе и могли приступить к окончательному блокированию вражеских войск на завершающем этапе Полтавской кампании. В первую очередь, предполагая отступление шведской армии за линию Днепра, русское командование приняло ряд мер для предотвращения благополучного отхода армии Карла XII в Польшу. Для этого предполагалось зачистить по «скифскому» методу территорию предполагаемого пути движения шведской армии в случае ее отступления на юг или запад к Днепру. При этом, выставленные на ключевых позициях сторожевые посты должны были отслеживать действия противника.

26 мая 1709 г. граф Г.И. Головкин писал гетману И.И. Скоропадскому: «Многие пришедшие из шведскаго войска дезертиры и взятые полоняники, также и наши ушедшие от них сказывают, что в Шведском войске великая скудость в провианте, и для того намереваются идти к Днепру. Сего ради <...> дабы изволили вы в те места, чрез которые чаят того неприятельскаго к Днепру походу, от себя послать указы под жестоким страхом, чтоб жители тех мест хлеб вывозили и скотину выгнали в леса и в крепкия места, а в городах бы и в селах ничего излишняго в домах их не было <...> чтобы тем неприятелю

не дать никакого довольства»¹⁰⁹. То есть в очередной раз была использована жолкевская тактика, не единожды оправдавшая свое применение.

В первых числах июня 1709 г. находившиеся со стороны тыла шведских войск отряды Г.Ф. Долгорукого, Г.С. Волконского и И.И. Скоропадского должны были выполнять указ царя: «Со фсем конным войском, регулярными и нерегулярными, з другую сторону напасть и потщитца (стараться. — С. И.) доброю диверсию учинить и ущерб, по возможности, неприятелю»¹¹⁰. В ходе этих действий шведская армия должна была оказаться между двух взаимодействующих группировок, оказывавших на нее давление с востока (линия реки Ворсклы) и запада (линия реки Псел).

Кроме этого, на западную группировку возложена обязанность по несению сторожевой службы, где князь Г.С. Волконский был назначен ответственным за линию сторожевых постов, выставленных на реке Псел в местах возможной переправы шведской армии в случае ее отступления к Днепру. К письму, отосланному князем к А.Д. Меншикову 10 июня 1709 г., прилагалась роспись этих разведывательных постов, из которой можно сделать вывод о масштабах организации сторожевой службы на этом ответственном участке.

Согласно росписи, на реке Псел разместились следующие русские подразделения:

- в городке Кременчуг на реке Днепр и в устье Псла — 200 казаков Киевского полка;

- в местечке Потоки (от Кременчуга 1,5 км) вверх по реке Псел — 200 казаков Киевского полка;

- в местечке Омельники (от Поток 1,5 км) — 300 казаков Киевского полка;

- в селе Монжелеевка (от Омельников 3 км) — 200 казаков Киевского полка;

- в Голтве (в 3 км от Монжелеевки) и окрестностях — казаки Миргородского и Киевского полков, 700 человек драгун во главе с полковником кавалерии, здесь же находились донские казаки А.И. Ушакова;

- в деревне Поповка (менее 1 км от Голтвы) — казаки Прилуцкого полка и компанейского¹¹¹;

- в Остаповке (2,5 км от Поповки) — 60 казаков Прилуцкого полка;

- в местечке Белоклейка (2,5 км от Остаповки) — 80 казаков Прилуцкого полка;

- в Белоцерковке (около 1 км от Белоклейки), где были мосты через Псел, в инженерном укреплении стоял пехотный подполковник, а с ним 300 солдат и 200 казаков;

- недалеко от Белоцерковки (вверх по Пслу около 1 км) обозом стоял большой армейский корпус (два драгунских и два пехотных полка), здесь же находился гетман И.И. Скоропадский;

- вверх 1 км от обоза на форпосте — двое драгун и 30 казаков для контроля за организацией сторожевой службы;
- в местечке Богачка (в 1 км от форпоста) — поручик с 30 драгунами и 100 казаков Нежинского полка;
- в деревне Злодеевке стоял вахмистр, а с ним 20 драгун;
- в местечке Устивицы (около 1 км от Злодеевки) — Каргопольский драгунский полк;
- в деревне Матюшевка (в 1 км от Устивицы) — поручик, 40 драгун, 150 казаков Черниговского полка;
- в 2,5 км вверх от Матюшевки — казаки Переяславского полка;
- напротив местечка Шишаки — 200 казаков Переяславского полка;
- у села Перевоз (около 1 км от Шишаков) — капитан, 60 драгун, более 200 казаков Переяславского полка;
- у местечка Борановки (около 1 км от Перевоза) — поручик и 80 драгун;
- у села Портянки (1,5 км от Борановки) — 150 драгун Ямбургского полка;
- в Сорочинцах — Ямбургский драгунский полк, здесь же у моста — поручик и 50 драгун;
- у села Савинцы (в 1 км от Сорочинцев) — капитан и 12 драгун¹¹².

Небольшие отряды (60—300 чел.), располагавшиеся по всей линии Псла от Днепра до Сорочинцев, помимо наблюдения, уничтожали или контролировали средства переправы через Днепр, отрезая для противника доставку провианта, заготавливаемого шведскими фуражирами в Приднепровье, а также закрывая пути в Польшу. Построив таким образом длинную и плотную цепь форпостов (более 100 км), русским войскам удалось стеснить шведские силы с тыла и перекрыть дорогу на запад.

С наступлением июня 1709 г. и приближением развязки этой военной кампании диверсионные налеты отрядов русских войск на противника у Полтавы стали приобретать характер все более крупных операций с привлечением всех имевшихся в наличии сил и средств. Это делалось для того, чтобы оказать максимальное давление на шведские квартиры у Полтавы и окончательно подорвать уже и так изможденные малой войной силы вражеской армии.

На военном совете 11 июня 1709 г. прибывший в главную армию Петр I принял решение о проведении очередной масштабной диверсии против войск Карла XII, сосредоточившихся вокруг крепости и в окрестностях. По составленному плану, в ночь с 13 на 14 июня 1709 г. русские войска должны были распределить свои действия по следующим направлениям:

- главные силы А.Д. Меншикова должны форсировать Ворсклу в 2 км выше Полтавы и напасть на неприятеля с севера;
- дивизия А.И. Репнина, переправившись через рукава Ворсклы напротив Полтавы, — напасть на осадные укрепления шведов у города;

— конный отряд генерал-лейтенанта К.Э. Ренне, перебравшись через Ворсклу, — напасть на врага севернее Полтавы, при этом гарнизон крепости немедленно приступил бы к устройству инженерной коммуникации от города к реке навстречу русским полкам;

— конный отряд генерал-лейтенанта Я.Х. Генскина — напасть на шведскую квартиру в Старых Санжарах к югу от Полтавы;

— русские войска, находившиеся за Пслом (В.В. Долгорукий и И.И. Скоропадский), готовили атаку на противника с западного направления.

В письме Петра I к Г.Ф. Долгорукому от 11 июня 1709 г. даны подробные инструкции, в которых раскрывался общий смысл этой диверсионной операции: «Неприятеля <...> конечно отаковали для диверзии. Аднако ж притом надлежит смотреть, чтоб <...> атаку делать частвительно, а всем явитца неприятелю и тем бы разволочь силы ево. А ежели неприятель пойдет сильно на вас, то вам отступать, а буде от вас пойдет, то паки наступать и ту часть войска неприятельского, которая отделена будет протиф вас, конечно сим способом держать и в случение к протчему войску не допускать»¹¹³. То есть прямо указывалось, что цель этой операции — не вовлечение противника в масштабное генеральное сражение, втягивания в которое необходимо было всячески избегать, а расчленение вражеских подразделений и уничтожение или изматывание налетами его сил по отдельности.

Так как накануне дня, намеченного для диверсии, прошел проливной дождь и размыл прибрежные обрывы, а переправа через Ворсклу была затруднительна, действия отрядов А.Д. Меншикова и А.И. Репнина пришлось отменить¹¹⁴. Тем не менее остальные планируемые действия русских войск в ходе этой масштабной операции прошли успешно. В частности, удалось осуществить запланированный диверсионный налет силами сводного отряда регулярных войск (В.В. Долгорукий) и казачества (И.И. Скоропадский) на отряды генерал-майора К.Г. Крейца в районе деревни Жуки.

Граф Г.И. Головкин сообщил 14 июня 1709 г. находившемуся в Европе князю В.Л. Долгорукому подробности диверсионных действий этих отрядов, которые также отражены в «Реляции о действиях русских войск в районе Полтавы с 12 по 25 июня 1709 г.»: «Скоропадский, купно (вместе. — С. И.) <...> Долгоруким с четырьмя полками регулярного войска и с несколько тысячами калмыков на шведский обоз напали и генерал-майора Крейца атаковали и по краткому бою с поля сбили и даже до шведского к главному квартире Жукова (Жуки. — С. И.) за ним гнались»¹¹⁵. В результате этой атаки шведские войска покинули окрестности деревни Жуки и стянули все свои силы к Полтаве, окружая которую, противник сам уже давно находился в плотном кольце русских отрядов («мочно сказать, что неприятель есть паче от нас в осаде, нежели она <...> крепость от него»¹¹⁶).

Примером хорошо организованной и успешно проведенной русскими войсками в июне 1709 г. разведывательно-диверсионной операции может служить акция по освобождению русских пленников, которые содержались в созданном для них шведским командованием лагере на территории местечка Старые Санжары, в 19 км южнее Полтавы, на правом берегу Ворсклы. Изучавший курганы и городища Полтавской губернии Н.Е. Макаренко отмечал, что старосанжарская крепость («городок») имела округлую форму и находилась на возвышении. Она имела цитадель, которая размещалась на ее внутренней территории¹¹⁷. Вражеский гарнизон состоял на тот момент из полка шведской пехоты, «100 человек командированных» и нескольких сотен запорожских казаков кошевого К. Гордиенко. Кроме этого, крепость прикрывал большой отряд шведских войск генерал-майора К.Г. Круза, куда входили четыре кавалерийских полка¹¹⁸. Старые Санжары, кроме содержания пленных, являлись для шведской армии еще и важным тыловым объектом, так как здесь, как и в Новых Санжарах, закупалась пшеница для выпечки хлеба.

Еще задолго до начала войсковой операции русские разведчики обследовали районы вниз по течению Ворсклы, по правому берегу. В результате были получены сведения, что «на тамошней стороне неприятельские караулы есть и ездят от Полтавы к Старым и Новым Сенжарам; шведов, и волохов, и кунпанейцов сот по пяти и по шести, а иные стоят около Старых и Новых Сенжар»¹¹⁹. В районе предстоящей операции русским командованием были выставлены специальные разведывательные засады, которые, заняв удобную позицию, могли, затаившись, долгое время оставаться незаметными и изучать обстановку в ожидании подходящих целей. Командир Тверского драгунского полка полковник Г. Рожнов докладывал 1 июня 1709 г., что «под Новым Сенжаром донских казаков в лесу лежат человек с двести для языков»¹²⁰.

Основную массу заключенных в Старых Санжарах составляли русские солдаты и офицеры, взятые в плен шведами зимой 1709 г. после капитуляции гарнизона Веприка. Среди них находился и один из организаторов обороны крепости командир Ивангородского пехотного полка С.Я. Юрлов, которому удалось собрать подробные сведения о шведских войсках, охранявших военнопленных. При помощи местных жителей он связался с русским командованием: «Подполковник наш Юрлов чрез шпиона прислал ведомость, что они со взятыми из Веприка нашими пленными в Старом Сенжарове содержа за караулом, где неприятель не зело люден»¹²¹. Подтвердил те же сведения и разведывательный отряд полковника Г. Рожнова, находившийся в районе Старых Санжар, который 8 июня 1709 г. сообщил, что «сказывали шпиги, кои от меня посыланы, также и <...> казак сенжарской сказывал сходно», что «в Сенжарах <...> велика была тревога и наши невольники, что в Веприке взяты, все были на готове; а сидят в замки, на карауле шведов по сту человек

стоят за замком на площади, от них в замок посылается человек по 25; в Сенжарах стоит треть полка»¹²².

Получив подробные разведывательные сведения, Петр I 11 июня 1709 г. дал распоряжения генерал-лейтенанту К.И. Генскину: «Итить <...> своим detaшментом и Астраханским полком к Старому Санжарову, чтоб освободить наших пленных»¹²³. В состав «деташмента» генерал-лейтенанта вошли шесть драгунских полков (Архангелогородский, Владимирский, Ростовский, Санкт-Петербургский и Троицкий) и три пехотных полка (Астраханский, Ингерманландский и Киевский), которые для мобильности были посажены на лошадей; с ними были отправлены и несколько человек иррегулярной кавалерии (казаки и калмыки)¹²⁴.

Несмотря на то, что во время марша «деташмента» прошел проливной дождь и русским войскам пришлось преодолевать три реки вплавь, 14 июня 1709 г. отряды Я.Х. Генскина прибыли в район Старых Санжар, где генерал-лейтенант разделил их на три части:

- первая, во главе с полковником Г. Рожновым, должна была напасть на шведский отряд, расположившийся в монастыре недалеко от Старых Санжар, для предотвращения прибытия помощи («сикурса») к атакуемым;

- вторая, состоявшая из отряда казаков, была выставлена на дороге, ведущей к Полтаве, чтобы предотвратить подход вспомогательных сил из главного лагеря шведской армии;

- третья, во главе с К.И. Генскиным, атаковала Старо-Санжарскую крепость.

Приблизившись скрытно к городу, драгуны и конная пехота спешили и решительно атаковали укрепления. В это же время, с началом нападения русских войск, шведские надсмотрщики стали убивать заключенных, «и как оных уже более 100 человек убили, то оные, сие увидя, стали боранитя (защищаться. — С. И.) сами дубьем и кольем и что могли в руки получить и великое число неприятелей побили»¹²⁵. После двух часов боя отряд Я.Х. Генскина овладел городком и освободил оставшихся в живых военнопленных (одного полковника, одного подполковника, двух майоров, 17 офицеров нижних чинов, 1 200 рядовых). Как сообщал царю о взятии Старых Санжар Т.Н. Стрешнев, «и оное место атаковали, и штурмом оный город счастливо взяли»¹²⁶.

После проведенной операции отряды Я.Х. Генскина снялись с позиций и, предав город огню, быстро отступили. Они вывели с собой всех освобожденных пленных и вывезли захваченную добычу. Прибывшие на помощь атакованному шведскому гарнизону войска из лагеря Карла XII под Полтавой не успели принять каких-либо мер по предотвращению отступления русских отрядов. Свидетель этих событий Д. Крман писал: «Мы вскочили на коней и, пришпорив их, примчались в город (Старые Санжары. — С. И.). Он

дымился в нескольких местах <...> Мы видели здесь разбитые повозки, опорожненные сундуки. Полковая касса Крузе — 20 тысяч талеров — была унесена. Было уведено 900 москвитов <...> Действительно, ущерб был нанесен немалый»¹²⁷.

Данная операция стала возможной благодаря оперативным действиям русской разведки. Для того чтобы провести успешный налет, ставка командования получила достаточно точных сведений о количественном составе гарнизона Старых Санжар и организации внутренней службы в этом лагере. Заключенные, сохранявшие связь с командованием русской армии, чутко реагировали на любое действие извне и были готовы поддержать атаку лагеря изнутри. Четкое и грамотное распределение задач между тремя разделенными диверсионными группами отряда Я.Х. Генскина, стремительная атака и организованное вовремя отступление привели к успешному результату. В итоге командование королевских войск было вынуждено смириться с успехом русского отряда у Старых Санжар, так как к этому времени у вражеской армии уже не хватало ресурсов для всестороннего удержания своих позиций. После рейда в Старые Санжары, когда шпионы русской армии продолжали разведку в районе этого городка, полковник Павлов сообщал 17 июня 1709 г. Я.Х. Генскину, что «Из Сенжарова (Старого. — *С. И.*) шпиги пришли; сказывали, что были они в Сенжарове в подворках и сказывали им сенжаровские жители, что шведские неприятельские люди обоз свой отпустили к Полтаве, а только-де оставили по реке караулы»¹²⁸. Данные сведения говорят о том, что диверсия, проведенная русскими войсками против Старых Санжар, привела к тому, что, опасаясь повторного налета, подразделения шведской армии покинули город и отступили к Полтаве.

Кроме успешных действий «деташментов» Я.Х. Генскина и совместного драгунско-казацкого корпуса В.В. Долгорукого с И.И. Скоропадским, еще одному сводному отряду удалось провести диверсионную акцию в ходе масштабной июньской операции русских войск. Кавалеристам под командованием К.Э. Ренне удалось применить засадную операцию, классический «вен-терь», против шведских отрядов, занимавших позиции у Полтавы. В письме к Петру I от 15 июня 1709 г. генерал-лейтенант подробно описал действия своих драгун и казаков: «Неподалеку от неприятельского обозу чрез реку Ворсклу перешел и спешивши 2 полка тамо драгунские в лесу в скрыте (в засаде. — *С. И.*) поставил, и потом партию в 500 драгун, состоящую со всеми нерегулярными людьми, даже до швецкого обозу наперед послал, дабы оными неприятеля выманить». Шведские аванпосты сразуотреагировали на ложную атаку, и «король сам своею особою с шестми полками на оную ударил, а так наши нарочно даже до лесу, где наши драгуны в прикрыти стояли рейтировались (отступили. — *С. И.*), и неприятель за оными с великою фуриею

(скоростью. — С. И.) даже до того места гнался». Как только преследовавшие шведские отряды приблизились к засаде на удобное для стрельбы расстояние, «лежащие драгуны так великие залфы (залпы. — С. И.) по оном дали, что он через голову до обозу своего рейтироваться (отступать. — С. И.) принужден был, и наши за оным чрез нарочитую часть поля гнались и многих от неприятелей порубили»¹²⁹.

При осаде шведами Полтавы такие операции с нападением из укрытия на увлеченного преследованием противника проводились русскими отрядами вплоть до Полтавского сражения. При проведении похожей засады Карл XII получил ранение, которое сыграло фатальную роль в поражении шведской армии. В дневнике Д. Крмана об этом записано: «Когда он (Карл XII. — С. И.) услышал, что несколько калмыков перешли реку, то, захватив с собой несколько драбантов, пошел им навстречу, убил нескольких неприятелей и остальных обратил в бегство. И когда он уже возвращался в свой лагерь, неожиданный выстрел из московского ружья ранил его в ногу»¹³⁰. Похожие сведения содержатся и в мемуарах А. Гилленкрока: «В четверти мили от главной квартиры, неприятель производил <...> ложную атаку несколькими эскадронами кавалерии и казаков. Король сам отправился туда, и, оставив меня на возвышении, у одного леса, для наблюдения неприятельских движений, приказал „немедленно атаковать неприятеля нашею пехотою, скрытно стоявшею в долине, если бы он вознамерился проложить себе путь в Полтаву?“ <...> Между тем Король был ранен при переправе через Ворсклу с левого берега»¹³¹.

Более подробно об этом происшествии рассказывал С. Понятовский, который присутствовал при ранении короля. С.М. Горяинов, опубликовавший его воспоминания, так описывал это событие: «Несколько казачьих сотен, невзирая на пикет из 48 коней, поставленный для наблюдения за ними, переправились вплавь и напали на шведскую стражу у Полтавы. Король, по своему обыкновению объезжавший все посты на самой заре, имел удовольствие с 18 конями прогнать их и преследовать до места их переправы, где он и остановился (на) некоторое время на берегу, следя за тем, как они бросались в реку. Московские войска, находившиеся на той стороне, вели частый огонь; направленная оттуда из нарезного карабина пуля пронзила ногу короля от пятки до конца пальцев, перебив все кости ноги»¹³². Из сообщения С. Понятовского видно, что Карл XII попал под казачий «вентерь», где часть отряда, переправившаяся через реку, заманивала противника на засаду, находившуюся в укрытии на противоположном берегу. Отметим, что даже такая «уважительная» причина поражения шведской армии под Полтавой, как ранение короля, произошла в ходе проведения диверсионной операции (засады) русских войск. Ведь именно на эту причину, по мнению шведского историка

Б. Нильсона, особенно любят ссылаться биографы Карла XII¹³³. В частности, А. Стилле считал, что если бы Карл XII сам осуществлял командование в Полтавском сражении, то ошибок, ставших причинами поражения, из которых главной было неудачное ранение короля, не произошло¹³⁴.

Последняя масштабная разведывательная операция с применением тактических элементов малой войны была проведена русской армией накануне Полтавского сражения при форсировании Ворсклы и переброске войск на ее левый берег. Это было сделано для закрепления полевым лагерем на занятой врагом территории, откуда появлялась возможность усиления давления на шведскую армию дополнительными силами диверсионных отрядов.

Такая серьезная операция требовала тщательной подготовки, которая заключалась в выполнении ряда важных условий для осуществления задуманного¹³⁵. В частности, основным вопросом являлся выбор пункта для переправы в ходе предстоящей переброски войск. Кроме этого, необходимо было отвлечь внимание противника от пункта, выбранного для переправы, проведением одной или нескольких незначительных тревожащих врага операций. Например, налет или набег на его позиции. В сложившемся к июню 1709 г. положении генерал Л.-Н. Алларт считал, что если русскую армию «через Ворсклу переправить во удобном к тому месте и стать во ошанцованном (усиленном инженерными укреплениями. — С. И.) обозе в миле от неприятеля либо при Петровке, или в четверти или полумиле выше во удобном месте и беспокоивать неприятеля как лехкою, так и регулярною кавалериею одною или двумя тысячами на всякой день, дабы он принужден был и не возмог ни фуражу, ни пропитания в свой обоз привести»¹³⁶.

Переход значительных сил через реку и закрепление на определенном участке местности требовали тщательной рекогносцировки территории. В связи с этим опытный военный инженер Л.-Н. Алларт рекомендовал: «С нашей стороны гораздо осведомитца чрез здешних рыбаков и жителей, где пред нами обретающиеся воды возможно без мостов переходить; тако ж, коль глубоки оные суть, тайно досмотрить повелеть, а именно по правую и левую руку неприятельских шанец, дабы оные с тех сторон и ззади атаковать, егда резолюция предвосприята будет»¹³⁷. Именно поэтому при подготовке к переброске войск через Ворсклу в рекогносцировочных мероприятиях принимали участие не только разведывательные отряды русской армии, но и местные жители. Так, казак Зализняк из села Семеновка показал два брода в районе этого населенного пункта, а крестьянин Снитка, житель села Петровка, показал русским рекогносцировочным группам проход через реку, который позднее был назван «Московским выездом».

Успешная разведка местности правого прибрежного рубежа реки Ворсклы позволила основным частям русской армии занять удобные укрепленные пози-

ции, на которых был подготовлен плацдарм для переброски основной группировки войск южнее, еще ближе к шведскому лагерю, откуда началась фортификационная подготовка поля будущего генерального сражения. Сам Петр I в преддверии Полтавского сражения лично провел рекогносцировку поля предстоящей битвы, а после разведки местности приказал разместить русские войска «в лагере, которой он избрал, осмотрев сперва все дороги и приходы»¹³⁸.

Заняв удобные позиции, русские кавалерийские подразделения войсковой (тактической) разведки находились накануне генерального сражения в постоянной боевой готовности и могли отслеживать действия шведских войск на этапе их боевого слаживания во время подготовки к Полтавской баталии. О качестве получаемой от разъездов информации говорит письмо бригадира Л.И. Шидловского, который сообщал 21 июня 1709 г. А.Д. Меншикову о результатах казачьей разведки: «Доношу: неприятельские швецкие люди выступили от Полтавы и остроились в линию, а та линия концом на горе противу самого того места, где прежде сего была гаупт-квартира. А признаваем, что у них зделано в четыре линии: в лице конница, а позади пехота; и как длинна в поле та линия, того нам невозможно видеть; а против того лягулярного войска ездят их волоши, съезжается с нашими волошами»¹³⁹.

Сведения о порядке размещения воинских подразделений противника позволили русскому командованию правильно оценить распределение сил врага и принять меры для расстановки своих войск на поле сражения.

Подытожив, отметим, что на последнем и самом решающем этапе Полтавского периода русской армии удалось при помощи тактики ведения малой войны достигнуть достаточно высоких результатов.

1. Методами диверсионного воздействия был стеснен район размещения вражеских сил, а площадь занимаемого ими района доведена до минимального размера. Занятая противником территория окончательно была окружена цепью сторожевых постов.

2. С помощью диверсионных мер был предотвращен массовый переход на сторону врага населения южных районов Гетманщины, который возник после того, как отряды запорожцев поддержали Карла XII и И.С. Мазепу. Тыл противника был окончательно подорван.

3. Произведен переход к более масштабным разведывательно-диверсионным операциям, в проведении которых были задействованы силы уже всей русской армии, сконцентрированной у Полтавы.

4. Шведским войскам было навязано сражение при неблагоприятных для них обстоятельствах и в то же время на выгодных для царских войск условиях.

Как отмечал П. Энглунд, стратегия русских под Полтавой была коварной и хорошо продуманной, «вместо открытого боя они (русские. — С. И.) все

больше увеличивали давление на потрепанную армию»¹⁴⁰, то есть к началу битвы противник был уже измотан малой войной и его крах становился делом времени.

Можно сказать, что, используя опыт по применению способов ведения малой войны, который был дополнительно отточен в разведывательно-диверсионных операциях допотопавского периода, русская армия выстроила стратегическую схему по защите своих земель от вторжения врага. За зимне-весенний период боевых действий в 1709 г. тактически правильное распределение сил и средств, использование невыгодных для противника погодных и территориальных условий позволили войскам Петра I довести армию врага до плачевного состояния. Регулярная разведка (поиск, сторожевая служба, шпионство) и методичное воздействие русских диверсионных отрядов лишили армию Карла XII инициативы, средств обеспечения и людских ресурсов, которые на данном этапе не подлежали восстановлению.

¹ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3140. С. 135.

² Судуенко М.О. Материалы для отечественной истории... № X. С. 335.

³ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3149. С. 799.

⁴ Заметим, что к книгам П. Крекшина исследователям необходимо относиться с большой осторожностью ввиду того, что его работы наполнены вымыслами и мифотворчеством (Кротов П.А. П.Н. Крекшин и сотворение мифов о Полтавской битве // Меншиковские чтения—2006: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2006. С. 67–83; Кротов П.А. «Прекрасных вымыслов плетя искусно нить...» // Родина. 2009. № 2. С. 50–53).

⁵ Год из царствования Петра Великого: 1709: (Из записок Крекшина) // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 97. С. 91.

⁶ Письма к государю... Шереметева. № 180. С. 159.

⁷ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3126. С. 776–777.

⁸ Сообщение Г. Лукьянова 4.04.1709 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 10. Л. 271; Письма к государю... Шереметева. № 183. С. 204.

⁹ Судуенко М.О. Материалы для отечественной истории... № VII. С. 327–331.

¹⁰ Полтавская битва 27 июня... № 268. С. 348.

¹¹ Там же. № 268. С. 348.

¹² Там же.

¹³ Томашівський С.Т. Из записок Каролинців... С. 79.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3152. С. 809.

¹⁶ Юнаков Н.Л. Северная война... Т. IV. С. 86; П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3170. С. 838.

¹⁷ Китицын П.А. Кобылякская старина // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1907. Вып. 4. С. 163.

¹⁸ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 211, 483; Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году: Извлечение из современного отчета Киевской губернии. СПб., 1897. С. 19–20; Іванюк Я.Г. Місто-фортеця Переволочна у 17–18 ст. // Український історичний журнал. 1978. № 7. С. 107–110; Переволочанська фортеця // Полтавщина: Енциклопедичний довідник. Київ, 1992. С. 639–640.

¹⁹ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3098. С. 107.

²⁰ П.И. Яковлев А.Д. Меншикову 21.02.1708 г., 23.02.1708 г., 24.02.1708 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 1644. Л. 1–2, № 1649. Л. 1–2, № 1654. Л. 1–2; *Мышлаевский А.З.* Северная война, 1708 г... С. 43.

²¹ Ведомость что в шквандроне Господина полковника Яковлева // РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 10. Л. 485.

²² РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Ч. 2. Л. 248.

²³ *Офицерские сказки...* Т. 2. С. 1726.

²⁴ Казачий полковник И.И. Галаган был выбран для участия в рейде неслучайно. Находившийся долгое время в Сечи и занимавший должность знатного войскового товарища в Запорожском войске, он был хорошо знаком не только с устройством быта сечевиков, но и знал их военные привычки и навыки. Опыт и знания И.И. Галагана впоследствии были успешно использованы русским командованием в ходе выполнения диверсионного рейда в низовьях Днепра (1706, Сентября 15. Ответная запорожцов грамота об отправлении части запорожских войск под предводительством полковника Галагана на службу против шведов... // *Источники Малороссийской истории...* С. 54–56).

²⁵ Келебердянская крепость состояла из земляного вала со рвом, палисада и шести деревянных башен (Келебердяньска фортеця 17–18 ст. // *Полтавщина: Енциклопедичний довідник.* Київ, 1992. С. 336).

²⁶ Б.П. Шереметев Петру I 21.04.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3160. С. 824.

²⁷ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3160. С. 824.

²⁸ *Томашівський С.Т.* Из записок Каролинців... С. 81.

²⁹ Выведенная из строя российскими войсками в апреле 1709 г., крепость в Переволочне была восстановлена еще до окончания Северной войны в связи с угрозой нападения со стороны Крымской орды и Турции (ЦДІАК. Ф. 59. (Киевская губернская канцелярия, г. Киев). Оп. 1. Д. 43. Ч. 1. Л. 94; Д.М. Голицын И.И. Скоропадскому 3.04.1715 г. // *Судьенко М.О.* Материалы для отечественной истории... № XLIV. С. 69).

³⁰ Полтавская битва 27 июня... № 277. С. 358.

³¹ *Weyland C.G.* Theatri Europaei oder aussfuehrlich fortgefuehrte Friedens und Kriegs Beschreibung... Franckfurth am Main, 1720. S. 295–297, 300–301.

³² Щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою / Переклав з англійської та підготував до друку О. Герасимчук // Всеукраїнський науковий журнал «Сівєрянський літопис». Чернігів, 2017. № 3 (135). С. 96.

³³ Полтавская битва 27 июня... 272. С. 352–353.

³⁴ *Артамонов В.А.* «Полтавское сражение»... С. 487.

³⁵ *Скрипник Л.В.* Полтавська битва 1709 р.: причини, хід та історичне значення для України: Автореф. дисс... канд. истор. наук. Черкаси, 2009. С. 13.

³⁶ В начале XVIII в. на Полтавщине вдоль реки Ворсклы действовало около 330 мельниц (*Компан О.С.* Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 238).

³⁷ Еще с XVII в. полтавский край называли «селитряной державой». Крупные селитряные цеха находились в Диканьке, Старых и Новых Санжарах (*Компан О.С.* Міста України... С. 275).

³⁸ Полтавская битва 27 июня... № 280. С. 361.

³⁹ Г.И. Головкин В.Л. Долгорукому 6.05.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3170. С. 838.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Полтавская битва 27 июня... № 293. С. 376.

⁴² На плане, изображающем события лета 1709 г., отмечено, что шведский лагерь находился в окрестностях Павленки, а русский – к востоку от Ворсклы (Bataille bey Pultawa A:O 1709 // KrA. SE/KrA/0425/12/080).

⁴³ Б.П. Шереметев Петру I 13.05.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3181. С. 867.

⁴⁴ *Шутый В.Е.* Малоизвестный источник... С. 106.

- ⁴⁵ Русско-шведская война: Записки кн. Б.И. Куракина: 1700—1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 322.
- ⁴⁶ *Офицерские сказки...* Т. 1. С. 174.
- ⁴⁷ *Юнаков Н.Л.* Северная война... Т. IV. С. 6.
- ⁴⁸ Напр.: Г. Рожнов Я. Крестьяновичу (Я.Х. Генскину. — С. И.) 1.06.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 176. С. 182—183; Е. Маврин А.Д. Меншикову 8.06.1709 г. // Там же. № 187. С. 194.
- ⁴⁹ *Офицерские сказки...* Т. 2. С. 1857.
- ⁵⁰ Полтавская битва 27 июня... № 284. С. 365.
- ⁵¹ *Гистория Свейской войны...* Вып. 1. С. 155.
- ⁵² П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3191. С. 887.
- ⁵³ *Grosse vollstaendiges Universal — Lexicon aller Wissenschaften und Kuenste.* Leipzig und Halle, 1741. Bd. 27. S. 910—911.
- ⁵⁴ *Луняк Є.* Козацька Україна XVI—XVIII ст. очима французьких сучасників: Хрестоматія. Ніжин, 2013. С. 219.
- ⁵⁵ *Боргсдорф А.-Э.Ф. ф.* Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым и к счастливому въезду в Москву: Его царскому величеству покорнейше поднесено от Ернста Фридериха барона фон Боргсдорфа, цесарского величества Римского, настояще учрежденного в лето Господне 1696... М., 1709. С. 14.
- ⁵⁶ *Мегорский Б.В.* Осады и штурмы... С. 101—113.
- ⁵⁷ Там же. С. 101.
- ⁵⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3179. С. 862.
- ⁵⁹ *Энглунд П.* Полтава... С. 140—143.
- ⁶⁰ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3179. С. 862.
- ⁶¹ Б.П. Шереметев А.Д. Меншикову 2.06.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 178. С. 184.
- ⁶² Фенрик (нем. Fähnrich) — знаменщик, младшее офицерское звание в шведской армии, близкое русскому прапорщику.
- ⁶³ *Безверхний О.* Щоденник шведського фенріка Роберта Петре як джерело інформації про перебіг подій Великої Північної війни в Україні // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха: 36. Наук. праць. Київ, 2008. С. 382.
- ⁶⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1886. Т. 4. Р—V. С. 486.
- ⁶⁵ А.С. Келен А.Д. Меншикову 10.06.1709 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3117. Л. 1.
- ⁶⁶ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник... С. 105—106.
- ⁶⁷ В начале «русского похода», в июне 1708 г., перед форсированием Березины Карл XII потребовал от сопровождавших армию гражданских лиц (жены и дети военнотружущих) вернуться в Швецию, но лишь единицы последовали его указанию, а остальные продолжили марш, углубляясь в территории Гетманщины (*Sjöberg M.* Stora Nordiska kriget i en dagbok och ett brev: Homosocialitet och hushåll i den svenska armén // *Historisk tidskrift.* Stockholm, 2008. 3 (128). S. 375—376).
- ⁶⁸ Во время капитуляции шведской армии под Переволочной 30 июня 1709 г. было пленено около 1 600 женщин и детей (*Åberg A.* Karolinska kvinnoöden. Stockholm, 2001. S. 11).
- ⁶⁹ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник... С. 106.
- ⁷⁰ *Горяинов С.М.* Записка, или Рассказ... С. 34.
- ⁷¹ *Энглунд П.* Полтава... С. 20.
- ⁷² Расспросные речи Л. Бекера 17.05.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3185. С. 874.
- ⁷³ Русско-шведская война: Записки... С. 320.
- ⁷⁴ Показания И. Поповича 9.07.1709 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3220. Л. 1.
- ⁷⁵ Б.П. Шереметев Петру I 13.05.1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3181. С. 867.

⁷⁶ Carta öfwer Actionen, Wid Pultawa nthi Ukrainen. Emellande Svenska och Russarna den 28 Junii ÅO 1709 // KГА SE/KГА/0425/12/086.

⁷⁷ Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 1959. План № 4.

⁷⁸ Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской... С. 105.

⁷⁹ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3185. С. 873.

⁸⁰ Там же. С. 874.

⁸¹ Офицерские сказки... Т. 2. С. 2275.

⁸² П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3185. С. 874.

⁸³ П.И. Яковлев А.Д. Меншикову после 8.05.1709 г. // Колониальная политика: № 1: Украина. // Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В.И. Лебедев. М., 1937. С. 220.

⁸⁴ Там же. С. 221.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Петр I царевичу Алексею 23.05.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3204. С. 192.

⁸⁷ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3051. Л. 1.

⁸⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3203. С. 905–906.

⁸⁹ Офицерские сказки... Т. 2. С. 2242–2243.

⁹⁰ Stille A. Tåget mot Ryssland 1707–1709 // Karl XII: Till 200-årsdagen av hans död. Stockholm, 1918. S. 322.

⁹¹ Стилле А. Карл XII как... С. 85–86.

⁹² Adlerfeld G. The Military History... Р. 462.

⁹³ Филарет (Гумилевский Д.). Историко-статистическое описание... С. 307.

⁹⁴ Судненко М.О. Материалы для отечественной истории... № XII. С. 339.

⁹⁵ Полтавская битва 27 июня... № 302. С. 386.

⁹⁶ Г.Ф. Долгорукий А.Д. Меншикову, 25.05.1709 г. // РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. № 3067. Л. 1.

⁹⁷ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 153. С. 159.

⁹⁸ Русско-шведская война: Записки... С. 320.

⁹⁹ Siltmann D.N. «Volontaren» vid Svenska armen... S. 320.

¹⁰⁰ Угон вражеских конских табунов был привычной диверсионной акцией для иррегулярной конницы. Калмыцкие воины, как свидетельствуют документы, еще в середине XVII в. тысячами угоняли татарских лошадей из прилегающей к Крыму территории. Донские казаки осенью 1625 г. совместно с астраханскими татарами целый месяц «скрытно выжидали случая к набегу» под Перекопом «конских атар» крымцев. Дождавшись удобного случая, донцы атаковали табунщиков и угнали на Дон до 3 000 лошадей (Пудавов М.В. История войска Донского: Старобытность начала казачества. Новочеркасск, 1898. Ч. 2. Вып. I. С. 123; Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана... С. 15).

¹⁰¹ Полтавская битва 27 июня... № 275. С. 355.

¹⁰² Там же. № 296. С. 381.

¹⁰³ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3203. С. 906–907.

¹⁰⁴ Вестомости времени Петра Великого. В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1906. Вып. 2. 1709–1719 гг. С. 19–20.

¹⁰⁵ Полтавская битва 27 июня... № 299. С. 384.

¹⁰⁶ Энглунд П. Полтава... С. 64.

¹⁰⁷ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 189. С. 196.

¹⁰⁸ Безверхний О. Щоденник шведського фенріка... С. 391.

¹⁰⁹ Судненко М.О. Материалы для отечественной истории... № XXV. С. 131–132.

¹¹⁰ Петр I Г.Ф. Долгорукому 8.06.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3221. С. 204.

¹¹¹ Начиная с марта 1709 г. на линии Псла действовали компанейские полки И. Галагана и Хведкова (Федковского). В совместной докладной записке Г.С. Волконского, Д. Апостола

и А.И. Ушакова от 9 марта 1709 г. на имя А.Д. Меншикова сообщалось: «Прибыли к нам от господина гетмана Скуропацкова компанейских два полковника, Галаган и Фетско, с компанейцами, которые от нас стоят — Галаган за три мили, а Фетско за пять миль по Пслу реки вниз к Днепру» (ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 117. С. 119).

¹¹² П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3221. С. 937–938.

¹¹³ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3224. С. 206.

¹¹⁴ Петр I Г.Ф. Долгорукову 19.06.1709 г. // П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3239. С. 215.

¹¹⁵ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3231. С. 946–947; Северная война 1700–1721 гг... Т. I. № 449. С. 491.

¹¹⁶ Реляция о действиях в районе Полтавы с 12 по 25 июня 1709 г. // Северная война 1700–1721 гг... Т. I. № 449. С. 490.

¹¹⁷ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. С. 195.

¹¹⁸ П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 945.

¹¹⁹ В.В. Долгорукий А.Д. Меншикову 3.03.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 113. С. 114.

¹²⁰ Г. Рожнов Я. Крестьяновичу (Я.Х. Генскину. — С. И.) 1.06.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 176. С. 182.

¹²¹ Гистория Свейской войны... Вып. 1. С. 158–159.

¹²² Г. Рожнов Я. Крестьяновичу (Я.Х. Генскину. — С. И.) 8.06.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 188. С. 195.

¹²³ П и Б. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3225. С. 207.

¹²⁴ Юнаков Н.Л. Северная война... Т. IV. Примечания. С. 212.

¹²⁵ *Феофан Прокопович*. История императора Петра... С. 206; Реляция о действиях в районе Полтавы с 12 по 25 июня 1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3231. С. 946.

¹²⁶ Т. Стрешнев Петру I 24.06.1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 205. С. 208.

¹²⁷ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник... С. 103.

¹²⁸ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 194. С. 200.

¹²⁹ Северная война 1700–1721 гг. ... Т. I. № 449. С. 492.

¹³⁰ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник... С. 104.

¹³¹ *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении... С. 96–97.

¹³² *Горяинов С.М.* Записка, или Рассказ... С. 35.

¹³³ Основной причиной поражения шведской армии под Полтавой 27 июня 1709 г. считали ранение короля шведские историки: А. Стилле (1863–1922), К. Беннедик (1880–1939), Г. Петри (1885–1964) и Э. Тенгберг (1922–1995) (*Нильсон Б.* Круг замкнулся, или Полтавская битва в шведской историографии за сто лет // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. 2009. С. 89–95).

¹³⁴ *Эрикссон П.* Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне // Новая и новейшая история. М., 2009. № 4. С. 12.

¹³⁵ *Леер Г.* О позициях // Военный сборник. СПб., 1866. Т. I. С. 55.

¹³⁶ Полтавская битва 27 июня... № 307. С. 392.

¹³⁷ Там же. № 307. С. 392.

¹³⁸ Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. С. 92.

¹³⁹ ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 201. С. 206.

¹⁴⁰ *Энглунд П.* Полтава... С. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая обзор ключевых вопросов, связанных со стратегией и тактикой ведения малой войны русской армией в Полтавский период Северной войны (осень 1708 — лето 1709), можно заключить, что представления о малой войне, как и навыки ее ведения имеют истоки в глубокой древности. Несмотря на череду меняющихся в XVII, XVIII, XIX и XX вв. представлений о сути понятия и о содержании термина «малая война», тем не менее он широко употребляется и в настоящее время. Использование его можно встретить в работах историков и политологов при описании разведывательно-диверсионной деятельности в период военных конфликтов XVIII—XX вв. наряду с такими понятиями, как партизанская война, локальная война и асимметричная война.

В целом, история малой войны показала ее эффективность и результативность. Как средство борьбы с противником она в определенные периоды истории военных конфликтов то возникала, то забывалась, пока не становилась вновь востребованной. Не претерпев существенных изменений, малая война и ее тактические приемы в настоящее время являются востребованным способом ведения боевых действий.

Приемы военных действий, применяемые в малой войны, всегда группировались вокруг двух основных направлений — разведки и диверсии, формируясь в разведывательно-диверсионную деятельность. При этом, разведка была предназначена для получения информации о противнике, а диверсия для силового воздействия на врага. К тому же, при благоприятных обстоятельствах эти действия могли быть подкреплены еще и партизанским движением (сопротивлением народных масс), которое может иметь как пассивный, так и активный характер. Общий же принцип малой войны заключался во всесторонней разведке и силовом воздействии на противника с помощью диверсий, в первую очередь против его системы обеспечения, при стремлении избежать вступления в масштабные сражения.

Именно «малая война» стала основным видом военных действий русской армии не только в Полтавский период, но и на этапе Северной войны до переломного сражения под Полтавой. Если говорить о Дополтавском периоде (осень 1700 г. — осень 1708 г.), то характеристика способов ведения малой войны на этом этапе показала, что ее организация русской армией в то тяжелое время, когда навык ведения боевых действий против сильнейшей на тот момент в Европе шведской армии только приобретался, стал правильным выбором командования петровских войск. Неудачные столкновения на первом этапе Северной войны (Нарва в 1700 г., Рига в 1701 г.) и невозможность противостояния на равных армии Карла XII вынудили русское командование искать выход из создавшегося положения. Петр I старался избегать открытого боя, делая ставку на короткие атаки летучих отрядов, наносивших урон отдельным частям вражеских сил и базам их обеспечения.

В результате этих действий за относительно короткий срок (1701—1704) русской армии удалось добиться первых успехов в Прибалтийском регионе и вытеснить вражеские войска со значительной части данной территории. То есть методическое использование способов ведения малой войны позволило перейти от обороны к наступлению. После смены основного театра войны с Прибалтики на территорию Речи Посполитой (1704—1708) стратегия и тактика ведения боевых действий не претерпели существенных изменений. По-прежнему петровские войска наносили противнику точечные удары и старались избегать открытых сражений в невыгодных для себя условиях. При этом, большое число солдат и офицеров петровской армии за время военных кампаний против шведской армии Карла XII уже зарекомендовали себя как опытные и умелые специалисты войсковой разведки.

События Полтавского периода Северной войны показали, что благодаря приобретению и совершенствованию опыта применения методов ведения малой войны в разведывательно-диверсионных операциях предшествовавшего, дополтавского периода, русской армии удалось выстроить стратегическую схему охраны своих территорий от наступавшего противника. Правильное распределение сил и средств в зимне-весеннюю кампанию 1708—1709 гг. позволило русскому командованию к лету 1709 г. привести вражескую армию к катастрофическому состоянию. Хорошо организованная система разведки (сторожевая служба разъездов, шпионская деятельность, поиск и захват пленных), а также методичное силовое воздействие на противника посредством диверсионных действий (засады и налеты на тыловую инфраструктуру врага и отдельные отряды шведских войск) лишили армию Карла XII средств обеспечения и людских ресурсов.

Но самое главное, враг потерял инициативу и не имел больше возможности для маневра. К тому же морально-психологическая поддержка патриотически

настроенного местного населения вызвала активизацию партизанского (народного) сопротивления. Именно поэтому во время военной кампании в Гетманщине от отрядов петровской армии, задействованных в диверсионных операциях, требовалось точечное нанесение ударов по объектам противника, со строгим пресечением любых попыток навредить жителям городов и сел.

Наполеон Бонапарт, сделавший критический анализ военной кампании шведского короля в 1708–1709 гг., охарактеризовал его наступательные действия как ведущиеся «против всех правил». Имея ряд преимуществ в начале кампании, Карл XII, отказавшись от них, выдвинулся на Украину, оголив таким образом фланг операционной линии, которую он не в силах был удерживать и получать подкрепления. Находившемуся в критическом положении под Полтавой шведскому королю, по мнению одного из величайших полководцев в истории, необходимо было сохранить силы, отступив за Днепр. Итог последовавшей за тем Полтавской кампании показал ошибочность принятых Карлом XII решений.

Если подытожить основные предпосылки для поражения шведов под Полтавой 27 июня 1709 г., то их можно сформулировать следующим образом:

1. Отдаленность основной материальной и людской базы шведских войск от главного театра военных действий не давала возможности вовремя получать поддержку боевыми и съестными припасами, а также вовремя отступить на безопасную или дружественную территорию;

2. Наличие на театре военных действий большого количества препятствий:
 - естественных (реки, болота, леса);
 - климатических (морозы, дожди с половодьем);
 - искусственных (завалы, фортификационные сооружения, разрушения коммуникаций);

3. Моральная и физическая усталость шведской армии от постоянно нападающих и разорявших тыловые объекты отрядов русских войск;

4. Возможность петровской армии пополнять состав своих воинских частей свежими силами, в отличие от противника.

Уточняя вышеизложенное, можно однозначно сказать, что посредством малой войны и разведывательно-диверсионной деятельности в решающий Полтавский период Северной войны русскому командованию удалось добиться главной цели – предотвратить продвижение войск Карла XII вглубь территории России. При этом, в день решающего Полтавского сражения 27 июля 1709 г. шведская армия находилась уже в таком состоянии, что не смогла коренным образом повлиять на изменение сложившейся ситуации и действовала в невыгодных для себя условиях. Все это привело к сокрушительному поражению, от которого шведские вооруженные силы так и не смогли оправиться до конца Северной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Архивные

Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK).

Z. 678. Zbiór Zygmunta Glogera.

Krigsarkivet, Stockholm (KrA).

0425. Sveriges Krig 1521–1864.

Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA).

7349. f. Livländska Generalguvernemetet. Stora Nordiska Kriget 1700–1710.

Polska Akademia Nauk: Biblioteka Kórnicka (PAN BK).

Rękopisy staropolskie XVI–XVIII w.;

Akta do panowania Augusta II. Vol. 1, Vol. 3.

Rahvusarhiiv, Tartu (RA, EAA).

F. 1168. EELK Põltsamaa kogudus 1663–1940.

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС).

Ф. 2. Канцелярия главной артиллерии и фортификаций. 1701–1796 гг.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Ф. И-5. Азовская приказная палата.

Інститут рукопису. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського (ІР НБУ).

Ф. I. Коллекция А. Лазаревского;

Ф. II. Історичні матеріали.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Ф. 166. Меншиковы;

Ф. 711. Гранков Александр Павлович.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).

Ф. 1731. Оршанский гродский суд.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 9. Кабинет Петра Великого;

Ф. 20. Дела военные;

Ф. 79. Сношения России с Польшей;

- Ф. 86. Сношения России с Сербией;
- Ф. 111. Донские дела;
- Ф. 119. Калмыцкие дела;
- Ф. 124. Малороссийские дела;
- Ф. 210. Разрядный приказ;
- Ф. 229. Малороссийский приказ.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

- Ф. 194. Давыдов Д.В.

Русская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (РС НИА СПб ИИ РАН).

- Ф. 83. Походная канцелярия А.Д. Меншикова.

Центральный державний історичний архів України, Київ (ЦДІАК).

- Ф. 51. Генеральна військова канцелярія;
- Ф. 59. Киевская губернская канцелярия.

Опубликованные

Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden. London, 1740. V. I. 338 p.; V. III. 334 p.

Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark, 1702–1709. Stockholm, 1913. 180 s.

Fänrik Robert Petrés dagbok 1702–1709 // *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter* (далее: KKD). Lund, 1901. V. 1. S. 1–284.

Fassmann D. Zweyter Theil, zur Ankunfft Caroli XII, Königs von Schweden, In dem Reiche derer Todten bestehende In einer gantz sonderbaren Begebenheit Zwischen Jhm, Und dem letzt-verstorbenen König von Pohlen Augusto II, Als diese beyden Grossen Potentaten einander begegnet und angetroffen, Was vor merckwürdige Discurse sie mit einander geführet, und was einer dem andern erzehlet... Berlin, 1742. 352 s.

Journal öfver expeditionen 1702–1703 af generalmajoren, grefve Magnus Stenbock // KKD. Lund, 1912. V. 12. S. 59–86.

Konung Karl XII:s egenhändig bref / Utg. Af E. Carlson. Stockholm, 1893. 476 s.

Löjtnant Joachim Matthie Lyths dagbok 1703–1722 // Ibid. 1903. V. 2. S. 1–99.

Löjtnanten Grefve C.H.P. Sperlings dagbok 1700–1710 // Ibid. 1907. V. 3. S. 1–83.

Magnus Stenbock och Eva Oxenstierna: En brevväxling. Stockholm, 1914. V. 2. 212 s.

Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, Roi de Suède // trad. du suédois de M. J.A. Nordberg. La Haie: J.-M. Husson, 1748. V. II. 653 s.

Norsberg J. Dagbok 1700–1710 // KKD. 1907. V. 3. S. 183–250.

Öfversten Grefve Nils Gyllenstiernas berättelse om polska och ryska krigen 1702 // Ibid. 1913. V. 8. S. 15–94.

Sekreteraren vid Carl XII:s Fältkansli Josias Cederhielms bref till sin broder Germund 1707–1722 // Ibid. Lund, 1912. V. 6. S. 1–300.

Siltmann D.N. «Volontaren» vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. von Siltmann dagbok 1708–1709 // Ibid. Lund, 1907. V. 3. S. 252–342.

Själfoigrafiska anteckningar af Andreas Westerman // Ibid. 1912. V. 7. S. 257–304.

Акты Московского государства: Разрядный приказ: Московский стол: 1571–1634. СПб., 1890. Т. I. 767 с.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. I. 373 с.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 3. 365 с.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1868. Т. II. Ч. 3. Акты о казаках (1679–1716). 846 с.

Бантыш-Каменский Д.Н. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. М., 1859. 340 с.

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / Рук. проекта Т.Г. Таирова-Яковлева. СПб., 2014. 480 с.

Безверхний О. Щоденник шведського фенріка Роберта Петре як джерело інформації про перебіг подій Великої Північної війни в Україні // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. 36. Наук. праць. Київ, 2008. С. 378–396.

Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытна рускай, старабеларус. і польск. / Уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. Мінск, 1997. 432 с.

Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Приложения ко II-му тому. 252 с.

Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1730–1740 гг.: Т. 3 // Сборник Императорского русского исторического общества (далее: Сб. РИО). Юрьев, 1900. Т. 108. 490 с.

Вегетий Ренат, Флавий. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996. С. 153–295.

Ведомости времени Петра Великого: В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1903. Вып. 1. 1700–1707 гг. 407 с.; 1709–1719 гг. Вып. 2. 373 с.

Великанов В.С. Смотренный список полка П.М. Апраксина // Oderint Dum Probert: A blog edicated to the Russian Military History 1650–1730s & related topics. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2013/08/1703.html> (Дата обращения: 22.10.2013).

Великанов В.С. Табеля русских драгунских полков: март 1709 // Oderint Dum Probert: A blog edicated to the Russian Military History 1650–1730s & related topics. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2012/05/strength-of-13-russian-dragon.html> (Дата обращения: 22.10.2013).

Веревкин М.Л. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1888. Вып. 18. 493 с.

Виль А. де. Обязанности губернатора крепости / Перев. с франц. Я.С. Семченкова. М., 2016. 450 с.

Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. Ч. 3. Стб. 59–196.

Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. 189 с.

Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. I. Кн. 3. Приложения. 500 с.; Вып. I. Кн. 4. Приложения. 607 с.

Галларт Л.Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году: (Отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом: Рукопись) // Северный архив, 1822. Ч. 1. № 2. С. 117–143.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. 430 с.

Гилленкрот А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось // Военный журнал. 1844. № 6. С. 1–105.

Горяинов С.М. Записка, или Рассказ мазовецкого воеводы С. Понятовского о событиях его жизни со времени его выхода из родительского дома, написанный им по требованию его семьи 22.01.1734 г. // Журнал Русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 4. С. 29–56.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. М., 1860. Ч. I. С. 3–140.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1897. Т. V. Год 1715-й. Кн. II. (июль–декабрь). 897 с.

Там же. СПб., 1883. Т. II. Год 1712-й. Кн. II (июль–декабрь). 568 с.

Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 г. по 1708 г. // Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 39. 496 с.

Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. // Там же. 1886. Т. 50. 558 с.

Желябужский И.А. Записки... // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 201–327.

Журнал, или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. I. 460 с.; 1771. Ч. II. 430 с.

Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. С. I–CI.

Записки Монтекуколи, генералиссимуса императорских войск, или Общие принципы военного искусства. Montreal, 2012. 454 с.

Записки служебные (дневник) Симеона Куроша, капитана швадрона драгунского рославского же // Смоленская шляхта: (Историческая библиотека Б.Г. Федорова). М., 2006. Т. I. С. 471–487.

Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711). М., 1899. 598 с.

Именной указ А.Д. Меншикова 7.02.1705 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее: ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. IV (1700–1712). № 2027. С. 287.

Исторические акты: Письма Мазепы к Петру I // Основа: Южно-русский литературно-ученый вестник. СПб., 1862. Травень (Май). С. 40–50.

Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. М., 1970. Т. III. 416 с.

Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. II. 1691–1722 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее: ЧОИДР). М., 1859. Кн. 1. С. 125–466.

Калачев Н.В. Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 107–115.

Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 125–131.

- Лев VI Мудрый.* Тактика Льва / Изд. подг. В .В. Кучма. СПб., 2012. 369 с.
- Левассер де Боплан, Г.* Описание Украины / Перев. с франц. З.П. Борисюк. М., 2004. 300 с.
- Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал. Киев, 1888. С. 1–69.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью: (Окончание) // Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. 302 с.
- Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Издана Киевской временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1878. 472 с.
- М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. (Июль–октябрь 1812). 550 с.
- Маврикий. Стратегикон. (Стратегикон Маврикия). СПб., 2004. 245 с.
- Мальонкіна О.М., Філіпова Г.В.* Из «щоденника» герцога Вюрттембергського як джерело до вивчення історії України часів Північної війни 1700–1721 рр. // Архіви України: Науково-практичний журнал. 2015 р. № 1 (295). С. 253–259.
- Масловский Д.Ф.* Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник военно-исторических материалов (далее: Сборник ВИМ). СПб., 1892. Вып. I. 443 с.
- Материалы для истории русского флота / Подг. С.И. Елагин. СПб., 1865. Ч. I. Балтийский флот: 1702–1725. 704 с.
- Мицик Ю.А.* 3 документів доби гетьмана Івана Мазепи: (За матеріалами польських архівів) // Україна в Центрально-Східній Європі / НАН України. Інститут історії України. Київ, 2011. Вип. 11. С. 284–306.
- Могилевская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубницкого // ПСЗРЛ: Летописи бело-русско-литовские. М., 1980. Т. 35. Приложение I. С. 239–281.
- Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. Л–О. 824 с.; Киев., 1914. Т. 4. 948 с.
- Мышлаевский А.З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. 672 с.
- Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г.: (Документы Государственного архива) // Сборник ВИМ. СПб., 1893. Вып. V. 524 с.
- Мышлаевский А.З.* Северная война, 1708 г.: От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. 290 с.
- Наставление и устав для действий казачьих частей лавою. СПб., 1894. 30 с.
- Неелов Н.Д.* Воспоминания о Польской войне 1831 года: Из записок покойного Н.Д. Неелова. СПб., 1878. 290 с.
- Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1958. 401 с.
- Отечественная война в письмах современников: (1812–1815) // Записки Императорской академии наук. СПб., 1882. Т. 43. 691 с.
- Отзывы иностранцев-современников о великой Северной войне / Сост. Ф. Витберг // Русский архив. М., 1896. Вып. 1. С. 7–21.

Отчет боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева о Кизыккерменском походе 1695 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1853. Т. 3. С. 269–272.

Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия // Сборник документов в 2-х томах / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. I. 1352 с.; Т. II. 2754 с.

Пінчук Я.В. Мемуари генерала А.Л. Левенгаупта як джерело осмислення подій походу Карла XII в Україну // Всеукраїнський науковий журнал «Сіверянський літопис». Чернівці, 2016. № 3 (129). (Травень–червень). С. 112–118.

Пінчук Я.В. Похід армії Карла XII на Слобідську Україну: Відображення події в щоденнику шведського фенріка Роберта Петре // Сіверянський літопис. 2016. № 2 (128). Березень–квітень. С. 117–127.

Павленко С.О., Циганок О.М. Лист І. Мазепи з Ромнів до С. Лещинського // Там же. С. 78–87.

Панчулидзе С. Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762. СПб., 1901. 370 с. Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722) // Сборник РИО. СПб., 1878. Т. 25. 516 с.

Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 2. С. 39–193.

Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: П и Б). СПб., 1887. Т. I. 888 с.; 1889. Т. II. 725 с.; 1893. Т. III. 1065 с.; 1900. Т. IV. 519 с.; 1900. Т. IV. Примечания. 928 с.; 1907. Т. V. 880 с.; 1912. Т. VI. 634 с.; Петроград, 1918. Т. VII. Вып. 1. 640 с.; М.; Л., 1946. Т. VII. Вып. 2. С. 641–933; 1948. Т. VIII. Вып. 1. 406 с.; М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 411–1178; М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. 526 с.; М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 531–1619.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. 405 с.

Письма императора Петра I к гвардии майору князю Василию Владимировичу Долгорукову: (Сообщены князем П.Д. Волконским) // *Бычков А.Ф.* Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 29–40.

Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, с. Апостола Андрея, Великого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1778. Ч. 2. 376 с.

Письма князя Александра Даниловича Меншикова к малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I. Стб. 557–626.

Письма русского офицера: Описание войны 1813 года по изгнании неприятеля за границу // Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1815 гг., писаны Федором Глинкою: В 5-и частях. М., 1870. Ч. II. 500 с.

Письмо Орлика к Стефану Яворскому // Основа... СПб., 1862. Жовтень. Раздел IX. Исторические акты. С. 1–28.

Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем от разных особ: Из записок Ф. Глинки. М., 1814. 113 с.

Події 1708 року в Україні у творі Йоганна Венделя Барділі (переклад та коментарі Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. 2014. № 5 (119). Вересень–жовтень. С. 217–229.

Полковая инструкция для войска Донского // Положение об управлении Донского войска. СПб., 1835. Ч. 2. С. 243–368.

Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. 807 с.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого/ Изд. подг. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Ч. I. 1706–1713 годы. 464 с.

Прозоровский А.А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского, 1756–1776. М., 2004. 783 с.

Прокопенко Н. К истории событий на Украине в 1708 году: (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный Архив. 1939. № 4 (95). С. 157–164.

Прокопович Феофан. История императора Петра Великого от Рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно. СПб., 1773. 217 с.

Протоколы Конференции при Высочайшем дворе: 14 марта 1756 г. – 13 марта 1757 г. Т. I // Сборник РИО. СПб., 1912. Т. 136. 652 с.

Путешествие Корнелия де Бруина через Московию // ЧОИДР. М., 1872. Кн. 4. С. 217–260.

Рабинович М.Д. Офицерские «сказки» и послужные списки начала XVIII в. // Актовое источниковедение: Сборник статей. М., 1979. С. 108–122.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1966. 617 с.

Регесты и надписи: Свод материалов для истории евреев в России: (1671–1739). СПб., 1910. Т. II. 386 с.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 231–406.

Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В.И. Лебедев. М., 1937. 379 с.

Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ея народе и козаках вообще... М., 1847. 819 с.

Русско-шведская война: Записки кн. Б.И. Куракина: 1700–1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 291–328.

Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов (1700–1709). М., 2009. Т. I. 528 с.

Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник ВИМ. СПб., 1892. Вып. I. 443 с.

Служба донских казаков: Материалы по истории и генеалогии казачества / Сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. 312 с.

Смоленская шляхта. Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2006. 368 с.

Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1829. Ч. I. 343 с.

Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб., 2012. 456 с.

Странствования Христофора Гассмана // Военно-историческая библиотека «Военной были». Париж, 1971. № 16. 94 с.

Судиенко М.О. Материалы для отечественной истории. Киев, 1855. Т. 2. 515 с.

Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. I. Документы Северной войны: Полтавский период (июль–октябрь 1708). 290 с.; Т. III. Документы Северной войны: Полтавский период (ноябрь 1708 г.–июль 1709). 339 с.

- Український археографічний збірник. Т. 1. Київ, 1926. 355 с.
- Устав воинский, 30 марта 1716 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. V (1713–1719). № 3006. С. 203–453.
- Устав воинский. 30 марта 1716 г. // Законодательство Петра I [Сборник ист. документов]. М., 1997. С. 155–231.
- Устав конного полка. СПб., 1797. 67 с.
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. Приложение. 706 с.
- Шафиров П.П. Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карола XII Шведского в 1700 году имел... СПб., 1717. 128 с.
- Шёнстрем П. Реляція про бій під Полтавою з Деякими роздумами що до двох Попередніх кампаній / Переклад О. Герасимчука, коментар. С. Павленка // Сіверянський літопис. 2016. № 3 (129). Травень–червень. С. 89–111.
- Шидловский С.И. Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696–1727 гг. СПб., 1896. 267 с.
- Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. М., 2006. 308 с.
- Шутей В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 93–111.
- Щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою / Переклав з англійської та підготував до друку О. Герасимчук // Сіверянський літопис. 2017. № 3 (135). С. 96–110.
- Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів в Україні / Переклад з англійської О. Герасимчука // Там же. 2016. № 2 (128). С. 103–116.
- Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів в осени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині / Переклад з англійської І. Колганової // Там же. 2014. № 4 (118). С. 95–110.
- Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. I. 1179 с.
- Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. М., 1770. 392 с.

Литература

- Åberg A. Karolinska kvinnoöden. Stockholm, 2001. 170 s.
- Åberg A. Varför misslyckades Karl XII:s ryska fälttåg. Till 250-årsminnet // Svensk Tidskrift. 31 december 1959. S. 265–274.
- Arteus G. Krigsteori och historisk forklaring. II. Karolinsk och europeisk stridstaktik 1700–1712 // Meddelanden från Historiska Institutionen i Göteborg. Linköping, 1972. Nr. 5. 138 s.
- Barącz S. Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852. 139 s.
- Björkander T. «I detta sibiriska Babel»: Coping och religiös föreställningsvärld hos svenska soldater i kriget mot Ryssland 1707–1721. Uppsala, 2014. 40 s.

- Czołwski A.* Zabytki krakowskie w Szwecyi. Kraków, 1902. 20 s.
- Dalin A.F.* Ordbok öfver svenska språket. Vol I. 912 s.
- Encyclopaedia Britannica: A Dictionary of arts, sciences, literature and general information. New York, 1910. V, XII, 1002 p.
- Englund P.* The Battle That Shook Europe: Poltava and the Birth of the Russian Empire. I.B. Tauris, 2013. 304 p.
- Ewald J.* Abhandlung über den kleinen Krieg. Cassel, 1785. 159 s.
- Feldman, J.* Polska w dobie wielkiej wojny pyinocnej 1704–1709. Kraków, 1925. 318 s.
- Generalstaben: Karl XII på slagfältet: Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av tak-
tikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1919. V. III. Karta 22; Karta 23 a; Karta 23 b.
- Grandmaison Th.-A., le Roy.* La petite guerre, ou Traité du service des troupes légères en
campagne. Paris, 1756. 417 p.
- Grimberg C.* Svenska folkets underbara öden: Karl XI:s och Karl XII:s tid. Stockholm,
1922. V. IV. 779 s.
- Grosse vollstaendiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Kuenste. Leipzig
und Halle, 1741. Bd. 27. 2146 s.
- Heuser B.* Small Wars in the Age of Clausewitz: The Watershed Between Partisan War
and People's War // Journal of Strategic Studies. 2010. V. 33. № 1. P. 139–162.
- Іванюк Я.* Славні сторінки історії // Будівник комунізму. 7 вересня 1978. р. С. 4.
- Іванюк Я.Г.* Міста-фортеці Охтирка і Суми у XVII–XVIII ст. // Український
історичний журнал. 1980. № 9. С. 101–105.
- Історія Львова: Короткий нарис / Відповід. ред. В.К. Осечинський. Львів, 1956.
304 с.
- Історія міст и сіл Української РСР: Полтавська область. Київ, 1967. Т. 17. 352 с.
- Kamiński A.* Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkim 1706–
1709. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. 160 s.
- Kelch C.* Liefländische Historia: Continuation 1690 bis 1707. Dorpat, 1875. 629 s.
- Krokosz P.* «Mała wojna»: Działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz
Ingermanlandii w latach 1700–1704 // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej
Rzeczypospolitej. Inflanty Polskie / Pod red. W. Walczaka i K. Lopateckiego. Białystok, 2012.
T. 3. S. 139–226.
- Larsdotter A.* Slaget vid Poltava // Popular Historia. Lund, 2009. № 5. S. 32–33.
- Lewenhaupt A.* Karl XII:s officerare: Biografiska anteckningar. Stockholm, 1920. 383 s.
- Osiński M.* Zamek w Żytkwi. Lwów, 1933. 140 s.
- Otwinowski E.* Pamiętniki do panowania Augusta II. Poznań, 1838. 363 s.
- Pabich L.* Bitwy Wielkiej Wojny Północnej (1700–1721) na medalach rosyjskich z kolekcji
Muzeum Częstochowskiego. Część I: «Mała wojna» 1700–1704 // Rocznik Muzeum
Częstochowskiego / Pod red. E. Miszczyńskiej. Częstochowa, 2014. T. 13. S. 79–106.
- Pain S.* 1709: The year that Europe froze // New Scientist. 7 February 2009. P. 34–38.
- Perlestam M.* Det lilla kriget: Skärmytslingar och kommenderingar under stora nordiska
kriget åren 1702–1709. Lund, 2018. 184 s.
- Perlestam M.* Fighting during logistics: The Swedish experience // Great Northern war
Compendium. St. Louis, 2015. V. I. S. 87–92.
- Poraziński J.* Oblężenie Torunia w 1703 r.: Uwagi i refleksje w związku z 300 rocznicą //
Rocznik Toruński. Toruń, 2003. T. 30. S. 65–84.
- Sjöberg M.* Stora Nordiska kriget i en dagbok och ett brev: Homosocialitet och hushåll i
den svenska armén // Historisk tidskrift. Stockholm, 2008. 3 (128). S. 367–388.

Skworoda P. Wojny Rzeczypospolitej obojga narodów ze Szwecją. Warszawa, 2007. 260 s.
Stille A. Tåget mot Ryssland 1707–1709 // Karl XII: Till 200-årsdagen av hans död. Stockholm, 1918. T. 30. S. 283–338.

Valentini G.-W. Abhandlung über den kleinen Krieg und über den Gebrauch der leichten Truppen mit Rücksicht auf den französischen Krieg. Berlin, 1810. 503 s.

Weyland C.G. Theatri Europaei oder aussfuehrlich fortgefuehrte Friedens und Kriegs Beschreibung... Franckfurth am Main, 1720. 1008 s.

Абаза К.К. Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1899. 334 с.

Адариди К. Партизаны и будущая война // Вестник военных знаний. Сараево, 1930. № 6. С. 17–22.

Альбовский Е.А. История Харьковского слободского казачьего полка: (1651–1765). Харьков, 1895. 231 с.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. 496 с.

Анисимов Е.В. Петр Великий: Личность и реформы. СПб., 2009. 448 с.

Апанович О.М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969. 222 с.

Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии. Полтава, 1852. Ч. III. 500 с.

Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе: Мировой опыт и современность. М., 1997. 194 с.

Артамонов В.А. Устрашение Гетманщины: Катастрофа резиденции Мазепы // Родина. 2009. № 7. С. 29–33.

Артамонов В.А. «Полтавское сражение»: К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. 704 с.

Артамонов В.А. 1708–2008: Мать Полтавской победы: К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008. 208 с.

Артамонов В.А. А.Д. Меншиков как полководец // Меншиковские чтения–2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 114–135.

Артамонов В.А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. 96 с.

Артамонов В.А. Стратегия и тактика Карла XII и Петра I в 1700–1709 годы: К 300-летию Полтавской битвы // Полтавская битва и ее международное значение: Тезисы докладов юбилейной международной научной конференции 17–19 ноября 2009 года. М., 2009. С. 9–11.

Артеус Г. Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы: Сб. ст. М., 1999. С. 156–175.

Базарова Т.А. «За Кивиковою станицею лесами и болотами...»: Первый русский комендант Выборга Г.П. Чернышов и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестнадцатой ежегодной научной конференции (2–3 апреля 2014) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2015. С. 12–19.

Базарова Т.А. Местное население и военные действия в Приневье начала XVIII в. // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 70–77.

Базарова Т.А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье: (Нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Седьмой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2005). СПб., 2006. С. 47–55.

Балашова Ю.П. Из истории Великой Северной войны: (Начало Малой войны — зима 1700/1701 года) // Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской. М., 1958. Т. 74. Вып. 5. С. 179—224.

Бантыш-Каменский Д.И. История Малой России: Примечания. М., 1830. Ч. I. 470 с.

Бантыш-Каменский Д.Н. Генерал-Фельдмаршал-Лейтенант баронъ Огилвій // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 1. С. 59—66.

Барвинский В.А. Генеральное следствие о местностях Миргородского полка 1729—1730 г. // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912. Вып. 9. С. 121—179.

Баскаков В.И. Северная война 1700—1721 гг.: Кампания от Гродна до Полтавы 1706—1709 гг.: Критико-историческое исследование: Краткий очерк. СПб., 1890. Вып. 1. 276 с.

Беристайн У.Д. Великолепный обмен: История мировой торговли. М., 2014. 512 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке: (Очерки). М., 1958. 662 с.

Бескровный Л.Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 1959. С. 21—62.

Беспалов А.В. Битвы и осады Великой Северной войны (1700—1721): Монография. М., 2010. 505 с.

Беспалов А.В. Организация и военное искусство армий стран — основных участников Великой Северной войны (1700—1721) в рамках военно-политических союзов: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2011. 55 с.

Беспалов А.В. Северная война: Карл XII и шведская армия: Путь от Копенгагена до Переволочной: 1700—1709. М., 1998. 48 с.

Бессонов В.А. Потери Великой армии в период малой войны // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Бородино, 1998. С. 11—23.

Бирюков С.Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII веке: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 127 с.

Бобров Л.А. Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654—1667 гг.: Вооружение и тактика // Бієнале зброї 2014—2015: Перша міжнародна зброєзнавча конференція. Київ, 16—19 лютого 2014 р.: Тези доповідей. Київ, 2014. С. 47—63.

Бобров Л.А. Техника копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII — середины XIX в. // Вестник Томского гос. университета. 2013. № 3 (23). С. 216—221.

Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. 308 с.

Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. 228 с.

Бобровский П.О. Уклонение от военной службы: По законам древне-римским, французским, германским, шведским, а также русским с XVII века. СПб., 1886. 78 с.

Бовгира А. «Похідна посольська канцелярія» та репресії проти мазепинців (1708—1710) // Сіверянський літопис. 2017. № 1—2 (133—134). С. 48—54.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: Составлена по высочайшему повелению. СПб., 1859. 132 с.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. VI. 675 с.

- Большая советская энциклопедия. М., 1954. Т. 26: Магнитка—Медуза. 652 с.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Разведывание. Охранение. Связь: (Тактическое исследование). Киев, 1909. 276 с.
- Боргсдорф А.-Э.Ф. фон.* Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым и к счастливому въезду в Москву: Его царскому величеству покорнейше поднесено от Ернста Фридриха барона фон Боргсдорфа, императорского величества Римского, настояще учрежденного в лето Господне 1696: Ныне же повелением его царского пресветлого величества напечатана в ... Москве, 1709. М., 1709. 26 с.
- Борисов В.Е.* Полтавская битва: 1709 — 27 июня — 1909. СПб., 1909. 283 с.
- Бориц А.* Партизаны в Отечественной войне 1812 года // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 9 (272). С. 121—124.
- Боярский В.И.* Партизанская война: История утерянных возможностей. Минск; М., 2001. 304 с.
- Броневской В.* История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. СПб., 1834. Ч. 1. 311 с.
- Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. II. 744 с.
- Вицько Дз.В.* Кампанія 1709 г. на Захадзе України // Северная война 1700—1721 гг. и исторические судьбы Европы: (К 300-летию со дня битвы при д. Лесная): Материалы Междунар. научно-практ. конф.: (4 октября 2008). Могилев, 2008. С. 69—84.
- Васильев А.А.* Армия Карла XII под Полтавой: Состав, организация, вооружение, обмундирование и тактика войск. Самиздат: около 19??—90 гг. 33 с.
- Введенский Г.* Драгуны: Кавалерия российской армии. СПб.; Калининград, 2004. 63 с.
- Великанов В.С.* Смоленские полки в Великой Северной войне // *Родина*. 2013. № 9. С. 53—57.
- Верховский А.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX в.в. М., 1922. 264 с.
- Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс: Исторический очерк. М., 1961. 838 с.
- Вечерський В.В.* Спадщина містобудування України: Теорія і практика історико-містобудівних пам'яток охоронних досліджень населених місць. Київ, 2003. 560 с.
- Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4: Квашнин—Марицкая битва. 583 с.
- Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VII: Воинская часть—Гимнастика. 385 с.; СПб., 1913. Т. XIII: Кобленц—Круз. СПб., 1914. Т. XV. 365 с.; Линтулак—Минный. СПб., 1914. Т. XVII. 359 с.; Нитроглицерин—Патруль. 382 с.
- Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов / Под ред. Л.И. Зедлера. СПб., 1855. Т. VIII. 739 с.; СПб., 1856. Т. X. 741 с.; Т. XI. СПб., 1856. 675 с.
- Возгрин В.Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной Междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 149—160.
- Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л., 1986. 296 с.
- Война гражданская и война партизанская // *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия: Сборник военно-теоретических и военно-политических статей. М.; Л., 1925. С. 21—25.

Волкаў М. Нясвіжскі замак у Вялікай Паўночнай вайне // Вялікае Княства Літоўскае: Права. Вайна. Дыпламатыя. / Пад рэд. С.Ф. Сокала, А.М. Янушкевіча. Мінск, 2012. С. 219–238.

Волынский Н.П. История Лейб-гвардии кирасирского его величества полка: 1701–1901. СПб., 1902. Т. I. Кн. 1. 391 с.

Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 1. 320 с.; Вып. 1. Кн. 2. 485 с.

Воробьев И. Тактика в локальных войнах и вооруженных конфликтах // Военная мысль. 1995. № 1. С. 39–45.

Воронков В., Морозов С. Как действуют партизаны. М.; Л., 1927. 64 с.

Востоков А. Полтавский полковник Иван Черняк // Киевская старина: Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1889. Т. XXVII. С. 1–17.

Вуич Н.В. Малая война. СПб., 1850. 274 с.

Высоцкая Н.Ф. Радзивиллы: Несвиж. Замок. Минск, 2014. Кн. II. Ч. 2. 352 с.

Г.А.Г.Т. О службе передовых постов и отрядов. СПб., 1830. 118 с.

Газенкамф М. Продовольствие войск в мирное и военное время в русской и иностранных армиях. СПб., 1876. 94 с.

Гевара Э. Партизанская война. М., 1961. 136 с.

Гербельский Г.Ю. Петро Перший в Західній Україні: 1706–1707 рр. Львів, 1948. 96 с.

Гербельский Г.Ю. Русско-польский союз // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения... С. 63–90.

Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 217–222; Куклина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. 604 с.

Гершельман Ф.К. Партизанская война: (Исследование). СПб., 1885. 445 с.

Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. 632 с.

Год из царствования Петра Великого: 1709: (Из записок Крекшина) // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 97. С. 35–102.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... М., 1837. Т. II. 556 с.; 1837. Т. III. 437 с.; 1841. Т. XIV. 797 с.

Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1791. Т. VII. 454 с.; 1797. Т. XVIII. 582 с.

Голицын Н.С. Всеобщая военная история Новых времен. СПб., 1873. Ч. 2. 957 с.

Голицын Н.С. О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности // Военный сборник. 1859. № 7. С. 41–74.

Головин Н.Н. Наука о войне: О социологическом изучении войны. Париж, 1938. 241 с.

Голодилинский П.П. Краткий очерк истории 3-го драгунского Сумского Его королевского высочества наследного принца Датского полка. М., 1890. 306 с.

Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения... С. 363–388.

Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 155–160.

Горобець С., Рябцев В. До історії участі українських козаків у військових подіях початкового етапу Північної війни (1700–1702 рр.) // Сіверянський літопис. 2011. № 3. С. 23–38.

Габбе П.Х. Карманная книжка о службе легкой кавалерии в поле. СПб., 1833. 117 с.

Григорьев Б.Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. 583 с.

Гринченко Б.Д. Каталог музея Украинских древностей В.В. Тарновского. Чернигов, 1900. Т. II. 367 с.

Грушевский А. Глухів і Лебедин (1708–1709) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1909. Т. ХСП. С. 21–65.

Грушевский А. Розквартированнє російських полків на Україні // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1907. Т. LXXVIII. С. 5–25.

Гудим-Левкович П.К. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года: Критический разбор кампании 1708 года. СПб., 1875. 197 с.

Давыдов Д.В. Опыт теории партизанских действий для русских войск // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. М., 1860. Ч. I. С. 5–116.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1865. Ч. 3. П–М. 508 с.; 1886. Т. 4. Р–V. 709 с.

Данилов Е.С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль, 2011. Приложение 1: Теория и практика участия римских полководцев в разведывательных операциях. С. 168–175.

Дериглазова Л.В. Историография изучения асимметричных конфликтов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308 (март). С. 66–72.

Драгомиров М.И. Учебник тактики. СПб., 1879. 495 с.

Дробов М.А. Малая война: Партизанство и диверсии // Альманах «Вымпел». 1998. № 1 (7). 225 с.

Дуров И.Г. Провиантское обеспечение русской армии при подготовке к Полтавскому сражению // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения... С. 49–75.

Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. 532 с.

Ефимов Д.И. Отношения императоров Александра I и Наполеона I перед началом Отечественной войны 1812 года: (1810–1812). СПб., 1878. 41 с.

Жмодиков А.Л. «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху Наполеоновских войн. М.; СПб., 2015. 864 с.

Зайцев И.М. Курс военной администрации. М., 1867. Вып. 1. 190 с.

Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. 310 с.

Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького. Дніпропетровськ, 2007. 380 с.

Зыков А. Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии. СПб., 1898. 190 с.

Иванюк С.А. «Как мне в войне других жалеть, когда себя не жалею»: Материалы к биографии Федора Бартенева – адъютанта Петра Великого // Труды Государственного Эрмитажа: Петровское время в лицах–2017: материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб., 2017. [Т.] 90. С. 160–169.

Иванюк С.А. Андрей Ушаков – командир партизанского отряда Петра Великого // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды 4-й Международной научно-практической конференции. СПб., 2013. Ч. II. С. 182–195.

Иванюк С.А. Военная добыча на территории Речи Посполитой в 1705–1708 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 222–262. [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyuk_3 (Дата обращения: 22.10.2017).

Иванюк С.А. Забытый 5-й батальон: К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 году // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4. Волгоград, 2014. № 1 (25). С. 13–21.

Иванюк С.А. Тактика ведения боя иррегулярной конницы русской армии в XVII–XX веках // Военная история России: Проблемы, поиски, решения: Материалы III Международной научной конференции, посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг. Волгоград, 2016. Ч. 1. С. 61–70.

Игнатенко А.П. Участие белорусского народа в борьбе против шведских захватчиков в годы Северной войны // Вопросы истории БССР: Ученые записки. Минск, 1957. Вып. 36. С. 43–56.

Йоргенсон К., Павкович М., Райс Р., Шнайф Ф., Скотт К. Войны и сражения Нового Времени 1500–1763 гг. М., 2006. 264 с.

Иванюк Я.Г. Місто-фортеця Переволочна у 17–18 ст. // Український історичний журнал. 1978. № 7. С. 107–110.

Кавалерия: К учебнику для казака: Отд. полев. службы по уставу 1881 г. СПб., 1901. 24 с.

Казачество: Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2008. 720 с.

Каменский Е.С. История 2-го драгунского С.-Петербургского генерала фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 г.г. М., 1899. Т. I. 727 с.

Каратыгин П.А. Партизанство: Начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924. 47 с.

Каргалов В.В. На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. 186 с.

Карпущенко С.В. Армейские будни: Казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 3–150.

Карпущенко С.В. У солдат в провианте нужды не было // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 83–87.

Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима князя Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великого. М., 1809. Ч. I. 124 с.

Карцов А.П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851. 134 с.

Каузлер Ф. Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. СПб., 1844. Ч. I. 320 с.

Квадри В.В. Императорская главная квартира: История государевой свиты. Кн. 1. Восемнадцатый век // Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д.А. Скалон. СПб., 1912. 608 с.

Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992. Т. 1. От Нарвы до Парижа: 1700–1814 гг. 302 с.

Китицын П.А. Кобылякская старина // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1907. Вып. 4. С. 158–172.

Клаузевиц К.Ф. О войне. М., 1934. 649 с.

Клаузевиц К.Ф. О войне. М., 1998. 451 с.

Клаузевиц К.Ф. Принципы ведения войны. М., 2009. 220 с.

Клембовский В.Н. Партизанские действия: (Исследование). СПб., 1894. 281 с.; также: Петроград., 1919. 232 с.

Клембовский В.Н. Тайные разведки: (Военное шпионство). СПб., 1892. 149 с.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. М., 2002. Кн. 1. 724 с.

- Компан О.С.* Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. 388 с.
- Корнієнко О.М.* Сумський полк та події Сіверсько-Слобожанського походу Карла XII // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха: Зб. наук. праць. Київ, 2008. С. 93–119.
- Корогод Б.Л., Корогод Г.І.* Нарис історії Сумщини. Суми, 2000. Вип. 2. 154 с.
- Королев В.Н.* Босфорская война. М., 2013. 660 с.
- Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы // *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XVI. С. 379–808.
- Котлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск, 2002. 328 с.
- Кочегаров К.А.* Русское правительство и Черниговский казачий полк в канун нашествия шведов на Украину: (1708) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2015. № 2. С. 190–207.
- Краснов И.И.* О донской казачьей службе. СПб., 1852. 53 с.
- Краткое описание о войнах из книг цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах: С особливым о войне разговором, [или описанием]. М., 1711. 382 с.
- Кротов П.А.* Битва под Полтавой: Начало Великой России. СПб., 2014. 568 с.
- Кротов П.А.* П.Н. Крекшин и сотворение мифов о Полтавской битве // *Меншиковские чтения—2006: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов.* СПб., 2006. С. 67–83.
- Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. 312 с.
- Кротов П.А.* «Прекрасных вымыслов плетя искусно нить...» // *Родина* 2009. № 2. С. 50–53.
- Кротов П.А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. 744 с.
- Крупницький Б.* Роля запорожців у шведських операціях 1709 р. // *Ковалевська О.* Збірник «Мазепа»: Реконструкція видавничого проекту 1939–1949 років. Київ, 2011. С. 44–58.
- Крупницький, Б.* Шведсько-українські союзні договори 1708–1709 рр. як історичне джерело // Там же. С. 29–38.
- Кудзиевич Л.В.* Личная история Северной войны фельдмаршала П.П. Ласси // *Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды Седьмой международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 года.* СПб., 2016. Ч. III. С. 101–115.
- Куликова В.Ф.* Политическая ситуация на Украине в начале XVIII века и Украинский поход Карла XII: (1708–1709): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 221 с.
- Курбатов О.А.* Атаман, ездоки и вожи: Станица русских пограничников 1630-х гг. // *История военного дела: Исследования и источники.* 2014. Т. V. С. 17–83. [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5 (Дата обращения: 11.06.2014).
- Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. 240 с.
- Курбатов О.А.* Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века: Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 263 с.
- Курбатов О.А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.) // *Военная археология.* М., 2011. Вып. 2. С. 53–82.
- Курбатов О.А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zimovaya.ru/statji/ocherki-razvitiya-taktiki-russkoy-konnitsy-sotennoy-sluzhby-ser.-16-ser.-17-vv.-versiya-dlya-pechati-1.html> (Дата обращения: 11.06.2014).

Кусаинова Е.В. Вольное и служилое казачество в Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: Коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 36–53.

Кусаинова Е.В. Сравнительный анализ военной тактики вольного казачества и ногайцев в XVI–XVII вв. // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья: Сборник научных статей по материалам научной конференции 2002 г. Волгоград, 2003. С. 54–61.

Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907. 231 с.

Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина: (1637–1667). СПб., 2009. 456 с.

Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья Нового времени: Сборник научных статей. Астана, 2013. С. 5–47.

Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1888. Т. 1. Стародубский полк. 522 с.

Лазаревский А.М. Показание о службах лубенского полкового есаула Андрея Петровского // Киевская старина. Киев, 1899. Т. LXV. № 4. С. 7–12.

Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII–XVIII в. // Русский архив. М., 1875. № 11. С. 299–309.

Лайдре М. Северная война и Эстония: Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллин, 2010. 273 с.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. 642 с.

Леер Г.А. О боевых порядках // Военный сборник. СПб., 1865. Т. XLV. С. 57–108.

Леер Г.А. О позициях // Там же. 1866. Т. L. С. 31–68.

Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1893. Ч. I. 278 с.

Леер Г.А. Петр Великий как полководец // Военный сборник. 1865. Т. LIV. С. 201–230.

Леер Г.А. Прикладная тактика. СПб., 1877. Вып. 1. 485 с.

Лекции о тактике прусского генерала Фон-Грисгейма: (Перевод). Окончание первой части и часть вторая: Прикладная тактика // Военный сборник. 1860. Т. XV. Приложение. С. 1–80.

Ленин В.И. Еще один поход на демократию // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1968. Т. 22. С. 82–93.

Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1859. Вып. 1. 614 с.

Липранди И.П. Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под заглавием «Малая война». СПб., 1851. 75 с.

Лобов В.Н. Военная хитрость. М., 2001. 472 с.

Локальные войны: История и современность. М., 1981. 304 с.

Ломиковский В.Я. Словарь малороссийской старины. Киев, 1894. 32 с.

Лунык Є. Козацька Україна XVI–XVIII ст. очима французьких сучасників: Хрестоматія. Ніжин, 2013. 508 с.

Львов: Справочник / Под ред. Б. Дудыкевича. Львов, 1949. 201 с.

Люлин С. Прусские гусары: 1808–1814 // Старый Цейхгауз. 2012. № 3 (47). С. 52–72.

Ляскоронский В.Г. Карты Украины, составленные Левассером Бопланом // *Ляскоронский В.Г.* Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды от-носительно Южной России. Киев, 1901. С. 1–37.

Макаренко Н.Е. Городища и курганы Полтавской губернии: (Сборник топогра-фических сведений). Полтава, 1917. 105 с.

Малая война, описанная майором в службе короля прусского. СПб., 1766. 342 с.

Малов А.В. Конница нового строя в Русской армии в 1630–1680-е годы. [Элек-тронный ресурс]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=34904> (Дата обращения: 28.05.2014).

Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа (двора) конца Смуты: 1613–1619 гг. // Средневековые Тюркско-татарские государства. 2014. № 6. С. 224–232.

Маркевич Н.А. История Малороссии. М., 1842. Т. IV. 485 с.

Марков М.И. История конницы. Тверь, 1887. Ч. III. 554 с.

Масленицына И., Богодзяж Н. Радзивиллы в эпоху интриг и авантюры: (Истори-ческие миниатюры). Минск, 2003. 226 с.

Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. I. 467 с.; Вып. II. 789 с.

Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. 264 с.

Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: Поход Апраксина в Вос-точную Пруссию: (1756–1757). М., 1886. Вып. 1. 674 с.

Мегорский Б.В. О тактике русских драгун в период 1708–1709 гг.: Обучение и бое-вой опыт // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Ста-рый цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. 2009. С. 71–75.

Мегорский Б.В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2017. 554 с.

Мегорский Б.В. Реванш Петра Великого: Взятие Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году. М., 2016. 208 с.

Мельнов А.В. Действия русских войск на подступах к Выборгу в 1710 г. // Исто-рия военного дела: Исследования и источники. 2012. Т. I. С. 464–486. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov> (Дата обращения: 16.07.2012).

Мельнов А.В. Климат и военные действия на северо-западе в начале Северной войны: (1700–1710) // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. Петроза-водск, 2015. № 3 (148). Т. 1. Май. С. 29–33.

Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...»: Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества: (Конец XVI – вторая половина XVIII в.). Самара, 2007. 224 с.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. 288 с.

Митиров А.Г. Истоки. Элиста, 2002. С. 226–227.

Михеев С. История Русской армии: Эпоха Петра Великого. М., 1910. Вып. 1. 94 с.

Михневич Н.П. Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк со-стояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие историче-ские эпохи. СПб., 1898. 178 с.

Михневич Н.П. Основы стратегии: Курс интендантской академии. СПб., 1913. 364 с.

Мишулин А. О военном искусстве скифов // Исторический журнал. М., 1943. № 8—9 (120—121). С. 64—69.

Мокляк В.О. Полтавські мазепинці: (До питання про політичний вибір Полтавського полку під час подій 1708—1709 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С. 178—182.

Мокляк В.О. Полтавський полк: Науково-популярний нарис історії полку з часу його виникнення до кінця XVII ст. Полтава, 2008. 112 с.

Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация: Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 2002. 303 с.

Молтусов В.А. Полтавская битва: Уроки военной истории: 1709—2009. М., 2009. 512 с.

Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. 440 с.

Молчанов Н.Н. Петр I. М., 2003. 480 с.

Мончаловский О.А. Петр Великий в Галицкой Руси: Исторические записки и заметки. Львов, 1903. 32 с.

Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году: Извлечение из современного отчета Киевской губернии. СПб., 1897. 62 с.

Нильсон Б. Круг замкнулся, или Полтавская битва в шведской историографии за сто лет // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. С. 89—95.

Новицкий Н.Д. Лекции малой войны. Одесса, 1865. 319 с.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 448 с.

Новохатко О.В. Береговая служба по записным разрядным книгам XVII века // Исследования по источниковедению истории России: (до 1917): Сборник статей памяти В.И. Буганова. М., 2001. С. 188—207.

Ожегов С. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. 944 с.

Остен-Сакен Д.Е. Мысли об устройстве легкой конницы и некоторые общие замечания: (Представлено в 1832 году) // Мысли о некоторых предметах военного дела и разные военно-исторические сведения. СПб., 1865. 40 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967. Т. 1. Дооктябрьский период. 479 с.

Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. Т. VII. 815 с.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. 591 с.

Павленко С.О. Військо Карла XII на півночі України. Київ, 2017. 512 с.

Павленко С.О. Загибель Батурина 2 листопада 1708 року. Київ, 2007. 266 с.

Павленко С.О. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. 600 с.

Павлов Я.С. В.И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975. 544 с.

Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны: 1701—1704 гг. Таллин, 1966. 344 с.

Панов В.А. Петр I как полководец. М., 1940. 131 с.

Пашкевич У.І. Адлюстрування падзей Паўночнай вайны ў актавых кнігах Аршанскага гродскага суда // Северная война 1700—1721 гг. и исторические судьбы Европы: (К 300-летию со дня битвы при д. Лесная): Материалы Междунар. научно-практ. конф.: (4 октября 2008). Могилев, 2008. С. 208—216.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. 728 с.

Пенской В.В. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 700–708.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. 448 с.

Пенской В.В. От Нарвы до Феллина: Очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород, 2014. 150 с.

Перевалов С.М. Секреты скифской непобедимости: Ab ovo // Скифия: Образ и историко-культурное наследие: Материалы конференции 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 73–77.

Петрухинцев Н.Н. Путь иноземца в военную элиту России: (Петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 210–228.

Плеве П.А. Очерки из истории конницы. СПб., 1889. 251 с.

Погода Ю.В., Иванюк Я.Г. Полтавская баталия: Крепости и герои. М., 2009. 384 с.

П.Я. Поповских, А.В. Кукушкин и др. Подготовка войскового разведчика М., 1991. 336 с.

Подсобляев Е.Ф. Античные традиции в военном искусстве Петра Великого // Меншиковские чтения–2015: Научный альманах / Гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 154–159.

Полтавщина: Энциклопедичний довідник. Кипв, 1992. 1024 с.

Попов А.И. Великая армия в России: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2003. 42 с.

Попов В. Рейды конницы. М., 1927. 38 с.

Попов А.И. Малая война // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 435.

Портнов А.М. Основы тактики кавалерии начала 20-го века: Лекция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cavalerist.ru/download/books/lekcija.doc> (Дата обращения: 21.05.2014).

Поручик Хлебников: История 32-го драгунского Чугуевского Ее величества полка: (1613–1893). СПб., 1893. 212 с.

Пособие по войсковой разведке: Способы ведения разведки и тактика действий подразделений в разведке / Под набл. В.И. Давиденко. М., 1967. 106 с.

Посухов В. Осаду Лубенского полку // Комсомолец Полтавщины. 7 липня 1984 р. № 81 (4173). С. 2.

Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892. Т. 1. 184 с.

Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. 377 с.

Пудаков М.В. История войска Донского: Старобытность начала казачества. Новочеркасск, 1898. Ч. 2. Вып. I. 125 с.

Пузанов В.В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. Саратов, 1913. 690 с.

Пузыревский А.К. История военного искусства в Средние века: (V–XVI стол.). СПб., 1884. Ч. II. 235 с.

Пузыревский А.К. Записки по истории военного искусства в эпоху 30-летней войны: (С планами и чертежами). СПб., 1882. 97 с.

Пулькин М.В. Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной Междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 45–53.

Разведывательная служба: Выдержки из устава полевой службы войск. Ломжа, 1882. 34 с.

Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 381 с.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.

Рубин В.А., Фомина Е.А. Участие Оренбургских воинских формирований в Отечественной войне 1812 г. и Русско-турецких кампаниях XIX в.: Вопросы историографии и сохранения исторической памяти // Аграрный вестник Урала. 2011. № 11 (90). С. 72–75.

Русская военная сила: Очерк развития выдающихся событий от начала Руси до наших дней: Период царствования Петра Великого. М., 1890. Вып. 6. 220 с.

Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2013. 52 с.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. 858 с.

Свечин А.А. Стратегия. М., 1927. 342 с.

Сень Д.В. Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии: (Конец XVII в.): Новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2013. Вып. V. С. 357–362.

Симонян Р.Г., Гришин С.В. Разведка в бою. М., 1980. 208 с.

Скрипник Л.В. Полтавська битва 1709 р.: причини, хід та історичне значення для України: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Черкаси, 2009. 20 с.

Слабченко М.Е. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до Мировой войны: Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях. Николаев, 1925. Ч. 1. Т. 4. 332 с.

Слюсарський А.Г. Слобідська Україна: Історичний нарис XVII–XVIII ст. Харків, 1954. 161 с.

Сморжевских-Смирнова М. Ингерманландия, Эстляндия, и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи. Диссертационная работа на соискание степени доктора философии (теория культуры). Таллин, 2013. 244 с.

Снегирев В.Л. Сторожевая служба: (Оборона границ государства в древней Руси). М., 1942. 45 с.

Советская военная энциклопедия / Под ред. Н.В. Огаркова. М., 1978. Т. 5. Линия адаптивной радиосвязи — Объектовая противовоздушная оборона. 688 с.; 1979; Т. 7. Радиоконтроль—Тачанка. 688 с.

Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Нахимсон—Пергам. 534 с.

Сокирко О. Лицарі другого сорту: Наймане військо Лівобережної гетьманщини 1669–1726. Київ, 2007. 260 с.

Сокирко О. Полтавська битва 27 червня 1709 р.: Український рубікон. Київ, 2008. Ч. I. 80 с.

Соколовский М. К генеалогии компанейских или охочекомонных полков: (1668–1775) // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн. 4. С. 202–206.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1911. Кн. 3. Т. XI–XV. 800 с.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке: (XI–XVII вв.). М., 2009. 384 с.

Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912. 138 с.

Стилле А. Операционные планы Карла XII в 1707–1709 гг. // Журнал Императорского военно-исторического общества. СПб., 1911. Кн. 2. С. 41–62; Кн. 5. С. 77–92.

Строков А.А. История военного искусства. М., 1955. Т. I. Рабовладельческое и феодальное общество. 662 с.

Суляк С.Г. Уроженцы Молдавии в армии Петра I // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2013. Серия 2. История. Вып. 1. С. 16–24.

Сухоли́т Н. «Гистория Свейской войны» Петра I про участь України у Північній війні 1700–1721 рр. // Український історичний збірник. 2012. Вип. 15. С. 238–246.

Сухотин Н.Н. Место Петра Великого в ряду великих полководцев // Разведчик. 18 апреля 1895 г. № 236. С. 374.

Сухотин Н.Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1863 гг. СПб., 1887. 323 с.

Таранеўскі В.У. Гарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII ст.: «Віцебскі летапіс» М. Панцырнага і С. Аверкі: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей універсітэта. Віцебск, 2012. 44 с.

Тарле Е.В. Карл XII в 1708–1709 годах // Вопросы истории. 1950. № 6. Июнь. С. 22–56.

Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. С. 362–876; То же: Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. 656 с.

Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М., 2008. 235 с.

Тельпуховский Б.С. Народная борьба против иноземных захватчиков в Северной войне // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 92–101.

Тельпуховский Б.С. Северная война: 1700–1721: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. 198 с.

Мориц Саксонский. Теория военного искусства; *Кейрнс У.* Военные принципы Наполеона / Перев. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2009. 256 с.

Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: Набеги калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. // Новый исторический вестник. М., 2013. № 4 (38). С. 9–28.

Тепкеев В.Т. Участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 89–95.

Терентьев М. Осталась ли конница тем, чем была? // Военный сборник. СПб., 1865. Т. XLI. С. 271–306.

Томашівський С. Из записок Каролинців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. XCII. Львів, 1909. С. 66–92.

Торопицын И.В. «Без легкой и подвижной конницы... русской армии пришлось бы тяжело»: Участие астраханских (юртовских) татар в боевых действиях против шведов (1700–1721) // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 8–12.

Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: (Историко-статистическое исследование). М., 1960. 565 с.

Устрялов Н.Г. Петр Великий в Жолкве. 1707 г. (Глава из неизданного 5-го тома «Истории царствования Петра Великого») // Древняя и Новая Россия: Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. СПб., 1876. Т. I. С. 5–12.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 (Е–Муж). М., 1986. 672 с.

Филарет (Д.Г. Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1874. 606 с.

Чайковський А.С., Копиленко О.Л. та інші. Хрестоматія з історії держави і права України: Навч. посіб. Київ, 2003. 656 с.

Цапенко М.П. По равнинам Десны и Сейма. М., 1970. 144 с.

Черников С.В. Военная элита России 1700–1725 гг.: Меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ: (1682–1750). М., 2013. С. 45–62.

Чичерин А.К. История лейб-гвардии Преображенского полка: 1683–1883 г. СПб., 1883. Т. I. 598 с.

Чонов Е.Ч. Калмыки в русской армии: XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск, 1912. 73 с.

Чухліб Т.В. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. Київ, 2008. 274 с.

Шендрик Л. Події 1708–1709 років на Полтавщині в контексті Північної війни // Полтавська битва 1709 року в історичній долі України, Росії, Швеції та інших держав: Збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. Харків, 2009. С. 333–344.

Шендрик Л. Участь козацтва Полтавщини у Північній війні та Полтавській битві // Матеріали міжнародної наукової конференції «Іван Мазепа I його доба: історія, культура, національна пам'ять» (15–17 жовтня 2008 р., Київ; Полтава). С. 214–228.

Широкорад А.Б. Северные войны России. М., 2001. 848 с.

Шкваров А.Г. «Христианская орда» против Швеции: Казаки: Религиозный аспект // Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского гос. университета. СПб., 2009. № 2. С. 22–59.

Шкваров А.Г. О проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества на территории прибалтийских провинций Швеции в ходе русско-шведских войн XVIII–XIX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2009. С. 90–109.

Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010. 456 с.

Шкваров А.Г. Северная война (1700–1721): Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки, 2009. 98 с.

Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. 301 с.

Шутой В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII: 1700–1709. М., 1958. 448 с.

Эварницкий Д.И. История запорожских козаков: 1686–1734. СПб., 1897. Т. 3. 646 с.

Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии / Перевод с шведского. М., 1995. 287 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под ред. И.Е. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1892. Т. VIA (12). Винословие–Волан. 473 с.; СПб., 1897. Т. XXIIA (44). Оуэн–Патент о поединках. 500 с.; СПб., 1899. Т. XVIIA (54). Ряпина-Ряское и Россия. 576 с.

Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранать и К°». М., 1917. Т. 11. 409 с.

Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. СПб., 1885. Т. II. Вавилонское царство—Гюнингген. 631 с.; СПб., 1888. Т. III. Давление пара—Иудейские войны. 596 с.

Эрикссон П. Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне // Новая и новейшая история. М., 2009. № 4. С. 8—27.

Эрнрот К. Об охранении и разведывании на войне // Военный сборник. 1875. № 7. Июль. С. 44—45.

Юнаков Н.Л. Северная война: Кампания 1708—1709 гг.: Военные действия на левом берегу Днепра: (Июль—Октябрь 1708) // Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. II. 188 с.

Юнаков Н.Л. Северная война: Кампания 1708—1709 гг.: Военные действия на левом берегу Днепра: (Ноябрь 1708 г. — июль 1709) // Там же. СПб., 1909. Т. IV. 96 с.

Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Київ, 1993. Т. 3. 557 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейка

- [с. 1] Титульный лист рукописи Д.В. Давыдова «Опыт о партизанах». НИОР РГБ. Ф. 68. Собрание рукописей Генерального штаба. Ед. хр. №158.
- [с. 2] Основные структурные элементы способов ведения малой войны в начале XVIII в.
- Организация разведывательно-диверсионной деятельности в русской армии в период Северной войны (1700–1721).
- [с. 3] Стычка Карла X Густава с татарами во время битвы под Варшавой, 29 июня 1656 г. Художник И.Ф. Лембке. 1684. Аукционный дом «Корнерс». Киев, Украина.
- Кавалерийский бой. Художник И.Ф. Лембке. Armémuseum, inv. 123752. Стокгольм, Швеция.
- [с. 4–5] Нападение в узком проходе. Художник Т. ван Кессель. 1656. Rijksmuseum, RP-P-OB-47.685. Амстердам, Нидерланды.
- [с. 6–7] Кавалерийский бой трех всадников. Художник Й. Верхук. Rijksmuseum, RP-P-OB-66.421. Амстердам, Нидерланды.
- [с. 8–9] Поле битвы с кавалерией и пехотинцем. Художник Т. ван Кессель. 1656. Rijksmuseum, RP-P-1911-3667. Амстердам, Нидерланды.
- [с. 10] Кавалерийский бой. Фрагмент картины «Битва под Клишовом 9 июля 1702 г.». Художник неизвестен. 1702. Krigsarkivet, SE/KrA/0426/014/1702:17. Стокгольм, Швеция.
- Палаш кирасирский. Олонецкий завод. 1710. Государственный Эрмитаж. Инв. № 3.О. 6934. Санкт-Петербург, Россия.
- [с. 11] «Тяжкой тучей Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Сшибаясь, рубятся с плеча». Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Полтава». Художник К.И. Рудаков // *Пушкин А.С. Полтава. В иллюстрациях К.И. Рудакова. Л., 1947. С. 18.*

Казаки. Художник А. Иванов. Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск, Россия.

- [с. 12] Стычка запорожцев со шведами. Художник Ю. Брандт. Около 1880. Частная коллекция.

Структура действий казачьей лавы.

- [с. 13] Ожидание в засаде. Художник Э. ван де Велде. 1627. Rijksmuseum, RP-T-1902-A-4608. Амстердам, Нидерланды.

Примеры расстановки сил при проведении засадных операций (Полковая инструкция для войска Донского) // Положение об управлении Донского войска. СПб., 1835. Ч. 2. С. 289–291.

- [с. 14–15] Солдаты грабят деревню. Картина из серии «Страдания и несчастья войны». Художник Ж. Каллот. 1633. Rijksmuseum, RP-P-1911-3667. Амстердам, Нидерланды.

Сгоревшая деревня. Художник А. Эдельфельт. 1879. Галерея “Cygnaeus”, Хельсинки, Финляндия.

- [с. 16] Кавалерия, покидающая горящий город. Художник Д. Маас. The Morgan Library & Museum, I, 160a. Нью-Йорк, США.

- [с. 17] Фуражир. Художник Ю. Брандт. Около 1880. Аукционный дом “Agra Art”. Варшава, Польша.

Опрос местного жителя. Одна из шести гравюр «Военная операция французских и баварских войск при осаде Аугсбурга, 1698 г.». Художник Г.Ф. Ругендас. 1704. Fine Arts Museums of San Francisco, 1963.30.34838. Сан-Франциско, США.

- [с. 18] Кавалерийский бой. Художник Д. Маас. The Morgan Library & Museum, 1983.31. Нью-Йорк, США.

Нападение на фургон. Художник Э. ван де Велде. 1626. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва, Россия.

- [с. 19] Карл XII во главе шведской армии. Фрагмент картины «Атака Карлом XII русской и саксонской армии у Риги 9 июля 1701 г.». Художник неизвестен. 1701. Krigsarkivet, SE/KrA/0426/014/1701:18. Стокгольм, Швеция.

Типичные для начала XVIII в. способы передвижения сторожевых отрядов // Кавалерия: К учебнику для казака: Отд. полев. службы по уставу 1881 г. СПб., 1901. С. 4–6, 18–21.

- [с. 20] Солдат на лошади с женой и ребенком. Художник Я. Хулаарт. После 1728. Rijksmuseum, RP-P-OB-3389. Амстердам, Нидерланды.

- [с. 21] “Partie de l’Ukraine” (карта театра военных действий в Гетманщине). Начало XVIII в. Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (116RES). Париж, Франция.

Обоз шведской армии. Фрагмент картины «Битва под Нарвой. 20 ноября 1700». Художник А. Шлахтер. Krigsarkivet, SE/KrA/0426/013/1700:33. Стокгольм, Швеция.

- [с. 22] Схема размещения противоборствующих армий на зимние квартиры в ноябре 1708 г. (по Д. Джеффрису) // *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. I. С. 32. Приложение № 3.

Действия разведывательного отряда А. Ушакова (ноябрь 1708 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 35. С. 30–31; Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. № 168. С. 216.

- [с. 23] Манифест шведского короля Карла XII о принятии гетмана И. Мазепы и его сподвижников под свою защиту 16. 12. 1708 г. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 114. Л. 1.

Допрос витебского мещанина П.А. Проскурия, посланного для сбора сведений о войсках А.Л. Левенгаупта 17.03.1707 г. Экспонат историко-документальной выставки «Полтавская виктория 27 июня 1709 г.» в Выставочном зале Федеральных архивов. 10 марта – 12 апреля 2009 г.

- [с. 24] Операции противоборствующих армий (27 октября – 15 ноября 1708 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 1.

Рекогносцировка Петром I района боевых действий (ноябрь–декабрь 1708 г.) // *Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого).* М., 2004. Вып. 1. С. 152.

- [с. 25] Операции противоборствующих армий (15 ноября – 1 декабря 1708 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 3.

Разведывательно-диверсионная деятельность корпуса К. Ренне в районе Гадяча. 1708, декабрь. РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. № 2790, 2792, 2825, 2856.

- [с. 26] Бой казаков харьковского полка со шведами около Веприка. Художник А. Шаховцов. Музей истории Полтавской битвы. Полтава, Украина.

Операции противоборствующих армий (1–20 декабря 1708 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 5.

- [с. 27] Операции противоборствующих армий (22 декабря 1708 г. – 8 января 1709 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 6.

Схема размещения сторожевых постов русской армии вдоль реки Мерлы. 1709, январь // *Волынский Н.П.* История Лейб-Гвардии кирасирского Его Величества полка: 1701–1901. СПб., 1902. Т. 1. Кн. 1. С. 74.

- [с. 28] Операции противоборствующих армий (9–18 января 1709 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 7.

- [с. 29] Операции противоборствующих армий (26 января – 18 февраля 1709 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 9.

- [с. 30] Налет корпуса Б.П. Шереметева на Рашевку и Лохвицу (8–18 февраля 1709 г.) // *Юнаков Н.Л.* Северная война. Компания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.) // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. IV. Схема № 10.

Схема распределения сторожевых постов русской армии вдоль реки Псёл. Лето 1709 // Г.С. Волконский А.Д. Меншикову 10. 06. 1709 г. // П и Б. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. К № 3221. С. 937–938.

- [с. 31] Военный совет в деревне Крутой Берег. Художник Е. Любимов. Музей истории Полтавской битвы. Полтава, Украина.

Атака силами диверсионного корпуса К. Генскина местечка Старые Санжары. 1709, июнь // Т. Стрешнев Петру I 24. 06. 1709 г. // ТИРВИО. СПб., 1909. Т. III. № 205. С. 208.

- [с. 32] Расспросная карта верховьев реки Ворсклы с показанием, где и какие именно полки войск Петра Великого квартировали // *Борисов В.Е.* Полтавская битва: 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909. Приложение 9.

Переправа российских войск через реку Ворсклу. Художник Г. Магомедов. Музей истории Полтавской битвы. Полтава, Украина.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза К.К.* 109, 122, 323
Аболдугев И.П. 198
Август II 65, 66, 100, 102, 121, 126, 135, 137
Адариди А. 15, 22, 323
Адлерфельд Г. 55, 85, 89, 120, 155, 230, 231, 236, 238, 240, 293, 309, 315, 321
Азанчевский М.П. 83, 269, 270
Алексеев М. 102
Алексеев Я. 102, 103
Алексеев Л. 236
Алларт Л.-Н. 74, 90, 138, 156, 183, 209, 210, 211, 212, 236, 281, 304, 316
Алфендель Х.О. 246, 269, 270
Альбовский Е.А. 96, 119, 323
Андреев 240
Анисимов Е.В. 17, 22, 23, 144, 323
Анна Иоанновна 231, 316
Анненков Г. 195, 225
Апанович О.М. 180, 323
Апостол Д.П. 190, 202, 203, 204, 230, 234, 256, 270, 275, 289, 309
Апостол-Кигеч Ф.П. 104, 121, 199
Апраксин П.М. 123, 316
Апраксин Ф.М. 83, 110, 113, 121, 145, 331
Арандаренко Н.И. 234, 290, 309, 323
Аргамаков С.В. 190
Аргейм Е.И. 290
Арсеньев Ф.Ф. 68, 88
Артамонов В.А. 7, 19, 23, 86, 118, 121, 134, 140, 145, 146, 250, 265, 270, 272, 281, 307, 323
Артеус Г. 77, 91, 133, 145, 321, 323
Астафьев 170
Аштел 232
Аюка 101
Базарова Т.А. 7, 83, 87, 89, 320, 323
Балашова Ю.П. 90, 324
Балкашин 199
Бантыш-Каменский Д.Н. 85, 120, 183, 316, 317, 324
Барвинский В.А. 234, 324
Бардсевич И.Г. 149
Бардин И.Б. 47
Бартенов Ф.О. 114, 115, 124, 155, 158, 159, 161, 162, 163, 168, 170, 171, 172, 180, 181, 182, 184, 195, 218, 242, 246, 327
Баскаков В.И. 13, 21, 324
Бахметев И.Е. 98, 113
Башмаков 282
Безверхний О. 287, 308, 309, 316
Безенваль Ж.-В. 159, 181, 285
Бекер Л. 308
Белавин Г.С. 170, 284
Беленк 290
Белла Г. 236
Бем В. 246, 247, 270
Беристайн У.Д. 84, 324
Берула И. 105, 121
Бескровный Л.Г. 7, 16, 22, 144, 324
Беспалов А.В. 183, 219, 237, 238, 273, 324
Бессонов В.А. 18, 22, 212, 237, 324
Бирюков С.Н. 180, 324
Блинов И.Я. 190
Блюм К.Г. 252, 253
Бобров Л.А. 111, 122, 123, 324, 330
Бобровский П.О. 7, 87, 269, 316, 324
Бовгиря А. 272, 324
Богданов И.П. 172
Богданович М.И. 20, 324
Богодзяж Н.К. 88, 331
Болобанов 165
Болтин П.Н. 171, 245
Бонч-Бруевич М.Д. 124, 325
Боплан Г.Л. 90, 294, 318, 331
Боргсдорф Э.Ф. 286, 308, 325
Бордуков М.И. 46
Борисов В.Е. 230, 325, 341
Борщ А.А. 21, 325
Боур Р.Х. 44, 45, 65, 66, 88, 93, 112, 114, 115, 116, 124, 150, 151, 179, 181, 182, 193
Боярский В.И. 16, 22, 325
Брак 112
Брандт Ю. 339
Броневской В.Б. 97, 119, 325
Брыль 156
Брюс Я.В. 63, 86, 165, 238, 252, 269
Бутурлин Д.П. 250, 270, 325
Бухвальд Г. 235
Быкович Г. 177
Бычков А.Ф. 146, 319
Вицько Дз.В. 147, 325
Вадбольский В.А. 36
Варнава 216
Васильев А.А. 237, 325
Введенский Г.Э. 85, 325
Вегетий Флавий Ренат 31, 82, 316
Вейде А. 83, 316
Вейе Ф.Х. 276
Вейланд К. 280
Вейсбах И.Б. 171, 247, 333
Велде Э. 339
Великанов В.С. 123, 232, 316, 325
Вельяминов 157
Верден Н.Г. 113
Веревкин М.Л. 88, 316
Верховский А.И. 145, 325
Верхук И. 338
Вершигора П.П. 16, 22, 172, 184, 325
Вестерман А. 166, 183, 315
Ветерани А. 210
Вечерский В.В. 230, 325
Вилья А. 8, 19, 316
Вильбоа Н.П. 114
Вильсон Р. 10
Виттенштейн П.Х. 9, 20
Вишневецкий М. 59, 67
Воейков 249
Возгрин В.Е. 85, 121, 139, 145, 146, 325
Воинов В. 193
Волков М.А. 68, 88, 326
Волконский А.Г. 232, 256, 262, 271, 275
Волконский Г.С. 44, 52, 91, 114, 115, 124, 152, 156, 159, 180, 181, 192, 195, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 221, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 266, 279, 282, 297, 309, 341
Волович М.Д. 144
Волошин С. 239
Волченко О. 199

- Волюнский Н.П. 13, 21, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 94, 118, 122, 123, 229, 240, 316, 326, 341
 Воробьев И.Н. 17, 22, 326
 Воронков В. 14, 21, 326
 Восков И.А. 15
 Востоков А.А. 272, 326
 Врангель Х.В. 221
 Вучи В.И. 7, 20, 57, 58, 64, 81, 85, 86, 87, 88, 326
 Высоцкая Н.Ф. 88, 326
 Вюртемберг-Виннентальский М.Э. 186
 Г.А.Г.Т. 10, 21, 82, 231, 326
 Гадебуш Ф.К. 36
 Газенкамф М.А. 145, 326
 Галаган И.И. 202, 203, 279, 307, 309, 310
 Галенко 254
 Галицкой Д.К. 190
 Галле Ю. 221
 Гамалей А.М. 249
 Гамильтон Х.Ю. 218, 259
 Гарабурда С. 167, 183
 Гассман Х. 158, 181, 320
 Гевара Э. 17, 22, 326
 Гендрик В. 185
 Гениш Я. 267
 Генский Я.Х. 46, 209, 299, 301, 302, 308, 310
 Герасимчук О. 89, 181, 307, 321
 Гербильский 120, 143, 144, 326
 Гермелин О. 189, 230, 315
 Геродот 23, 326
 Герберштейн С. 33, 82, 109, 122, 317
 Гершельман Ф.К. 12, 13, 21, 157, 181, 326
 Гессен-Дармштадтский Ф. 138, 146, 148, 179
 Гизен 310
 Гилленанкар 208
 Гилленкрюк А. 161, 181, 212, 228, 230, 237, 239, 251, 269, 270, 271, 303, 310, 317
 Глебов С.Б. 61
 Глебов Ф.Н. 269
 Глебовский П.С. 44
 Глинка Ф.Н. 9, 20, 319
 Голицын И.И. 101, 114, 120, 122, 124, 125, 143, 144, 231, 239, 271, 326
 Голицын Д.М. 167, 224, 225, 239, 255, 259, 261, 293, 307, 317
 Голицын М.М. 88
 Голицын Н.С. 5, 7, 9, 20, 326
 Головин А.А. 201, 204, 291
 Головин Н.Н. 27, 81, 326
 Головин П.И. 185
 Головин Ф.А. 66, 82, 84, 120
 Головкин Г.И. 84, 89, 104, 117, 126, 128, 162, 164, 167, 168, 169, 179, 180, 182, 183, 219, 224, 234, 238, 250, 255, 259, 261, 282, 296, 299, 307
 Голдильинский П.П. 121, 326
 Гольденберг Л.А. 309, 326
 Гольц Г. 91, 122, 138, 147, 156, 167, 179, 225, 255, 256
 Голянт У.Ф. 72, 112
 Горбов И.С. 46, 47
 Гордиенко К. 260, 261, 275, 289, 293, 300
 Горелик М.В. 109, 122, 326
 Горленко А.Д. 249
 Горленко Д.Л. 101
 Горн Г. 222, 235
 Горновский В. 68
 Горобець С.М. 120, 326
 Горяинов С.М. 231, 303, 308, 310, 317
 Граббе П.Х. 27, 30, 81, 82, 83, 91, 327
 Григорах 225
 Григорьев Б.Н. 19, 23, 138, 146, 180, 327
 Григорьев Р. 295
 Гринченко Б.Д. 185, 327
 Гришин С.В. 84, 334
 Грохваленко С. 199
 Грушевский А. 115, 124, 146, 181, 270, 327
 Гудим-Левкович П. 13, 21, 144, 327
 Гумилевский Д. (Филарет) 225, 232, 239, 255, 270, 273, 293, 309, 336
 Гурский К. 14
 Гусев В.А. 119, 320
 Гусев С.И. 14, 21, 325
 Давыдов Д.В. 9, 20, 35, 49, 82, 84, 95, 187, 196, 230, 232, 315, 317, 327, 338
 Дадоси И. 194
 Далдорф 192
 Даль В.И. 10, 21, 287, 308, 327
 Данилов Е.С. 82, 232, 327
 Данилович П. 87
 Дедют А.М. 54, 57
 Делден В.В. 220
 Денисов 232
 Дериглазова Л.В. 22, 327
 Джеффрис Д. 187, 193, 199, 340
 Долгополов Е.И. 151
 Долгорукий В.В. 138, 146, 253, 256, 260, 271, 275, 292, 299, 302
 Долгорукий В.Л. 127, 146, 183, 219, 238, 250, 282, 299, 307, 310, 319
 Долгорукий Г.Ф. 101, 145, 167, 207, 234, 253, 293, 294, 297, 299, 309, 310
 Драгомиров М.И. 84, 85, 111, 123, 327
 Дробов М.А. 15, 22, 327
 Дуров И.Г. 86, 327
 Дэнгоф С.Э. 144
 Дядиченко В.А. 99, 119, 184, 327
 Елкин Д.Е. 72
 Епанчин И.И. 47
 Есипов Г.Д. 149
 Ефимов Д.И. 20, 327
 Ефремов Д. 231
 Желтухин 278
 Желябужеский И.А. 122, 131, 145, 317
 Животовский Ф. 254
 Жмодиков А.Л. 110, 122, 123, 327
 Жуков 199
 Забела М. 170
 Заболоцкой А.С. 190
 Загряжский А.Г. 217
 Зайцев И.М. 121, 327
 Зализняк 304
 Заозерский А.И. 90, 327
 Заруба В.М. 120, 327
 Зеленский В. 223
 Землянкин Б.И. 190
 Зенбулатов Г.А. 292
 Зильтман Д.Н. 56, 259
 Зинец 279
 Зуев В. 151
 Зыбин М.А. 88
 Зыков А. 27, 81, 327
 Иваненко Г.И. 223, 224, 239
 Иванов А. 160
 Иванов А. 339
 Иванов Е. 276
 Иванов П. 199
 Иванюк С.А. 87, 112, 124, 181, 182, 229, 238, 239, 270, 327, 328
 Иванюк Я.Г. 232, 240, 322, 333

- Игнатенко А.П.* 16, 22, 328
Инфлант Н.Ю. 71, 83, 84, 89, 110, 150, 151, 152, 157, 159, 161, 168, 169, 171, 172, 179, 181, 183, 195, 218, 225, 232, 238
Йоргенсен К. 118, 119, 328
Кагт Л. 199
Казаринов А.И. 222
Калачев Н.В. 239, 317
Калачинский Д. 262
Калинников В. 236
Каллот Ж. 339
Каменский Е.С. 264, 272, 328
Кампель К. 200, 216, 260, 263, 264
Кандыба А. 239, 255, 266, 293
Канифер Г.О. 149, 179
Каратыгин П.А. 14, 22, 328
Каргалов В.В. 33, 74, 82, 89, 90, 328
Карл Х Густав 338
Карл XII 6, 7, 13, 22, 23, 26, 54, 56, 58, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 75, 79, 80, 83, 85, 88, 89, 90, 91, 100, 121, 126, 128, 129, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 154, 155, 157, 158, 159, 163, 166, 167, 169, 170, 173, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 194, 199, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 251, 253, 254, 255, 256, 260, 261, 262, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 276, 280, 281, 285, 288, 289, 290, 293, 295, 296, 298, 301, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 312, 313, 317, 319, 321, 323, 324, 325, 327, 329, 332, 335, 336, 337, 339, 340
Карпушенко С.П. 88, 230, 328
Карташов Г.И. 204, 205, 220, 222, 235, 249, 254
Карцов А.П. 21, 132, 145, 328
Кассель Т. 338
Кафтырев Ф.Ф. 284
Кашелев 255
Квадри В.В. 123, 124, 271, 328
Кейрис У. 86, 335
Келен А.С. 215, 220, 223, 263, 285, 286, 287, 308
Кельх К. 76, 105, 322
Керситов Б. 104
Керсновский А.А. 122, 328
Кикин П.В. 153, 180, 234
Кирхен М.Б. 60, 61, 87, 112, 112
Китицын П.А. 306, 328
Клаузевиц К.Ф. 9, 20, 22, 33, 82, 133, 328
Клембовский В.Н. 12, 14, 21, 39, 83, 115, 124, 328
Ключевский О.В. 73, 90, 328
Ковалевська О.О. 230, 271, 329
Ковбасин (Колбаса) А. 271
Коломб С. 159, 181
Компан О.С. 181, 307, 329
Корин И.Г. 54
Корицкий Р. 262, 263
Корниенко А.М. 19, 23, 329
Корогод Б.Л. 194, 231, 329
Корогод Г.И. 194, 231, 329
Королев В.Н. 259, 271, 329
Корсак Б. 180
Корсунский М. 226
Корчмин В.Д. 44, 137, 146, 179
Косецкий П.Ф. 35
Костомаров Н.И. 162, 167, 180, 182, 183, 235, 239, 264, 272, 329
Кот И. 263
Котовский Г. 182
Кочегаров К.А. 164, 182, 329
Кочуков П.И. 192
Кошман Л. 194
Коэн Я.П. 42
Краниорт 98
Краснов И.И. 85, 329
Крейц К.Г. 171, 189, 190, 219, 228, 241, 242, 244, 245, 247, 248, 249, 258, 269, 299
Крекшин П. 275, 306, 326, 329
Кригер 247
Кришпин 65
Крман Д. 211, 237, 283, 288, 301, 303, 315
Крокош П. 19, 23, 322
Кропотов А.И. 264, 272
Кротов П.А. 7, 82, 87, 119, 131, 145, 214, 237, 273, 306, 317, 323, 329, 333, 336
Круа К.Е. 183
Круз К.Г. 189, 295, 300, 302
Крупицкий Б.Д. 230, 260, 271, 329
Крюков Н. 139
Кудзиевич Л.В. 237, 329
Куждина И.В. 23, 326
Куликова В.Ф. 171, 181, 184, 272, 329
Куракин Б.И. 283, 289, 294, 308, 320
Курганов Н.Г. 286
Курош С. 166, 183, 317
Кусаинова Е.В. 96, 119, 330
Кутейников А. 198, 232
Кутузов М.И. 9, 20, 318
Кутукин Е.К. 190
Кутшеба С. 143, 330
Куц О.Ю. 74, 90, 330
Кучма В.В. 132, 145, 318
Кушкумбаев А.К. 122, 330
Кушников А.И. 249
Лагеркрона А. 154, 155, 161, 180, 192, 200
Лазаревский А.М. 120, 180, 239, 330
Лайдре М.Х. 36, 38, 44, 80, 83, 84, 90, 91, 105, 121, 330
Ламберс К. 252, 253
Ланжерон А.Ф. 110
Лаптев И.Л. 47, 48
Ласковский Ф.Ф. 277, 306, 330
Ласси П.П. 220, 237, 329
Лачинов 181
Лев VI Мудрый 145, 318
Левенгаупт А.Л. 56, 58, 77, 94, 118, 141, 145, 189, 210, 213, 237, 319, 322, 340
Левенец И.П. 234, 263, 265
Левин М. 42
Леер Г.А. 21, 89, 106, 118, 119, 122, 131, 133, 140, 145, 146, 310, 330, 337
Лембе И.Ф. 338
Ленин В.И. 21, 330, 332
Леонтьев М.И. 93
Леонтьев Ф.И. 156
Лещинский С. 46, 54, 65, 66, 100, 104, 126, 127, 128, 137, 166, 224, 225, 242, 254, 260
Лилеев М.И. 176, 185, 330
Линрот 189
Лют Й.М. 211, 221, 238, 315
Лобов В.Н. 85, 330
Лодыженский П. 104
Ломиковский В.Я. 120, 330
Лукиянов Г. 275, 276, 306
Луняк Е. 308, 330
Любецкий 165
Любимов Е. 341
Людвик IV 285
Ляскоронский В.Г. 89, 234, 331

- Маас Д.* 339
Маврикий 50, 84, 132, 145, 318
Маврин Е.Ю. 114, 164, 308
Магомедов Г. 341
Мазепа И.С. 23, 66, 79, 89, 100, 120, 142, 146, 160, 163, 164, 165, 167, 168, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 190, 201, 203, 206, 207, 209, 210, 212, 219, 223, 224, 225, 228, 230, 232, 235, 239, 249, 253, 254, 255, 259, 262, 264, 265, 271, 272, 277, 289, 292, 293, 295, 305, 308, 316, 317, 318, 319, 323, 324, 329, 332, 336
Макаренко Н.Е. 234, 238, 300, 331
Максимов 232
Максимов Л. 102, 105, 121
Малов А.В. 22, 82, 331
Мальонкина О.М. 230, 318
Марбо 122
Маркевич Н.А. 179, 185, 331
Масленицына И.А. 88, 331
Масловский Д.Ф. 13, 21, 78, 85, 91, 118, 121, 122, 123, 146, 187, 230, 231, 232, 233, 268, 318, 331, 340
Масюк Ф.Ю. 196, 232
Матвеев А.А. 130, 179
Матюшкин М.А. 246
Мегорский Б.В. 84, 106, 122, 182, 233, 286, 308, 331
Мейерфельд Ю.А. 217, 235
Мельнов А.В. 87, 110, 122, 331
Меншиков А.Д. 35, 36, 42, 47, 54, 55, 62, 63, 65, 70, 72, 77, 78, 83, 84, 85, 86, 89, 91, 98, 99, 101, 103, 104, 108, 112, 114, 115, 117, 118, 119, 121, 122, 124, 126, 129, 139, 145, 160, 161, 163, 164, 166, 173, 174, 176, 179, 180, 181, 183, 184, 185, 189, 190, 195, 197, 198, 201, 202, 203, 204, 206, 211, 216, 219, 222, 224, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 248, 249, 250, 251, 256, 264, 265, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 276, 277, 278, 282, 283, 285, 286, 287, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 307, 308, 309, 310, 314, 315, 317, 319, 323, 341
Мерзликина О.Г. 121, 331
Меховский М. 89, 331
Мещерский 249
Милорадович М.А. 10
Мирковский А. 253
Миширов А.Г. 121, 331
Михеев С.И. 13, 21, 331
Михневич Н.П. 24, 81, 145, 331
Мищик Ю.А. 146, 318
Мишулин А.В. 23, 332
Мнишек Ю.В. 144
Модзалевский В.Л. 122, 180, 232, 318
Мокиевский К. 239
Мокляк В.О. 272, 332
Молин А. 161, 181
Молтусов В.А. 7, 19, 23, 88, 141, 146, 230, 332
Молчанов Н.Н. 17, 22, 143, 144, 145, 332
Монтекукколи Р. 8, 19, 48, 84, 317
Мончаловский О.А. 144, 183, 332
Морелия А. 47
Морозов С. 14, 21, 326
Мурзенков М.Е. 52
Мусин-Пушкин И.А. 114
Мышлаевский А.З. 86, 107, 122, 145, 146, 306, 307, 318, 332
Мюнних 111
Иякиннин А.А. 40
Наполеон Бонапарт 20, 86, 112, 143, 313, 327, 328, 335
Нащинский К. 174
Неелов Н.Д. 20, 318
Нейман Г. 166, 169, 183
Нильсон Б. 304, 310, 332
Новицкий Н.Д. 20, 332
Новосельский А.А. 74, 90, 332
Новошинский И.К. 123
Нордберг Й. 55, 85, 154, 157, 170, 208, 180, 184, 239, 315
Обидовский М.П. 99
Огильви Г.Б. 52, 85, 130
Огинский Г.А. 66, 102
Ожегов С.И. 89, 332
Оксеншерн Е. 135, 145, 315
Окулов И. 81
Олешев А.Я. 190
Опоченко А. 163, 182
Орлик П. 184, 319
Осипов Ф. 162, 203
Остен-Сакен Д.Е. 92, 118, 332
Острожский Д. 68
Пінчук Я.В. 237, 269, 270, 319
Пабич Л. 19, 23, 322
Павлович М. 118, 119, 328
Павленко Н.И. 17, 22, 125, 143, 144, 332
Павленко С.О. 120, 184, 234, 235, 239, 319, 332
Павлов Я.С. 21, 332
Паллий С. 127, 225
Палли Х.Э. 76, 90, 232, 332
Панов В.А. 15, 22, 145, 332
Панчулидзе С.А. 237, 319
Пашенко Г. 14
Пашкевич У.І. 87, 332
Пашковский Г. 99
Пекарский П.П. 143, 333
Пенской В.В. 22, 52, 85, 90, 122, 333
Перевалов С.М. 23, 333
Перлестам М. 19, 23, 86, 322
Перри Д. 103, 121, 319
Петр I (Великий) 6, 7, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 24, 31, 33, 40, 41, 42, 44, 55, 59, 60, 61, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 74, 76, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 108, 110, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 172, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 188, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 204, 208, 215, 216, 219, 220, 222, 223, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 247, 249, 251, 253, 255, 258, 259, 260, 261, 262, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 279, 280, 283, 285, 287, 294, 295, 298, 299, 301, 302, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 326, 327, 328, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 340, 341
Петре Р. 212, 269, 287, 296, 308, 316, 319
Петров И. 185
Петрово-Соловово А.К. 67
Петровский А.С. 60, 101, 120
Петрухинцев Н.Н. 269, 333
Пилстром А. 166
Пипер К. 137, 142
Пирятинский С. 198, 233
Плехе П.А. 118, 122, 332
Погода Ю.А. 232, 333
Пондберский 65
Подсоблюев Е.Ф. 145, 333
Поздеев Л. 98,
Покатило 232
Полуботок П. 70, 89
Полушков М.Я.

- Понятовский С. 167, 192, 231, 289, 303, 317
 Попов А.И. 18, 22, 333
 Попов В.М. 81, 333
 Попович И. 289, 308
 Поповский П.Я. 333
 Портнов А.М. 122, 333
 Посухов В. 86, 333
 Потоцкий 66, 67
 Потто В.А. 84, 146, 333
 Поцей Л.К. 144
 Прозоровский А.А. 20, 320
 Прокопенко Н. 235, 320
 Прокопович Ф. 82, 152, 181, 183, 310, 320
 Проневич Т. 236
 Пронштейн А.П. 90, 98, 119, 333
 Проскурия П.А. 340
 Протасьев А.Ф. 57
 Пугачев Е. 18
 Пудавов М.В. 309, 333
 Пузанов В.В. 123, 333
 Пузыревский А.К. 87, 118, 333
 Пулькин М.В. 41, 84, 334
 Пушкин А.С. 338
 Пушкинов А.Р. 190
 Пфлуг Г.К. 77, 78
 Рабинович М.Д. 40, 83, 320
 Радзивилл К.С. 67, 88, 167, 183, 326, 331
 Разин С. 18, 90
 Райс Р. 118, 119, 328
 Ракоци Ф. 128
 Рейтенфальс Я. 19, 23, 320
 Рейтерштиерн 208
 Рекунон М. 104
 Ренне К.Э. 36, 41, 42, 47, 54, 55, 63, 68, 76, 83, 84, 115, 124, 137, 157, 168, 169, 189, 197, 198, 199, 200, 204, 207, 211, 215, 216, 217, 218, 220, 226, 227, 232, 235, 237, 238, 243, 261, 263, 264, 265, 271, 283, 299, 302, 340
 Ренцель С. 156
 Реншильд К.Г. 134, 136, 269
 Репевской В.Н. 190
 Репнин А.И. 86, 138, 146, 200, 233, 269, 285, 298, 299
 Ризельман А.И. 189, 202, 203, 207, 230, 234, 236, 320
 Рислинг Ш. 217, 222, 238
 Рожнов Г. 63, 300, 301, 308, 310
 Розенгейм М.П. 37, 83, 334
 Ромодановский М.Г. 40
 Роос К.Г. 229
 Ропп Х.Х. 240
 Россолода И. 259
 Рубин В.А. 122, 334
 Ругендас Г.Ф. 339
 Рудаков К.И. 338
 Рудской Г. 167
 Румянцев А.И. 114
 Румянцев А.С. 279
 Румянцев-Задунайский П.А. 102
 Рыбалко Н.В. 7
 Рябцев В.В. 120, 326
 Савелов П.Т. 245, 285
 Савицкий М. 236
 Савойский Е. 128
 Саксонский Мориз 60, 86, 92, 335
 Салтыков П.С. 180, 252
 Салтыков С. 110
 Самусь С. 239, 225
 Сапожников А.И. 22, 334
 Свечин А.А. 15, 16, 22, 145, 334
 Свинхувуд 296
 Селивачев И.Ф. 54
 Семененко К. 232, 233, 236
 Семенов А. 267
 Сень Д.В. 74, 90, 334
 Сениянский А.Н. 140, 144
 Ситрот Г.Х. 218, 296
 Силевич Т.П. 110, 122, 154
 Симонян Р.Г. 84, 334
 Синицкий К.К. 46, 60, 66, 88, 117
 Скородумов А.Д. 66
 Скоропадский И.И. 154, 180, 202, 224, 225, 226, 234, 239, 242, 244, 253, 256, 265, 266, 269, 283, 296, 297, 299, 302, 307, 310, 319
 Скотт К. 118, 119, 328
 Скрипник Л.В. 281, 307, 334
 Слабченко М.Е. 162, 182, 185, 334
 Слюсарський А.Г. 269, 334
 Сморгжевских-Смирнова М.А. 180, 334
 Снегирев В.Л. 82, 90, 334
 Снитка 304
 Собеский Я.Л. 128
 Соймонов Ф.И. 74, 90, 139, 146, 320
 Сокирко О. 19, 23, 233, 271, 334
 Соколовский М. 271, 334
 Соловьев Вл. 5
 Соловьев С.М. 144, 145, 334
 Сороколетов Ф.П. 20, 82, 83, 335
 Спарре А. 219
 Сперлинг 75
 Сталаммар И. 56
 Сталаммар С. 56
 Смепуст Э. 219
 Стенбок М. 135, 136, 137, 145, 146, 315
 Степанин А. 198
 Степанович Ф. 99
 Стилле А. 85, 102, 121, 146, 180, 221, 226, 228, 232, 236, 238, 239, 240, 272, 293, 304, 309, 310, 335
 Стрешнев Т.Н. 94, 118, 310, 341
 Строков А.А. 16, 22, 143, 147, 335
 Судненко М.О. 271, 273, 306, 307, 309, 320
 Суляк С.Г. 121, 335
 Сурта Т.Р. 85, 61, 318
 Сухой В. 174
 Сухолит Н. 142, 146, 335
 Сухотин Д.К. 156
 Сухотин Н.Н. 7, 82, 145, 335
 Сшичь 65
 Сытин Я.Г. 44, 45
 Танский А. 197, 233
 Таранеўскі В.У. 88, 335
 Тарле Е.В. 16, 22, 85, 125, 143, 144, 176, 179, 185, 335
 Татарников К.В. 82, 111, 123, 151, 230, 319, 335
 Тельпуховский Б.С. 16, 22, 184, 208, 236, 335
 Тепкеев В.Т. 120, 309, 332
 Терентьев М. 118, 335
 Томара С.И. 176, 185
 Томашиўський С.Т. 146, 232, 306, 307, 335
 Торопыцын И.В. 123, 335
 Торси Ж.Б. 52
 Трейден Т.И. 76
 Трубецкой И.Ю. 39, 83
 Трубницкий Ю. 85, 61, 318
 Туркулец Г.И. 121
 Тутринович Х. 121
 Тюменев И.А. 204
 Тютчев Н.Н. 217

- Уитворт Ч. 126, 128, 144, 193, 231, 234, 256, 267, 273, 317
 Украинцев Е.И. 128
 Улашин Я. 142, 146, 167, 183
 Ульрика Элеонора 247, 269
Урланис Б.Ц. 213, 237, 335
Устрялов Н.Г. 85, 91, 119, 144, 321, 326
 Ушаков А.И. 42, 114, 124, 139, 153, 159, 161, 168, 184, 188, 194, 195, 200, 209, 210, 215, 218, 219, 221, 226, 230, 231, 233, 236, 237, 238, 239, 242, 258, 271, 293, 294, 297, 310, 327, 340
Філіпова Г.В. 230, 318
Фасмер М. 20, 336
 Фастман Ф.И. 71, 210
 Фелейгейм 184
 Философов Л.М. 62
 Флюк 78, 209
Фомина Е.А. 122, 334
 Фон-Грисгейм 145, 330
 Форстенсон А. 206, 235
 Францишек Я. 178
 Фридрих Великий 95, 131, 132
 Фролов М. 97, 98, 278
 Хведков (Федковский) 271, 309, 310
Хлебников 231, 333
 Хоментовский С. 144
 Храновский Я. 167, 183
Хулаарт Я. 339
Цапенко М.П. 234, 336
 Цедергельм Й. 52, 85, 140, 315
Цедлер И.Г. 285
Циганок О.М. 239, 319
 Цинцендорф Ф.Л. 138, 177
 Чамберс И.И. 114
 Ченслер Р. 52
 Черендаш 110
 Черендундук 110
 Череня Л. 101, 120
Черников С.В. 273, 336
 Чернышев Г.П. 164, 171
 Чертов П.В. 39
 Чесноков 153
 Чечель Д.В. 99, 232
 Чириков М. 107
Чичерин А. 270, 336
Чонов Е.Ч. 102, 120, 121, 336
 Чуйкевич В.Н. 277
Чухлиб Т.В. 19, 23, 184, 336
 Чучин (Чужин, Чуга) В. 271
 Шамбург О.Р. 222, 229
 Шаняевский К.Ф. 144
 Шарф А.В. 72, 278
 Шафиров П.П. 84, 89, 118, 119, 320, 321
Шаховцов А. 340
Шведова Н.Ю. 89, 332
 Швелинг Я. 257
 Шембек С. 129, 144
Шендрик Л.К. 19, 23, 272, 336
 Шенстрем П. 159
 Шереметев Б.П. 41, 45, 54, 63, 65, 66, 68, 74, 75, 76, 77, 78, 83, 84, 85, 86, 90, 97, 99, 100, 104, 108, 111, 113, 119, 122, 126, 144, 150, 156, 162, 165, 167, 169, 171, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 189, 190, 201, 231, 234, 235, 236, 238, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 253, 254, 255, 256, 258, 259, 260, 266, 268, 269, 270, 271, 273, 275, 279, 280, 282, 283, 285, 294, 296, 306, 307, 308, 316, 319, 327, 341
 Шереметев М.Б. 108
 Шетнев И.И. 232
 Шидловский Л.И. 200, 232, 233, 305
Шидловский С.И. 233, 321
 Шидловский Ф.В. 203, 205, 231, 233, 234, 235, 236
Широкоград А.Б. 272, 336
Шкаров А.Г. 97, 119, 336
Шлахтер А. 340
 Шлиппенбах В.А. 98
 Шмидт 93
Шмитт К. 9, 20, 336
 Шнаев И.К. 62, 87
Шнайд Ф. 118, 119, 328
 Шперлинг К.О. 216
 Шпигель 66
Шпиленко Д.П. 123, 321
 Шрейтенфельт 232
 Штаф 84, 197, 233
 Шуйский К. 68
 Шульга Л. 99
 Шульц 103
 Шульц С. 135
 Шумской А.П. 190
Шуттой В.Е. 16, 22, 177, 178, 185, 211, 233, 236, 239, 270, 307, 308, 310, 321, 336
 Шютте К.Г. 80
 Щепотев М.И. 32, 36, 82
 Щербаков 246
Эварницкий Д.И. 239, 259, 272, 321, 336, 337
Эдельфельт А. 339
Энглунд П. 18, 22, 107, 122, 289, 305, 308, 309, 310, 322, 336
Эрикссон П. 310, 337
Эрирот К.Г. 82, 337
 Юлленшерна Н. 175, 184, 211, 315
 Юль Ю. 102, 121, 317
Юнаков Н.Л. 82, 181, 230, 234, 284, 308, 310, 337, 340, 341
 Юренев 47
 Юрлов С.Я. 300
 Юсуп 216, 232, 237
 Яворский Стефан 152, 184, 319
 Ягужинский П.И. 114
 Якимов Р. 163, 164, 182
 Яковлев П.И. 40, 42, 83, 89, 229, 277, 278, 279, 282, 291, 292, 293, 307, 309, 316
 Яковлев, майор 78

Åberg A. 237, 308, 321
Baracz S. 143, 321
Björkander T. 85, 236, 321
Carlson E. 146, 269, 315
Czolowski A. 89, 322
Ewald J. 19, 322
Fassmann D. 244, 251, 269, 270, 315
Feldman J. 143, 147, 322
Grandmaison le Roy de, Th.-A. 19, 322
Grimberg C. 199, 211, 233, 236, 322
Heuser B. 20, 322
Kamiński A. 144, 322
Larsdotter A. 166, 183, 322
Löjtnanten Grefve C.H.P. 90, 315
Osiński M. 143, 322
Orwinowski E. 88, 121, 322
Pain S. 236, 322
Poraziński J. 145, 322
Siltmann D.N. 56, 238, 259, 271, 309, 315
Skworoda P. 144, 323
Valentini G.-W. 19, 323
Weyland C.G. 307, 323

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ANK – Archiwum Narodowe w Krakowie

ЕАА – Rahvusarhiiv, Tartu

ІР НБУ – Інститут рукопису. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського

KrA – Krigsarkivet, Stockholm

LVVA – Latvijas Valsts vestures arhivsvijas

PAN BK – Polska Akademia Nauk: Biblioteka Kórnicka

Архив ВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГАВО – Государственный архив Воронежской области

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

П и Б – Письма и бумаги Императора Петра Великого

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РС НИА СПб ИИ РАН – Русская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества

ТИРВИО – Труды Императорского русского военно-исторического общества

ЦДІАК – Центральний державний історичний архів України, Київ

ЧИОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

SUMMARY

For a long time, the small war was one of the main methods of conducting military operations by the armed forces first of the Moscow and then the Russian state. Unlike the decisive battles and large-scale battles, a small war meant conducting reconnaissance and sabotage activities by the forces of small mobile units that exerted all pressure on the enemy, the goal which was to exhaust the enemy as much as possible before the transition to an open fighting confrontation.

The use of strategic and tactical methods of small war by the Russian army in the Poltava period of the Northern War (autumn 1708 – summer 1709) led to a successful result in the field near Poltava, and the victory of June 27, 1709 was a turning point in the whole confrontation with the royal troops of Sweden.

Having played an important role in the development of the methods of conducting combat in the early 18th century, the small war had a significant influence on the formation of military art in general. Its tactical methods are now used in the military intelligence of the Russian army and other countries of the world. With the general trend of transition from large-scale wars to local conflicts, the experience of a small war of the past will always be in demand.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава 1

Понятие «малая война» в отечественной историографии	8
---	---

Глава 2

Цели и задачи малой войны в начале XVIII века	24
---	----

Содержание и тактика малой войны	28
--	----

Разведывательные действия	29
---------------------------------	----

Рекогносцировка	31
-----------------------	----

Сторожевая служба	33
-------------------------	----

Поиск	35
-------------	----

Наблюдение (шпионство)	38
------------------------------	----

Инженерная разведка	43
---------------------------	----

Разведка боем	45
---------------------	----

Контрразведка	47
---------------------	----

Диверсионные действия	48
-----------------------------	----

Засады	50
--------------	----

Налет	52
-------------	----

Нападение на транспорты (обозы) противника	56
--	----

Фуражировка	58
-------------------	----

Диверсии против наземных коммуникаций (дорог, мостов и т. д.)	70
---	----

Рейды (набеги)	72
----------------------	----

Одиночные диверсанты	79
----------------------------	----

Партизанское движение местного населения	80
--	----

Глава 3

Кавалерия как основной род войск для ведения малой войны	92
--	----

Иррегулярная конница русской армии в операциях малой войны	95
--	----

Правила ведения боя петровской регулярной и иррегулярной конницы	106
--	-----

Задачи, выполняемые разведывательно-диверсионным отрядом	112
--	-----

Глава 4

«Жолкевский» стратегический план русского командования	125
--	-----

«Жолкевское сидение» (декабрь 1706 — апрель 1708)	125
---	-----

Продовольствие и фураж противника как приоритетная цель атаки русской армии	132
--	-----

Осуществление «жолкевского» плана русской армией до начала Полтавского периода	137
---	-----

Глава 5

Малая война во время осеннего наступления армии Карла XII

в Северскую Украину (конец сентября – 18 ноября 1708)	148
Подготовительные мероприятия русского командования на границах Российского государства (август – сентябрь 1708)	148
Малая война в Северной Украине (сентябрь – октябрь 1708)	154
«Жолкевская» стратегия в Левобережной Украине	158
Захват русской армией ключевых объектов в Северной Украине (октябрь 1708)	168
Диверсионная операция против резиденции И.С. Мазепы в Батурине (октябрь 1708)	173

Глава 6

Ведение малой войны во время расположения враждующих армий на зимних квартирах в Левобережной Украине (конец ноября 1708 – март 1709)

Начальный этап зимней кампании Полтавского периода (ноябрь – середина декабря 1708)	186
Базы разведывательно-диверсионной деятельности русской армии (декабрь 1708 – январь 1709)	195
<i>Веприк</i>	196
<i>Сорочинцы</i>	200
Проблемы с продовольствием в лагере шведской армии	205
Малая война в Роменском и Гадячском квартирных районах (середина декабря 1708)	208
Контрмеры шведской армии по противодействию разведывательно- диверсионной деятельности русской армии (январь 1709)	215
Организация разведки русской армией на границах театра военных действий в Гетманщине	223
Поход войска Карла XII в Слободскую Украину	225

Глава 7

Методика ведения малой войны русской армии весной 1709 года	241
Разведывательно-диверсионный рейд корпуса Б.П. Шереметева (февраль 1709)	241
Разведывательно-диверсионные действия корпуса А.Д. Меншикова (февраль 1709)	250
Активизация действий корпуса Б.П. Шереметева (март 1709)	255
Малая война русской армии в борьбе с изменническими настроениями среди запорожского казачества	259
Подготовка русской армии к решающему этапу Полтавского периода	266

Глава 8

Ведение малой войны в период подготовки к генеральному сражению под Полтавой (апрель – 27 июня 1709)

Разведывательно-диверсионная деятельность русской армии на этапе подготовки к летней кампании 1709 года	274
--	-----

Рейд корпуса П.И. Яковлева против запорожцев в Среднее Поднепровье	277
Организация разведывательно-диверсионной деятельности русской армии во время осады Полтавской крепости (май 1709)	283
Малая война русской армии накануне генерального сражения под Полтавой 27 июня 1709 года	296
Заключение	311
Источники и литература	314
Источники	314
<i>Архивные</i>	314
<i>Опубликованные</i>	315
Литература	321
Список иллюстраций	338
Указатель имен	342
Список сокращений	346
Summary	346

ИВАНЮК
Сергей Александрович

**Малая война русской армии в период подготовки
Полтавского сражения**

Научное издание

На обложке: Кавалерия, покидающая горящий город. Художник Д. Маас

Подписано в печать 05.11.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Объем 22 п. л. + вклейка 2 п.л. Уч.-изд. л. 26,53. Тираж 500 экз.
Заказ № 2752

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
е-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38